

*'Aaron Dembski-Bowden is
heretically good.'*

Dan Abnett

WARHAMMER
40,000

THE EMPEROR'S GIFT

New York Times bestselling author
AARON DEMBSKI-BOWDEN

Annotation

Серые Рыцари --- это все, что есть у человечества, чтобы противопоставить могуществу Хаоса. Основанный в глубокой тайне, этот орден Agentus Astartes берет начало в сумных временах Ереси Хоруса. Военная палата Инквизиции, легендарные десантники-демоноборцы идут в самый ад --- и еще дальше --- в погоню за своими сверхъестественными врагами. Выдержав интенсивную психологическую обработку, которую новобранцы ордена проходят в секретной крепости на Титане, эти супервоины вступают в братство, способное противостоять губительным Силам. На планете Армагеддон Серым Рыцарям предстоит вновь доказать это.

- [Аарон Делбски-Богден](#)
 -
 - [Предисловие автора](#)
 - [Действующие лица](#)

- Пролог
- Часть первая
 - Глава первая
 - Глава вторая
 - Глава третья
 - Глава четвертая
 - Глава пятая
 - Глава шестая
 - Глава седьмая
 - Глава восьмая
 - Глава девятая
 - Глава десятая
 - Глава одиннадцатая
 - Глава двенадцатая
 - Глава тринадцатая
- Часть вторая
 - Глава четырнадцатая
 - Глава пятнадцатая
 - Глава шестнадцатая
 - Глава семнадцатая
 - Глава восемнадцатая
 - Глава девятнадцатая
 - Глава двадцатая
 - Глава двадцать первая
 - Глава двадцать вторая
 - Глава двадцать третья

- [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Глава X](#)
 - [Благодарности](#)
-

Аарон Дембски-Боуген ДАР ИМПЕРАТОРА

Анне Дембски-Боуген,
Эмбер Макнилл, Бену Вендигу,
Синсли Лейтеру и Генри
Френчу. Дети... Дети повсюду.

Несокрушимый щит
против близящейся тьмы,
Последний клинок,
выкованный для боя с судьбой.

Пусть они станут
наследием для покоренной
Галактики

И моим последним даром
для вида, который я подвел.

Нагпись на Аркус
Демоника,
приписывается
Императору
Человечества

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он -- Повелитель Человечества и властелин триадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он -- полутруп, неуповимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии и ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. Упоэтому Владыка Империи никогда не утирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат -- Агентус Астартес, костические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию.

Имперская Гвардия и бесчисленные Силы
Планетарной Обороны, вечно бдительная
Инквизиция и техножрецы Агентус
Механикус. Но, несмотря на все старания,
их сил едва хватает, чтобы сдерживать
вечную угрозу со стороны ксеносов,
еретиков, мутантов. И много более
опасных врагов.

Быть человеком в такое время ---
значит быть одним из миллиардов. Это
значит жить при самом жестоком и
кровавом режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда
не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных
прогрессом, о взаимопонимании, ибо во
траке будущего есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие, да стех жаждущих богов.

Предисловие автора

«Дар Императора» не та книга, которую я собирался писать. Это не та книга, которую я распланировал от и до, и не та книга, которую я обещал передать редактору. Обычно это не такая уж большая проблема. Я никогда не цеплялся за наброски. В этом же случае я решил перечеркнуть уже написанное и начать все сначала.

Позвольте объяснить. Новая редакция кодекса «Серые Рыцари» обрушилась как снег на голову прямо на середине книги, обновив их канон и внезапно превратив многое из написанного мною в старье. Поначалу я хотел повесть историю, которая привела к Первой войне за Армагеддон. Это знаковое событие во вселенной Warhammer 40 000, и оно заслуживает того, чтобы его раскрыли подробнее. Но чем больше я копался в архивах, тем сильнее понимал, что в конечном итоге роль, которую сыграли в нем Серые Рыцари, была не столь

существенна. Они внесли очень незначительный вклад в саму войну за исключением последнего удара.

(Для справки: персонаж по имени Аврелиан никак не связан с другим моим произведением. Я бы предпочел не повторяться подобным образом, но имя уже стало неотъемлемой частью канона Серых Рыцарей, и мне не хотелось его менять.)

Когда срок сдачи «Дара Императора» становился все ближе и ближе — а затем исчез позади знакомым пятном — до меня дошло, что я уже рассказываю историю не о том, как разгоралась Первая война за Армагеддон. Я рассказываю историю о том, что произошло до нее и что случилось после.

Конечно, на этих страницах нашлось место и Первой войне. Это поворотный момент для персонажей романа, хоть и не кульминация истории. Не покупайте книгу в ожидании, что этот роман о Первой войне. Ее тут нет. Первая война не была войной Серых Рыцарей, лавры победителей принадлежат героям Армагеддона и в

особенности одному довольно известному ордену Agentus Астармес, который любит бегать стоями и вить на луну.

Итак, эта история не о том. Возможно, со временем поведают и их историю. Здесь же повествуется о юном воине, облаченном в доспехи столь же древние, как самые темные секреты человечества, который стал частью гордого и почетного рыцарского ордена. Более того, здесь повествуется о том, как он оказался в достойнейшем отделе побратимов и принял участие в самой позорной битве из всех, в которых сражались Серые Рыцари.

Как я уже сказал, «Дар Императора» не та книга, которую я собирался писать. Это не та книга, которую я распланировал от и до, и не та книга, которую я обещал передать редактору. Теперь я этому рад, но тогда мне было довольно страшно. Я начал писать об одном, затем перечеркнул целую книгу и принялся писать с совершенно иной точки зрения.

Итак, что же получилось?

На этот вопрос ответить довольно-

таки легко. После тщательного изучения канона закованных в серое сынов Тимана могу сказать, что «Дар Императора» именно та история, которую мне хотелось поведать.

Засим заканчиваю свое самовлюбленное авторское предисловие.

Решать предстоит вам.

Действующие лица

АКСИУМ	---	эксекютор-примарис
Agentys	Астармес,	Паллагийский
Катафракт		
АННИКА	ЯРЛСДОТТИР	---
инквизитор, Орго Маллеус		
БРАНД ХРИПЛАЯ ГЛОТКА	---	
Волчий страж оргена Костических Волков		
Agentys Астармес		
ВАСИЛЛА	ТЕРЕС	--- агент
Инквизиции, сестра оргена Скрыттуры		
ВАУРМАНД	--- Серый Рыцарь,	
гросстейстер Третьего братства		
ГАЛЕО	--- Серый Рыцарь, юстикар	
отделения Кастуан		
ГАРВЕН	МЕРРИК	--- агент
Инквизиции, бывший силовик		
ГЕСМЕЙ	КИНАРОС	--- лорд
инквизитор, нейтральный		
ГУНЕРУОН	--- Серый Рыцарь, воин	
пирокинетик отделения Кастуан		
ГРАУВР	--- костический десантник	
оргена Костических Волков Agentys		
Астармес		

ДУМЕНУДОН --- Серый Рыцарь, воин
отделения Кастуана

ЎОРОС --- Серый Рыцарь,
гроссмейстер Восьмого братства

КЕЛМАН --- инквизитор

ЛОГАН ГРИМНАР --- Великий Волк,
Верховный лорд Фенриса и магистр ордена
Космических Волков Агентус Астартес

МАЛХАДУИЛ --- Серый Рыцарь, воин-
телекинетик отделения Кастуан, брат-
близнец Сотуса

НАДУОН --- Серый Рыцарь,
апотекарий Восьмого братства

РИМУР **КЛОВОН** --- агент
Инквизиции, бывший предводитель
еретического культа Медноязыких

СОСА КХАТАН --- агент Инквизиции,
бывшая рядовая 73-го полка Аттильской
дивизии кавалерии

СОТУС --- Серый Рыцарь, воин
отделения Кастуан, брат-близнец
Малхадуила

ТАЛЬВИН **КАСТОР** ---
жизнеобязанный капитан боевого корабля
Серых Рыцарей «Карабела»

ТАРЕМАР АВРЕЛУАН --- Золотой,

Серый Рыцарь, брат-капитан Третьего
братства

ТОРКРИТ --- Серый Рыцарь,
прогностикар Абзүриүма

ФРЕДЕРИК ДАРФОРД --- агент
Инквизиции, бывший лейтенант и снайпер
151-го пехотного полка Мордуанской
Железной Гвардии

ХАРУЛ --- инквизитор

ЭНЦЕЛАД --- Серый Рыцарь,
сенулькар Полей Мертвых

Пролог

ПРОВУЖДЕНИЕ

1

--- Я не знаю.

Всю его жизнь можно было свести к трем этим словам. То немногое, что он о ней помнил.

--- Я не знаю, --- отвечал он голосом всякий раз, когда они задавали одни и те же вопросы. Они никогда не спрашивали ни о чем другом.

Как тебя зовут?

--- Я не знаю.

Какой сейчас год?

--- Я не знаю.

Затем наступал перерыв ровно на шесть секунд. Он мысленно отсчитывал удары сердца. Иногда, если вопросы приходили с опозданием, сердечный ритм учащался, и он сбивался со счета. Вопросы не прекращались. Голоса спрашивали снова

и снова.

Как тебя зовут? --- доносилось из
тупика. Это был тужской голос, но не всегда
одинаково и тот же.

--- Я не знаю, --- говорил он в пустоту.
Его слова не раздавались эхом. Чернота
словно поглощала их без остатка. Он не
видел даже вытянутой перед собой руки.
Как бы широко он ни раскрывал глаза, ему
ровным счетом ничего не удавалось
разглядеть.

Какой сейчас год?

--- Я не знаю.

Часто во время расспросов он
прижимал костяшки пальцев к закрытым
глазам, чтобы хоть яркие остаточные
следы на сетчатке расцветили
непроглядную тьму.

Безуспешно. Так он понял, что ослеп.

Он не знал, сколько прошло времени,
прежде чем что-то изменилось, но это

авно случилось: сначала вопрос, а после и ответ.

Его «день», ничем не отличный от предыдущего, начался, едва он открыл глаза. Как обычно, он не мог покинуть пределы крошечного пространства, которое считал своей камерой. Всякий раз после пробуждения он проводил рuckами по тому, что на ощупь казалось холодным, обезличенным камнем. На вкус камень был соленым, и от него пахло кровью. Двери нигде не было.

Как тебя зовут? --- требовательно спросил тужской голос. Сегодня он был низким и агрессивным. Почти злым.

--- Я не знаю.

Какой сейчас год?

--- Я не знаю.

Ему стало интересно, какое же ужасное преступление он совершил. Возможно, это наказание. Разве в этом не было смысла? Подобная мысль приходила ему в голову не впервые, она часто скользила в его сознании, вызывая новые бесплодные и безответные размышления.

Конечно, прежде он неоднократно

пытался расспрашивать голоса. И довольно быстро понял, что те не отличались дружелюбностью. Они спрашивали, но сами никогда не отвечали.

Как тебя зовут?

Он вздохнул и подполз к тонкому покрывалу, которое считал своей кроватью. В непроглядном мраке он накинул его на плечи, но грожь не прошла.

--- Я не знаю.

Какой сейчас год?

--- Я не знаю.

Он проголодался, что немало его удивило. Он довольно редко просыпался с чувством голода. Хотя ему и не удалось припомнить, чтобы он ел или пил после своего первого пробуждения здесь, он знал, что его кормят. Единственное, что он ощущал, это покалывание от крупинки соли, слизанных со стен, поэтому подозревал, что его жизнь поддерживали внутривенным способом, когда он пребывал в забытии. Всякий раз после пробуждения на руках зудели крошечные точечки укулов.

Он прощупал их по всей длине рук до

металлических гнездна запястьях.

Как тебя зовут?

Сначала он отвечал по-другому. Он злился на невидимые голоса, требовал от них ответов и настаивал на том, что ему здесь не место. Последние слова всегда казались не просто пустым звуком, поскольку он понятия не имел, должен ли вообще здесь находиться. Он часто задавался вопросом, а не заслуживает ли того, чтобы находиться здесь. Возможно, и заслуживает. Возможно, он — убийца.

Такие мысли не вызывали у него чувства вины, ведь он не помнил своей жизни вне этих стен. Наказание переносится легко, когда человек не может вспомнить своего преступления.

Со временем все превратилось в обыденную рутину. Он больше не выдумывал себе имен и не выплевывал бессмысленные звуки, отбросил угрюмое молчание и в равной степени безрезультатные расспросы. Они причиняли ему боль каждый раз, когда он говорил что-либо, кроме правды.

— Я не знаю.

Какой сейчас год?

--- Я не знаю.

Он не мог взять в толк, как именно они это делают, но боль вспыхивала в голове и уже оттуда разливалась по всему телу. Тупая пульсация появлялась позади глаз и резонировала в ушах и нёбе, пробиралась по позвоночнику. В последний раз ему удалось продержаться до момента, пока не стало казаться, будто горят пальцы. Тогда боль потекла вниз по торсу, охватив половину тела.

Боль прививала честность. С того времени он говорил правду. Говорил ее неизменно.

Как тебя зовут?..

Умрет ли он здесь? Как долго ему осталось жить? Эти мысли терзали его с куда большей силой, чем любая вина. Чувствовать, что даже собственная плоть не может поточь ему с разгадкой. Он ничего не видел, поэтому ему оставалось только гадать. Несмотря на то, что он не ощущал дряблой кожи, шрамов или глубоких морщин, его плоть слишком плотно обтягивала кости. Это с равным

успехом могло свидетельствовать как о
преклонных годах, так и о недоедании. Он
понятия не имел, что именно было тому
причиной.

Ему казалось ужасным не знать даже
своего возраста, почему-то это казалось
ему еще более странным, чем не помнить
своего имени или преступления, за которое
его посадили в камеру.

Как тебя зовут? — голос на этот раз
зарычал.

Вопрос повторили? Он пропустил
положенный ответ? В голове, словно
вторичное сердцебиение, вспыхнула боль,
запульсировала в синусах и нежной ткани,
соединявшей глаза с мозгом. Ему пришлось
сплюнуть, чтобы очистить рот от
внезапно набежавшей слюны.

Возможно, они убьют его, если он
прекратит отвечать. В самом начале он
уже пытался покончить с собой подобным
образом, но боль всегда одерживала верх,
заставляя его рыдать и тяжело дышать,
но каждый раз говорить правду.

Как тебя зовут?

Он поднял недвижные глаза, уже

начиная чувствовать дрожь в пальцах, когда боль покалывающим огнем добралась до челюсти. С его влажных губ сорвался хрип, который можно было бы принять за смех. Он почувствовал, что улыбается, ощутил на лице желанное тепло слез. Возможно, вот так и сходят с ума. Возможно, он безумен уже многие месяцы.

Как тебя зовут?

Его щеки разболелись — как из-за усиливающегося наказания, так и от улыбки. Все это не должно было казаться смешным, но почему-то казалось. В определенной степени так и было. Что же он такого натворил, чтобы очутиться здесь? Наверное, что-то плохое. Что-то действительно по-настоящему плохое.

А может, он был для них важен? Может, он знал нечто, что они хотели вырвать из его черепа? Если дело в этом, им не повезло — тьма в голове, которая окутала воспоминания, была такой же непроглядной, как чернота перед глазами.

Он застонал снова, на этот раз громче.

— Мое имя, — сказал было он, но задохнулся в ребяческом хихиканье. Боль продолжала донимать его, быстрее прежнего, стремительной пульсацией вонзаясь в язык и горло. Он замолчал, но не перестал ухмыляться. Если бы он хоть что-то знал, то уже давно бы рассказал.

Как тебя зовут?

— Я не знаю. — Боль ослабла, но полностью не рассеялась. На его лице все еще царила безумная улыбка, когда он сделал глубокий вдох. — Я не знаю.

Он прислонился к стене, и слых наконец стих.

— Меня зовут так, как вы пожелаете. Мое имя такое, какое должно быть, лишь бы только выбраться отсюда ко всем чертям.

В ту же секунду боль прошла. Голоса замолчали, и он, грожащий, слепой, неуверенно стал гадать, прошел ли какое-то испытание или же окончательно провалил его.

Когда он очнулся в следующий раз, его руки зудели.

Они казались свинцовыми гирями, скрепленными с тяжелыми, словно камни, костями, которые тянули его мышцы вниз. Даже просто открыть глаза казалось непосильной задачей.

Зарывав, он положил одну руку на другую и ощутил на предплечьях раздраженную кожу. Болезненные точки говорили о наличии крошечных ранок от укусов и он задался вопросом, как долго пробыл без сознания на этот раз. Он не помнил, как уснул, но такое с ним случалось не впервые. Он никогда не мог вспомнить, как впал в благословенное забытие. Пустая бездна отвечала периоды его пробуждения среди холода — он подозревал, что его каким-то образом лишают сознания, вместо того чтобы позволить уснуть естественным образом.

— Тебя зовут Двадцать шестой. — Теперь голос был мягче, но все еще явно мужским. Он затер во мраке, боясь шевельнуться, внезапно его охватила паника. — Ты принял то, что должен

получить новое имя. Это первый шаг. Тебя зовут Двадцать шестой.

--- Меня зовут... --- ему пришлось сглотнуть, прежде чем выдать из себя слова. --- Меня зовут Двадцать шестой.

Какой сейчас год?

Он облизал губы в страхе утратить те жалкие позиции, которых ему удалось достичь.

--- Я не знаю. Клянусь, не знаю. --- Это была правда, хотя она далась ему не сразу, ведь он не знал, было ли теперь достаточно одной правды. Из-за нарастающей паники он сильно прикусил губу. --- Но я хочу узнать. Я хочу знать год. Какой сейчас год?

Пауза затянулась куда дальше обычного. Голос вернулся, когда он уже набрал воздух в легкие, чтобы снова спросить.

Сейчас год Четыре-ноль-шесть.

Эти слова ничего ему не говорили. Он не знал, следует ли ему ответить:

--- Сколько мне лет?

Хронологически тебе пятнадцать стандартных терранских лет.

Его чуть не разобрал смех. Он же почти ребенок. А он столько времени считал себя стариком. От одной только мысли его затошнило.

Встань, Двадцать шестой.

Несмотря на тошноту, он сделал, как приказано, привалившись к стене и используя ее в качестве опоры.

Открой глаза.

--- Я...

Открой глаза.

Он моргнул. Дрожащие пальцы нащупали холодную мягкую поверхность открытых глаз. На них остались песчинки от его грязных рук. Ему пришлось снова проглотнуть. Во рту скопилась слюна.

Открой глаза.

--- Но они открыты.

Двадцать шестой, открой глаза.

--- Они открыты! Открыты!

Двадцать шестой, открой глаза.

Он застонал, разбивая кулаки в кровь о каменную стену.

--- Они открыты!

Двадцать шестой, открой глаза.

И тогда, охваченный страхом,

ограничающим с первобытным ужасом, он постарался подчиниться. Он попробовал открыть глаза, которые и так были широко распахнуты.

Вот тогда он проснулся.

IV

На этот раз пробуждение оказалось не таким медленным, как обычно. Он очнулся мгновенно, и первым делом у него вырвался крик. Свет вонзился в его глаза беспощадным поцелуем кислоты, которую заливают в глазницы. Он кричал, втягивая стылый воздух в сопротивляющиеся легкие.

Двадцать шестой, успокойся.

Ему казалось, что он плачет, но слез на лице не было. Его руки, словно стражи щитом, прикрывали закрытые глаза, пытаясь унять боль.

Двадцать шестой, успокойся.

--- Я ничего не вижу. Слишком ярко.

Двадцать шестой, --- вновь произнес

голос, когда в голове начала пульсировать
боль. — Успокойся.

Он приподнялся на грожащих
конечностях и, моргнув, остелился
взглянуть сквозь пальцы. Вновь хлынул
слепящий свет, яркий, как огонь, выжигая
глазные яблоки и струясь дальше по
нервным окончаниям.

Он выдохнул бессловесный,
бесстысленный поток брани, тяжело дыша,
словно загнанное животное.

Двадцать шестой. Уймись.

Легко сказать. Едва только услышав
скрежет открывающейся металлической
двери, он слепо бросился к ней, выставив
перед собой руку, чтобы ни на что не
натолкнуться по дороге.

С зубодробительным грохотом он
врезался во что-то металлическое, что-
то высокое, издающее всепроникающий рев
приводов, от которого у него разболелись
десны. Столкнувшись с кем-то, он отлетел
на каменный пол.

Шаги. Түлкие шаги, от которых
грожала земля.

— Я ничего не сдeлал, — он до сих пор

не знал, правда ли это. --- Только
отпустите меня.

Двадцать шестой, --- опять прозвучал
голос в его разуме. --- Встань, затолчи и
открой глаза.

Он попытался встать, хотя ноги с
трусом повиновались ему. На то, чтобы
промолчать, ушло гораздо больше усилий,
а уж насчет того, чтобы открыть глаза...

--- Тут слишком ярко.

Уровень освещения понижен до
предела. Ты не пользовался глазами
девятью девять дней. Боль пройдет.

--- Я не понимаю.

Твое неведение также пройдет. Мы
здесь для этого.

К первому голосу присоединился
второй, более глубокий, в котором
угадывалось раздражение:

Открой глаза.

Он попытался снова. С шестой или
седьмой попытки ему это удалось, хотя
поначалу он не увидел ничего, кроме яркого
света. Из глаз брызнули слезы, словно они
могли вымыть жжение из глазниц.

Наконец проступили очертания. Три

человеческие фигуры: две — облаченные в
панталоны темного оттенка грязного железа
с капюшонами, еще одна — закованная в
огромные и яркие, словно начищенная
сталь, доспехи. От последней фигуры
исходило болезненное сияние, когда свет
падал на блестящее серебро.

Он не видел их лиц: у первых двух они
были скрыты под глубокими капюшонами,
а у последнего — за вычурным шлемом с
глазными линзами невероятной,
пронзительной синевы.

— Двадцать шестой, — он понятия не
имел, откуда доносился голос, ни одна из
фигур не шевелилась, — оглянись. Что ты
видишь?

Действительно, что? Он напряженно
осмотрел камеру. Все казалось таким же,
как раньше, за исключением из ниоткуда
взавшихся дверей и символов, ярким
металлом нанесенных на стены и пол.

Он вытер слезы. Моргнув, очистил
глаза от соринки. Ему следовало
почувствовать эти символы даже в слепых
метаниях. Каждый из них выступал из
темного камня барельефом латинского

серебра.

--- Что это за символы?

Стражи. --- И опять ни одна из фигур не сдвинулась с места. --- Стражи-гексаграммы. Нам следовало убедиться, что в тебе нет скверны. Также следовало убедиться, что ты ничего не помнишь с прошлой жизни.

Его прервал второй голос:

Ты находился здесь положенные девяносто девять ночей, пока ты изучали твою душу.

Ритуал завершен, --- заговорил третий голос. --- Хотя некоторые сомнения остались.

--- Почему я не чувствовал символы? Где была дверь? --- Он не мог успокоиться, хотя дрожал больше от возбуждения, чем от холода, и больше от холода, чем от настоящего страха. Посмотрев вниз, он обнаружил, что облачен в такую же мантию, как и две фигуры, некогда белую, а ныне посеревшую от пыли.

Первая фигура в мантии откинула капюшон. Человек был гладко выбрит. Свигу где-то между тридцатью и

шестьюдесятью, на лице сохранились
признаки каждого прожитого десятилетия
--- гладкая кожа юноши, мудрый взгляд
опытных глаз, морщинки от смеха и
бессонных ночей, серебристая щетина
волос, которая на макушке становилась
совсем белой.

Неопределенность его настоящего
возраста тем не менее была не самым
странным. Он был увеличенным до
громадных размеров, как будто его тело
еще десять лет росло и развивалось, в
отличие от естественного процесса
взросления. Даже мантия не могла скрыть
его внушительную фигуру --- это
заставляло узника чувствовать себя
полным ничтожеством.

--- Почему вы не отвечаете? Почему я
был слеп?

Ты никогда не был слеп. Мы
изменили твое восприятие, чтобы оно
служило нашим целям. --- Тот, чей возраст
оставался неясным, держался с
достоинством святого старца, но у него
был пронзительный взгляд убийцы. От его
синих глаз температура в комнате

стремительно упала. --- Мы управляли твоими мыслями. Твои глаза оставались закрытыми, хотя ты думал, что они открыты, и видел только тьму. Мы притупили твою тактильную чувствительность, чтобы ты не ощущал ничего, кроме гладкого камня. Ты был пленником собственного разума. Дверь даже не была заперта. Ты просто не мог отыскать ее.

Стоило отгадать или должное, они ловко поступили с барельефными тюремными стражами.

--- Кто я? --- Он не хотел об этом спрашивать, но вопрос сам вырвался у него после того, как столь долго вертелся на кончике языка.

Ты --- Двадцать шестой.

--- Нет, --- он покачал головой и тут же об этом пожалел --- к горлу подкатила волна тошноты. --- Нет, я имею в виду --- прежде. До того, как очутился здесь.

Неважно, --- одновременно произнесли три голоса.

Твое прошлое ушло, отринутое во имя необходимости. Когда ты попал к нам, то

переродился.

К тебе будут обращаться по порядковому номеру до тех пор, пока ты не заработаешь настоящее имя. То, как тебя звали раньше, более не имеет значения.

Важно лишь то, кем ты станешь.

Он глубоко вдохнул, подозревая, что уже знает ответ, и задал вопрос:

--- И кем я стану?

Ты станешь одним из нас, --- нараспев сказал первый голос. --- Или утрешь.

Часть первая

Гиперион

Засим начинаются
[информация для служебного
пользования] показания
[информация для служебного
пользования] Гипериона из
Кастуана, переписанные рукой
писца Элрека [информация для
служебного пользования] под
присягой. В год [информация
для служебного пользования]
Вечного правления Его
Величества Императора
Человечества.

Глава первая

КАЗНЬ

Имперская гата: М41.444

Д

Говорят, Фенрис возвращает
холодные души.

Я не знал, насколько эта пафосная
фраза была поэтической вольностью, но
залегеневший мир действительно
оставлял нечто холодное в крови своих
сынов и дочерей. К добру ли, к худу ли, все
мы дети своих родных миров.

Анника несла бремя власти с
поразительной легкостью. Я никогда не
мог похвастаться красивым слогом, как
той собратья, поэтому описать ее мне
будет непросто. Галео выразился бы лучше:
она пользовалась властью бережливо,
словно знала, что любому ее слову тотчас
подчинятся.

В ночь, когда мы ступили на Хет, я

вновь услышал его мысли, пока наблюдал за Анникой. Пассивным восприятием Галео считал мой разум, мягко касаясь чувств в поисках угасающих следов того, свидетелем чему я стал. Он оказался достаточно близко ко мне, чтобы я также смог почувствовать его поверхностные мысли.

Из всех моих братьев Галео был наименее навязчивым. Я позволил ему задержаться в своем разуме, чтобы он увидел то же, что и я.

Анника была высокой, но это едва ли могло кого-то удивить. Ее мир порождал статных и сильных людей, и она не была исключением. Темный каскад ее гривы был необычным для Фенриса — глинные волосы, похожие на столетне-черный шелк, были аккуратно заплетены в косу, струившуюся по плечу. При взгляде на ее светлую кожу вспоминались заснеженные скалы, а не мертвенная бледность чахоточного больного.

Ее взгляд глубокой синевы заставлял людей чувствовать себя неуютно. У меня этот цвет ассоциировался только с одним

явлением — штормовыми сезонами родного мира. Кривулканы Титана выдыхали жидкий атмиак и азот, а при низкой гравитации эти выбросы превращались в заледевшие кристаллы, которые просто повисали в воздухе. Те, что не выпадали с осадками на скалы, продолжали дрейфовать в атмосфере и за ее пределы. Радужка глаз Анники словно была высечена из этих кристаллов — такое же прозрачное стекло, в ночи приобретающее цвет небесной синевы.

Само собой, они искусственные. Несмотря на чье-то мастерство, сотворившее их почти совершенным подобием человеческих глаз, я слышал тихое пощелкивание всякий раз, когда она использовала биооптику, делая очередной штрих. Мне всегда было интересно, сама ли она выбрала этот нечеловеческий цвет.

Поговорить нам удавалось нечасто, поэтому возможности спросить мне так и не представилось.

Она уже не одевалась как дева-воин со своего родного мира, предпочитая костюмы и форму, как многие

представители высшей имперской власти. И все же кое-какие следы ее происхождения остались — на поясе она носила архаичный бронзовый топор с рукоятью из белого дерева, лезвие которого покрывали пятна зеленой патины. На мой взгляд, это смотрелось несколько наигранно, хотя она заявляла, что раньше ей приходилось использовать оружие по прямому назначению. Но я никогда не пытался читать между строк, доказываясь до правды.

За спиной у нее висел болтер, и каждый раз, когда я его видел, не мог скрыть удивления. Размер оружия не был приспособлен для человека. У нее был болт-пистолет массореактивного калибра, модель Mk Vb «Годвин», который выглядел настоящей пушкой в ее обтянутых перчатками руках. Оружие представляло собой подлинное произведение искусства — мастер редкого таланта покрыл стальной сплав заостренными кретаццианскими рунатами цвета состаренного золота.

Это порождало новые вопросы. Я знал три диалекта кретаццианского готика,

который был одним из шестисот
диалектов базового готика Умперу́та,
которые я постигал в ходе обучения.
Оружие изготовлено по спецзаказу, в этом
не приходилось сомневаться. Текст на
болтере повествовал о неких совместных с
орженот Расчленителей деяниях,
называвшим Крета́цию --- родным миром,
но оставалось лишь гадать, о каких
именно.

Оружие, чудовищно огромное в
изящных человеческих руках, могло
использоваться лишь благодаря ряду
супсензоров размером с ноготь,
закрепленных вдоль ствола. Редкие
антигравитационные монетки --- три
крошечных наперстка из бронзы ---
поддерживали болтер, играя роль
противовесов.

Она носила оружие на толстом
кожаном ремне.

--- Лорд-регент, --- произнесла Анника,
не удостоившись даже улыбнуться. --- Нам
следует поговорить.

Умперский регент Хета кивнул. На
его лице было застыло снисходительное

выражение, словно он имел полное право отказать ей.

--- Да, инквизитор. Действительно, следует.

Его тучность была почти гротескной. По моим подсчетам, жить ему оставалось не больше тридцати секунд.

II

Хет ничем не отличался от десятка тысяч других миров.

Обитаемый, с индустриальными городами, окутанными серым лязгающим туманом, он не претендовал на лавры тира-кузницы, равно как не мог похвастаться значительными человеческими ресурсами тира-улья. Хет исправно выплачивал имперскую десятину звонкой монетой и торговал со столицей субсектора. Откуда в свою очередь десятина переправлялась в центр сектора и теоретически --- в закрома Святой

Серры. Последнее основание Имперской
Гвардии состоялось здесь одиннадцать лет
назад, пополнив военную машину
двумястами тысячами свежеспеченных
гвардейцев, составившими Хетский
шестнадцатый стрелковый полк.

Само название полка было куда менее
официальным и непристойно
биологическим. Не вижу повода включать
его в архив.

Хет имел собственные колонии на
двух ближних спутниках, богатых
полезными ископаемыми, а также
содержал постоянный гарнизон
численностью в миллион человек. Силы
планетарной обороны Хета представляли
собой стандартную смесь из бывших
гвардейцев-ветеранов и кадровых солдат,
объединенных с незначительным числом
добровольцев, которые только и умели,
что заряжать оружие и стоять
навытяжку. Хотя в случае вторжения
именно этот миллион должен был грудью
встать на защиту планеты. Немалое
число. Подавляющая численность нередко
тогла помочь там, где опыт оказывался

бессилен.

Небеса также были неплохо защищены. На орбите планеты вращалось тридцать семь оружейных платформ, и Хет зачастую служил пунктом снабжения для патрулей имперского Военно-космического флота.

Любой враг, атаковавший Хет, ввязался бы в продолжительную, тяжелую борьбу за свержение прекрасного защищенного правительства. Для сил, подобных Имперской Гвардии, это стало бы неразрешимой задачей. И даже силы, подобные космическим десантникам, не смогли бы гарантировать легкую или быструю победу.

Сложной инфраструктурой Хета управлял имперский регент. В отличие от многих миров Империи, находившихся под началом лорда-губернатора или военного губернатора, имперский регент являлся духовным чином и к тому же временным. Этот титул даровался человеку, которому предстояло управлять миром в отсутствие Бога-Императора Человечества.

Оригинально.

Но кое в чем Хет разительным отличался от десяти тысяч других имперских миров. Эти миры были лояльными. Хет — нет.

В великом государстве, которое люди создали среди звезд, отклонение от нормы, диссидентство и отступничество едва ли можно было считать редкостью, но взбунтовавшийся мир — без явных признаков скверны — в самом сердце Империи... Это было более чем странно. Хет превратился в проблему, правительство коррумпировано насквозь, зараза грозила перекинуться на остальные слои общества. После этого деградацию уже не удастся сдержать. Я узнал все это после изучения краткой вводной от Инквизиции на пути к планете. Мрачное чтение.

У Империи оставалось два выхода. Первый — дожидаться явных доказательств мятежа и объявить крестовый поход, чтобы вернуть мир в лоно Империи. Второй — вырезать раковую опухоль из сердца планеты до того, как она затронет

все население.

Инквизитор Анника Ярлсготтир из Ордо Маллеус сделала выбор от имени Императора, ибо обладала подобным правом. Она готовила нас для третьего варианта в операциях подобного рода, памятуя древнюю истину: лучший способ победить в войне — нанести удар раньше, чем враг успеет сделать первый выстрел.

III

Имперский регент улыбнулся Аннике. Он ухмыльнулся, излучая практически осязаемую ауру уверенности. Конечно, я и раньше наблюдал подобное. Так происходило всегда, когда они не подозревали о нашем присутствии. Регент видел только Аннику с ее свитой, явно не ожидавшей нападения.

Члены команды стояли у инквизитора за спиной, не приближаясь к возвышению. Первым был Дарфорг, высокий тучина с аккуратно подстриженными

усаами и борожкой, в черной парадной форме, украшенной серебряными эполетами от воротника до плеча. Его образ казался каким-то незавершенным без оружия, хотя в помещении оно было бы бесполезным. Мне стало интересно, где Дарфорг его оставил и чувствует ли он себя так же, как выглядит. Легкое прикосновение к его мыслям гало бы мне нужный ответ, но сейчас едва ли подходящее время для таких пустяков.

Рядом с ним стояла Кхатан. Ее золотистые глаза смотрели с прищуром, в их глубине читалось неудовольствие. Она была одета в шкуры, через плечо привычно перекинута копьё. Всякий раз, когда Кхатан оказывалась под крышей, она становилась похожа на загнанного в угол зверя в гредгах. Мне не нужно было читать ее мысли, чтобы знать, что она испытывает скорее раздражение, чем страх. Кхатан всегда жаждала открытого неба. Она никогда не говорила об этом, но кошмары, мучившие ее во время долгих костических перелетов, были чрезвычайно яркими и малоприятными. В своих снах

она всегда попадала в ловушку, всегда
задыхалась, пытаясь вдохнуть
несуществующий воздух.

Василла, с ног до головы облаченная в
черное, пришла сюда не сражаться. Под ее
глазом красовалась вытатуированная
лилия, словно красная чернильная слеза. Ее
лицо обрамляли короткие волосы цвета
красного дерева. Ей нельзя было дать
больше семнадцати, хотя даже в этом я
сомневался. Я не слишком хорошо
разбирался в человеческом возрасте, но
Василла находилась на пороге между
девочкой и женщиной.

Как и Дарфорг, она была безоружна.
Но, в отличие от утонченного торгуанца,
это ее нисколько не беспокоило. В
отсутствии болтающихся за спиной баков
с прометием и огнететной установки в
маленьких кулачках она сцепила свободные
руки над животом и переплела пальцы
словно в молитве.

Гарвен Меррик не расстался с
грохотозким гробовиком, переброшенным на
спину. Все просьбы разоружиться или
игнорировались, даже когда приказ ему

оставала сама госпожа. Он носил свои
исцарапанные, перекошенные доспехи
арбитра, на которых не осталось знаков
различия, только погнутая медная аквила
на нагруднике. Если Дарфорд открыто и с
гордостью демонстрировал свою былую
принадлежность к армии, то Меррик
представлял собой его
малопривлекательную
противоположность. Он до сих пор не
отказался от своих старых доспехов,
только потому, что те были надежными,
удобными и привычными. Бывший арбитр
удалил с панциря все следы своей прошлой
жизни в качестве стража порядка. У его
ноги неподвижно застыл кибертастиф, в
холке остававший Меррику до бедра.
Затянутыми в перчатку пальцами
Меррик чесывал за заостренными
сенсорными узлами, которые служили
кибернетическому псу ушами.

Грешник был последним. Кловон, лицо
которого представляло собой месиво из
старых шрамов, перекрытых
татуировками аквил, был куда
стерпимее с картами, нежели с

пистолетом на бегре и перевязью с метательными ножами на груди. Не в первый раз я удивился тому, что инквизитор терпит его. Отвратное создание.

Анника вздернула подбородок, наверное, не подозревая, что напоминает сейчас норовистую лошадь. Холод кристаллических глаз делал ее взгляд еще более сердитым. Но правде говоря, это властное и свирепое выражение красноречивее всяких слов говорило о ее характере. Пару раз под таким взглядом приходилось стоять и мне.

Регент продолжал улыбаться.

--- Мы приветствуем вас при нашем дворе, --- сказал он, протянув ей перстень для поцелуя.

Анника не сдвинулась с места, стройная и гордая, настоящая дочь Фенриса и агент Священной Инквизиции. Я ощутил, как разрастается в ней гнев. Регент совершил огромную ошибку, хотя это было уже не важно.

--- А предыдущий инквизитор? --- Голос Анники походил на недовольное урчанье. ---

Его вы приветствовали так же?

В толпе придворных раздались
стешки, словно она сказала что-то очень
остроумное. Ее неудовольствие
становилось все горячее и сильнее. Я
чувствовал, как ей хочется схватить
болтер и положить конец фарсу, но пока
перевес сил был не в ее пользу.

Даже для двorca планетарного
губернатора регентские палаты были
чересчур роскошными, их пышность
граничила с карикатурностью. У стропил
тронного зала порхали псайбер-херувимы
со стягами из белого шелка,
восхвалявшими святость регента и победы
далеких Хетских полков Имперской
Гвардии, одержанных во многих войнах.
Выращенные в чанах клонированные
младенцы летали на
антигравитационных ангельских
крылышках из белого железа, хихикая или
монотонно жуужа при обмене данными и
время от времени запевая хором.
Отвратительные украшения. Я считаю,
что подобные создания — гнусная и
богохульная растрата ресурсов. Разве

человечеству приличествует разводить
бездушные подобиya истинной жизни?
Конечно нет.

Но обе стороны от расстеленного на
полу красного ковра выстроилась почетная
стража из мраморных статуй, каждая из
которых представляла собой закованное в
доспехи и вооруженное изображение одного
из правителей прошлого, которые пальцем
не пошевелили, не говоря уже о том, чтобы
поднять меч, для защиты своего мира.
Династия, увековеченная в камне, гордо
взираала на толпу придворных.

Трон регента, очевидно, был создан
мастером, вдохновлявшимся картинами
художников, фантазирующих в жанре «я
своими глазами видел Золотой Трон
Императора!» Этот выживший из ута
мебельщик явно старался. Украшенные
витиеватым орнаментом широкие
подлокотники крепились к изогнутой
высоченной спинке, сам трон покоился на
двенадцати пухлых ножках. На мгновение
мне стало любопытно, какому разуму
подобное могло показаться красивым.
Никакие слова позолоты не могли спасти

этот уродливый предмет, олицетворявший богатства планеты. Сейчас он был зримым воплощением абсурда, охраняемым стражами регента и возвышающимся над океаном придворных, переливающимся всеми оттенками красного.

— Моя дорогая... — начал было регент.

Его шелковые одежды натянулись, с трудом сдерживая телеса. Я никогда не понимал людей, позволяющих себе лишние вес. Пусть человек не мог бороться с возрастом без генез и ювенант-медицины, но можно ведь бороться с собственной ленью. Порочное тело — порождение слабого разума.

— Вы будете обращаться ко мне «инквизитор Ярлсготтир», — отрезала Анника. Из толпы прихвостней опять послышались стешки.

— Инквизитор Ярлсготтир, — в очередной раз улынувшись, согласился регент. От него не скрылось то, что ее злят подобные насмешки. Даже не прикасаясь к его разуму, я заметил в его глазах блеск догадки. — Мы с превеликой

радостью узнали о вашем прибытии. Полагаю, вам пришлось по душе пребывание на нашем мире? Сезон урожая — час воздания хвалы Императору. Скажите мне, инквизитор, слышали ли вы гимны, которые доносятся из храмового района? Разве сии звуки не способны ублажить всякую душу?

— Я получила последнее астронавтическое сообщение от инквизитора Келмана. — Анника медленно обвела взглядом весь зал. — Я здесь от имени Его Священнейшего Величества, дабы исполнить волю Его Священной Инквизиции.

Новый взрыв смеха. Даже многочисленные подборожки регента загрожали, словно он с трудом сдерживал хохот. Не читая его разум, я не мог сказать, была ли эта уверенность показной или же он искренне полагал, будто все идет хорошо.

— Мы ведь пригласили вас ко двору, не так ли? — на мгновение его медоточивый голос заставил мой мысленный щуп проникнуть глубже, и я представил

продолжительные речи, которые он произносил перед народом. Несмотря на внешний вид, он был искусным оратором, что значилось в его досье. Сейчас я заметил первые тому свидетельства.

--- Довольно, регент! --- Анника все еще не схватилась за оружие. Она лишь обернулась. --- Я не позволю вам утянуть этот мир с собой в лятеж. Покайтесь, и ваша казнь будет быстрой. Ваших приближенных заключат под стражу, а потом отпустят, если во время дознания не всплывут признаки ереси.

Улыбка сползла с лица регента. Его придворные еще перешептывались и фыркали, но стешков больше не было слышно.

--- А если я окажу сопротивление?

Аника ощерилась в фенрисийской улыбке и процедила сквозь оскал:

--- Окажете сопротивление --- живым этот зал не покинет никто. В любом случае пост имперского регента Хета прекратит свое существование до солнцепада.

Солнцепад. Еще одно фенрисийское

выражение. Анника всегда возвращалась к старым привычкам, когда теряла самообладание. Наверное, скоро она начнет рычать.

--- Ты слишком много на себя берешь, девочка, --- сказал регент. За его зубами зашевелинулась чернота.

--- Будет назначен военный губернатор, который примет на себя руководство Хетом на время беспокойных месяцев. Твой толстый клан... --- она выплюнула последнее слово, --- даже не попадет в свитки истории.

Регент стал выше. Еще выше. И еще. Я увидел, как зашевелились вены на его лице, словно плети, бьющие по внутренней стороне его кожи. Существо, носящее его тело, наконец, проявило себя.

Аника понялась, и одна единственная мысль вонзилась в мой разум. Мое имя. Она безмолвно произнесла мое имя.

Гиперион.

Тысячью километрами выше я
открыл глаза.

--- Пора, --- сказал я братьям.

Комната окрасилась темно-красным
цветом, взвыли боевые сирены. Закутанные
в мантии агенты трудились возле
громохочущих машин, расставленных
вдоль стен комнаты.

--- Пятнадцать секунд, --- произнес
голос одного из техножрецов в
потрескивающем воксе.

Каждый из моих братьев был облачен
точно так же, как и я. Все мы
одновременно подняли оружие.

+ Вы готовы? + раздался в наших
разумах вопрос Галео. Поднялся белый
туман, скрывая нас из виду.

--- Десять секунд, --- вел отсчет
техножрец.

Как обычно, за всех ответил
Дүменигон:

--- За Сигиллита и Императора.

--- Пять секунд, --- произнес
техножрец. --- Машинные духи поют.
Начинаю телеп...

Пятно боли и огня. Буря звуков и злокачественных цветов. Жидкое ничто, в волнах которого плещется злобное сознание. Оно было достаточно плотным, чтобы цепляться за руки и ноги, пока мы падали сквозь него.

Прежде чем я успел сосредоточиться, чтобы отразить возникшее ощущение, мы...

...появились в безупречном построении, внятером окружив трон регента. Наше оружие было поднято: пять смонтированных на руках штурм-болтеров десятию стволами целились в корчащегося правителя Хета. Шелка затрещали под натиском изменяющейся плоти.

Звуковой удар, сопровождавший наше прибытие, выбил стекла из огромных витражей, и в тронный зал хлынул солнечный свет. Белый туман телепортации, ставший теперь артериально-алым, вился кольцами. Даже рассеиваясь, он льнул к нашим доспехам, приглушая их блеск.

Регент еще успел выдохнуть при

нашем явлении. Он побазгровел и корчился в судорогах, из глаз тек гной, но оцепенение и страх приостановили изменение.

Галео заговорил, не открывая рта. От мощи его психических слов у меня заныли зубы.

+ Именем Императора Человечества, мы признаем тебя *guaboluс* *трейторис*. Приговор — смерть. +

Мы сжали кулаки, и пять штурмовых болтеров загрохотали отбивая безупречный ритм.

Физическое тело регента разлетелось на куски, забрызгивая наши серебряные доспехи сосудистыми вязкими комками. Кости рассыпались осколками, отскакивая от наших шлемов и нагрудников. Остатки грудной клетки рухнули на трон.

+ Прекратить огонь. +

По приказу юстикара мы завершили казнь, но не опустили оружие. Из десяти стволов поднимался дым, притешивая химический запах к зловонию, исходящему от трона.

Осталась только тень регента. Она

извивалась в центре сформированного
нами круга, вертелась и цеплялась за
пустоту, пытаясь сотворить из воздуха
новое физическое тело.

+ Дүменигон, + пропульсировал
юстикар.

Названный воин резко обнажил клинок.
Каждый из нас добавил свои эмоции -- наше
отвращение, наше отторжение, нашу
ненависть -- к его собственным чувствам,
покрывая слоем этих эмоций его чистую,
незамутненную ярость. Прикосновение
наших разумов увеличило его злость,
сделало ее темнее, обратив в гнев
достаточно сильный, чтобы причинить
физическую боль и ему самому.

Но он был сильнее. Дүменигон
позволил своему телу и разуму стать
фокусом нашей общей психической силы, и
направил ее в свой меч. Но освященной
стали потекли психические молнии,
осыпая на мраморный пол кристаллики
психической изморози с доспеха.

Все это, с момента нашего прибытия
и до фокусировки смертоносной энергии,
произошло за пять ударов сердца Анники.

Я знал это, потому что слышал. Ее сердце словно отбивало барабанную дробь, сопровождающую казнь.

Несмотря на то что Дүменидон почти не видел обездвиженной тени, он пронзил ее глубоким вынагом. Его клинок воспламенился. На этот раз произошел взрыв эктоплазмы и эфира. На наших доспехах, защищенных эгидой, зашипела слизь, неспособная прогрызть освященный кератин. В уши ударил визг существа, разбив те нежные окна, которые уцелели после нашей телепортации.

Так закончилось правление регента Кезидхи Одинадцатого.

Я повернулся к инквизитору Ярлсготтир и обнаружил, что она упала на четвереньки на ступенях, ведущих к трону. На нас уставилась сотня разряженных придворных. Пятьдесят вооруженных дворцовых стражей делали то же самое. Никто из них не шевелился. Большинство даже не моргали. Они явно не ждали такого представления.

— А они? — спросил я. Мой голос прозвучал хриплым рыком сквозь вокс-

решетку шлема.

--- Скитня, --- ответила она, ее губы искривились в фенрисийском рычании.

Скитня. Мне знакомо это слово из языка ее родного мира. Грязный. Нечистый. Порченный.

Мы вновь прицелились. Люди отхлынули от нас.

--- Я поймаю паразитов, --- сказал Малхадиил. Он простер руки, и створки дверей в дальнем конце зала захлопнулись. Мои братья открыли огонь, скосив тех, кто бежал медленнее или остелелся поднять на нас оружие. Случайный лазерный огонь обжигал мои доспехи, слишком слабый и панический, чтобы беспокоиться по этому поводу. Перекрестье прицельной сетки перепрыгивало с одной танки на другую, тертая белым от списков биологических данных.

Все это не важно. Они паразиты. Мысленным усилием я очистил ретинальный дисплей, решив стрелять самостоятельно.

Аристократы Хета колотили в

двери тронного зала, топча друг друга в попытке избежать приговора. Кулаки били по неподатливой бронзе, создавая громогласную какофонию. Рыдания и крики тонули в грохоте болтерных снарядов, тела лопались, словно раздувшиеся мешки.

Я бросил взгляд на брата Малхагила. Он стоял у трона, повернувшись лицом к двойным дверям, с трудом удерживая руки сведенными. Его перчатки покрылись пси-изморозью, которая от малейшего движения разлеталась ледяной крошкой. Двери продолжали держаться под напором гибнущих аристократов, и мне стало интересно, улыбается ли он под шлемом.

Менее чем через минуту стрельба стихла и мечи вернулись в ножны. Малхагил опустил руки. Гигантские бронзовые двери со скрипом открылись, вновь подчиняясь своему механизму, а не воле моего брата.

Выпотрошенные тела валялись на ковре, и древняя аристократическая кровь, стоящая целого мира, свободно

растекалась по полу. Анника стояла
посреди растущего озерца, сжатая в руках
болтер. Алые капли покрывали ее лицо,
словно клановые татуировки.

— Этот запах я ненавижу больше
всего, — произнесла она.

И еще говорят, что Фенрис
взрачивает холодные души.

Форма Дарфорга пропиталась
кровью. Невозможно было сказать, где
заканчивается одно пятно и начинается
другое. Его аккуратно подстриженные
усики подрагивали от злости.

— Они всегда так делают, когда вы
зовете их, — сказал он Аннике. — Каждый
чертов раз.

Василла опустилась на колени и в
неком благочестивом ритуале прижимала
к лицу окровавленные лапы. Она
беззвучно шевелила покрытыми теплой
кровью губами, вознося хвалу далекому
Императору.

Меррик отвлеченно перезаряжал
дробовик, громко щелкая загоняемыми в
казенник патронами. Кибертастиф
бродил по залу, погружая окровавленную

насть в трюны.

--- Ко мне, --- позвал его Меррик.
Существо подчинилось, блеснув красными
глазными линзами.

Кхатан, ткнув копьем в жирное тело,
сдернула с его шеи золотой медальон.
Улыбка молодой луной озарила ее темное
худощавое лицо. Пришло время ее любимой
части миссии: после правосудия начинался
грабеж.

+ Мы возвращается на орбиту, +
передал Галео инквизитору.

Анника склонила голову в знак
благодарности.

--- Спасибо. Дальше мы сами
управимся.

Я отвернулся. Мне слышалось
биение сердца.

--- Гиперион? --- позвала меня Анника.

+ Гиперион? + раздался в моем
сознании голос Галео.

Я не обратил на них внимания,
внимательно изучая тела, позволив взору
следовать за слухом. Сердцебиение
казалось не более чем глухим влажным
стукот, ослабевшим от аритмии.

Там. Один из двorcовых стражей ---
его разорванное тело, от которого
осталась лишь верхняя половина, валялось
на полу. Каким-то чудом он был еще жив.
Верный присяге до самого конца, он
грожащими руками сжимал винтовку,
целясь в причину всего этого разрушения.

Дарфорг заметил опасность в
последний момент. Он успел выкрикнуть
только часть имени Анники, когда страж
нажал спусковой крючок. Лазган
выстрелил. Я мгновенно простер руку в
сторону инквизитора.

Она не успела даже обернуться, когда
лазерный луч преломился и оставил
глубокую борозду в золоченой стене.

Секунду спустя я высвободил свой гнев.
Фиолетовое пламя объяло тело и душу
стража. Он завопил, рассыпаясь неплот в
луже собственной кипящей крови. Должно
быть, страг стоял сильнейший, но фильтр
шлема не пропускал его.

Анника откашлялась, когда от
человека остался лишь ухтыляющийся
почерневший скелет. Затем инквизитор
установилась на выжженную дыру в стене.

--- Кого мне следует благодарить? ---
спросил она.

Я опустил руку, и силовой щит вокруг
нее рассеялся.

--- Я живу, чтобы служить,
инквизитор.

Глава вторая

ИНСТРУКТ

Д

Она зашла ко мне только через тринадцать часов. Дверь издала переливчатую трель, прежде чем с лязгом подняться на гидравлике. Забавно, но инквизитор вошла не сразу. Анника замерла у входа, положив руки на стальной косяк.

--- Мягже ковнесс ан?

--- Да, инквизитор, вы можете войти.

--- Ах, --- понимающе улыбнулась она. ---

Сегодня без фенрисийского. Ты злишься на меня?

Я действительно таким казался? Странно. На самом деле я не злился. Во дворце она вела себя неразумно, но вреда от этого не было.

--- Не совсем, инквизитор. Я хочу поскорее покинуть систему. Только и всего.

Сняв боевое облачение и символы власти, она осталась в высоких ботинках и черном бодиглаве, который обтягивал ее фигуру так плотно, что грозил лопнуть. Моя подготовка стерла способность чувствовать физиологическое влечение, но мне все равно было приятно наблюдать за беспощадно-женственной грацией в игре ее мышц. Она была здоровой самкой в расцвете сил --- охотница в черном свободно ниспадающими на плечи длинными волосами.

Надо сказать, фенриси́йцы мало внимания обращали на танеры. Анника вошла в мою скромную обитель и немедленно провела пальцами по развешенным на стенах пергаментным свиткам.

--- Пожалуйста, не трогайте их, --- попросил я.

--- Что это?

Это были мои личные записи --- пергаменты, подробно освещающие деяния, которые мы с братьями совершили за тот короткий год, когда я был удостоен чести служить юстикару Галео. Причина, по

которой она не могла прочесть их, была в
руническом письме. Все, что считалось
важным для нашего ордена, я писал на
трещинки, одном из шифрованных языков
Титана. В базовом алфавите он
использовал триста отдельных букв и не
имел разговорного аналога.

--- Это личный архив, --- объяснил я.

--- Бумага прекрасна. Текстура... ---
Анника колебалась, ее пальцы едва не
коснулись ее вновь.

--- Это папирус.

Бровь Анники вздернулась.

--- Терранский?

Я едва сдержал смех при мысли о
растительности на Терре.

--- Очень смешно, инквизитор
Ярлсготтир. Я чем-то могу быть вам
полезен?

Анника втянула сквозь зубы воздух,
глядя по-волчьи даже тогда, когда этого не
хотела.

--- Я вернулась с Хета двадцать
минут назад. Тщательная проверка
оставшихся уровней Административа
ведется, но мы очистили гнездо хоггорма.

Я протолчал. Она смотрела на мою приподнятую бровь.

--- Как, у вас на Тумане не водятся хоггорты? --- спросила она.

И опять я толчал. На Тумане ничего не водится --- поверхность мира едва ли приспособлена для жизни, местной или какой-либо еще. Она знала это так же хорошо, как и я.

Анника улыбнулась.

--- А до Тумана? На твоем родном мире не было рептилий?

В этот раз я не сумел сдержать улыбку.

--- Вы прекрасно знаете, что Серого Рыцаря бессмысленно расспрашивать о прошлом, инквизитор.

Ее улыбка переросла в широкую ухмылку, сверкнули белые зубы и яркие глаза.

--- Я знаю это, и очень хорошо. Возможно, мне просто нравится эта игра. Хоггорт --- это ползучий заг. Очень ядовитый.

--- Змея. Мне следовало догадаться, спасибо.

Она предпочла не замечать моего сухого тона.

--- Когда придет новый лорд-милитант, ему придется заново выстраивать структуру планетарной власти.

В этом не было ничего удивительного. Глубокие зачистки требовали подобного, и я понимал, почему она решила мне все рассказать. Анника была лишь одним из трех инквизиторов со свитами, находящихся на поверхности Хета. Более чем достаточно, чтобы разобратся с текущими проблемами. Дарфорд, с его склонностью к изощренным речевым оборотам, назвал бы это чрезмерностью.

--- Инквизитор, мне неинтересны особенности реструктуризации бюрократического аппарата. Полагаю, вы здесь по какой-то иной причине?

Прочсть ее разум не составило для меня особого труда. Раздражение делало мысли Анники зазубренными, слова вязли в нерешительности. Она знала, что хочет спросить, но не была уверена, как это

вернее выразить.

Анника словно ожидала, что в ее просьбе будет отказано, стоит лишь ее озвучить. Это только распалило мое любопытство.

Я прервал психическое прикосновение, не чувствуя вины за вторжение. Страстные натуры прочесть легче всего. На самом деле, скорее приходилось прилагать усилия, чтобы не слышать их мыслей, и Анника была лучшим тому примером. За пределами монастырских стен мне довелось общаться с относительно небольшим количеством людей, и разум Анники определенно был одним из самых «громких».

— Я получила предписание решить еще одну очень важную проблему. Мне следует немедленно покинуть Хет. — Обычное чувство гордости делало ее слова вдохновенными. Что бы от нее ни требовалось, втайне она этим гордилась. Немногие задания считались более важными, чем приведение к покорности целого мира.

— У? — нажал я.

— У я делаю официальный запрос в крепость-монастырь Тумана для обеспечения вашего участия в грядущей операции.

Я, наконец, отложил шлем, который до этого чистил. Священные масла, трижды благословенные очистителями, заплескались в стеклянных сосудах, когда я отогвинул их в сторону. Она была молода. Наверное, она не понимала, о чем просит.

— Это не представляется возможным, — возразил я. — Наш долг на Хеме выполнен, и мы связаны присягой Инквизитору Харулу в Кибельских Долах.

— Я знаю, что это необычно, — призналась она. — Также я знаю, что закончил старшинство.

— У вас есть собственная группа зачистки. Мы — последнее оружие, которым пользуются во времена величайшей нужды. Что это за долг, для которого требуется мы?

— Я не могу сказать.

Мне снова стало смешно. Не было такой тайны, которую Инквизиция не могла бы нам открыть.

--- Ложь, --- сказал я ей, --- и мне даже не нужно читать ваши мысли, чтобы знать это.

--- Просто с языка сорвалось, --- поспешно исправилась она. --- Я могу сказать, но не буду. До тех пор, пока не узнаю всех деталей операции.

После этих слов меня разобрало любопытство.

--- Под каким кодом проводится задание?

--- Код «Резалия». --- И вновь переливы гордости в ее словах. Она польщена заданием такой важности. --- Поэтому, если честно, вы не можете мне отказать.

Пусть так, но честность здесь ничего не значила. В нашем деле она редко что-то значила.

--- Место операции? --- спросил я.

--- Вальдаска.

--- Учитывая течения эмпирей, Вальдаска может оказаться в двух месяцах стандартного варп-перехода. Призыв инквизитора Харула все еще имеет первостепенное значение. Вы можете вызвать других братьев из нашего

органа и встретиться с ними уже на месте.

Она нахмурилась, и выглядела при этом очень царственно. Сейчас она была очень похожа на дочь ярла, каковой и являлась до прибытия Инквизиции, забравшей ее с Фенриса во имя высшей цели.

--- «Карабела» доберется до нее за три недели, --- заметила она, словно мне требовалось об этом напоминать.

--- «Карабела» --- наш корабль, инквизитор, а не ваш. И мы уже спешим к инквизитору Харүлү на Кибелү.

Ее мысли кружились, заострялись, становились многогранные.

--- Все идет не так, как мне бы хотелось. У меня чувство... на моем мире его называют анеллса. Тебе знакомо это слово?

--- Мне понятно его значение. Тем не менее, мы не можем остаться с вами лишь потому, что вас гложет дурное предчувствие.

--- Дурное предчувствие. --- Она

поставляла слова. -- Да, именно это. И я оказалась права насчет Хета, ведь так?

-- У вас также были многочисленные улики, которые подкрепляли ваше подозрение относительно аристократии Хета, и не последнюю роль в этом сыграли исчезновение инквизитора Келмана, трехнедельное расследование на самой планете, доступ к архивам планетарного Администратума и предсказания наших прогностиков.

На самом деле именно последнее стало причиной, по которой сюда направили моих братьев и меня. Видение прогностиков оказалось редкой ясности, в нем предвещалось, что мир почернеет в течение года, если источник порчи не уничтожат прежде, чем он успеет прорасти буйным цветом.

Она огадила меня взглядом, который предельно искренне говорил, как мало ее волнуют мои заверения.

-- Я верю тебе, -- произнесла она. -- Я верю твоей стае. И я хочу, чтобы вы были со мной.

Я уважительно склонил голову.

надеясь, что теперь мои слова не прозвучат так жалеюще.

— Я польщен вашим доверием, инквизитор. Все из Кастуана польщено этой верой, которую вы к нам питаете, и я надеюсь еще не раз послужить вам в будущем. Но если по-простому, то демон, с которым упоминалось в пророчестве, изгнан. У нас есть и другие обязанности, ближе к иным звездам. Вам придется довериться и начать уважать других Серых Рыцарей, которые окажут вам помощь в следующем задании.

Она прищурилась, как будто заподозрила меня в намерении оскорбить ее.

— Гиперион, ты всегда такой официозный?

Порой она задавала весьма странные вопросы.

— Да, госпожа. Всегда.

— Это раздражает, знаешь ли.

Я не мог взять в толк, почему она так упорствует. Анеллса? Дурное предчувствие? Она ведь давно выросла из детских фенрисийских суеверий.

--- Я хочу отправиться с вашей пятеркой. Мне нужна стая, которой я могу полностью доверять и с которой я уже работала. Костями это чувствую, --- она обвиняющее ткнула в меня пальцем. --- Я стояла в том зале вместе с тобой, окруженная телами еретиков, убитых твоими освященными снарядами. Я не раз проливала с вами кровь за последние девять месяцев. До Хета это был Мелаксис, а прежде него --- Юлланг. Мы прекрасно сработались.

Я решил прекратить спор. Так мы ни к чему не придет.

--- Если вы так отчаянно нуждаетесь в нас, то почему не пойдете к Галео? Он возглавляет нас. Я самый молодой из братьев, и мое слово имеет наименьший вес.

Она оскалилась в очередной улыбке.

--- Как ни сложно в это поверить, но с тобой говорить проще всего.

Об этом я даже не подумал и не понимал, как такое может быть правдой. К счастью, она не дала мне возможности ответить.

--- Ты пойдешь со мной поговорить с
остальными? --- спросила она.

Я кивнул и поднялся.

--- Если вы намереваетесь задавать
этот же вопрос, что и мне, то получите
такой же ответ. Мы поклялись
немедленно направиться к Харүлү.

Глаза Анники заблестели.

--- Посмотрим.

II

Малхадиил был первым.

Он стоял в посадочном отсеке правого
борта, без шлема, с закрытыми глазами.
Воздух буквально вибрировал от
концентрации его психической энергии.
Нас встретила легкая дрожь
сопротивления, будто мы шли сквозь
тончайшую прослойку жидкости.

В воздухе плавали детали. Они
висели над палубой, вращаясь вокруг
Малхадиила с костицей
неторопливостью, из-за чего он походил на

звездү в сердце мусорной системы. Металлические трубки кружились в медленном танце вместе с фокусирующими линзами, винтиками, шурпами, болтами и матово-черными пластинками.

Чем бы он ни занимался, запчасти порхали вокруг него, при этом даже не сталкиваясь друг с другом. Анника увернулась от оружейного ствола, который пролетел мимо ее головы.

--- Какого... --- ее фразу завершило тихое фенрисиysское ругательство.

--- Я не ожидал, что меня отвлекут. --- Голос Малхадила был хриплым и напряженным --- верный знак сильной сосредоточенности. --- Пожалуйста, дайте мне секунду.

Сервиторы и погрузчики освободили ему максимум пространства. Они работали в дальнем конце ангара --- персонал, существующий с нашего разрешения и для служения нам. Облаченные в красные мантии агенты Наллагийских Катафрактов приступили к ритуалу поклонения, успокаивая

машинные духи танков и боевых кораблей, заключенных в захваты. Даже на таком расстоянии я чувствовал ароматы их благовоний.

Хлам вокруг Малхадиила начал уплотняться и свиваться, слышался слабый шорох трещащего металла. Шуршны аккуратно вставали на свое место, крепко закручиваясь по спирали. Я увидел, как череда фокусирующих линз влетела в разобранный ствол, пока невидимые руки с терпеливой заботой соединяли секции друг с другом.

Наконец Анника догадалась, и ее глаза сузились. Менее чем через минуту перед Малхадиилом зависла полностью собранная многоствольная мультилазерная турельная установка. Жестом он опустил ее на палубу.

--- Как продвигается практика? --- спросил я.

--- Я становлюсь быстрее, но наибольший прогресс наблюдается в том, насколько я могу управлять каждой отдельной деталью. Да, брат, практика идет хорошо. Спасибо, что спросил.

Анника все еще изучала турель, стоящую на палубе.

--- Ты снял ее с моего танка, --- заявила она.

--- Да, --- губы Малхадила тронула улыбка. --- Снял. И верну ее прежде, чем она вам понадобится. Мне просто требовалось устройство подходящей сложности, чтобы поупражняться.

Анника издала нечто похожее на рык, не зная, как лучше на это ответить. Эти двое могли пререкаться часами. Я уже наблюдал подобное несколько раз и решил предотвратить спор до того, как он разгорится.

--- Инквизитор пришла с запросом, --- сказал я Малхадилу.

--- Правда? --- Его прозрачные глаза вновь обратились к Аннике: --- Тогда странно, что она идет к нам, а не к юстикару. Чем мы можем вам помочь, инквизитор?

--- Я хочу обратиться к монастырю Ситана, чтобы обеспечить ваше участие в моем следующем задании. Мое требование превалирует над вашим.

долгом в отношении инквизитора Харула
в Кибельских Долах.

Малхадиил обернулся ко мне:

--- Брат, пожалуйста, разъясни мне
этот пример фенрисиийского юмора. Если
это какая-то шутка, то мне она
непонятна.

Анника поправила локон, упавший ей
на лицо.

--- Я вполне серьезна.

--- Она вполне серьезна, --- повторил я,
почесав щеку, чтобы скрыть улыбку.

--- Понятно. --- Малхадиил жестом
пригласил к себе двух агентов Палладийских
Катафрактов.

--- Сир? --- хором произнесли они.

Я не видел их скрытых капюшонати
лиц, но один голос был человеческим,
второй же прощелкал из вокабүлятора.

Малхадиил указал на орудийную
түрель:

--- Пожалуйста, установите ее на
прежнее место. Притите мою
благодарность.

Своими манерами он выделялся среди
всех, кого я знал. Никто и никогда не

обращался к агентам Машинного Кюльта с такой ненужной учтивостью, как Малхадиил. Он даже говорил «пожалуйста» и «спасибо» сервиторам, хотя лоботомированные рабы были не в состоянии этого оценить.

Два техножреца взялись за работу, из танний появилось несколько дополнительных механогендритов, чтобы поднять турель. Малхадиил отошел в сторону, чтобы не мешать им, и вновь посмотрел на инквизитора.

— Могу я спросить, почему вы не обратились с таким необычным запросом к юстикару Галео?

Анника пожала плечами:

— Так мне показалось правильным. Сначала спросить у вас всех, а затем уже идти к ярлу. Я надеялась предварительно заручиться вашим согласием.

На лице Малхадиила, еще не исчерченном шрамами, не отразилось никаких эмоций. Он, как всегда, предпочел скрыть свои чувства.

— И зачем нам соглашаться с вами, если это нарушит нашу клятву друг другу?

инквизиторы? Мы преотвратили
бегство, уведенное прогностикарати.
Дело закончено. Хет очищен. Кастуану
предстоит ответить на призыв другого
лорда.

--- Я знала, что ты так скажешь. ---
Анника вновь улыбулась как настоящая
фенрисийка. --- Дальше я хотела бы
поговорить с Сотисом. Он согласится со
мной.

III

Сотис и Малхадиил служили
немногим больше меня. Они прошли
испытания и заработали доспехи лишь за
шесть лет до того, как я дал последние
обеты и получил место в ордене.

Для меня они уже были ветеранами.
Мне казалось, нас разделяет целая
вечность, поскольку шесть лет службы
были шестью годами ужасающих,
изнурительных чисток, которые я с
трудом мог даже вообразить.

И все же в оргене они считались свежей кровью. Более того, в оргене, не верившем в удачу или везение, эти двое представляли собой апофеоз невероятности. Сомис и Малхадиил были воплощенным математическим чудом.

Наше обучение очищает разум куда лучше обычной лоботомии. Все воспоминания вскрываются, обнажаются и выхолащиваются — так хирурги вырезают опухоль из здоровой плоти. Сомис и Малхадиил в этом отношении ничем не отличались от остальных. Они не помнили ни мгновения из своей жизни до прибытия на Титан.

Но стоило лишь взглянуть на них, чтобы понять, что они близнецы, настоящие близнецы, братья по крови так же, как братья по оружию.

Я не могу назвать количество детей, собранных со всего Империиума, которые не выдержали тренировок на Титане и были обречены на смерть в забвении и одиночестве в недрах нашей крепости-монастыря. Я видел архивные свидетельства того, что из миллиона

похищенных нашими агентами выживает
и становится Серым Рыцарем один.
Остальным же суждено закончить свои
дни сервиторами, сервами ордена или, что
более вероятно, именами в архивах
Поражения.

И все же среди нас оказались двое
сыновей из одной яйцеклетки. Шансы на
подобное были микроскопически малы,
почти слухотворны.

В Малхадиале мало что
свидетельствовало о его пятилетней
службе рыцарем крепости-монастыря.
Подобного нельзя было сказать о Сотисе.
Буквально заново сшитая вместо лица
маска носила следы всех бывших сражений.
Черты еще напоминали братские, но их
нужно было различить сквозь мешанину
бионики, аугментики, нарощенной плоти и
синтетической кожи. Большую часть
зубов заменяли металлические штифты,
торчащие из десен, левая сторона рта
была слишком сильно растянута, из-за
чего казалось, что воин постоянно
ухмыляется.

Мы нашли Сотиса пребывающим в

благоговейной медитации в центре крошечного помещения. Покрытое шрамами лицо стягчилось, он прекратил речитатив, но с колен не поднялся.

--- Что-то не так? --- спросил он.

Я кивнул на Аннику.

--- Я хотела переговорить со всеми вами, --- сказала она. --- Я получила призыв с кодом «Регалия», и мне требуются охотники из вашего ордена.

--- Рыцари, --- одновременно поправили ты ее.

--- Не «охотники», --- уточнил я.

Она медленно выдохнула, и вновь это прозвучало почти как рык.

--- Вы меня поняли.

Сотис никогда не улыбался, поскольку его шрамы не позволяли этого. Тем не менее в его глазах вспыхнуло веселье.

--- Я заинтригован. Что за задание?

Анника неохотно проворчала:

--- Я вам не скажу, пока не получу согласия.

--- Это такая шутка? --- Сотис взглянул на меня. Его глаза еще были настоящими --- только они и уцелели.

--- Нет, --- сказал я. --- Она надеется, что мы поможем ей убедить Галею остаться с ней.

Сотис поднялся, сочленения доспеха отвели низким рычанием.

--- Инквизитор?

Она лишь кивнула:

--- Твой брат Гиперион говорит правду.

Рубцы на щеках Сотиса натянулись, улыбки по-прежнему не получилось, но оскал впечатлял.

--- Отлично. Но сначала разыщем Думенигона.

IV

Он упражнялся, что никого из нас не удивило. Он даже не удостоился снять шлем.

Деактивированный клинок в его руках выглядел размытым синим пятном и пел, рассекая воздух. Признаюсь, мне всегда доставляло удовольствие наблюдать за

движениями Дүменигона. Никто из нас не мог превзойти его во владении мечом: каждый взмах и вынаг он проводил с плавным совершенством. Не многие воины, даже в нашем ордене, обладали столь же безупречным контролем над клинком. Он лично обучал Сотуса, но даже тот не приблизился к мастерству Дүменигона.

В человеческой литературе существовало клише, будто оружие воина является продолжением его тела. Подобная фраза, пусть и банальная, но худо-бедно соответствовала реальности. Его владение клинком было не просто трансчеловеческим, оно было совершенным. Я не видел, чтобы он допустил хотя бы одну ошибку. Ни разу.

За последний год мне лишь пару раз удалось победить его в спарринге, хотя я обладал преимуществом, которым в ордене не мог похвастаться почти никто. Я не использовал клинок.

Дүменигон закончил кружиться перед нами, последним завершающим движением задвинув меч в ножны. Даже остановившись, он являл собой образец

изящества. К своему стыду, я завидовал
его мастерству.

--- Братья, --- поприветствовал он нас.
Бесстрастно-синие глазные линзы
поочередно оглядели каждого. ---
Инквизитор?

Анна шагнула вперед.

--- Я должна кое о чем у вас спросить.
Кератитовая маска шлема чуть
склонилась.
--- Слушаю.

У

Вскоре мы стояли перед Галео.

Стратегиум «Карабелы» представлял
собой чистый зал, напоминавший в равной
степени молитвенную комнату и обычный
мостик военного корабля. У пультов
управления стояли жаровни с пылающими
углями, источаемые ими густые
воскурения поглощались системами
воздушной фильтрации для очистки и
перегонки. Стены были заграпированы

свитками — некоторые из них начертаны
моей рукой, другие — моими
предшественниками. С расписанного
фресками потолка свисало девять знамен,
каждое олицетворяло великую победу,
достоиную включения в монастырский зал
Доблести, одержанную с тех пор, как
юстикар Касиан основал отделение
десять тысяч лет назад.

Последнее изображало одинокого
рыцаря в золотом ореоле, вышитом
сервати ордена в память об Аянтском
матееже. Рыцарь стоял в кругу девяти
павших братьев, его меч был глубоко
погружен в череп поверженного демона.
Само существо представляло собой
стилизованное воплощение человеческих
легенд — во многих его чертах
угадывались дьяволы и ложные боги
хиндуйской мифологии. Сервы никогда
воочию не видели Великого Зверя, поэтому
им была прощительна такая вольность.

В нижней части знамени
перечислялись имена погибших и
выжившего. Последним шло единственное
имя, начертанное каллиграфическими

литератури готика: Галео.

Сам воин, которого от дня той битвы, унесшей жизни его братьев и сделавшей его командиром, отделяло шесть лет, стоял без шлема перед экраном-окклюдом. Он смотрел на вращающуюся под ним планету, наблюдая за ее бесконечным медленным танцем в пустоте. Его мысли были встревоженными, громкими, едва ли не громче гула работающих на холостом ходу двигателей. Он что-то вспоминал.

При нашем приближении Галео обернулся, ближайшие сервы, зашуршав одеяниями, поклонились. Сервиторы не обратили на нас внимания и продолжали выполнять свою работу, грохоча по палубе бионическими конечностями.

Галео -- Серый Рыцарь, юстикар отделения Кастуан -- восседал на командирском троне, перечитывая инфопланишет. Когда мы вошли, он слегка кивнул нам, но было видно, что он занят и не расположен к праздной болтовне. Свой опыт он демонстрировал, будто форму, не стыдясь и не пряча ожоговых шрамов.

которые перенахали его шею и половину лица. Вместо того чтобы установить аугментический имплантат, он предпочел скрывать свой вытекший глаз за старомодной черной повязкой.

+ Братья, + пропұльсировал он в наших разумах. + Инквизитор. Что привело вас в стратегиум? +

Анника никогда и ни перед кем не кланялась. Вместо этого она чуть запрокинула голову, словно подставляя горло. Я уже определил, что таким образом демонстрируется уважение. Так она приветствовала бы ярла племени на родном мире.

— Юстикар Галео. Мой астронавт получил срочное сообщение. После зачистки Хета мне следует отправиться к Вальдаске Каул.

Галео также пока обходили серьезные ранения. Если не считать шрамов на шее и лице, за полтора века на службе ордену он остался целехонек. Юстикар почесал горло — неосознанный жест, который притягивал внимание к колкватой бледной плоти.

+ Вальдаска, + его черные глаза пристально изучали инквизитора.

Анника встретила с ним взглядом. Несмотря на фенрисиийский рост, ей все равно пришлось смотреть ему в лицо снизу вверх.

— Я знаю, что вас связывает клятва, данная инквизитору Харүлү. Тем не менее я прошу вас остаться со мной на время путешествия к Каүлү. Харүл может вызвать из монастыря других воинов. Для этой работы мне нужны именно вы. Я хочу «Карабелү» и отделение Кастуана.

Галео улыбнулся. Отношения между Инквизицией и Военной палатой всегда базировались на беспощадной эффективности и редко бывали теплыми. Очевидно, Галео счел такое поведение Анники подобной редкостью.

+ Нужда Харүла столь же неотложна, как и ваша. У него наша присяга, и Кибела ближе. Если вам необходимы именно наши мечи, то я должен знать причину. +

Впервые Анника выглядела неуверенной. Я никогда раньше не видел, чтобы ее одолевали сомнения, и нашел это

зрелище удивительно привлекательным.
В этот момент она показалась очень
человечной --- такой уязвимой, юной и
смертной.

Люди. Иногда так просто забыть,
насколько они хрупкие.

+ Я чувствую вашу осторожность, моя
легенда, + отправил Галео. + Откройтесь мне.
+

Он исключил нас из общения. Просто
взял и исключил. Легкой, мимолетной
мыслью он оградил свой разум от всех нас,
разговаривая с Анникой в психически
закрытом поле.

Их общение продлилось не больше
трех ударов сердца. Оно завершилось, когда
она закрыла глаза и кивнула.

Слова Галео вновь вернулись.

+ Понятно. И зачем вы привели моих
собратьев, инквизитор? +

Ее ответ был бесхитростен.

--- Я надеялась, что они доверяют мне
достаточно, чтобы поддержать, даже если
я не смогу раскрыть детали задания.

Галео поочередно осмотрел нас.

+ Она просит у нас нарушить клятву.

Следует ли нам послужить ей и отринуть
исполнение одного долга во имя другого?
Как юстикару Кастуана принимать
решение предстоит мне, но сначала я хочу
услышать ваше мнение. Что вы скажете,
братья? +

Первым отозвался Сотис.

--- Я доверяю суждению инквизитора.
Я бы отправился с ней. Важно это или
нет, но ты уже с ней.

--- Пусть Харул призовет из
монастыря кого-нибудь другого, ---
согласился Малхадиш. --- «Карабела»
позволит инквизитору Ярлсготтир
достичь цели за кратчайшее время.
Задание с кодом «Регалия» требует этого.

Дүменидон покачал головой.

--- Я воздерживаюсь от решения. У
меня нет желания нарушать клятву и
отворачиваться от одного долга ради
исполнения другого. Я соглашусь с
решением своего юстикара.

При каждом ответе Галео кивал.

+ А ты, Гиперион? +

--- Меня заинтриговало то, что она
спросила у нас, вместо того, чтобы просто

потребовать нашего присутствия. Я бы
отправился с ней, если бы предстал перед
выбором.

+ Тогда мы отправился с
инквизитором Ярлсготтир. +

От каждого из нас, словно круги от
брошенного камня, разошлась рябь
вопросительных мыслей. Галео
сформулировал ответ:

+ В пустоте Вальдаски Каул
грейфует военный корабль
«Морозорожденный». +

Я ощутил в его беззвучном голосе
крепкую, плотную сосредоточенность.
Если обычная психическая эманация для
разума походила на яркий свет, то это
был тонкий и острый клинок связи,
вонзившийся в каждого из нас. Юстикар
принимал все меры, чтобы ни один чужой
разум не подслушал его. Каждый из нас
перешел на бессловесную речь.

+ Мне знакомо это название, +
Дүменигон воспользовался прикосновением
силы Галео, чтобы ответить с такой же
сосредоточенностью. Юстикар с
готовностью предоставил свои силы.

поскольку Дутенидону всегда непросто давались самые сложные навыки. Некоторые из нас были рождены, чтобы стать более грубыми инструментами, нежели другие.

Всем нам было известно это название. В свое время Анника служила на борту «Морозорожденного», пусть и недолго. Она всегда с улыбкой рассказывала нам эти байки.

Галео кивнул, почувствовав наше понимание.

+ Согласно призыву инквизитора, патруль Имперского флота обнаружил эстинец типа «Охотник» полностью обесточенным и лишенным признаков жизни в глубинах пространства Вальдаски Каул. Получено подтверждение, что это действительно «Морозорожденный». Дочь ярла --- ближайший агент оргосов с необходимыми для расследования уровня доступа, поэтому ответственность ложится на нее. +

+ И на нас, + добавил я. Близость к тем, кто использовал свои силы, всегда

увеличивала мои собственные. Мне вообще не представляло сложности ухватить психическую пульсацию Галео, изменить ее и толкнуть назад с моими словами. + Куда направлялся «Морозорожденный», прежде чем его постигла эта участь? +

Ответила Анника, включенная в наш беззвучный разговор.

«Когда я покинула его, он следовал к системам Ыонала и Рүиса», — пролетел ее голос в наших разумах.

Ыонал. Рүис. Я запомнил названия этих звезд, изучая астрономический атлас. Они находились неподалеку от звезды Тисра, обогревающей забытые мануфакториями мир-үлей Армагеддон. Больше там не было ничего интересного.

+ Приниме мою благодарность, инквизитор. Вальгаска Каүл --- далекоовато от Ыонала и Рүиса. +

После секундного колебания Галео согласился.

+ Они почти наверняка затерялись в Варне. +

Я үстехнулся под личиной шлемат, подозревая, что каждый из нас об этом

подумал.

+ Но крайней мере, это будет
занимательно. +

--- Тебе как будто не терпится, ---
заметил Малхадиш настоящим голосом.

--- Так и есть, --- согласился я, а затем
беззвучно добавил: + Я никогда раньше не
встречался с Волками. +

--- Да, --- еще шире оскалилась
Анника. --- Не встречался.

Глава третья

ПЫЛЬ

3

Вальгаска Каул представляла собой скопления ионизированной серы и газообразного водорода, сформировавшие блеклую пепельную туманность, вытянувшуюся вдоль подъядерного края субсектора. Каул накрыла собою несколько солнц с тирати, наполнив целые системы смертоносными газами и сделав их совершенно непригодными для жизни. Человечество никогда не заселяло эти пространства, и, насколько мне известно, этого не делал ни один из ксеновыводков. Не многие регионы Галактики становятся проклятыми для всякой формы жизни, и Каул --- один из них.

Первое, что я ощутил по прибытии, были удары пылевых волн по корпусу, лязг и гребезжание прервали мою медитацию. На одно ступенное мгновение мне вспомнился

похожий звук: шум проливного дождя, бьющего по тонким крышам и металлическим оконным рамам. Я инстинктивно потянулся к воспоминанию, но прежде чем успел сосредоточиться на нем, оно испарилось из моего разума, словно туман на рассвете.

Они случались время от времени, проблески жизни, которой меня лишили. Детские воспоминания будоражили чувства, стоило их случайно извлечь медитацией. Все это выхолащивали из нас на самых первых этапах обучения, хотя отголоски все равно оставались. Мы были рождены людьми, и, несмотря на близость к совершенству, обретенному благодаря Дару Императора, в нас присутствовали немногочисленные изъяны того свойства, что мешают всему роду человеческому.

Я открыл глаза, когда корабль тряхнуло. Новые пылевые волны осыпали корпус щелкающими камешками. Ближайшие разумы на остальных палубах были возбуждены и воодушевлены, обрадованные прибытием.

Я закрепил шлем, собрал оружие и покинул нарушенное уединение оружейной комнаты.

II

Кхатан и Василла ждали за восточной дверью стратегиума, тихо беседуя между собой. Для Василлы это было так же естественно, как способность дышать. Голос у девочки был очень тихий, словно у мышки. В отличие от нее, Кхатан голосом могла ковать железо --- для нее говорить тихо означало делиться сокровенными тайнами.

--- Дамы, --- поприветствовал я их.

--- Мастер Гуперион, --- девочка сложила ладони и поклонилась.

Кхатан ухмыльнулась, сверкнув белыми зубами на лице цвета жженого меда. Ее дреды болтались в обычном беспорядке. Она была единственной аттилийкой, с которой мне доводилось встречаться, хотя я изучал архивы об их

общественном строе. Аттилиийские кланы
очень дорожили репутацией немытого
народа. Естественный запах пота
указывал на то, что Кхатан является
ярким представителем этой культурной
тенденции, это не было свидетельством
лени.

— Две Пушки, — сказала она. — Как
делишки, мой красавец-убийца?

Я не чувствовал себя неудобно из-за ее
флирта, просто не знал, как на него
отвечать. Всегда с трудом понимал ее
юмор. Возможно, сейчас это он и был. Но
наверняка я сказать не мог и предпочел
остаться в неведении.

— Почему вы снаружи? — спросил я.

Юное лицо Василлы светилось
безмятежностью.

— Мы ждем инквизитора, —
ответила она. — Ваши братья уже
внутри.

Я повернулся и выглянул в пустой
боковой коридор, ощутив приближение еще
двух раздумов. Дарфорд и Кловон вышли из-
за угла вместе. Первый, как всегда, был
в безупречно чистую форму, второй —

в одежде свободного покроя. От Дарфорга пахло чистой кожей и искусственным ароматом лосьона. От Кловона же несло ложью и начищенными ножами.

--- Ты который? --- спросил у меня Дарфорг. --- Хотя нет, не отвечай. В этот раз я угадаю.

Эта игра наскучила мне уже довольно давно. Я чуть наклонился, чтобы показать ему иля, выгравированное полированным золотом на правом наплечнике.

--- Ах да, конечно, --- сказал он. --- Привет, Гиперион.

Кловон не поздоровался со мной. Он остановился рядом с группой, отвернув от меня истерзанное лицо. В отличие от Сотиса, чье перекроенное лицо было наследием славной битвы, специально нанесенные шрамы Кловона представляли собой символические метки ритуального осквернения. Находиться в присутствии того, кто когда-то был еретиком... Я ощущал гурной привкус во рту всякий раз, когда просто смотрел на него.

Дарфорг провел пальцами по коротко подстриженной бороде.

--- Ненавижу абордажи, знаете ли. Я
употинал об этом?

--- Раз или два, --- мягко заметил
Кловон.

--- Тысячу раз, --- с напускной
серьезностью вставила Кхатан.

--- Снайперу негде развернуться, ---
продолжил солдат. --- Вот о чем я. Если
Анника не начнет с большей
тщательностью подбирать задания, я
могу просто вернуться на Моргую и
принять повышение, которое мне
предлагают. Сейчас я был бы уже
полковником, знаете ли. Полковник
Фредерик Дарфорд из Железной Гвардии.
А что, отлично звучит.

Кхатан сплюнула на палубу.

--- Постоянно одно и то же нытье.
Хватит. Оставь мои уши в покое хотя бы
на недельку.

Улыбка снайпера была презабавно
отрепетированной. Как-то при случае
покопавшись в его разуме, я узнал, что он
постоянно отрабатывает ее перед
зеркалом, ища ту улыбку, с которой он
выглядел бы привлекательнее всего. Ему

нравилось считать ее своим оружием.

--- Ты хоть слушаешь, моя любимая грязнуля? Ты вообще хоть что-то слышишь из-за грязи в ушах?

--- А может, я читаю по губам, наигнатори, --- Кхатан ухмыльнулась, используя аттилийское оскорбление для воина, который шел в бой пешком, вместо того чтобы ехать на лошади. Я читал, что подобное оскорбление служило поводом для сдэли чести. Как и все страшные ругательства различных культур, оно казалось довольно любопытным: его можно было сравнить с тем, которым обзывали человека, неспособного охотиться для себя и для племени, либо слишком слабого, чтобы сражаться в клановых войнах.

Я молча слушал их перебранку, не зная, что сказать. Любое мое слово только еще больше подогрело бы их спор, поэтому я решил не вмешиваться. Мне редко представлялся шанс понаблюдать за взаимоотношениями людей.

Кловон следил за мной. Он не мог скрыть своих мыслей. Показное равнодушие было хрупким, словно застывающая лава.

которая создает покрывшуюся трещинами корку над жидкой магмой. Он боялся меня и был из тех людей, которые ненавидят то, чего боятся. Подобные эмоции скрыть не просто.

Своевременное прибытие Анники прервало дальнейшие пререкания. Ее черные волосы были заплетены в две длинные косы, лежащие на плечах, что, как я подозреваю, по фенрисиjsкой традиции должно было означать женственность или царственность. Возможно, и то и другое. Но для меня они не значили ничего.

--- Гиперион, --- поздоровалась она.

--- Моя госпожа.

--- Ты ждал меня?

Мне не хотелось признаваться, что меня захватило то, как люди общаются друг с другом в обычной обстановке. Но я не солгу. Только не ей.

--- Нет, моя госпожа.

Судя по ее улыбке, она догадалась об истинной причине. Она отличалась большим умом.

--- Тогда пошли, --- инквизитор указала

на дверь. — Посмотрим, что у нас там.

III

Зернистый гололит мерцал над проекторным столом в искаженном подобии картинки с экрана оккюлюса. «Морозорожденный» был обычным эстинцем Agentus Астармес, то есть щетинился оружием, статуями, зубчатыми укреплениями и размерами не уступал «Карабеле». Наш корабль представлял собой модифицированный фрегат типа «Сверхновая», гораздо лучше вооруженный и намного более быстрый, нежели аналогичные корабли Имперского флота или меньших орденов. Мы были единственными Серыми Рыцарями на борту.

«Морозорожденный», эскортный корабль ордена Костических Волков, одновременно казался знакомым и неизведанным. Я узнал стандартные очертания укреплений и оружийных

батарей, но изображения волчьих голов казались мне совершенно незнакомыми.

--- Не вижу признаков боевых повреждений. --- Малхадиил потянулся к гололиту и повернул его с помощью сенсорных датчиков в пальцах перчаток. Он вращал картинку медленно, с его лица не сходило восхищение. Он чем-то напугал меня ребенка, осторожно держащего семейную реликвию.

--- Определенно нет боевых повреждений, --- подтвердил он.

В стратегиуме царил обычный приглушенный гул --- сервы и сервиторы безостановочно сновали по своим делам. Мы пятеро стояли вместе с группой инквизитора у стола.

Сквозь наши разумы потек голос Галео.

+ Как насчет повреждения вдоль укреплений и хребта? +

--- Повреждение, да. Но оно не боевое. Если взглянуть на обесцвеченную поверхность... --- Малхадиил повернул изображения к Галео, --- ...здесь. Корабль должен быть иссиня-серым, в

цветах ордена. Но бронированное покрытие
выцвело и сплавилось в бесцветное месиво.
Это вернейший признак того, как он
получил столько повреждений.

Галео кивнул, нисколько не
удивленный.

+ У меня неприятное чувство, будто я
знаю, что ты сейчас скажешь, брат. +

--- Я не понимаю, --- призналась
Кхатан.

Малхадиил снова повернул
изображения, оголив гибкий скелетный
остов корабля.

--- Искажения вдоль суперструктуры
почти наверняка результат эфирного
рубцевания. Осевой зал разорван в
достаточном количестве мест, чтобы
разгерметизировать весь корабль, даже не
учитывая остальных... --- он провел
пальцем по борту корабля, --- ...обширных
повреждений. Но ни одно из них не нанесли
оружием, которое используется в
пустотных сражениях.

--- погоди, --- откашлялся Дарфорд. ---
Эфирное рубцевание?

Малхадиил все еще сжимал в руке

разрушенный эстинец.

--- Повреждения от варп-волн. Корабль шел сквозь варп без поля Теллера.

--- Как долго? --- спросила Анника.

--- Секунды. Часы. Годы, --- Малхадиил покачал головой. --- Без проверки бортовых архивов сказать невозможно. И то если анимутс машины корабля еще в здравом уме и жив. Если нет, то для извлечения информации понадобятся значительные усилия.

--- Э, --- Дарфорд снова кашлянул. Он не говорил на высоком готике. --- Анимутс машины?

--- Он имеет в виду машинный дух, --- объяснил я. --- Душа корабля. Мы засекли жизненные показатели?

--- Определить нелегко, --- признал Малхадиил. --- Есть какие-то слабые сигналы, но Каул губительно влияет на работу аусников.

Я отвернулся от гололита, чтобы взглянуть на сам корабль, висящий в пустоте.

--- Он остался без энергии и разгерметизировался, и, кроме того,

пережил путешествие без щита через
варн. Но там есть признаки жизни?

Малхадиил все еще не отпускал
голоизображение. Мерцающий зеленый
свет падал на его лицо.

--- Задача усложняется, братья. Вы
видели повреждения вдоль второго и
четвертого квадрантов?

Воины Кастуана кивнули, но Кхатан
перезгнулась через стол, чтобы
посмотреть поближе. Малхадиил тут же
отодвинул от нее гололит, словно ребенок,
не желавший делиться игрушкой.

--- Дыры? --- спросила она. --- Разве это
не те же варповые раны?

--- Эфирное рубцевание, --- поправил ее
Малхадиил. --- И нет, это не они.
Посмотрите, как аблятивная броня
выгнулась наружу, словно лепестки. Это
внутренние повреждения корпуса. Что-то
пробивало себе путь наружу. Неоднократно,
судя по количеству повреждений.

Кхатан фыркнула.

--- Твои глаза лучше моих, Железяк, ---
Малхадиилу не удалось скрыть улыбку в
ответ на прозвище, данное ему

аттилийкой.

Дарфорд оказался куда зорче.

--- Я насчитал тридцать три
разрыва корпуса по левому борту.

Я насчитал столько же. Через
некоторые пробоины мог бы проехать даже
танк.

--- Что с флотскими кораблями,
которые обнаружили
«Морозорожденного»? --- спросил я.

Анника сверилась с инфопланишетом.

--- Это был патруль эстинцев типа
«Гадюка», его возглавлял «Неутомимое
сердце». Их сенсоры дальнего радиуса
действия засекли «Морозорожденного», но
им предписывалось двигаться вдоль границ
Каула. Капитан патруля запросил
разрешение у священных оргосов
направиться прямоком в туманность, но
ему недвусмысленно отказали.

--- Патруль «Гадюк»? Они были
обычными пиратами-охотниками? ---
спросил Дүменигон. --- Я не знаком с
типами флотских кораблей этого
субсектора, но знаю, что эта туманность ---
настоящий рай для разномастных

грабителей.

Циквизитор кивнула.

--- «Гадюки» слишком плохо вооружены, чтобы справиться с подобной угрозой, --- подтвердила она. Для них было бы верхом отваги просто попросить разрешения разведать.

--- Храбрость и невежество разделяет тонкая грань, --- вставил я. --- Был ли контакт с эстинцем после нашего прибытия?

--- Нет, брат, --- Малхадиил наконец отпустил гололитическое изображение. Освободившись от его хватки, оно продрейфовало обратно, туда, где в пылевом облаке медленно вращался настоящий боевой корабль.

Анника наторщила нос.

--- Даже аварийного маяка?

--- Нет, госпожа.

Я посмотрел на остальных, стоявших в молчании.

--- Но что насчет психического крика? --- спросил я. --- Мы смогли отследить его источник?

--- Что-что? --- повернулась ко мне

Анника.

Я разом стал центром всеобщего внимания.

--- Разве вы не слышите его? ---
спросил я, чувствуя растущую неуверенность. Пару секунд спустя я пересекся взглядом с Галео. Я ощутил, как он соединился с моим экстрасенсорным чувством и принялся искать, словно взявшая след гончая.

+ Теперь я слышу, + произнес он. +
Неразборчивый крик в варпе. Человеческий или очень похожий, чтобы сойти за человеческий с пугающей точностью. +

Я кивнул, поскольку слышал его таким же.

--- Не понимаю, почему астронавты пропустили его.

Юстикар долгое время изучал меня. В его взгляде, даже скрытом за глазами линзами, читалось осуждение.

+ Они упустили его, потому что он очень слабый, + наконец сказал он. По фокусировке сообщения я понял, что оно проецировалось только для меня. + Ты становишься сильнее, Гиперион. +

+ Спасибо, юстикар. +

Анника постучала костяшками по столу -- еще одна привычка, говорящая о том, что она сосредоточена.

-- В саге наметился новый поворот, -- сказала она с раздраженным вздохом. -- Просто отлично. Поднимается на борт. Приготовьтесь, моя команда присоединится к вам, как только вы сочтете, что риск приемлем.

Она посмотрела туда, где в пустоте плавал лишенный энергии корабль, мягко захваченный инерционным моментом.

-- Я хочу видеть, что внутри корабля, -- наконец произнесла она.

Мы отдали друг другу честь.

+ Боевой корабль войдет через посадочный отсек левого борта, + Галес указал на запечатанные ворота отсека. + Дүменигон проведет ритуалы подготовки. Мы будем на борту «Морозорожденного» через час. +

Глава четвертая

«МОРОЗОРОЖДЕННЫЙ»

1

Военный корабль Костиических Волков. Или, по крайней мере, то, что от него осталось.

В некотором смысле, он прошел полный цикл. Родившись в морозе Фенриса, теперь он безжизненно дрейфовал в глубоком костосе, затерянный среди льдов, вдали от солнц. Целые моря охлаждающей жидкости и масел затвердели, словно алмаз, заблокировав внутренние системы без шанса на оттаивание.

От первого моего шага по ангарной палубе доспехи тихо загудели. Из-за отключенной электрики и разгерметизации в отсеке царила тишина и была нулевая гравитация. Кроме моего размеренного дыхания, вырывающегося через респиратор шлема, единственным

звукот было бормотание Сотиса, который
крепил подошвы к палубе позади меня.

О мою голень ударилась пара
человеческих очков, которые в прошлом
почти наверняка принадлежали какому-то
серву оргена. Я проследил за ними
взглядом. Корригирующие линзы были
забрызганы кровью.

--- Помещение усеяно обломками, ---
провокировал Дүменигон. --- Личные вещи.
Дрейфующие ракеты и ящики из-под
боеприпасов. Несколько погрузочных кранов.
Боевой корабль и бронетранспортер
«Носорог» с символикой Космических
Волков закреплены на палубе. Из-
за туманности в корабль набились пыль и
песок. В человеческом спектре видимость
слабая. Глазные линзы компенсируют это.

--- Тела? --- прозвучал
потрескивающий вопрос инквизитора. Мы
едва слышали ее. Пыль буквально убивала
вокс-связь.

--- Нет. Тела отсутствуют, --- я
отключил магнитные замки и
продрейфовал вперед остальных,
поднявшись к покрытой балками крыше.

Чтобы переместиться дальше, я плавно
оттолкнулся от потолка. По наплечнику
щелкнул неотстрелянный болтерный
снаряд и медленно полетел вдаль.

--- Здесь ничего нет, инквизитор.
Ничего живого.

Ее ответ утонул в статике.

--- Повторите, пожалуйста, --- сказал
я. --- Помехи.

И вновь статика заглушила ее слова.

--- Юстикар, теряю контакт с
«Карабелой».

+ Я также утратил связь с кораблем,
+ я почувствовал Галео в своей голове,
мягкое присутствие, без той твердости,
чтобы счесть его назойливым. + Этого
следовало ожидать. +

+ Инквизитор, + потянулся я к ней.

«Я слышу тебя», --- ее голос звучал
достаточно близко, словно она стояла
рядом со мной. Достаточно близко, словно
делила со мной доспехи.

На мгновение я оказался
дезориентирован, когда перевернулся в
воздухе и закрепил ботинки на потолке.

«Покажи, что ты видишь», --- сказала

она.

Разделять с кем-то сознание было одним из тех умений, которые давались мне легко. На мгновение сконцентрировавшись, я открыл то, что видел сам, минуя мерцающие прицелы и бегущие по ретинальному дисплею руны. Вид на помещение из-под потолка, далекие звезды за распахнутыми ставками иллюза, тусор, дрейфующий в пространстве, словно рыбы среди зданий затонувшего города.

Наш боевой челнок, «Грозовой ворон», походил на толстенькую серебристую птичку, вцепившуюся в ангарную палубу, с языком, развернувшимся в рампу. Сейчас по ней последним спускался Малхадиш. Сотис продрейфовал к ровным рядам танков «Хищник» и потер тусклую деформированную броню одного из них. Галео стоял у открытых палубных дверей и встатривался в костос. Дүменигон шел по платформе к обесточенной панели управления, отпихивая в стороны парящие ящики.

«Понятно», — прозвучал ответ Анники. На долю секунды я проник

слишком глубоко через связывающие нас
узы, и мое зрение раздвоилось, когда я
посмотрел на мир ее глазами. Она стояла
в стратегиуме «Карabelы» и глядела в
оккюлюс. С ней рядом стояли Дарфорг и
Кловон. Еретик что-то бормотал.

Из-за волны раздражения наше
психическое единение напряглось, и мое
зрение поблекло и затуманилось. У меня
ушла секунда на то, чтобы вернуть ему
четкость, что немого отличалось от
созерцания тьмы в ожидании, что ваши
глаза вот-вот к ней адантируются.

«Что случилось?» — спросила она.

+ Ничего. +

«Теперь я слышу, как ты бормочешь».

Я читал девяносто вторую литанию
абсолютного сосредоточения. Вместо
ответа я обернулся к причине, по которой
воспарил к потолку. Лавировать между
переборками не составляло для меня ни
малейших трудностей — ни одно случайное
столкновение не стогло бы пробить мою
доспехи. Присутствие инквизитора угасло,
превратив ее в пассивного наблюдателя
моих ощущений.

Кровь, покрывшая несколько темных железных балок, превратилась в кристаллическую корку. Она откололась после моего прикосновения, рассыпавшись красным порошком в невесомости.

+ Собратья, + отправил Галео. + Готовьтесь выдвигаться. Гиперион, что с психическим зовом о помощи? +

--- Он утолк, едва мы ступили на борт, --- провоксировал я. --- Все это кажется довольно примитивной ловушкой, юстикар.

+ Я почти уверен в этом. Будьте начеку. +

Я отстегнул ботинки и оттолкнулся от потолка, продрейфовав сквозь обломки. В последнюю секунду развернулся и приземлился на палубу, снова закрепив стабилизаторы.

--- Нет тел, --- произнес Малхадиил вслух то, о чем мы все думали. --- У них здесь боевой корабль, но к нему никто не притронулся.

Через психическую связь с Анникой я услышал далекое ворчание Дарфорда:

«Все интереснее и интереснее».

Военный корабль *Agentus Астармес* — это твердыня в пустоте. Он предназначен для того, чтобы грохнуть блокирующие флоты, бомбить поверхность планет и сражаться с кораблями, многократно превосходящими его по размерам. Многие тайны создания наших кораблей ныне утрачены, поскольку предвосхищали сам Империя, уходя корнями в Темную Эру Технологий. Можно даже не говорить, что военный корабль Космического Десанта представляет собой настоящую крепость, внутри похожую на лабиринт вычурной архитектуры из длинных коридоров и огромных залов.

Мы шли по небольшому ангарному отсеку, то и дело сверяясь с планами по пути к главному арсеналу. Хотя эстинцу типа «Охотник» не доставало огневой мощи более крупных родственников, он был не лишен величественности. Увенчанные волчьими головами горгульи скалились со стен, глядя на нас немигающими глазами.

Дверные арки были украшены искусными бронзовыми гравировками, которые на многих мирах сочли бы настоящими произведениями искусства. По всей протяженности коридоров струились руны из сусального золота, во многих залах полы были выложены мозаикой. В готических неграх подобных кораблей показная роскошь встречалась чаще, чем где бы то ни было во всей человеческой Галактике.

Мы не разделялись. Мы — Серые Рыцари, а не банда мародеров-расхитителей. Каждый из нас взращен и обучен для того, чтобы служить щитом своему брату, и наши разумы оставались соединенными, чтобы в мгновение ока увидеть через чувства друг друга.

Искусственная пульсация аусника Малхадила представляла собой непрерывное биение, к которому мы все время прислушивались. Устройство тикало в пассивном режиме, ничего не видя, ничего не слыша, ничего не ощущая.

Мы держали оружие наготове. Как обычно, Галео и Дүменидон шли впереди. Я был замыкающим и шел, в одной руке

держал штурм-болтер, в другой —
пистолет.

Без сомнений, корабль серьезно
пострадал. Команде из сербов или
сервиторов для того, чтобы миновать
обломки, пришлось бы не раз возвращаться
обратно в поисках обходного пути. Завалы,
преграждавшие нам путь, расчищались
Малхагилом и Галео, работающими в
телекинетическом единстве. Ударами и
толчками кинетической силы они
просто откидывали искореженное железо
в стороны.

К тому времени, как Малхагил
отбросил тридцатую гору металла, его
дыхание стало поверхностным и
прерывистым. Его способностью был
телекинез, но у всякого человеческого тела
существовали свои пределы, даже у
освоенного Даром Императора. Его доспехи
покрылись психической изморозью, которая
осыпалась всякий раз, стоило ему напрячь
мышцы, чтобы сконцентрироваться.

Первые тела мы обнаружили в
главном арсенале. Комната была
наполнена смертью — тела сервиторов и

сервов органа безмолвно висели в воздухе. Каждый труп свидетельствовал о мучительной смерти — тела были вынуждены, истерзаны, расчленены.

Один из трупов сидел, прислонившись спиной к переборке, закованная в кератит рука покоилась на животе. Он умер, пытаясь задохнуться внутренности на прежнее место. Как и мы, он прикрепил подошвы к палубе. Но, в отличие от нас, он был безоружен. Украшенный рунатами болтер парил неподалеку.

«Сова гудит, хелль'тен», — прозвучало в моем разуме произнесенное Анникой фенрисиийское напутствие почившему герою. Я не был знаком с внутренними традициями органа, поэтому не узнал странные обозначения на доспехах: с наплечника взирал железный волк, на поясе висели талисманы из волчьих голов. От трупа во все стороны расползлися шарики замерзшей крови. Не вся обесцвеченная жидкость была человеческой.

+ Гиперион, + настойчиво позвал Галео. Я знал, чего он хочет.

— Слушаюсь, юстикар.

Я приблизился к трупу и опустил ладонь ему на шлем. Поникий головой воин смотрел на то, что осталось от его туповища.

+ Что ты видишь? +

На мое зрение словно опустилась туманная пелена -- вид через чужие глаза. Эта же комната, забитая бегущими сервати и сервиторами, вооруженными обычными инструментами... между ними скользили гибкие демонические фигуры, разрубая людей зазубренными клинками, которые словно были выкованы из меди и бронзы. Туман сгустился и вновь рассеялся, показав последнее, что видел воин. Одна из фигур -- существо, покрытое вздвигшимися огненно-красными венами по растрескавшейся черной коже, -- выплеснула желчь мне в глаза и погрузила в живот меч. Я ничего не слышал и не чувствовал, но зрелище красноречиво говорило само за себя.

Я убрал руку со шлема.

-- Дети Кровавого Порока, юстикар. Десятки.

+ Рассредоточиться, + приказал

Галео. + Мне нужны ответы. +

Главный арсенал защищали только тела павших, его огромные двери были распахнуты настежь, напоминая беззубую пасть. На стенах висели пустые стеллажи, на которых не осталось ни единого меча или болтера. Все наличное оружие разобрали. После того, как исчезла гравитация, из ящиков с боеприпасами и запасными ценными лентами для мечей вывалилось все содержимое, заполнив пространство между парящими трупами.

Единственный свет исходил от нашего оружия, клинки тускло мерцали, работаящими на малой мощности силовыми полями, временами заставляя тени танцевать на стенах, когда по лезвию с треском проносился заряд. Мерцающая игра силуэтов превращала изувеченные, затерзанные лица в грожащие торгвы демонов.

--- Они разграбили все, --- заметил Сотис. --- Оружия не осталось.

Я указал на потолок, покрытый воронками и трещинами от болтерных снарядов и оружия калибром поменьше.

--- В этой комнате было что-то нагнати. Они пытались свалить его.

Даже со своим улучшенным зрением мы едва видели в пыльном траке. Доспехи ощутили, что я пытаюсь что-то рассмотреть, и переключили глазные линзы на другую частоту, проникнув сквозь пылевую завесу Ничего.

+ Мы уже достаточно глубоко. Туперион, начинай ниспослание. +

Я спрятал болт-пистолет.

--- Сейчас, юстикар.

III

В одном изречении времен Старой Земли, написанном советом древних американских королей, говорится о том, что все люди рождаются равными. Я часто задавался вопросом, звучали ли эти слова так же лживо и идеалистично для людей той эпохи, как для меня. Действительно, человечество обладает неисчерпаемыми способностями к

самообману.

Обман — грех, направленный против чистоты, как сказано в пятнадцатом законе набожности. Соврать означает запятнать душу, а тот, кто обманывает сам себя, трижды очернен ложью.

Люди не рождаются равными. Доказательства очевидны для любого.

Хотя мы уже не люди в обычном смысле, но происходим от них, и поэтому ни один Серый Рыцарь не может быть равным другому.

Сотис не был предрасположен к ниспосланию, как и Дүменидон. Малхадиил обладал телекинетическими способностями, а я классифицировался как пирокинетик. Но из всех пяти душ Кастуана ответственность за ниспослание всегда ложилась на Галео либо на меня. Почти всегда его предпринимали в одиночку.

Как лучше описать ниспослание? Как можно описать шторм ребенку из подгуля, который ничего не знает о ветре и погоде? Можно, конечно, сказать, что дождь — это бьющая в лицо вода и что тучи похожи на

клубы ядовитого тумана, но образ все равно останется неполным. Ребенок никогда не видел неба. Единственный ветер, который он ощущал, порождался астматическим дыханием вентиляторов.

В свои первые ночи мне приходилось преклонять колени, чтобы провести ниспослание, напевая при этом цитаты и сосредотачивая внимание на игнорировании телесных ощущений. К счастью, постоянно тренируясь, впоследствии я преодолел это препятствие, а узы с братьями усилили мои таланты. На «Морозорожденном» мне пришлось всего лишь закрыть глаза.

Корабль сопротивлялся. Я чувствовал скверну в его костях, порченное железо и потемневшая сталь отражали мое ищущее прикосновение. Зал за залом, комната за комнатой, я направлял свои чувства и все дальше дрейфовал через мертвый корабль.

Способность видеть без глаз и воспринимать без физических ощущений может сбить с толку даже подготовленный разум. Однажды я

предпринял ниспослание в жилом блоке, и
ответная отгача оказалась настоящим
испытанием для моих чувств -- по мозгу
враз застучали сотни разумов со своими
нуждами и мыслями, сливаясь в ядовитый
поток. Под вихрем сознания таились
простые и резкие инстинкты грызунов,
плодившихся за каждой стеной блока, а
также очертания самого строения -- углы,
дыры в материалах, то, как его вес давит
на основание...

Ниспослание моих чувств по эстинцу
ядовитым образом походило на тот опыт.
По вычурным стенам и узким каналам
пульсировало тайное сердцебиение,
наполненное жизнью, которую не в
состоянии засечь ни один сканер.

Я перестал чувствовать источник
психического воя. Что бы ни рыдало в
варне, теперь оно упорно и мастерски
скрывалось.

-- Я не ощущаю живых душ на
корабле, -- произнес я.

+ Тела? +

Ух я чувствовал вместе с
призраками, таящимися рядом. Каждый

раз, стоило мне пройти мимо очередного
трупа, я улавливал тихие обрывки
последних слов или вспышку клыкастых
настей и зазубренных клинков.

--- Сотни, юстикар. Все остывшие.
Все мертвые. Корпус прогнил от скверны.
Она ослабляет мой взор, но уцелевших нет.
По крайней мере, таких, которые были бы
в сознании. Может, кто-то лежит в
анабиозе.

--- Расскажи о скверне в стенах, ---
сказал Дүменидон. --- Я ничего такого не
чувствую. Это одержимость?

Я прошел по коридорам, чувствуя, как
за мной трещат стены, хотя сама
структура оставалась неизменной. Они
отшатывались на психическом уровне,
будто инстинктивно.

--- Нет, не одержимость. Просто
скверна. Не больше чем тупая злоба от
таящейся в костях корабля порчи.

+ Двигатели? + спросил Галео.

Я собрал чувства и сосредоточился на
наислании через огромные залы к
двигательной палубе. Загадочный
термоядерный реактор, который некогда

служил пылающим сердцем корабля, застыл в неподвижности, покрытый замерзшей кровью и окруженный дрейфующими обломками. Плазма в трубах и ядре также остановилась и загустела.

--- Холодные, юстикар. Такие же холодные и мертвые, как и команда.

+ Отключенные? + направил он мне вопрос. + Или выведенные из строя? +

--- Сложно сказать, юстикар. Мал?

--- Я пойду с ним, --- ответил Малхадиил.

Я потянул его сущность за собой, направляясь обратно к двигательным палубам. Я услышал, как в комнате, где остались наши братья, пошатнулось его тело. Он упал на колени, не в состоянии сосредоточиться на физической форме, пока разум действовал отдельно от тела. Но Малхадиил знал свою задачу и заставил чувства пронестись по пультам управления и поверхности реактора.

Он заговорил громко, его голос казался далеким и отвлеченным.

--- Двигательное ядро в главном

двигательном зале отключено в ручную.

Я чувствовал его движения так, словно мог видеть, как он невидимыми прикосновениями прошелся по рядам бездействующих командных пультов, представляя себе принцип работы каждого из них.

— Все девять шифров зажигания были извлечены, — затем он задумался, и я услышал по voxу его дыхание. — В разъемах остались угольные рубцы, также повреждены субдортальные кабели, которые соединяют пульты с анимусом машины. Ключи активации извлекли, пока корабль еще двигался.

Сотис перенес вес тела на другую ногу. Приглушенный шум его сопел на секунду отвлек меня, и мне пришлось быстро сосредоточиться.

— Они попытались вырубить двигатели, чтобы выпрыгнуть из варпа, — сказал он. — Я не понимаю. Почему они не выбросили варп-ядро? Разве не было иного способа вернуться в реальное пространство?

Малхадиил упал на четвереньки, его

чувства еще оставались со мной в
инжинуриуме. С меня градом катил пот.
Поддержание такой сосредоточенности
заставляло мышцы находиться в
постоянном напряжении, мои виски ныли
из-за крепко стиснутых зубов.

--- Навигатор, --- выдохнул
Малхадиил. --- Виноват их навигатор.

Я почувствовал, как его сущность
начинает истончаться, рассеиваясь по
сети кабелей и труб, идущих из
двигательного зала. Его дыхание стало
прерывистым, и, словно волк, вцепившийся
зубами в добычу, я потащил его за собой.

--- Это было неприятно, ---
пробормотал он, с третьей попытки
поднявшись на ноги.

--- Ты ушел в дрейф, --- ответил я.

--- Спасибо, что забрал меня, ---
поблагодарил он.

+ Что с их навигатором? + вмешался
Галео.

--- Это был он, --- подтвердил
Малхадиил. Мой брат проверил оружие,
словно чтобы просто убедиться, что оно
осталось при нем. --- Они не могли

вырваться из варна. Они даже не могли
обездвигнуть корабль, выбросив варн-ядро в
костос. Навигатор не позволял им. Под
палубами настоящие джунгли из кабелей,
к которым больно прикасаться, они жались
резонирующей злобой навигатора. Он даже
не позволил кораблю затеблиться.

Я попытался представить, о чем он
говорит. Понятно, что такой контроль
над военным кораблем был неслыханным.
Навигатор был проводником, пилотом в
варне, он не управлял всеми системами. Он
не мог в одиночку проклясть целый
корабль.

+ Нам всем будет не доставать твоих
навыков, когда гросстейстер направит
тебя на Марс. +

Малхадиил кивнул юстикару. Ни для
кого не было тайной то, что он желал
учиться под руководством марсианских
Механикус. Если бы Кастуан мог
отпустить его, Малхадиил давно бы уже
ушел. Через пару лет, пройдя секретное
обучение, он стал бы технодесантником.

--- Машинный дух мертв, --- сказал он.
--- Окончательно мертв. Ядро невозможно

активировать в полностью рабочем состоянии, только если заново не освятить его в кузне душ. Корабль не просто отключили, — Малхадиил покачал головой. — Его пытались убить, вырвать жизнь из каждой системы.

— В залах инжинериума после боя остались кровавые пятна и выбоины от пуль, — добавил я. — Какие бы сражения ни отгревели на корабле, команда предпочла вырваться в материальное пространство на разваливающихся обломках, но не оставаться в варне. Перед уходом корабль следует уничтожить. Очищение невозможно. Его прах следует предать пустоте.

+ Системы жизнеобеспечения также невозможно восстановить, пока мы на борту? Даже искусственную гравитацию?

+

Малхадиил задумался. Я почувствовал, как он вспоминает характер повреждений в инжинериуме. В этих мыслях пронеслись образы опустошения, лилолетные и холодные.

— Я могу восстановить пару

второстепенных систем, юстикар. Они
будут связаны с капризными
вспомогательными когитаторами. Без
машинного духа это в лучшем случае
будет лишь временной мерой. Корабль
повержен, — закончил он. — Его пронзили в
самое ядро.

+ А варп-крик? +

Я покачал головой.

— Похоже, у него нет источника,
юстикар.

— Эхо, наверное, — предположил
Дүменигон. — Последний отголосок
сильной эмоциональной травмы. Архив
завален свидетельствами о подобном. Я
сам чувствовал такое на многих заданиях.

— Похоже на правду, — сказал я. — Но
на борту может что-то прятаться. В
любом случае я не уверен.

Галео кивнул.

+ Мы направится в инжинериум и
восстановим все, что возможно, а затем
повернем к носу корабля и оккюзиуму
навигатора. Гиперион? +

— Да, юстикар.

+ Сообщите инквизитору, что она не

стожит попасть сюда, по крайней мере, еще пару часов. +

--- Сейчас, юстикар.

Я сделал то, о чем он попросил. Полученный ответ оказался ровно таким, как я и ожидал. Инквизитор Анника Ярлсготтир знала достаточно бранных слов, и сейчас многие из них она выплюнула в мой разум.

Я приглушил ее голос и вернулся к мисносланию, дрейфуя вдоль центрального спинного зала.

Стены, оскорбленные моим вторжением, продолжали сопротивляться. Хотя корабль был наполнен ужасающим разумом, тот был отравлен. Корабль хотел, чтобы его оставили в покое, позволили гнить и разлагаться в глубоком костре.

Я видел зависшие в воздухе тела, оплеченные замерзшими внутренностями. Я видел тела, припороженные к палубе или стенам своей кровью, которая превратилась в толстую ледяную корку. Я видел груды тел, разогранные на куски так, что невозможно было сказать, где

заканчивается одно и начинается другое или какая часть какому трупу принадлежит.

В голову все больше и больше лез шепот. Каждое тело, мимо которого я проходил, добавляло свое шипение к общей мелодии.

Нет, нет, пожалуйста... последний зал... перезагрузка... нет, Бог-Император, нет... кончились патроны... нет, нет, пожалуйста... за Императора... провалил испытания... последний выстрел для себя... корабль кричит... я не вижу... мать, мать... не могу дышать, я ослеп... где это я... не вижу... нет, пожалуйста, нет, только не меня... я не могу это сделать... помогите... нет, нет, нет... помогите... моя рука, моя рука... нет, нет.

+ Возвращайся, Гиперион. Ты увидишь все, что нужно. +

Я почувствовал вкус желчи во рту. Возможно, Галео прав. Я уже было собрался ответить «как прикажете», но слова застряли.

Он ощутил это в тот же момент, что и я. Все мы ощутили. Они

повернулись ко мне, почувствовав то же, что и я.

--- Враз, --- прорычал Дүменидон. Оружие ярко полыхнуло, подпыхиваемое нашими эмоциями.

--- Нет.

При этом слове все опять взглянуло на меня. Я моргнул, как только мои чувства ворвались обратно в колыбель черена, пошатнувшись, но не свалив меня, как Малхадила. Наконец ниспослание завершилось.

--- Здесь есть выживший, но это не враз.

Нить его жизни оказалась достаточно тонкой, чтобы укрыться от меня в первый раз, и даже во второй я едва не прошел мимо. Душа казалась не более чем крошечной свечой посреди безбрежного холода.

+ Где? + вопрос вонзился в меня, острый, как лезвие клинка. Временами Галео забывал о своей психической мощи.

Наконец я открыл глаза.

--- Орудийная палуба правого борта.

Мы двигались быстрее прежнего, грейфун по обесточенным палубам, пробираясь по потолку и стенам центрального хребта. Галео вел нас с поспешностью, которой не было с самой высадки.

В одной точке вокс на краткое время ожил. Инквизитор воспользовалась этим сполна.

--- Гиперион, этой операцией командую я, --- напомнила она.

--- Знаю, инквизитор.

--- Я хочу пиктографические свидетельства всего, что вы видели, пожалуйста. Вы не можете уничтожить имперский боевой корабль и отправить в архивы для вещественных доказательств лишь результаты сенсорного сканирования.

--- Может, и так, --- предположил я, --- но свидетельства пяти Серых Рыцарей будут вполне убедительными, не так ли?

Она отвернулась от вокс-микрофона и что-то пробормотала. Что-то про

«слишком ревностных ублюдков».

--- Циквизитор?

Ее ворчание завершилось вздохом, который говорил о том, что она была настолько терпеливой, насколько этого было от нее вообще разумно ожидать.

--- Я не возражаю против уничтожения корабля, --- сказала она. --- Просто мне потребуются нечто большее, чем ваши заверения в необходимости этого. Оргосам нужны вещественные свидетельства любой операции подобного масштаба. Особенно когда речь идет о военном корабле Космогесанта.

Ее голос опять стал прерываться и запинаться, когда вокс вновь начал глущить. Признаюсь, я почувствовал облегчение, но долг был превыше всего. Когда я нырнул сквозь пустоту, то вновь потянулся к ней. Мне не составило никакого труда соединиться с ней, ощутить ее позади своих глаз, позволить видеть то, что видел я.

К счастью, на этот раз она решила молчать.

Мы достигли конца глинного

коридора. Я перекувырнулся в воздухе, плечом отпихнув ящик, из которого тут же выпорхнула стая патронов, и оттолкнулся от стены. Пока мы скользили по вспомогательному коридору, я летел впереди остальных. По обе стороны от нас проносились двери, каждая переборка была открыта, на краткие мгновения показывая картины разгромленных кают сервов, талых арсеналов, складов, комнат для медитации.

--- Что ты чувствуешь? --- пришел по voxу вопрос Малхадила. Я ощутил, как он потянулся в мой разум, словно тот был головоломкой, которую следует разгадать уровнем за уровнем. Моя волна раздражения отразила его неуклюжий натиск.

--- Душа, --- сказал я ему, --- окровавленная и сломленная.

Ее присутствие было нечетким, слишком слабым, или же она старалась остаться незамеченной.

--- Один из команды?

--- Думаю, да.

--- Он не заражен?

Здесь я был не настолько уверен.

+ Оружие к бою, + приказал Галео. +

Приготовьтесь. +

Я потянулся к огромному входу по левую сторону коридора, по инерции развернувшись и проскользнув внутрь.

Первым, что я увидел в свете глазных линз и мерцании оружия, был раскинувшийся передо мной оружейный зал. Огромные люльки из почерневшего железа удерживали гигантские башни оружейных батарей, уставившихся в открытый космос.

На любом другом военном корабле это было бы местом мощной промышленности и великой торжественности, где сервы и сервиторы готовились вести войну во имя Императора. Здесь же оно походило на могилу.

У меня вновь мурашки пошли по телу. Отвращение, ползущее по позвоночнику, зуд позади глаз. Скверна. Грязь. Враг.

Наконец ты нашли Волков.

Глава пятая

ОДИНОКИЙ ВОЛК

3

--- Скитня, --- ругнулась она за мои же
глазами.

+ Нет, + послал я ей. + Его не коснулась
скверна. +

«Я не о выжившем, Гиперион. О
мертвых».

Моя сетка прицеливания отмечала
их всех, тело за телом, застывших в
воздухе. Они были похожи на сломанные
тарионетки: повисшие конечности,
развороченные госпехи, перебитые
позвоночники.

Чтобы остановить дрейф, я опять
активировал магнитные замки на
ботинках и грохнулся на палубу. Красные
алмазы разлетелись от моих госпехов,
застучали по глазным линзам. Мне
потребовалась секунда, чтобы понять, что
это их кровь. Океан крови.

кристаллизовавшейся в вакууме.

Тело одного из Волков, потревоженное моим прибытием, медленно перевернулось, отлетев в сторону. Керамит цвета штормового океана, покрытый бронзовыми рунатами, отражал сияние моего оружия. Когда лицо воина попало в поле зрения, я заметил повреждение в его шлеме — что-то пробурлило себе путь сквозь глазные линзы прямо в череп. Его перчатки застыли на горле, пальцы скрючены. Он умер, пытаясь сорвать с себя шлем. Всего здесь было семь тел. Треть Волков. Традиционно корабли такого тоннажа предназначались для перевозки нескольких отделений.

Палуба вздрогнула под ногой шватки остальных моих братьев.

— Кровь Сигиллита! — выдохнул по voxу Дүменидон. Другие смотрели на царившее разрушение, но и дело отгоняя от визоров кристаллы крови.

Я потянулся к другому парящему Волку, чтобы осмотреть его раны. Едва второй мой палец коснулся доспехов, как раздался крик.

Я ожидал чего-то подобного ---
психический отголосок любой души,
испустившей последний вздох, оставляет
след, --- но этот вопль налетел словно
штормовой шквал, такой сильный, что я
пошатнулся. Краем глаза я заметил, как
Галео тоже сделал шаг назад. Несколько
членов команды на борту «Карабелы»
закричали, когда слабое эхо, пройдя по
моей связи с Анникой, проникло в их
восприимчивые разумы.

Я из всех сил старался не покинуть
тело. Вызванный потило моей воли огонь
стал лизать мне пальцы, горя без воздуха.
Я чувствовал, как то же пламя запылало в
моих глазах.

+ Что... это?.. + донесся до меня
напряженный голос Думенигона.

А затем пришло оно. Умя, слова,
гремящие гласом безмолвного
психического грома.

+ ПОЖИРАТЕЛЬ +

+ ЗВЕЗД. +

+ Пожиратель Звезд! + разом
прокричали Думенигон и Сотис в
синхроническом единении, когда их

захлестнуло ударной волной шестого чувства. У меня ушли все силы, чтобы не закричать вместе с ними.

+ Смертный вопль, + подтвердил Галео. Его голос все еще грожал. + Последние слова кого-то очень могущественного. +

Я протолчал. Все мои чувства еще болели после смертного вопля. Слабый телекинетический толчок заставил развороченное тело улететь вдаль.

+ Псайкер, + выдал я из себя секунду спустя, указав на труп. + Один из их шаманов. +

Галео кивнул. Я слышал, как он успокаивает дыхание. В ушах звенело -- все звуки казались приглушенными, пока в разуме эхом отдавался покалывающий грохот.

+ Будь осторожен, Гиперион. +

+ Слушаюсь, юстикар. +

Выживший лежал на палубе, в то время как остальные воины зависли в безмолвном вакууме.

+ Он должен был уже умереть, + отправил Галео, пройдя мимо.

+ Он почти мертв, + ответил я. + У
вскоре так и будет. +

Это был Волк, закованный в сизо-серый керамит ордена, с накинутаой на плечо белой волчьей шкурой. Кровь покрывала его доспехи, заляпала шкуру, забрызгала шлем. Она залила всю палубу вокруг него, превратившись в лед, особенно много ее было там, где обе отрубленные по колено ноги оканчивались культями. Лед приковал Волка к луже собственной крови на палубе. Сквозь развороченные оружейные порты пыль Каула проникала в помещение.

Если бы я смотрел на него человеческими чувствами, то не смог бы сказать, жив ли он еще. Даже ретинальный дисплей не находил в нем признаков жизни. Лишь бесконечно тонкая нить его психического присутствия говорила об ином.

Я приблизился первым и опустился возле него на колени. На активированных глазных линзах побежали руны, когда доспехи попытались подключиться к его вокс-каналу. Сначала раздался щелчок, затем пульсация, потом протяжное,

прерывистое дыхание.

Я склонился над воином, остатривая треснувший шлем. Поверхностные повреждения — ничего, с чем не справился бы ремонтный сервитор. Но он словно не видел меня. Его биопоказатели были чуть выше нуля. Значит, анабиоз. Не лишено смысла. Нам понадобится правильная подборка препаратов, чтобы оживить его на борту «Карabelы».

— Я не чувствую в нем скверны, — сказал позади меня Дүменидон.

— Ее и нет, — ответил я. — У он активировал анабиозную мембрану. + Циквизитор? +

«Да?»

+ Нам нужен химический состав «солнамбүлист», вы найдете его на складе аптекариона «Карabelы». Используйте сервиторы в климатическом костюме, чтобы переправить его к нам. +

«Нет. Я сама прыгну», — почему-то я не сомневался, что она это скажет.

+ Это небезопасно. Мы не проверили весь корабль.

«Закройся, Гиперион».

+ Гиперион прав, инквизитор... +

«Закройся, Малхадиил».

+ Инквизитор... +

«Я инквизитор Ордо Маллеус. Не спорьте со мной. Если мы начнем теряться званием, вам не выиграть. Мне не требуется ваше соизволение. Вы можете переместить раненого Волка?»

Я опять взглянул на тело.

+ Да. Анабиоз не позволит его состоянию ухудшиться. +

«Доставьте его ко мне. Это приказ».

II

Мы встретились в ангаре. Его собственный шаттл представлял собой сверкающую противоположность сумрачно-агрессивной эстетике нашего боевого корабля, и я подозревал, что никто из нас не удивился, когда она спустилась по рампе в сопровождении нескольких фигур в матово-черных пустотных костюмах, отмеченных литерати Инквизиции.

Неподалеку от одной из них трясил кибертастиф, цепляясь за пальцы железными когтями и совершенно не волнуясь насчет отсутствия гравитации.

— Две Пушки, — один из безликих шлемов из черного стекла кивнул мне.

— Привет, Гиперион, — сказала самая маленькая фигурка нежным женским голосом.

— Нам стало скучно, — произнесла другая, самая высокая.

Даже вокс-треск не мог скрыть довольное хмыканье Дарфорга. Он был человеком, которому не составляло труда развеселиться в любой ситуации. Меня всегда интересовало, почему.

Инквизитор Ярлсготтир подошла к нам, как-то сумев заставить неуклюжий шаг при нулевой гравитации выглядеть грациозным. Она также была в климатическом скафандре с рекреационским болтером за спиной. Ее бледное лицо смотрело на нас из-за усиленного визора бронированного шлема. Временами стекло запотевало от дыхания.

Галео втянул воздух, чтобы заговорить, но Анника предупредительно подняла палец, и юстикар замолчал под ее хмурым взглядом. Позади нее Кхатан и Дарфорг тащили ящик с лекарствами.

Анника присела возле навешенного Волка, которого мы доставили сюда.

— Разбуди его. Ему придется отпевать своих братьев.

III

Едва очнувшись, воин первым делом вцепился в мое запястье. Хватка оказалась неожиданно сильной. Он ничего не сказал, или, скорее, мы не услышали его слов, поскольку системы доспехов только начали оживать и пытались восстановить связь с отделением. Когда автоматически подключиться не удалось, я жестами указал последовательность из семи цифр — наша связная частота.

Извещение спустя вокс затреещал. Его голос был утробным, бортоющим рыком,

который выцеживался сквозь стиснутые
зубы.

--- Теперь я вспоминаю, --- прорычал
он. --- Ублюдки отняли мне ноги, --- он
поднял голову, его глазные линзы
встретились с твоими. --- Назовись, собрат,
либо назови себя врагом, ибо я не узнаю
твоих успехов.

Это была довольно распространенная
реакция даже среди Агентус Астартес.
Большинство оргенов считали нас мифом,
если вообще слышали о нас. Немногим
душам позволялось знать о нашем
существовании.

+ Гиперион, + пропульсировал Галео. Я
понимающе кивнул.

--- Мы --- отделение Кастуан, из
Серых Рыцарей, --- сказал я раненому воину.

Чужо, но он сумел сжать
окровавленную правую перчатку в кулак и
ударить им по нагруднику.

--- Граубр, из Великой роты Хакена
Жующего Железо, --- разразился он стехом,
в котором, однако, не чувствовалось
веселья. --- Хотя Жующий Железо уже
мертв, как и я. Новый волчий лорд

принесет с собой новые символы роты.
Хннзх. Я рад, что умираю. Слишком стар,
чтобы снова перекрашивать наплечник.

Когда он продолжил, я услышал
неприятный влажный хрип в его дыхании,
что говорило о наличии крови в легких.

--- Великий Волк, верховный ярл
Гримнар, говорил о вас. Он отправил нас за
вами. К Титану, сказал он. Плывите к
величайшей луне Сатурна. Ха! Я почти
уверился, что он лгал нам. Но вы
настоящие, да?

Всякий раз, когда он открывал рот,
до меня доносилось булькающее
грохотание его напрягающихся органов.

--- Ты далеко от Титана, --- сказал я
ему. --- Удача привела нас сюда.

--- Удача? Мочился я на удачу.
Всеотец привел вас ко мне.

--- Кто?..

--- Он говорит об Императоре, ---
разъяснила Анника. Она вышла перед нами
и присела рядом с умирающим Волком. ---
Я Анника Ярлсготтир, теперь из
Унквизиции, а некогда с Фенриса. Моим
племенем был Слотанный Клык. Моим

отцом был Ранил Скорняк, ярл Маульмы.
Боевая краска, которую мы наносили,
когда плыли на битву, была...

--- Красной, цвета крови, --- прохрипел
воин, --- наносится от уголков рта и
спускается вниз по горлу. Я же хорошо знаю
Сломанный Клык, девочка. Мое имя вот
уже три века звучит в оргене, но я знал
Сломанный Клык еще до того, как меня
забрали, --- он прервался и тяжело
закашлялся в шлем. --- Я был старым уже
тогда, когда твой старик тянул молоко из
сисек твоей прабабки. Ты слышишь меня,
девочка? Я вершил резню на холодных
морях и движущихся землях за десять
поколений до того, как ты вообще
появилась на свет.

А она... она улыбалась. Хотя я не
видел ее лица, но чувствовал ее радость ---
тепло, которое она испытывала к воину.
Из ее поверхностных мыслей я узнал о
фенрисийской традиции добродушного
хвастовства, когда пересекались пути
воинов из разных племен.

Любопытный обычай.

--- Расскажи нам, что случилось, ---

потребовала Анника, схватив его гигантский кулак в свои руки. Ее пальцы даже не смогли полностью обхватить его ладонь. -- Что привело вас сюда?

-- Куда... куда это сюда?

-- На Вальдаска Каул.

-- Предупреждение, -- прорычал он вновь. -- Предупреждение. Вы слышали Ангриффа Укротителя Хворей? Скажите, что слышали последний крик Укротителя Хворей.

-- Пожиратель Звезд, -- слова вновь возникли позади глаз.

-- Слышали, -- сказал я. -- Объясни их значение.

-- Нам пришлось бежать сюда. Ты понимаешь это, Серый? Наш рунический жрец, Укротитель Хворей, и наш волчий лорд, Жующий Железо. По их воле мы бежали.

Некоторые братья нашего ордена обладали психической силой, способной придавать форму чужим эмоциям. Один из них сейчас мог бы незаметно проделать нечто подобное, но я не решался пойти на такой риск. Он и так был на

волосок от смерти.

--- Помедленнее, --- сказал я. ---
Сосредоточься.

--- Я сосредоточен. Послушайте.
Гадание на рунах не работает. Слова
шамана не достигли ничьих ушей. Они
пришли красной волной из кровоточащего
неба и заглушили наши голоса, когда
впервые поцеловали проклятую землю.

--- Кто? --- прошептала Анника. --- Кто
это сделал?

Мне не нужно было спрашивать. Я
ощутил отголосок его мыслей, но
увиденное было лишено всяческого смысла.
Океаны непла. Горящие города. Коридоры
этого самого корабля, захваченные
пылающими нерожденными.

--- Враг, --- отрезал Граувр. --- Трижды
проклятый враг. Вы что, оглохли? Мы
бежали от них. Ярл Гримнар отправил все
корабли, какие только смог выделить. Не
было другого способа покинуть планету.
Шторм пожирает все звуки. Нам
пришлось бежать, спастись, найти тихое
место, где мы смогли бы взывать о помощи.

Волк опять горько растаял.

— Но они шли за нами. Они пришли к нам и вырезали всю команду. Они появились из тьмы с клинками в руках, отбрасывая на железные стены рогатые тени.

+ Нерожденные, + пропульсировал нам Галео. + От кого бы они ни бежали, за ними следовали демоны. Похоже, Извечному Врагу очень хотелось заставить Волков замолчать. +

Анника заговорила следующей.

— Откуда вы прибыли? — спросила она. — Где тот шторм, который поглощает все звуки?

— Армагеддон, — ответил воин. — Мир-мануфактория. Ульи, пепельные пустоши и токсичные небеса. И над всем этим, словно раковая опухоль в ночных небесах, сам шторм. Пожиратель Звезд.

+ Мы убивает его, + пропульсировал нам Сотис. + Его разум поврежден и угасает, сердца готовы вот-вот лопнуть. Он слишком слаб. +

+ Тогда он умрет, + ответил Галео. + Шторм, о котором он говорит... +

— Это не шторм, — сказал я

человеческим голосом. -- Вовсе не шторм.

Я увидел его так отчетливо, словно он завис надолго. Скопление кораблей -- человеческих, чужацких, имперских, предателей -- сросшихся в отвратительный халк-скиталец, достаточно большой, чтобы затмить собой солнце. От него разило варпом, спаянными воедино сталью и чужеродными металлами, нерожденными и зараженными смертными, которые копошились в его черных внутренностях.

Образ исчез так же внезапно, как появился. Наконец Траубер отпустил мое запястье и кивнул сам себе.

-- Да, -- сказал он. -- Да, теперь ты увидел. Великий Волк зовет Серых Рыцарей. Он знает, что вы существуете в тени. Он воем, чтобы вы вышли на свет.

Его голос становился неразборчивым. Он протянул уцелевшую руку.

-- Мой болтер, -- сказал он. Несмотря на раны, он искал оружие, которого не было. Подобное было достойно всяческого уважения.

-- Армагеддон в осаде, -- сказал я

братьям, поделившись увиденным. ---
Никогда не видел скиталец таких
размеров. Никогда даже не читал о таком,
который сравнился бы с ним.

+ Таких никогда и не было, + ответил
Галео. + Нужно срочно предупредить
монастырь. Мы уходим, уничтожаем
корабль и готовимся к войне. +

Что-то в его словах заставило
застыть в жилах мою кровь. Малхадиил
почувствовал то же самое, но решил не
молчать.

--- Ты сказал война, юстикар. Не
битва.

Галео кивнул.

+ Знаю. +

--- Мой болтер, --- повторил Граувр.

--- Позже, --- сказала ему Анника. ---
Отдыхай, воин.

Как мог, он одной рукой сотворил знак
аквилы --- однокрылый имперский орел
выглядел таким же неуклюжим, каким
было усилие, --- но у Граувра едва ли был
иной выбор, когда другая рука беспомощно
висела плетью.

Воин закашлялся в вокс.

— Огню из моих сердец остановилось.
Я чувствую, как оно давит в груди,
плотное и спокойное. И я не могу
нормально дышать. В мои легкие забились
грязь.

— Без нашей помощи ты умрешь, —
даже грубые сенсоры авточувств шлепа
могли бы сказать мне это. Я не нуждался
в навыках апотекария, чтобы понять
правду. — Мы вылечим тебя на борту
нашего корабля.

— Сначала расскажи, что здесь
произошло, — настаивала Анника. — Мы
должны знать всю правду.

+ Он может рассказать это и на
борту «Карабелы», + в безмолвный голос
Галео вкралась редкая для него острота. +
Мы уходим, инквизитор. +

Анника оглянулась через плечо на
него, на всех нас.

— Это фенрисийский корабль, и я не
покину его до тех пор, пока не узнаю всех
подробностей его смерти.

+ Вы должны хранить верность
ордосам, а не Волкам Фенриса. Наш долг
куда важнее, инквизитор, + сказал он.

нарочно подчеркнув ее звание.

— Я не увижу, пока не увижу, что сгубило этот корабль. Ты понял меня, рыцарь?

Я почувствовал, как Галео подавил в себе ярость. Она разошлась от него лишь слабой рябью.

+ Как пожелаете, инквизитор. +

Она опять повернулась к раненому Волку.

— Говори, — настойчиво сказала она. —

Расскажи о «Морозорожденном».

И он поведал. Траувр рассказал все в графических подробностях, хотя детали были не так уж важны. История гибели «Морозорожденного» оказалась простой и незамысловатой. История об одержимости, скверне, о том, как воинов Императора победило богохульство слабой человеческой команды. Уцелеть удалось лишь нескольким смертным. Те, кто не поддался порче, были выкинуты из воздушных шлюзов или сожраны зараженными сорогичами. И все это безумие началось с одной-единственной души. Одного слабого человека, которому

была поручена важнейшая обязанность, тогда как его следовало вымарать из анналов Империи.

— Навигатор, — Граувр утробным рычанием выдохнул слово. — Наш проклятый навигатор. Враг проник через него.

— Мы видели повреждения, — произнес Малхадиил. — Сколько времени ушло на захват корабля?

— От силы пара минут. Не было времени организовать защиту. Поле Геллера упало, и команда погибла вместе с ним.

— Нет более мерзкого врага, чем навигатор, который отринул свет Императора, — отозвался Сотис. — Ничего более достойного скорби.

Когда Граувр начал рассказывать о последнем бое Волков, Василла сотворила жест, оберегающий от зла.

— Твои братья умерли с честью, — произнесла она бесконечно мягким голосом.

— Знаю, — горечь в голосе Граувра можно было понять. — Видел своими глазами.

Когда воин закончил рассказ, Анника повернула к нам скрытое визором лицо. Ее синие глаза уставились на меня.

--- Ты знаешь, что нужно сделать, --- сказала она. --- Я встречу вас на борту «Карабелы».

Дарфорг откашлялся в вокс:

--- Мы понятия не имеем, остался ли источник на борту. Даже если так, Юстикар прав --- просто уничтожь проклятый корабль, Ника.

--- Нет, --- ответила она. --- Нужно удостовериться наверняка. Если существо еще живо, его следует изгнать.

--- Дело не в уверенности, --- заметил я. --- Дело в месте за ваших фенрисиийских навиших.

--- Может, и так, --- согласилась она.

--- Тогда вы руководитесь человеческими эмоциями.

--- Пусть так, --- я никогда не видел ее столь бесстрастной. --- Но ты все равно подчинишься, Гиперион.

Я посмотрел на Галео, но ни один из братьев не проронил ни слова. Наконец Юстикар, кивнув, сдался.

Мы вновь направились по
безмолвствующим палубам, дрейфую в
сторону носа, к окклюзиуму.

Вокс издал пару пустых щелчков,
когда один из моих братьев захотел что-
то сказать, но в последний момент решил
промолчать. Я направил свой разум
прочесать их поверхностные мысли. Сомис
сосредоточился на одном из псалмов
непогверженности скверне, нараспев
повторяя его про себя. Дүменигон держался
настороже, пресекая всякую попытку
проникновения в свои мысли — его разум
был так же холоден, как стены вокруг нас.
По сравнению с закрытым на замок
фолиантом Дүменигона Галео походил на
раскрытую книгу, он полностью
сосредоточился на окружающей
обстановке. Значит, Малхадиил, и, если
честно, мне следовало догадаться, что
это он.

Ретинальный дисплей мгновенно
отреагировал на мою раздраженную мысль,

открыв вокс-канал с Малхадилом.

--- Просто скажи, --- произнес я. ---
Просто скажи то, что хотел.

--- Унквизитор, --- как и у брата-близнеца, голос Малхадила был мягким, но окрашен загумчивой резкостью, которой порой не хватало Сотису. --- Юстикару следовало отказать ей.

--- Мы --- Военная палата Священной Унквизиции, брат. Мы не отказываем унквизитора.

--- Но сейчас Галео следовало так поступить. Ты ведь сам сказал: Аннике мешает слабость человеческих эмоций.

Я не называл это слабостью, хотя теперь, когда мой брат называл все своими именами, мне сложно было не согласиться с ним.

--- Ей даже следовало сделать выговор, --- добавил Малхадил. --- Унквизиторы совершают ошибки. В архивах мы не раз находили тому свидетельства.

Из центрального коридора мы свернули в боковой переход. Единственным источником света служило наше

пылающее оружие, которое отбрасывало пульсирующий синий свет на стены. Элегантность готической архитектуры состояла в прямых скелетообразных углах. Каждая арка и коридор казались едва ли не бронированными укрепленными переборками, походившими на кости из черного железа.

Я почувствовал более глубокую, искреннюю мысль в его словах. Пропульсировав по нашей связи легкий укол раздражения, я дал ему понять, что он в действительности хотел сказать нечто другое.

--- Это безумие с Пожирателем Звезд... --- сказал он. --- Если Граувр действительно видел это.

--- Граувр видел.

--- Ты уверен? Он побывал на разрушенном, наполненном скверной корабле неизвестно сколько времени.

Я это знал, потому что изучал разум Волка в течение всего разговора, выискивая признаки скверны или заостренных границ измененных воспоминаний.

--- Можешь догадаться, откуда я знаю, --- ответил я. --- И прежде, чем ты спросишь, --- я не нашел ничего странного в его разуме. Лишь краткие вспышки боли и жизнь, ночь за ночью вытекающая из него на бесконечном бдении, --- несмотря ни на что, я улыбнулся. --- Это показалось мне довольно знакомым.

Мысли Малхагила потемнели.

--- Понятия не имею, почему ты настолько возбужден, брат. Я читал архивы не меньше твоего и почти не припомню инцидентов, в ходе которых удалось бы без проблем уничтожить содержимого навигатора.

Улыбка медленно сползла с моего лица.

+ Сосредоточьтесь, + приказ Галес прервал нашу беседу. + И будьте готовы к тому, что лежит за дверью. +

Мы закрепили ботинки на палубе и подняли оружие. Сама дверь представляла собой бронированный овал, покрытый коркой искрающегося инея. Она была достаточно широкой, способной пропустить пятерых человек, идущих в

ряд, даже в терминаторских доспехах.

Я ничего не ощущал, пока не положил руку на дверь. Моя перчатка не стала преградой для внезапно нахлынувшего чувства — ощущения чего-то сладкого и пошлого, пытающегося проникнуть в мое тело. От отвращения я скривился и не смог подавить рычания. Как я раньше не ощутил этого? В будущем я предвидел для себя наказание.

— За дверью скверна, — прорычал я. Меня начала охватывать злость. — Нечто, исходящее яростью. Я почувствовал, как оно тянется ко мне.

— Почему ты не ощутил этого раньше? — спросил Дүменигон.

+ Не вини Гипериона. Существо превосходно замаскировалось. Убери руку от двери, брат. +

В какой-то миг я понял, что не хочу этого делать. Гнев, с гулом проносящийся сквозь меня, наполнял кровь сладостью. Ярость никогда не казалась такой приятно суровой, такой праведной, такой абсолютно карающей. Мне не следовало уступать идиотскому желанию Анники.

Она была простым человеком. Какое она имела право понукать нами, словно мы не ценнее сервиторов?

Я резко оторвал руку от двери, углубившись тому, что она грозит. Настойчивый жар гнева угас, но послевкусие все равно осталось. Неважно, что говорил юстикар, я до сих пор считал, что мне следовало почувствовать присутствие существа даже со столь удаленного ниспослания.

--- Что бы ни обитало по ту сторону двери, --- провоксировал я остальным, --- оно знает, что мы здесь.

+ Тогда мы войдем и встретим его. +

Дүменигон и Галео возгели свои длинные мечи, отбросив трак. Наши тени задержались в спазматическом танце на арочных стенах, извивающиеся движения делали их похожими на демонов.

Говорят, на некоторых варварских тирах Империи верят в то, что тень --- внешнее отражение души. Наши тени заметались, когда мечи обрушились вниз, и, возможно, для какого-то шамана с первобытной планеты это могло означать

больше, нежели просто изгнать света.

V

Прежде я никогда не видел внутреннего санктум навигатора.

Говорят, они не похожи друг на друга, каждый из них превращен в личное убежище не совсем человеческого существа, которому суждено провести в его стенах всю жизнь. Когда человек обитает в тюрьме, пусть добровольно, он постарается приспособить камеру для своего удобства. На «Карабеле» наш навигатор Оролисса, с которой мне не приходилось сталкиваться, жила в покоях, куда Серым Рыцарям вход был воспрещен. Я знал о ней только то, что у нее грозный нрав: ей часто снились черные моря и плавающие в них существа.

Навигатор «Морозорожденного» украсил огромные покои исключительным мастерством, обставив их с типичной имперской вычурностью,

многokrатно усиленной. Стены были
увешаны грандиозными витражными
фризами, на которых изображались
величественные сцены из прошлого
Империи. Тут тебе и основание храма
Императора-Мессии на Кагии, и Вторая
осада Врат Вечности, рядом — конец
Правления Крови, на которой закованный в
золотые доспехи кустиодий принимает
предложение мира от Первой Невесты
Императора.

Еще с десятка других миров десяток
других картин, отражающих события
великой, священной важности. Многие из
них воссоздавали деяния Волков, что и
неудивительно. Я не слышал о
большинстве этих сражений и не узнавал
героев, которые в них сражались.

Мы стояли посреди миниатюрного
монастыря, утесившегося в одном
прекрасном зале. Центральное возвышение
находилось перед десятком экранов-
оккюлюсов, которые показывали звезды
снаружи, тусклые от пелены бесконечной
пыли. Каждый экран держала пара лепных
базальтовых ангелов с расправленными

крыльями, выступавших из стены. Их
изваяли с изысканным мастерством --- они
выглядели настолько живыми, что
казалось, будут двигаться, говорить и
петь, стоит лишь их попросить. Даже
необычный выбор камня должен был что-то
да значить, наверное, его добыли на родине
тире Волков или же щербатый серый
камень извлекли из шахты на священном
тире в сердце территории-протектората
оргена.

Все казалось новым, чистым. Я не
видел ни единого признака разложения,
которого следовало бы ждать от
оскверненного врага. Я даже не видел саму
жертву.

Но все же вонь скверны густо висела в
воздухе.

--- Это ложь, --- провоксировал я
остальным. --- Опасайтесь предательства.

+ Гиперион прав. Смотрите
истинным взором. +

Миз сосредоточения, и пелена спала с
моих глаз, явив комнату такой, какой она
была на самом деле. Ангельские статуи
слетели со своих возвышений и разбились о

налу. Когда исчезла гравитация, их обломки воспарили в воздух и теперь медленно дрейфовали. Экраны-окклюдеры парили рядом со своими расколотыми носителями. Некоторые еще крепились к стене оптическими кабелями.

Я отвернулся от разбитых витражных окон, больше не видя картин, которые некогда на них красовались. Это убежище утратило свою чистоту.

В центре комнаты кто-то стоял, одинокий хранитель безвоздушного тавзолея. Он был бос, одет в грязные обноски, его плоть почернела от костического холода и покрылась трещинами. Вокруг него парили кристаллы крови, каждый казался застывшим драгоценным камнем.

Он не мог выжить в вакууме. Ни один человек не мог. Как я и думал, Граувр не солгал: это был не человек. Когда оборванец повернулся к нам, я услышал в своем разуме шипение Анники. Я даже не подозревал, что она все это время оставалась со мной.

«Скитня! --- выплюнула она. ---

Фуенген сияга скитня!»

У человека было три глаза. На месте третьего, посреди лба, виднелась кроваво-черная сфера. Я не пересекался с этим взглядом. Ни один из нас не пересекался. Это означало верную смерть, несмотря на сомнительную защиту ретинальных дисплеев. Ни кератит, ни вера не могли защитить от третьего глаза навигатора. Некоторые образы смерти поражают саму душу.

Я выбросил Аннику из разума, изгнав ее обратно в тело, и когда она начала ругаться, оборвал связь прежде, чем ей успели бы причинить вред. С ее гневом я разберусь позже. Я не мог рисковать ею.

+ Зачем вы пришли? + голос зажуужжал в наших разумах, тошнотворно двойственный и резонирующий. Странно, почему Узвечный Враз постоянно задает один и тот же вопрос, словно искренне считает, будто мы должны ему отвечать.

+ Ученет Священной Инквизиции Императора, ты склонись перед правосудием Трона, + слова Галео эхом пронесли в наших разумах, когда мы

изагнули вперед. Все это время я не сводил глаз с изувеченной грудной клетки навигатора.

+ Я не склонюсь. +

--- Оно должно умереть быстро, --- провоскисовал Дүменидон. --- Его сила невероятна.

Он не ошибался. Скверна цеплялась за меня крепкими пальцами, пытливые мысленные щупальца навигатора скребли по моим доспехам, пытаясь найти вход в разум. Даже в отсутствие гравитации казалось, словно я иду сквозь теплую стену.

Нанев Галео почти заглушил остальные чувства. Его слова, полные благоговения, объединили нас, формируя канал, через который в него польется сила. В этот час казни он стал Кастрианом, воплощением всех нас, использующим нашу силу, словно свою собственную. Он был ожившим братством, оружием, созданным убивать.

+ Сыны Анафема, + существо во плоти навигатора отшатнулось назад. Я был достаточно близко, чтобы увидеть его тощие пальцы, и то, как дергались его

руки. Из его пасти выплеснулась очередная струя кристаллизованной крови. Тело существа начало дергаться и извиваться, словно кукла, оказавшись в плену собственных ломающихся костей. Из-за невыносимых мучений его голос превратился в отчаянный визг.

+ Все было хорошо до вашего прихода... Все было тихо... теперь злоба возвращается потоком желчи. +

Мне доводилось видеть, как наша аура объединенного гнева сметает демонов. Это же было нечто иное, нечто непонятного хуже.

--- Вперед... --- провоцировал я сквозь стиснутые зубы.

Галео, выплескивавший из себя нашу карающую энергию, один мог идти без усилий. Он сорвался на бег, широкими шагами преодолевая палубу, готовясь наброситься на одержимого. Клинок в его руках трещал от энергии, сила наших душ приобрела огненную форму.

Меч опустился, словно звезда, упавшая с ночного неба, пурпурная на темном фоне, мерцающая и ревущая белым

пламенем --- и замер на полпути,
пойманный бескожими руками.

--- Нет.

Движение, рядом с твоим плечом. Я
обернулся одновременно с братьями и
понял, что мы попали в ловушку.

Глава шестая

НЕРОЖДЕННЫЕ

3

Разломы в реальности возвестили о прибытии нерожденных, они ревели и визжали, заявляя о себе. Нерожденные выплывали из теней, из разбитых фризмов, из самого пространства, лишённого воздуха.

Нерожденные походили на ангелов, излучая спектральный свет, но каждого пороговали рваные раны, из которых по бледной коже стекала кровь. Они были безоружными, безмолвными, с растущими из плеч тускло мерцающими плетями. Обильнее всего густая багряная кровь струилась из их глаз.

Нам не требовалось предупреждений, мы среагировали сразу, но не как единое целое. Длинный меч Дүменигона, брат-близнец того, которым владел Галео, взметнулся пылающей дугой и рассек

ближайшую тварь напoпoлaм.
Разрубленный ангел перелетел через весь зал, протягивая к нам прекрасные руки. Его бледные кулаки сжимались и разжимались, словно рот задыхающейся рыбы.

--- Ангелы Гнева, --- прозвучал по воксу хриплый голос Дүменигона. --- Не позволяйте их ртам прикоснуться к доспехам.

Сотис и Малхадиил казались образцом единства, они повторяли движения друг друга, рубя и рассекая врагов короткими фальчионами. Я блокировал наручем зубчатую плеть, позволив ей скользнуть по керамиту, а потом ударил ногой в грудь существа. Удар расколол ему ребра, если можно было верить раздавшемуся хрусту. Второй удар принес ожидаемый эффект, атаковавшее меня оружие с опухшими желтыми глазами утопленника, повалилось на своих парящих сородичей.

Окружив нас, они подбирались все ближе и ближе, не обращая внимания на законы физики, подкрадываясь по вакууму с

помощью невидимых сил. Я насчитал приблизительно пятьдесят, хотя их конечности и тела, постоянно сливаясь воедино, накладывались друг на друга.

Брошенный на юстикара взгляд подсказал, что его двуручный меч не опустился до конца. Галео навалился на него всем весом, избегая взгляда навигатора, пока обогранный мутант сжимал в руках лезвие.

+ Я знаю тебя, сын Анафета, + пронеслись по нашим разумам слова навигатора. + Я чую твою душу. Ты Безъязыкий, навеки утолкший после встречи с Рванхи из Яговитой Плети. +

Я ощутил, как гнев Галес выплеснулся из него волной психической силы, будто кровь из раны. Он терял концентрацию, но по-прежнему крепко сжимал меч.

+ Она до сих пор стееется над этим, паря на ветрах варна. Ты помнишь ее, ведь так? Помнишь, как она разрывала сердца твоих братьев и ударом плети лишила тебя голоса... +

— Сражайся, Гиперион, — прошипел

Дүменигон.

Развращенные варпожители
двигались целеустремленно, скрещивая
полыхающие крылья, чтобы создать
непроницаемую стену между нами и
сражающимся юстикаром. Презрада из
болезненного света вспыхнула от пола и до
самого потолка. Что бы ни оживило эту
терзость, она становилась сильнее. Я
слышал, как нерожденные борточут,
сливаясь в психическом хоре, хотя не
представлял, о чем они могли
переговариваться между собой.

Малхадиул и Сомис встали спиной к
спине, защищая друг друга, их клинки
сверкали. Дүменигон пронесся мимо них и
присоединился ко мне. Он отсек голову
существо наг нами, и вспышкой
кинетической силы я отбросил тело,
отправив его пряником в толпу поющих
собратьев. Из моей ладони потоком
выплеснулось пламя, объяв ближайших ко
мне врагов. Даже охваченные ослепительно
белым огнем, они продолжали сражаться,
пока не сгорали дотла.

-- Юстикар, -- провоксировал я. -- Я

могу достать его.

--- Нет, --- Дүменигон попытлся ко
мне. --- Останься с нами. Галео пока
держится.

--- Прикрой меня, Дүменигон.

--- Нет. Не делай этого.

Бежать я не мог, поэтому присел. От
миллионной мысли рүна на ретинальном
дисплее полыхнула белым.

--- Дурак, --- выдохнул Дүменигон. Еще
один рассеченный ангел перелетел через
меня, распадаясь на две части.

Внутренний гул госпехов перерос в
злобный вой в унисон с вибрацией энергии,
накапливающейся между лопаток. По моей
руке пробежала нить ведьмовской молнии.
Из силового ранца, потрескивая,
заструились другие, похожие на змей.

Я сосредоточился на Галео, которому
теперь пришлось отступать.

--- Да хранит тебя Император, ---
произнес Дүменигон.

Я не мог ответить. Я не мог
оборвать Псалом Отпора.

--- ...силу, чтобы дать отпор порче,
таящейся...

Войти в варн без защиты — это, по меньшей мере, безумие. Нас учили этому с самой первой ночи, едва выпустив из монастырских камер.

Раздался гулкий треск энергетического разряда, и окклюзиям раскололся передо мной, сорвавшись с пеленой с моего зрения, как будто картинку изъяли пряником с сетчатки.

Я сделал тридцать шагов, только это был не бег. Я плыл, не пlying, и прыгал, не прыгая. Расстояние здесь ничего не значило, как, собственно, и направление. Подобное расплывчатое определение являлось побочным продуктом человеческой потребности описывать все, чем обеспечивали мозг пять чувств.

В течение одного вздоха я смотрел в море обжигающей плазмы несуществующих оттенков, сформированной из миллиардов душ, которые вопили мое имя. Волны визжали множеством голосов у меня в голове,

выкрикивая свою ложь, свою слабость, свою боль.

Некоторые говорят, что Дар Императора делает нас неуязвимыми для скверны. Может, и так, а может, наша стойкость нуждается в простом объяснении для наших лордов из Инквизиции. Иногда мне кажется, будто наши повелители и владычицы из оргосов просто не в состоянии этого понять. Мы сыны Титана и не подвержены скверне благодаря непоколебимой верности, мы обретаем чистоту исключительно ценой невероятных усилий. Ни одна душа не рождается совершенной, но воин может стать таковым.

Я двинулся в момент, пока нагнал в океан тежгу тирати, преодолевая кипящие волны, не переставая думать о последнем, что видел, — палуба рядом с Галео. Этот образ я крепче всего держал в разуме.

Несмотря на давление на гонимых волн, я рванулся вперед и преодолел еще тридцать шагов, не шевельнув и мышцей. Делая последний шаг, я отключил подачу энергии в ранец и вывалился из

--- ...за завесой блаженного неведения.

С моих губ слетели последние слова молитвы, и я с хлопком вылетел обратно в реальность. Мой посох уже вращался, постепенно набирая скорость, когда навигатор обернулся ко мне, и оправленная в серебро рукоять врезалась ему в висок. Существо отшатнулось в сторону, раздался треск ломающегося позвоночника, хотя звуков в вакууме я не должен был бы слышать. Подобный удар снес бы голову с плеч обычного человека.

Он вновь повернул голову. Вторым ударом я ослепил его единственным действенным способом --- угодив посохом в глазницу третьего глаза. Око разлетелось с хрустом --- вместо ожидаемой вязкой сукровицы под ноги мне посыпались осколки. Зудящими руками я выдернул посох. От головы существа над уровнем

человеческих глаз практически ничего не осталось.

Я увидел свое отражение в оставшейся паре глаз. Мой шлем угрожающе склонился, вычурный посох без труда вращался в бронированных серых перчатках, госпехи казались живыми от бежущих по ним змеек-толний, которые танцевали на проводниковых узлах ранца.

Меч Галео погвел черту. Навигатор развалился на части, не только разрубленный напополам, но разорванный в клочья гневом юстикара. Меня захлестнула сила, она затопила каждого из нас, когда наш лидер вернул одолженную энергию.

+ Это было глупо, Гиперион. Сосредоточься. +

Я не ответил. Вращающийся посох врезался в ближайших к нам нерожденных, проламывая глотки и пронзая кровоточащие глаза. Всякий раз, когда я выдергивал рукоять, оружие шипело. Руны, выгравированные на освященном серебре, дытелись от каждого прикосновения.

Гибель навигатора отдалась

холодным звоном. Я не услышал крика
мощной ярости, столь частого для
нерожденных в последние секунды перед
изгнанием. Слова Галео грозили обрести
неприятный смысл, если из-за моего
вмешательства демону удалось сбежать
из тела до казни...

В этой битве время утратило
власть над моими чувствами. Даже
эйдетический разум был не в состоянии
обработать тысячу инстинктивных
действий, когда ты двигаешься быстрее,
чем позволяет восприятие. Мой посох
вращался и трещал, колот и крушил.
Каждый удар был смертельным, таким же
смертоносным, как от рубящего меча или
опускающегося молота.

Они терзали нас, цеплялись за
доспехи, пытались задавить числом. Один
из них хотел схватить меня сзади за
горло, отчаянным рывком ему удалось
отстегнуть одну из застежек на
воротнике. На глазных линзах вспыхнули
предупреждающие руны, сигнализируя об
утечке кислорода, как будто я сам не
чувствовал, как из легких вырывается

воздух.

К счастью, секундой позже давление исчезло, и я услышал мерный удар колокола, когда меч Галео пронзил демоническую кожу.

+ Я сказал сосредоточиться, + произнес он, его беззвучный голос был искажен от напряжения.

Ударом кулака я закрыл замок на воротнике и вновь сделал вдох.

--- Мож бы и поблагодарить, --- провоцировал я, из-за волнения мои слова одновременно прозвучали и психически. Это было самое большое неуважение, которое я когда-либо проявлял по отношению к юстикару, и мне стало невероятно стыдно.

Следующей психической пульсацией я активировал генераторы посоха, и между моими пальцами загудел стазанный перелив красок.

Из всего многообразия оружия, выкованного в подземных кузнях монастыря, ни одно не требует такого изощренного мастерства при создании, как хранящий посох немезиды. Как и всякое оружие из рога немезиды, его встроенная матрица представляла собой защищенное инертное ядро, которое требовало психической активации, и как более традиционные мечи, его функции могли быть задействованы мыслями только того воина, для которого его создали. И на этом сходство заканчивалось.

Каждый посох обладал наверху невообразимой чистоты. Некогда мне приходилось видеть оружие, увенчанное бронированными черепами имперских святых или псайкеров, при жизни обладавших огромной силой. Но мое было еще более редким.

Посох венчал окруженный нитями священного золота череп юстикара Кастуана, инкрустированный обратлением из ртутной нити. Керамитовое покрытие оберегало реликвию на протяжении последних ста

веков.

Я не сказитель и уж точно не поэт. Зачастую мне не удавалось подобрать нужные слова, но сомневаюсь, что кто-то испытывал большую гордость, чем я, когда Галео вручил мне это оружие после моего поступления в отделение. Я тренировался с посохами, как и со всяким другим оружием нашего арсенала, но никогда не думал, что буду владеть им после прохождения рыцарских испытаний.

Рукоять хранящего посоха была в асфальтобетонной оболочке, инкрустированной гексаграммными рунами изгнания, ее сконструировали так, чтобы вмещать в себя несколько соединенных, усиливающих друг друга генераторов преломляющих полей. Психическая активация пробудила их, приготовив к обороне, и посох превратился в нечто большее, чем просто оружие для уничтожения демонов.

Если для протокола провести подсчет, то я бы сказал, что активировал посох между шестнадцатой и восемнадцатой секундами после телепортационного прыжка.

Он полыхнул в моих руках, изгоняя
 трак чередой вспышек всякий раз, когда
 блокированный ил удар рассеивал
 кинетическую энергию в виде
 расширяющихся волн света. Кулак,
 скалящийся рот, бьющееся крыло — все
 взрывалось в блеклом сиянии, встречаясь с
 сопротивлением преломляющего поля.
 Кроме того, при каждом моем ударе
 комната освещалась яркими вспышками,
 будто зарницами, по собственной прихоти
 превращая ночь в день.

Я не был мечником. Я не мог стоять
 спиной к спине со своими братьями, мне
 требовалось пространство, чтобы
 управляться с силовым посохом. Обычно
 резкие разряды сопровождалась глухим
 рычанием активированного посоха и
 скрежетом преломляющей ауры, которая
 отражала направленные удары. Но в
 вакууме царило полнейшее безмолвие.

Я сражался теперь не ради того,
 чтобы ранить тела врагов, которые все

плотнее сжимали кольцо вокруг нас. Каждый мой удар был блоком, каждое движение было направлено на то, чтобы избежать хлещущих щупалец. Те короткие мгновения, когда я не орудовал посохом, тратились на то, чтобы отгонять существ сфокусированными ударами воли. После третьей атаки войско демонов отпрянуло от нас на волнах невидимой силы, подарив пару секунд отдыха перед следующим нападением.

Я допустил ошибку, позволив мыслям коснуться их сознаний. Сквозь меня хлынул поток злобы, черной, тусклой и холодной. Чтобы изгнать ее, мне потребовалось понять сосредоточиться.

+ Сфокусируйся! + голос юстикара звучал встревоженно и настойчиво. + Ты зря растрачиваешь энергию. +

С этим не поспоришь. Я знал, что он говорит правду.

Один из моих ударов вдребезги разбил замерзшую плоть с головы существа, начисто сорвав полосу стеклянной кожи. Под ней открылся ободранный череп с

выгравированной на лбу рунной. Вторым ударом я вознал метр серебряного посоха в лицо существа. Из треснувшей пластины выплеснулась кристаллизировавшаяся черная блевотина, и вместо того, чтобы позволить ему наброситься на меня в третий раз, я воспламенил его плоть серебром оружия. Существо отпрянуло назад, корчась в языках белого пламени, которому не требовался воздух, чтобы гореть. Его топливом была вера.

--- Головы, --- провоцировал я остальных. --- Руны подражают третьему глазу.

Мои братья тут же изменили тактику, вместо расчленения и ударов по головам они принялись крушить черепашьи тела отлетали от нас, объятые священным огнем, после чего рассеивались. Но нашим доспехам хлестал пенел, царапая поверхность, словно песком.

Мы прокладывали путь друг к другу, хотя и не без труда. К тому времени, как мы встали единым кольцом, Сомис прихрамывал, задняя часть его коленного сочленения издавала мягкое шипение

выходящего воздуха. Дүменигон,
единственный, кто сражался в абсолютном
молчании, шептал молитву, удерживающую
от боли.

Я начал уставать. Все мы устали ---
я ощущал усилия своих братьев так же
четко, как собственные, и использование
столь большого количества психической
силы требовало от нас значительных
затрат. Существовала причина, по
которой мы обычно направляли свою мощь
через юстикара. Его обучали ценить ее
как драгоценную роскошь, и тратил он ее с
предельной тщательностью.

Физическая усталость была не такой
уж большой проблемой. Благодаря
генетическим усовершенствованиям мы
могли сражаться, пока не остынет сама
звезда системы, --- однажды я боролся с
Малхадилом сто двадцать два часа
подряд, прежде чем нанес победный удар, но
даже после этого он считал, что просто
оступился, а не устал.

--- Это все равно, что сдерживать
океан, стоя на берегу и приказывая ему
остановиться, --- провоксировал

Малхадиил.

Удар по шлему оборвал его жалобу. Я не рискнул оглянуться, чтобы увидеть, что произошло.

--- Мы побеждает, --- возразил Сотис. --- Это главное.

Беззвучно орущее лицо ударилось в мою наплечник, утмляющие губы прижались к заиндеветшему керамиту и быстро присосались к нему. Из-за внутреннего напряжения моя рука скорчилась в спазмах, мышцы отказывались подчиняться. Я не мог поднять посох.

Свободной рукой я стиснул лицо демона, вонзив пальцы в невозможно прекрасную плоть. Его череп задрожал, затем треснул, из него хлынула пузырящаяся жидкость. Психическим толчком я сбил нерожденного с руки в тот самый миг, когда еще один коснулся моего локтя. Существо вцепилось как линоза, сосущим поцелуем вытягивая тепло из моих доспехов. Я выпустил заряд психического огня, пытаясь сбросить его с себя.

Ничего не произошло. Мои веки потяжелели, сердца похолодели, рефлекс замедлились. Я сосредоточился для еще одного пси-толчка, но сфокусироваться не удавалось. Я не мог думать ни о чем, кроме слабеющих конечностей.

Слабость и беспомощность казались болезненно знакомыми. Это -- или нечто похожее -- случалось со мной прежде. Почему я не мог вспомнить, что именно? Это произошло со мной до прибытия на Титан? Тень из жизни до того, как я проснулся в холодной камере?

Да. Я почти мог увидеть это: холодные, такие холодные коридоры покинутого корабля. Улы ускользало от меня -- улы короля, восседавшего на черном троне.

Я...

+ Брат. +

Я открыл глаза, только сейчас осознав, что они были закрыты. Когда перед глазами прояснилось, настойчиво замерцали прицельные перекрестья и биосводки.

-- Брат, -- сказал Сотис, теперь уже

обычным голосом. -- Ты ушел в дрейф.

Схватив в охапку серебристые волосы ангела, он рванул его голову назад и обнажил гладкое горло. Там, где его рот коснулся моих губов, на керамике красовалось выбеленное пятно, а само существо глядело на меня с безграничной злобой. Сотис перерезал ему глотку, поводив мечом туда-сюда, словно пилой.

Еще парочка нерожденных врезалась в него сзади, и он стремительно развернулся, сжата в обеих руках клинки. Освободившийся ангел снова потянулся ко мне, но получил удар посохом по наполовину отрубленной голове. Грохотный треск довершил работу Сотиса, и я оттолкнул горящего варножителя импульсом психической силы. Он отлетел, обращаясь в пепел.

-- Слишком все просто, -- выдохнул я в микрофон. -- Что-то здесь не так.

-- Просто? -- хмыкнул Сотис. На миг я смог разделить его ощущения, проникнув в разум сквозь бушующие в нем эмоции. Трещина в колене беспокоила его больше, чем ему хотелось бы признавать. Он

выдернул фальчионы из груди врага и обезглавил тело, скрестив клинки на его плече. Из обрубка посыпались сияющие алые бриллианты, а затем серафим взорвался бездымным пламенем. От удара в грудную клетку трүн, кувыркаясь, полетел вгаль.

--- Мы ведь пока живы, не так ли? ---
провоксировал я в ответ.

--- Тебе оставалось недолго, ---
уточнил Малхадиил.

Я молча отправил Сотису благодарность --- психические чувства уважения и признательности.

+ Гиперион прав, + мысли Галес немного успокоились, когда количество противников уменьшилось. Его движения из резких и яростных превратились в хирургически точные. + Мы столкнулись с темной скверной. Эти демоны лишь жалкие отбросы, вызванные из варпа отчаявшимся врагом. +

Сотиса это не убедило.

--- Но ты ведь изгнал...

+ Оно сбежало, + упрек в ауре Галес защищал мою кожу, поскольку я был ее тишенью. + Оно убежало прежде, чем я

нанес последний удар. +

--- Сбежало куда? --- провоскисовал
Дүменидон. Мой брат үтолк, когда палүба
пог нашили ногами зарокотала. Я үзнал
это чувство. Любой, кому приходилось
побывать на костическом корабле, знал
его. Пульсация двизателя.

«Морозорожденный» опять дышал.

--- Но это невозможно, --- прошептал
Малхадиул. --- Корабль ведь мертв.
Невозможно.

В полүразрушенный зал хлынул
слабый свет, возобновилась подача
электроэнергии. Вдоль потолка янтареи
затигали сирены аварийной тревоги, их
вой по-прежнему не был слышен в вакууме.
По всему кораблю пробуждались машины,
приступая к прерванной работе. Я ощутил,
как с лязгом оживают краны, заставляя
грожать палүбү, пока они медленно
вращались в гнездах, загружая гигантские
боеголовки в приемники түрелей. Корабль
готовился к бою, в котором никогда не
примет участия, готовился открыть
огонь по врагу, которого не существовало.

Ангелы истончились, будто туман, и

ослабли, их осталось так мало, что они
более не представляли опасности.

--- Прикройте меня, --- вновь сказал я.

--- Ты всегда так говоришь, ---
провокировал Сотис, --- когда собираешься
сделать какую-то...

Я не расслышал окончания его фразы.

Я покинул тело.

Ниспослание было лишено
элегантности, оно было лихорадочным
действием, порожденным яростью и
необходимостью. В то время как
физическое тело стояло, напевая, в покое
навигатора, мои ощущения с ревом
проносились по запутанным коридорам,
оставляя за собой тонкую изморозь на
стенах. Корабль снова жил, освещенный
слабо мерцающими люмосферами.
Некоторые из них разлетались вдребезги,
когда я проносился мимо.

Я с ревом вонзился в ядро корабля,
мои чувства облупились до единственного
обоняния жизни.

+ Ты зашел слишком далеко и
слишком быстро. Вернись, брат. +

Я не останавливался. Это была моя вина. Прегрешение лежало на мне. Моя ошибка привела к бегству демона из тела навигатора, поэтому мне предстояло искупить совершенное во имя долга.

+ Гиперион, + предупредил Галео. +
Вернись к нам. +

Словно не я выдержал десятилетия ломающих душу испытаний, чтобы получить доспехи, которые сейчас ношу. Словно не я умел распоряжаться силами по своему усмотрению.

+ Я знаю пределы собственной силы, юстикар. +

+ Не пугай приказ с просьбой, Гиперион. +

Я был близок к ответу. Инжинариум освещался так же, как остальной корабль, и здесь доказательства работы были неопровержимыми. Мое чутье натывалось на пульты, внюхиваясь в запахи притаившегося в зале сознания, пытаюсь выйти на психический след. Что-то, что-то...

+ Вернись немедленно, + Галео давил на меня, и я едва не подчинился

психическому принуждению, скрытому в
его словах. Он хорошо нас обучил.

+ Позодите, юстикар. Я вижу, + и вот
оно появилось, настолько очевидное и
лишенное источника, как запах крови на
нёбе.

Я сфокусировался. Вдохнул.
Обернулся. Чувство заскребло во мне с
горькой нежностью, рожденной скоплением
вторичных генераторов, издевательски
присосавшихся к холодному плазменному
двигателю. Пока прочие силовые станции
не подавали признаков жизни, этот
единственный генератор согрозался, будто
воскрешая самого себя.

Ядро двигателя расширилось, серая
плазма всколыхнулась. Я увидел, как рука,
или что-то похожее на нее, прижалась к
грязному стеклу. Когда она снова
растворилась в плотной тине, к стенке
прижался оскалившийся фрагмент
человеческого лица. Он тоже испарился,
поглощенный слизью двигателя.

Другие вторичные генераторы также
загрожали.

+ Демон здесь, юстикар. Он плавает в

двигательном ядре, в костях машинного
духа, оживляя корабль. +

Я вернулся только для того, чтобы
вырвать Малхадила из его собственного
тела. Враз лишившись сознания, оно
наверняка рухнуло бы, если бы не
отсутствие гравитации. Вместо этого
тело осталось стоять и покачиваться,
прикрепленное подоплывами к палубе. Мечи
вылетели из ослабевших рук. Его голова
валяло покачивалась на плечах.

+ Что за... + попытался он отправить
мне.

+ Погоди. Смотри, + я переброшил его
сознание в инжинериум. + Вот, + заявил я. +
Что это? +

Генераторы протекали. Из
прозрачной трубы под ними обильно
хлестала кровь цвета машинного масла,
стекаясь с остывшей плазмой, которая
затвердевала в главном ядре. Она не
замерзала. Похоже, эта кровь не
подчинялась никаким законам физики.

Малхадилу понадобился миг, чтобы
сосредоточиться.

+ Это... +

А затем он ушел в дрейф. Я вырвал его сознание без предупреждения и ритуала и чувствовал, как его сущность распыляется по всему залу. К счастью, психический эквивалент пощечины заставил его прийти в себя. После боя мне бы попросту не хватило сил, чтобы собрать его по крупицам, распасть его сознание на части.

+ Это же... + он казался неуверенным. Его восприятие начало холодеть.

+ Мал? +

Молчание. Он исчез в одно мгновение, прорываясь обратно к телу. Я оказался быстрее. Я ринулся назад и утянул его за собой.

Мы открыли глаза одновременно и оба тут же сказали «юстикар». Галео как раз выдерживал меч из последнего горящего тела.

+ Говорите. +

В данной ситуации наилучшим решением было отправить изображения напрямую в разум: демон в плазматической тине, существа, растекающееся по двигателю ядру,

вторичные когитаторы, когда-то принадлежавшие анитусу машины, а теперь приютившие паникующий разум демона.

+ Протекающие генераторы. Что они контролируют? +

Малхадиил поймал парящие клинки и вложил их в ножны.

--- Магнитное зажигание варп-двигателя.

Думенигон оборвал почтительный напев и спрятал меч.

--- Наша жертва хочет переместить неуправляемый корабль обратно в варп? Без команды? С нами на борту?

Малхадиил покачал головой.

--- Нет, брат. Демон зацикливает генераторы, необходимые для выброса ядра в пустоту.

--- В этом нет сты... --- начал Сотис.

--- Поле Геллера на том участке не выдержит демонацию, --- раздражение Стешалось с отчаянием, из-за чего голос Малхадиила стал резким. --- В нем нет ни отказоустойчивости, ни аварийного режима. Демон тянет как раз за те

ниточки. Ядро выбросит пряником в
пустоту.

--- Маяк для тех, кто по иную сторону
завесы, --- закончил я.

+ Выдвигается, + отправил Галео. +
Безом. +

Глава седьмая

РАЗЛОМ

1

Первым делом после воссоединения с Анникой в мой адрес посыпалась отборная брань. До сих пор я обычно так и общался с инквизитором и в прошлом даже находил это забавным. Но не сейчас.

+ Затолчите, + сказал я ей. Как ни странно, она послушалась. + Инквизитор, вы должны немедленно отвести «Карабелу» на безопасное расстояние. «Морозорожденный» собирается выбросить варп-ядро.

«Зачем? — отправила она в ответ. — Уничтожьте навигатора и ликвидируйте скверну в ее источнике с визуальным подтверждением».

Мы двигались так быстро, как могли, проламывая стены и выстрелами прокладывая новые переходы. Свой полет через арочные коридоры мы направляли,

отталкиваясь ботинками и ладонями от
темных стен. Слабый свет непрерывно
мерцал, пока капризное силовое ядро
корабля сопротивлялось пробуждению.

+ Не мы сбрасываем варп-ядро ---
корабль сам это делает. Демон сильнее и
хитрее, чем мы ожидали. Он сбежал из
тела навигатора и переселился в сердце
корабля. Оттуда он управляет машинным
духом. Мы вряд ли успеем остановить его
вовремя. +

«Но взрыв...»

+ Отведите «Карабелу» на безопасное
расстояние, + я ощутил, как она скривилась
от силы моего сообщения, но меня едва ли
это волновало. Почему она пыталась
втолковать мне то, о чем я и так
прекрасно знаю? Неужели она думает, что
сейчас самое подходящее время для пустой
болтовни? + Сделай это, человек. +

«Как пожелаешь».

Молчание. Я чувствовал ее
отдаленное дыхание.

«Мы уже в пути. Ты знаешь, что я не
могу телепортировать вас на таком
расстоянии».

+ Знаю, + я был тронут тем, что она сказала это. Большинство инквизиторов никогда бы так не поступили. + Мы понимаем. Если не выживем, отправляйтесь на Титан с вестью об Армагеддоне. Монастырь необходимо предупредить. +

«Так и будет», — она затолчала. Я чувствовал, что она хочет что-то добавить. Ей хотелось извиниться за то, что гнев взял верх над ней, и за то, что она послала нас на верную смерть, но слово «прости» было слишком чуждым для инквизитора. — «Гиперион?»

+ Госпожа? +

«Хилья как ухтганьен мев тарвахеттан».

Мой стих разнесся по воксу. Встретить свой конец с отвагой. Фенрисийская поэзия во всей своей непритязательной красоте.

— В чем дело? — спросил Малхадиил. — Что смешного?

— Ничего, брат, — ответил я. + Инквизитор? +

«Да?»

+ В Терранской системе есть похожее

прощание. Мы говорим: «Утри хорошо». +

Я ощутил, как по связывающим нас узам прошло ее веселье.

«Я предпочитаю фенрисийское выражение».

--- «Карабела» уходит, ---
провоцировал я собратьев. В лишенном воздуха переходе мигали сирены. Малхадиил впереди меня оттолкнулся от наклонной стены и залетел в боковой коридор.

--- Я не собираюсь здесь умирать, ---
сказал он. --- Я не умру, не увидав Марса.

Палуба под нами резко согнулась и накренилась, когда военный корабль изверг в костос свои внутренности. Я услышал, как Малхадиил прошептал что-то о полях Теллера и безумии демона, поразившего машинный дух. Его голос грожал от отвращения и удивления.

«Произошел выброс силовых ядер», ---
отправила мне Анника.

+ Знаю. Мы почувствовали. Вы ушли?

+
«Ушли. Никогда не видела активного варп-ядра посреди костоса. Только не без

систем отказоустойчивости и
сдерживающих полей».

Я тоже, и в архивах это описывалось
довольно сухо и поверхностно.

+ Расскажите, что вы видите. +

Какое-то время она молчала.

«Колдовские молнии. Трубы
плазменного двигателя. Они собираются...
Гиперион? Ты почувствовал?»

Как я мог не почувствовать? Я
почувствовал, как рот наполнился слюной,
каждая мышца моего тела напряглась и
расслабилась по собственной воле. Не в
состоянии сосредоточиться, я ощутил,
что столкнулся со стеной.

«Оно уничтожено, -- произнесла она. --
Его больше нет».

Галео, страдавший не меньше моего,
оттянул меня и повернул лицом к
коридору.

+ Варп-разлом, + отправил он, его
безмолвный голос был напряжен от боли. +
Болезненный. +

«Гиперион?»

Я не мог различить их голоса в своей
голове -- ни юстикара, ни инквизитора.

среди сотен новых голосов, которые кричали, вопили и взывали. Какое бы зло ни таилось по ту сторону разлома, оно было могучим.

В этот момент нас настигла ударная волна. То, что осталось от некогда величественного корпуса «Морозорожденного», загрохало. Мы встали на пол, мгновенно закрепив подоплывы и присев, чтобы переждать бурю.

--- Я начинаю жалеть, --- провозгласил Сотис, --- что мы вообще отправились с Анникой после Хета.

II

Зала варп-ядра более не существовало. Вся его гальная часть выходила в пустоту, открывая окутанный туманом вид на космос. Все стены и оборудование, которые я видел во время ниспослания, --- все исчезло, извергнутое в пустоту. Там, где прежде располагались силовые генераторы и ядра термоядерного синтеза,

закрепленные в гигантских разбелах, остались только борозды и обожженный металл. «Морозорожденный» уже никогда не сможет двигаться. Он изверг жизненно необходимый генератор сквозь десяток палуб и сломал собственный позвоночник лишь затем, чтобы сделать последний вопль чуть более громким.

Ему это вполне удалось. Этот последний вопль оставил рану в ткани реальности. Будь «Карабела» ближе, она наверняка бы оказалась в зоне взрыва, и ее собственное чувствительное варп-ядро наверняка погибло бы вместе с ядром «Морозорожденного».

Мы наблюдали за тем, как в пыливатности медленно тонет искореженная черная машина. Не более чем в трех тысячах метрах дыра в костосе изливала потоки грязи. Из разлома вырывались голоса — человеческие, чужацкие и иные — все кричали на языках, которые казались тучительно знакомыми. Слово здесь, значение там. Я знал, что смогу понять их, если сосредоточусь.

+ Не надо. +

Я взглянул на Галео. Он покачал головой.

+ Не надо, + повторил он. + Даже не пытайся. +

Дыра в рассеченном костосе смотрела прямо на нас, будто фиолетовый змеиный глаз с извивающимся белым зрачком. Я чувствовал, как оттуда на нас взирает злоба нечеловеческого разума.

Думенигон напрягся первым.

— Я вижу их, — тихо сказал он.

Они летели на крыльях цвета освежеванной плоти, их кожа была такой же болезненно красной. Даже на таком расстоянии я видел тянущиеся к нам когти. Сотни. Огни слабые. Другие — сильные. Некоторых я узнал по архивам и изображениям на Аркус Демоника, и многих, еще никогда не виденных воочию.

+ Сосредоточьтесь на эгиде, + приказал Галео. + Поддерживайте ее всеми доступными силами. Они разобьются о нас, словно волна о скалы. Очень многие из них всего лишь слабые и бесхребетные существа, которые расхрабрились, впервые вкусив материальной вселенной. Мы

изгонит их без особых усилий.
Приготовьтесь, братья. +

Как один, ты подняли оружие. Галео и
Дүменигон сжали мечи двуручными
защитным хватом. Малхадиил стоял
совершенно неподвижно, скрестив
пальцы у самых рукоятей. Сотис
ударил мечами, высекая из лезвий искры,
когда их сопротивляющиеся
энергетические поля столкнулись друг с
другом. Я медленно раскручивал посох,
постепенно превращая его в сплошной круг
силы. Он полыхнул светом, когда под
действие преломляющей ауры попали
крупные частички пыли.

+ И последнее. Близнецы? +

--- Да, юстикар, --- одновременно
отозвались они.

+ Каспиан не закончит вот так,
только не этой ночью. Сотис, я пережил
резню на Аянте не для того, чтобы
позволить истории отделения оборваться
здесь. Малхадиил, ты увидишь Марс.
Клянусь своей жизнью. +

--- Я не сомневаюсь в этом, юстикар, ---
ответил Малхадиил. Я ощутил его

улыбку, хотя и не увидел ее.

Я продолжал смотреть на расширяющийся разлом и на зло, которое из него изливалось. Гигантская тень, более походившая на мифологического демона, чем на человека, вырвалась из объятий рождающегося кошмара. Существо когтями проложило путь из пылающей утробы варна и выпало, шипя и дымясь, в холодный вакуум. Оно тут же направилось к нам, по пути безжалостно расправляясь с более слабыми сородичами.

— Никогда не думал, что увижу одного из них, — тихо сказал Сотис. Я также с трудом верил собственным глазам.

+ Мы убьем его, Кастриан. Вера — наш щит. +

Мне понадобилась пара секунд, чтобы понять, что эти слова отправил я, а не Галео.

Они разбились о нас, как и обещал Галео. Эгига замедляла их, выпивала силу, но наша общая аура могла лишь ослабить орду подобных размеров. Объединившись, четверо моих братьев принялись рубить, сечь, резать. Но нашим доспехам потекла кровь, с шипением испаряясь из реальности. Температурные датчики вспыхивали и пищали всякий раз, когда на той керамит попадал пылающий ихор демонов. Холодный костюм не мог заморозить потустороннюю кровь.

Каждым ударом посоха я ломал увенчанный гребнем череп или пронзал распахнутый рот, дробя клыки и всаживая древко в глотки. В процессе изгнания существа теряли все то, что делало их единым целым: одних разрывало в невесомости, другие корчились, сгорая дотла. Рога и деформированные черепа снова и снова бились о мое боевое облачение телодушей приглушенных ударов. Посохом я пользовался только для того, чтобы заблокировать клинки, не обращая внимания на меньшие угрозы. Каждый отраженный удар походил на звезду в сумраке, сполохи

преломляющего поля озарили остатки
зала с яркостью мерцающей звезды.

--- Вверх, --- провоксировал
Малхадиул. Он вновь ударил мечами,
заставив энергетические поля сжечь все,
что накопилось на лезвиях, и без лишних
слов оттолкнулся от палубы.

Два существа преградили мне путь,
их чрезмерно глинные языки хлестнули по
моим доспехам со скребущей лаской. От
волны психической силы первый зверь
ударился о стену и растворился в корнусах.
Второй пошатнулся, и его голова
раскололась под моим возвратным ударом,
покрытый шипами язык бился со слепой
яростью. Шестым чувством я потянулся к
шошеломленному существу,
телекинетической хваткой поймал его за
горло и подтянул поближе. Его тщетные
попытки высвободиться прекратились,
когда я ударил шлемом по его
задыхающемуся лицу, втяв внутрь то, что
было вместо костей в его отвратительной
голове. Я вышвырнул его тело обратно в
костос. Пусть он там сгорит в
болезненном пламени.

+ Поддерживайте эгиду, + напомним
Галео, я чувствовал, как обострились его
мысли. + Гиперион, прекрати попусту
тратить силу. +

Я уже поднялся выше,
присоединившись к брату под
изгибающимся потолком. Мы закрепили
подошвы на потолке, и, взяв оружие
наизготовку, встали спиной к спине и вновь
вошли в смертоносный ритм.

К своему стыду, с этого момента я не
следил за битвой своих братьев. Каждая
крупница моего внимания уходила на то,
чтобы орудовать посохом, ломая черные
лезвия мечей и сокрушая незащищенные
тела.

Я убил нечто с семью лицами. Убил
нечто, знавшее мое имя, и еще кого-то,
обращавшегося ко мне по именам, которые
я раньше не слышал, либо только читал в
монастырских архивах. Я убивал, убивал и
убивал, сохраняя силы для существа,
которое вскоре должно было явиться.
Ангелы и демоны в равной степени
отлетали от нас волной криков и горящей
крови.

В помещении вдруг потемнело, когда гигантская тень накрыла пыльную газообразную туманность. Неспособный отреагировать на новую угрозу, я потянулся к ощущениям Малхадила. Его мысли никогда не были настолько холодными.

--- Война, обретшая форму, ---
выдохнул он.

Глава восьмая

ЖЕРТВЫ

1

Наше спасение заключалось в изначальной скверне Извечного Врага. Спускаясь к нам, он по пути расправлялся со своими сородичами с большей безжалостностью, чем смогли бы даже мы.

Если по-простому, Демон Гнева истреблял меньших братьев, стреляясь поскорее добратья до нас, хотя одного его присутствия было достаточно, чтобы отпугнуть их. Сама жизненная сила подобного зверя — проклятие для меньших его сородичей. Вдали от варна существа из первозданного Хаоса подвергались воздействию физики материального царства, но благодаря своему превосходству высший демон высасывал из слабейших существ жизненные соки, чтобы как можно дольше оставаться в нашей реальности.

Меньшие существа кружили вокруг нас и прятались в тени своего владыки. Обезумев от ярости, некоторые даже набрасывались на колоссального повелителя, ненавидя его за издевательства, презирая своего хозяина за то, что он ворует их воплощенные жизни.

Чудовище взревело, каким-то образом извергая воздух и слюну в вакуум. Магнитные замки не выдержали, и нас оторвало от корпуса корабля и крепко приложило о темное железо.

Существо доберется до останков «Морозорожденного» через пару мгновений.

Вторая, более слабая волна демонов еще раз попыталась сокрушить нас. Стремительное существо с острыми когтями и кожистыми крыльями заскребло по моей спине, нанося удары по сочленениям доспеха. Мне вспомнились тошнотворные образы копошащихся паразитов, которые взрываются между чешуйками кожи рептилий. В монастырском архиве я видел схожих жукообразных существ, населявших

огромные подземные улы галекх миров
смерти.

Еще один вцепился в мою руку с
посохом, не отпуская ее, даже когда его
плоть стала чернеть от ауры оружия. На
визоре вспыхнули предупреждающие руны,
сигнализируя о нестабильности жизненных
показателей. Как-то холодно и отвлеченно
я почувствовал, как ножи из черной кости
пробивают сочленения костей и
погружаются в тело. Они приносили боль с
каждым ударом, сосредоточившись в
основном за коленом и у основания
позвоночника. Что-то проскребло по моему
хребту, и нервные окончания полыхнули
болью. Это чувство оказалось довольно
острым.

--- Мал, --- провоксировал я сквозь
стиснутые зубы.

Брат ничем не мог помочь --- его
магнитные затки отцепились от
потолка. Я заметил его в гуще кипящей
схватки, полностью погрузившегося в бой с
неизвестностью. Его меч взметнулся над плечом
и пронзил рогатое существо, вцепившееся
ему в загривок.

Я ударил тварь, которая вцепилась в мое плечо, но она заглотила мой кулак. Рука крепко застряла в пасти, и я услышал тошнотворный хруст зубов, ломающихся о кератин. Все мои силы ушли на то, чтобы избавиться от демона, который пытался сожрать мою руку.

Его углиненная пасть поглотила перчатку по самое запястье, язык обвил руку до локтя. Тварь даже пробовала захватить штурм-болтер на предплечье, не понимая, что ему придется съесть и священное оружие, если он хочет сжевать всю мою конечность.

Циуотская тварь. Я сжал руку в кулак, и когда пальцы коснулись кулка на ладони, голова демона разлетелась на куски.

II

Эффективность болтеров падает в пустоте.

Вакуум притупляет зубы наших

освященных снарядов, но они далеко не бесполезны. Самое большое изменение происходит не в том, что они делают, но в том, как проявляется их возмездие.

В безвоздушном пространстве взрывы болтов представляют собой короткие вспышки света, которые за считанные секунды поглощает тьма. Рассеивающая сила взрыва не встречает по пути сил, которые могли бы оказать сопротивление, -- ни воздуха, ни тепла, вообще ничего. Неусовершенствованный глаз не в состоянии оценить изящную красоту пустотного взрыва, ибо, несмотря на идеальность человеческого тела, задеиствованная здесь физика слишком стремительна, чтобы за ней смогло уследить человеческое око.

Наши глазные линзы -- совсем другое дело. Каждый разрывающийся снаряд порождает специфическое остаточное изображение расширяющегося света, визуальный отблеск на реактивных визорах, показывающий точки попадания. Мои братья отключали канал регистрации на сетчатке, считая эту

функцию бесполезной и отвлекающей. Я же оставлял его включенным, сам не зная зачем. Наверное потому, что это всякий раз напоминало мне о том, как сильно я отличался от себя прежнего...

Полню свою первую тренировку в космосе, тогда я еще носил обезличенный керамитовый доспех, который не имел почти ничего общего с настоящими доспехами рыцаря. Если взглянуть вниз, можно было увидеть никелево-тусклый корпус ударного крейсера «Не забытый». Если взглянуть вверх, можно было увидеть дальние пределы абсолютного космоса, где в ответ на мой бессловесный взгляд мерцали звезды. Я уже какое-то время не был человеком — к тому моменту Дар Императора произвел во мне слишком много необратимых изменений — но подобное зрелище не могло не тронуть меня. Ничто не могло подготовить меня к нему. Да и как к этому можно быть готовым? Я немного успел увидеть за пределами камеры монастыря и великих чертогов нашей крепости, наполненных звоном мечей и шепчущими голосами.

Долгое время я глядел во тьму, не слыша ничего, кроме медленного, неразборчивого ритма двух своих сердец. Никогда раньше я не чувствовал себя таким неуверенным в своих силах, таким одиноким посреди бесконечного, враждебного пространства Галактики.

Слева от меня была видна наклоненная сфера Сатурна, от зрелища его поверхности, затянутой пеленой облаков, у меня скручивало живот. Полностью, как я протянул к нему руку, словно тот был чашей, которую можно взять с ночного неба. Отсюда он казался не больше ладони.

Далеко под корпусом крейсера я видел обод самого Титана: молочно-белый от ядовитого облачного покрытия, но все же единственный дом, который я знал. Унаследованное отсюда — значило полететь напрямик в его прогорклые небеса и закончить обучение частичками непла, которые затем развеют азотные ветра.

Я вновь посмотрел в открытый космос. Далеко за Сатурном было видно само Солнце, но его яркая корона отсюда казалась не более чем пульсирующим

пятнышко.

Лишь одна звезда из миллионов.

В этот момент я почувствовал то же самое, что, наверное, чувствовали древние поколения, когда впервые вышли в небо. Стоило ли им вообще забредать сюда, так далеко от колыбели человечества? Было ли им суждено отправиться во тьму и вырезать свою империю на каменных костях покоренных миров?

Наши повелители говорили, что оценивать всякую вероятность опасно. В эту ночь я узнал, почему. Благословен разум, не испытывающий сомнений. Чемпионы человечества никогда не должны сомневаться в праве людей властвовать над звездами.

Я не забывал того урока, когда поклялся служить Инквизиции. И помнил его до сих пор уже как рыцарь на войне, с которой человечество никогда не должно узнать.

Вопреки инстинктам, я выпустил из рук свой хранящий посох. Он поплыл в лишенной воздуха пустоте, анафема существам, которые пытались одолеть нас.

Я вытащил пистолет в ту же секунду и открыл огонь в упор из штурм-болтера на левой руке и болт-пистолета, стиснутого в правой кулаке. Стрелять из двух орудий было непростой задачей, если дело касалось меткости, и когда каждый твой снаряд был ритуально выкован, освящен и благословлен праведными руками Императора, промахнуться по врагу было бы непростительным грехом.

Среди многочисленных смертоносных учений, которые должны освоить все Серые Рыцари, лишь в немногих я превзошел своих братьев. Я не так умело обращался с гвутья клинками, как Сотис, и во владении глиняным мечом не мог сравниться с Думенидоном. Но вот снайперским аспектом нашей тайной войны я овладел в совершенстве. Мой ретинальный дисплей разделился, предлагая отдельный прицел для каждого орудия. Мои ощущения

сплавились в знакомый темн «взгляд-прицел-огонь, взгляд-прицел-огонь», пока я одновременно налил из обоих оружий, не замедляясь и не прерываясь.

Штурм-болтер вздрогнул, попарно выпускающая болты в мечущихся вдали существ. Выстрелы болт-пистолета я приберегал для подкрадывающейся нечисти, которая царапала мои доспехи. Всего за пару секунд ретинальный дисплей покрылся значками попаданий.

Существа разлетались, шипя вышущенными внутренностями, испаряясь из материального мира в кислотных струях. Вокруг нас сгустился черный туман.

Высший демон уже почти добрался до нас, а мы все еще боролись с мелкими паразитами. Я не мог сбить их с Малхадила выстрелами — слишком большой риск для герметичности его доспехов. Вместо этого я оттолкнул его направленным импульсом кинетической силы. Демоны бросились врассыпную, пока мой брат кубарем катился через весь зал. Керамит его доспехов покрылся

царапинами. Чтобы остановить полет, он вонзил оба фальчиона в потолок и вновь прикрепил подошвы к металлической поверхности.

Прерывисто дыша, он провоскировал.

--- Сзад!

Я развернулся, чтобы встретить опасность. Все три ствола выстрелили одновременно, вогнав три снаряда в грудь и крылья скачущего монстра с багряной кожей, напоминавшего горгулью, которой даровали некое подобие жизни. На краткий миг я заметил блеск бронзовой кости и розоватое мясо, прежде чем тварь исчезла из нашей реальности. Успаряющая кровь заляпала мои доспехи.

Двойные руны на трещинах, обозначающие пустоту, вспыхнули на визоре, сообщая, что мне пора перезарядить оружие. Я вложил пистолет обратно в кобуру и силой мысли призвал к себе посох.

Чтобы пролезть в разгромленный зал, демону пришлось сложить свои невероятно огромные крылья. Одно его присутствие разъедало металл. Я увидел, как за его

подразгивающими крыльями ржавеют
стены, а стекающий с них темный туман
покрывает сталь пятнами гнили.

Наш юстикар встретил его первым, и
встретил один на один. Галео превратил
свой гнев в оружие, дистиллировав его в
клинок психического звука, который
вырвался из его рта, словно копье. От
этого крика в жуткой пасти демона
треснули зубы, а его правый глаз лопнул
брызгами черной крови.

+ Я разберусь с ним, + пропультсировал
нам Галео. Он уже тчался в атаку.
Оставшиеся демоны отползали от него,
ударной волной силы. Отсутствие
гравитации позволило завершить атаку
прыжком. Силовой клинок в руках
юстикара походил на полумесяц
пылающего белого света.

--- Сфокусируйся, --- провоксировал
Малхадиил. Я обернулся как раз вовремя,
чтобы заблокировать посохом клинок
ослабшего демона. Малхадиил пронзил его
в спину, а я сломал шею нечисти
возвратным ударом.

Я не видел, куда пришелся первый

вынаг Галео, но определенно почувствовал
его. Клинок, встретившийся с
демоническими доспехами, породил
беспокойный шум в наших головах, от
которого онемел язык и заныли десна.
Меня охватило внезапное неодолимое
желание принять химический очищающий
душ, чтобы смыть с тела все
вспоминания об этом задании.

--- Мы должны поточь ему, --- сказал
Сотис. --- С этими отбросами покончено.

--- Пошли, --- раздался ответ
Дүменигона. --- Теперь вместе.

Малхадиил развернулся, следуя за
ними. Я отбросил своего последнего
нерожденного, испепелив его во вспышке
неконтролируемого гнева. Платя
хлестнуло по нечисти, мгновенно сжигая
его крылья и охватывая тело.

Мал окликнул меня по имени,
призывая поторопиться. Резким усилием я
оборвал струю пламени и направился за
братьями в пасть безумия.

Битва с высшим демом происходит сразу в двух измерениях. Физический аспект — это мир оглушающих ударов, концентрированной ненависти и энергетических вспышек, которые слабым разумом кажутся колдовством. Но присутствовала и духовная сторона: гүэль воле и обостренных мыслей, когда само присутствие рядом с врагом вызывало душевную тошноту.

Высший демон сангвинарной скверны в буквальном смысле представлял собой негативные эмоции войны, воплощенные в физической форме. Возьмите чувства каждого человека, которому приходилось брать в руки меч или винтовку, и спешайте в ядовитом царстве за завесой реальности: каждый миг агонии раненого в живот солдата, который зовет товарищей; каждый варварский прилив ненависти после близкого знакомства со смертоубийством; каждый ночной кошмар, который переживал выживший в крестовом походе; сковывающий страх перед превосходящей ордой, когда уже некуда бежать...

Все это и многое другое накатывало
от существа оглушающей волной.
Воистину, человеческие грехи вернулись,
чтобы осквернить нас.

Говорят, что на своих кошмарных
варп-мирах каждый из таких
атавистичных воевод правит легионами
потерянных и проклятых. Архивы
Инквизиции туманно повествуют об этом.
Немногие смогли заглянуть в ад и
сохранить разум, чтобы записать то, что
увидели в нем.

Демон отпрянул от нашей эгиды, но
слово «отступление» было ему неведомо.
Боль только разжигала его злобную
ярость. Когда мы приблизились, мои
изначальные инстинкты поухли.
Неприятное уступило место пониманию.

— Я знаю это существо, — я понятия
не имел, говорю ли с помощью рта или
разума. — Юстикар...

+ Слушаю. + Галео стоял перед нами,
его глинный меч высек искры,
столкнувшись с топором зверя. Я
обрадовался, что не слышу в вакууме
напряженного гудения, — от звука

шибающихся клинков у меня всегда болели зубы. Странно, но есть вещи, к которым никогда не можешь привыкнуть.

Однако образ в моей памяти всплыл так отчетливо, словно я держал книгу в руках. В четвертом ряду перекрестка Авентина в Библиариуме Демоника, в текстах о восстании Юрүги, случившемся почти три тысячи лет назад, находилась гравюра, изображавшая демона, стоящего сейчас перед нами.

Малхадиул прочел мои мысли так же легко, как я его.

— Как же я рад, что ты изучал нечто подобное, — шепнул он по воксу.

+ Я знаю его имя. +

Пока мы бежали, я перезарядил штурм-болтер. Мы были уже близко, и демон не собирался отступить. Его крылья, покрытые разбухшими венами вдоль кожистых мембран, держались и трепетали среди туманной дымки. Грудь существа защищал не нагрудник из бронзы, а кости, выпирающие сквозь щетинистую кожу, которые срослись в пластины пещеристой желтой брони. Из тела зверя

все еще торчало с десяток копий и мечей —
наследие неудавшихся казней многие
поколения назад.

А затем мы налетели на него, и нам
оставалось только драться. Благодаря
связи с братьями я видел их движения.
Галео стоял перед демонам, словно
воитель древности, воздев меч, сражаясь с
существом в десять раз выше его ростом.
Каждый удар алебарды по клинку словно
замедлял время, когда даже улучшенные
чувства едва могли поспеть за тем, что
разворачивалось перед ними. Сотис и
Дүменигон присоединились к юстикару,
вместе с ним парирүя и нанося удары. Мы
же с Малхадилом придумали нечто иное.

Мы открепились от потолка и
обрушились на спину демону. Казалось,
цепляться приходилось не за крылья
существа, а за паруса старого
океанического корабля, треплющиеся на
ветру. Малхадил нанес удар первым,
вырезав из плоти существа изрядный кусок
вонючего мяса. Я ощутил вспышку его
эмоций, яростное желание отсечь зверю
крыло.

Я упал чуть ближе к голове и схватился за грязное ухо, мои ботинки ударились в плечо существа. Вздрогнул иштүрм-болтер. Два снаряда врезались в демону в висок, пробив дыру в черепе и превратив в разогранные ошметки натянутую плоть.

Дернувшись, тварь потянулась ко мне конечностью, и я направил сфокусированную пульсацию пряником ету в разум, летя в содрогающиеся холмы мозгового вещества, видящего сквозь рану в черепе.

Это было не слово --- даже не язык --- я послал в его обнаженный разум слияние звуков и понятий. Представьте сотню бронзовых колоколов, звонящих над заброшенным городом, грохот падающей балки в горящей церкви, непрерывное тучение после ампутации и человека, который пытается набрать воздух в наполненные кровью легкие.

Я выкрикнул все это в разум демона. И ничего не произошло.

Кулак угодил в меня с такой силой, словно по мне проехался танк. Прежде чем

я успел собраться, демон сбросил меня со
спины. Перед глазами все поплыло, но и
только. Тревожно запищали авточувства
доспехов.

Даже у трансчеловеческих рефлексов
имеются свои пределы. Прежде чем мои
сердца успели дважды стукнуть, я врезался
в стену под таким углом, что мой
позвоночник затрещал. Металл был
слишком ровным, чтобы ухватиться за
него, а сила удара не позволила найти
хоть какую-то опору. Я заскользил по
стене, высекая искры.

Я хватался за металл, ища хотя бы
малейшую царапину — на что-то большее у
меня попросту не было времени.

Еще секунда, и я вылечу в космос.

Руны, текущие по визору шлема,
вспыхивали предупреждениями, о которых
мне наверняка следовало знать. Да, я
понимал, что герметичность моих
доспехов нарушена в нескольких местах.
Да, я знал, что из дыры в нагруднике
шипящей неконтролируемой струей
выходит воздух. Да, я понимал, что
стабилизатором и проводником тока на

левой ноге немедленно требуется ремонт.
Мимолетной мыслью я отключил поток информации и оглянулся по сторонам.

Я быстро направлялся в пыльную пустоту, в открытый космос. По моим доспехам колотили катушки, пока я кружился в лишенном направлений пространстве. Сквозь завесу пыли я с трудом мог различить даже корпус корабля.

Довольно позорный способ умереть.

+ Это... было чрезвычайно... глупо, +
отправил мне Галео. Его голос звучал напряженно, почти на грани срыва.

Рубины замерцали в ответ на мои мысли. Я следил, как, несмотря на повреждения, пытаются работать системы доспехов. Узлы варп-ориентации, которые торчали из силового ранца, басовито загудели. Мне пришлось признать, хотя бы перед самим собой, что, скорее всего, это не сработало бы.

+ Гиперион, + раздался слабый голос Малхадила. Ему всегда нелегко давалась теленатическая речь, ведь его таланты отличались от моих.

+ Я прыгаю обратно, + ответил я.
+ Оно отправится за тобой. Оно
пойдет на варп-пульсацию. +
+ Только один шанс. Прикрой меня. +
+ Я не... +

V

На этот раз я задержал дыхание.
Варп окутал меня, сцепившись за
доспехи в надежде раздавить их. Я
почувствовал, как руки или что-то
похожее на них, заскреблись по
сочленениям боевого облачения. Я не мог
бежать, хотя казалось, будто
выкладываюсь на полную. Я тчался вперед,
но одновременно будто двигался сквозь
столу.

Показания датчиков неуклонно
снижались, на линзах предупреждающе
затигали тревожные руны, которые я не
мог игнорировать. У меня был один шанс,
единственный шанс телепортироваться
обратно на корабль, прежде чем откажут

прыжковые системы госпехов. Если я упушу
его, меня можно считать покойником.
«Карабела» может вечно прочесывать
пыль, но так и не настроить телепорт на
твой госпехи.

Что-то вцепилось мне в горло. Я
ощутил, как нечто проникает под госпехи
влажным холодком тающего льда,
приложенного к шее. Стрельба вслепую не
помогла — штурм-болтер выпустил весь
боезапас как в густую жижу, и снаряды
немедленно застыли в ней, утратив
скорость.

Не важно, получится у меня или нет.
Я отключил варп-узлы, потому что иначе
мне конец.

+ Мал, + отправил я в пустоту. + Мал.

+

VJ

--- Поймал, --- провоксировал он.

На то, чтобы вернулось зрение,
потребовалось несколько секунд, пока

глазные линзы перенастраивались на спектр реальных цветов. Малхадиул держал меня за предплечье, вытаскивая обратно на палубу.

Нет. Не Мал. Сотис сделал три шага назад, потянув меня за собой, подальше от края. Мой ретинальный дисплей все еще представлял собой месиво неразборчивых очертаний и подрагивающих рун, но я ясно различал невероятно огромную тень демона, черную даже на фоне тьмы, и вспышки отраженной энергии, которой атаковали мои братья. Существо приближалось, возвышаясь над нами. Варп-прыжок привлек его внимание ко мне, как я и рассчитывал. Оно ощутило прореху во вселенной, силу, схожую с собственной.

+ Сотис, + пропульсировал я его илм с предупреждением, достаточно сильным, чтобы по железному полу пошла рябь, растягивая за собой реальность. Мой брат оттянул меня еще на шаг, продолжая сжимать руку, и я уже начал оборачиваться, когда из его груди вырвались черные когти.

Три пальца, настоящий презубец с

когтями толщиной в человеческое бедро. В этот момент я услышал худший звук в своей жизни — удрушливое бульканье, когда Сотиса вытошнило кровью прямо в шлем. Звук разнесся по воксу с ужасающей четкостью.

Мои ботинки прилипли к палубе, и я поднялся на ноги. Сотис скорчился, слишком упрямый даже для того, чтобы признать свою смерть. Он потянулся ко мне, безостановочно воксирюя влажный булькающий хрип, словно я мог стянуть его с отворачивающихся когтей.

Демон вздернул его в воздух, и Сотис потянулся за оружием, которого больше не было в его руках. Я открыл огонь по демону на плечо брата. Кровавые кристаллы украсили вакуум густой дымкой, рассыпаясь из его развороченного тела.

Крик Малхадила разнесся по воксу и в моем разуме, единение звука и боли, когда демонические когти разорвали его брата-близнеца.

Я почувствовал, как Сотис покидает нас, и мой разум инстинктивно потянулся следом, словно мог восстановить

связывавшие нас узы. Один призрачный миг
я следовал за его рассеивающимися
мыслями и сознанием, которые с
лихорадочной тщетностью пытались
восстановить фрагменты истончающейся
сущности.

В них была боль, которая пылала так
жарко, что могла бы разорвать меня на
части. Я ощущал его сожаление, ярость и
стыд за то, что он утирал, не выполнив
задания. И я почувствовал, даже не зная
наверняка, что это, возможно, его страх.
Естественный страх хрупкого, смертного
существа, за которым пришла смерть.
Мое мнение о нем не стало хуже. Никакая
трансчеловеческая трансформация не
могла изменить того, что означало
человеческую жизнь, и тьму лишения этого
дара.

В самую последнюю секунду я увидел
мальчика в рваной одежде, глядящего в
серое небо. С видением пришел тихий
шепот полужабытых слов:

— Они заберут нас к звездам, —
произнес мальчик. Но его грязному лицу
катились слезы. — Да?

— Не волнуйся, Мал, — ответил угасающий голос. — Все будет хорошо.

А затем все исчезло. Образ и питавшая его душа — все пропало. В моем разуме разверзлась зияющая дыра, пустая и холодная. До этого времени я не понимал, насколько мои братья из Кастуана полагались друг на друга, — мы всегда в той или иной степени пребывали в разумах своих товарищей. После исчезновения Сотиса мои ощущения загрозили, пытаясь найти что-то, все равно что, лишь бы снова связаться с ним.

Все это случилось за один вдох.

«Гиперион?» — Голос инквизитора был полон тревоги. Сила моих чувств восстановила нашу связь. Я ощутил, как она скользнула обратно в мой разум, и инстинктивно потянулся к знакомой душе. «Что это было? Что происходит?»

+ Сотис... Сотис мертв. +

Я произнес эти слова, но ответа не услышал. Я резко вернулся обратно в тело. Что-то швырнуло меня обратно в собственное сознание. Злость юстикара ударила о границы моего разума.

+ Сражайся, бесполезный ублюдок! +
слова Галео походили на ледяные ножи. +
Ули я сам тебя прикончу. +

Я открыл глаза, даже не понимая,
что они были закрыты, и вновь поднял
оружие.

VJJ

Последний удар нанес Малхадиил.

Казнь стала безыскусным и лишенным
какой бы то ни было красоты избавлением.
Мы разорвали зверя в клочья, стесивая
заклятья и сталь, потроша его мечами и
грубыми разрядами смертоносных молний.
Ярость придавала сил уставшим мышцам
и усиливала психическое колдовство. Ухор
лился потоками, которые не застывали в
вакууме. Никогда раньше я не сражался в
таком состоянии. Каждый заряд энергии
продолжался долгое время и завершался
только тогда, когда у меня перехватывало
дыхание, так что требовался миг, чтобы
преодолеть тупое оцепенение, которое

всегда наступало после.

Последней ошибкой демона стало то, что он попытался сожрать останки Сотиса. Несколько мгновений ничто не препятствовало нашей атаке, хотя демон захохотался издевательским хохотом. Мы принялись рубить понятившуюся тварь, и до последнего смертельного удара пар минут спустя удача так больше и не повернулась лицом к демону.

Мы стояли над его распадающимся телом, от подошв до серебряных шлемов покрытые его нечистой кровью. Тогда воцарилась тишина, оскверненная, гурная тишина между нами четверьмя. Никто не проронил ни слова. Казалось, говорить больше не о чем.

Я отключил посох. Среди безмолвия я задался вопросом, слышали ли мои братья по воксу, как я тяжело сглотнул.

+ Гиперион, + наконец отправил Галео.

Малхадиил возник позади меня. Я обернулся как раз вовремя, чтобы в личину шлема врезался его кулак.

--- Ты сказал, что знаешь его имя! ---
пальцы Малхадиила сожались на моем

горжете раньше, чем я успел подняться. --- Ты сказал, что можешь изгнать его. Ты сказал, что знаешь его имя. Что случилось? Ты убил моего брата. Он умер, пытаясь заткнуть тебя обратно.

Дүменигон оттащил его, хотя Малхагуил продолжал сопротивляться, посылая в меня волны истощившейся силы. Оградиться от них мне не составило труда.

--- Я думал, что знаю его настоящее имя. Я узнал его в архивах.

--- Прискорбная ошибка, --- тихо отозвался Дүменигон.

+ Он умер, спасая тебя, + Мал плюнул в мою сторону наполненным яростью импульсом. Он щелкнул о мой шлем, словно болтерный снаряд. Инстинктивно я едва не ударил в ответ, но не поддался искушению и не разжал руку.

+ Довольно, + единственного слова Галео оказалось достаточно, чтобы унять ненависть Мала, и я ощутил в психическом касании юстикара куда больше обычного воздействия. + Успокойся, Малхагуил. Мы поговорим об этом на

бортү «Карабелы». +

Глава девятая

ПОСЛЕДСТВИЯ

Д

Я смотрел, как он горит.

«Морозорожденный» оголил нижнюю часть фюзеляжа, вращаясь под действием сил разрушения. Наши оружейные батареи с легкостью пробивали броню беззащитного корабля, но он еще очень долго сопротивлялся смерти. Из-за того что активных систем было очень мало, он почти не горел. И поскольку взрываться было нечему, наши орудия разорвали корабль на куски чередой залпов. Эсминец оказался настолько прочным, что у нас на это ушел почти час. Он попросту не хотел умирать.

Я стоял в обсерваториуме «Карабелы» и взирал сквозь пыль на методичное уничтожение. Мои братья находились где-то на нижних палубах, хотя я не знал, где именно. Это было довольно странно —

после смерти Сотиса наши узы охладели, но я противился желанию дотянуться до братьев. Я знал лишь то, что они держали совет, и чувствовал их близость так же явственно, как ощущал свое исключение из нее.

Поэтому-то я смотрел в одиночестве, как сгорает корабль. Обстрел уже заканчивался, когда я ощутил приближение человека. Обсерваториум представлял собой увенчанный куполом зал, обычно защищенный раздвижными бронированными плитами. Сейчас его стены и крыша из прозрачного пластика были открыты пустоте космоса. Я почувствовал присутствие человека задолго до его появления, поэтому мне не пришлось оборачиваться, когда шаги эхом разнеслись по залу.

Я даже представить себе не мог, кого хотел бы видеть меньше него.

--- Гиперион, --- поприветствовал он.

--- Чего тебе надо, еретик?

--- То же, что и всегда. Просто поговорить.

Я посмотрел на него, не заботясь,

выражает ли мое лицо то же отвлечение, что я испытывал.

--- Нам не о чем говорить, Кловон.

Он склонил татуированную голову, будто я одержал своеобразную победу. Аквила красовалась на его ожоговых шрамах, раскинув черные крылья, словно ажурная тень на его лице. От Кловона пахло ритуальными маслами, пистолетами и инквизитором, которой он служил.

--- Прекрасно, не так ли? --- указал он на улыбающийся «Морозорожденный».

--- По-своему, --- от его близости мне хотелось сплюнуть. Я почувствовал, как выделяется кислота из подязычных желез. --- Говори, если хочешь.

Он устехнулся:

--- Как мило с твоей стороны!

От моих гонимых остались потрескавшиеся и обесцвеченные обломки, но я все равно наивно возвышался над ними. Я посмотрел вниз, не скрывая раздражения.

--- Я пытаюсь быть с тобой вежливым, но ты не облегчаешь мне задачу.

Он застегнул кожаную куртку.

--- А тут холодно.

Я и не заметил. Я редко замечаю такие вещи.

--- Чего тебе надо, Кловон? Я не в настроении вести досужие разговоры.

--- Госпожа говорит с твоими братьями. Несмотря на гибель Сотиса, вы одержали важную победу для Инквизиции.

--- Не вижу, каким образом.

Еретик вытянул руку и принялся перечислять, попутно поднимая пальцы.

--- Вы получили свидетельство об одержимом Хаосом навигаторе, а это довольно редкое явление. Обнаружили выжившего, а мы оба знаем, что свидетельства очевидцев --- хлеб насущный для оргосов. Кроме того, выживший --- один из Костических Волков, поэтому он вдвое ценнее для инквизитора Ярлсготтир, верно? Учитывая то, что в большинстве своем команды корабля вынесло в открытый космос, даже одна уцелевшая душа --- уже большая победа. Также вы изгнали опасность --- выражаясь цветастым фенрисииским термином Анники --- «высший талефик».

Я наблюдал за тем, как разваливается корабль, и ничего не говорил.

— По ее словам, то, что вы вообще уцелели, уже огромное счастье.

— Она отправила нас в этот бой.

— Наверное, именно по этой причине она и считает ваше спасение счастьем. Конечно, она никогда не признает свою ошибку. Ты же ее знаешь.

— Но у ее решения были свои достоинства. Если она винит себя за гибель Сотиса, то только по незнанию. Она не виновата. — Как описать демонические хоры тому, кто не ведает об истине за завесой? — Нерожденные, как и простые смертные, обладают различными силами. Мы столкнулись с относительно слабым существом, хоть и из величайшего хора. Будь мы осторожнее, то избежали бы потерь вообще. Как и команда «Морозорожденного», мы проиграли из-за хитрости врага и собственной глупости, а не силы противника.

— Понятно. Значит, ты допустил ошибку. Вот о чем ты говоришь.

Мне не понравилось, как он смотрит на меня.

--- Да, --- сказал я.

--- Бывает, Гиперион. Подобное случается на каждом шагу и по всей Галактике. Люди принимают неверные решения. Делают дурацкий выбор.

--- Я не люди. Я --- Серый Рыцарь. Мы --- безупречный клинок Империи, бесстрашное сердце человечества. Мы --- Дар Императора, --- я замолчал, чтобы перевести дыхание. --- Почему она вообще терпит тебя, еретик?

--- Хороший вопрос. --- От его гримасы изогнулись орлиные крылья на лице. --- Она терпит меня потому, что я --- одна из ее многочисленных побед. Она спасла мою душу. Она искупила меня.

Я покачал головой.

--- Ты продал душу богам за завесой. Неважно, придет ли позже спасение, некоторые грехи попросту нельзя искупить.

--- Это твое мнение, Гиперион. Не считай его непреложной истиной.

--- А в этом уже слышна скверна.

--- Вспомни о ручных шавках
Инквизиции --- экзорцистах. Если
припоминаешь, в архивах оргосов есть
информация об их обучении. Они впускают
демонов в свои тела и терпят экзорцизм
под неустанным надзором Инквизиции. Их
прощают. Так почему же нельзя простить
обычного человека вроде меня? Откуда у
тебя такое лицемерие?

--- Они такие же оскверненные, как все
остальные.

Кловон улыбнулся.

--- А ты пуританин.

От его насмешки мои пальцы
непроизвольно сжались. Даже от едва
заметного движения мышц мои доспехи
зарычали. Сомневаюсь, что еретик
подозревал, чего мне стоило не убить его.

--- Уйди, --- процедил я.

Он отказался. Это само по себе
удивило меня. Кловон всегда представлялся
таким покорным. Наверное, его прошлая
отчужденность была данью уважения, а не
проявлением страха. Придется положить
над этим голову.

--- Расскажешь, что случилось? ---

спросил он.

Вымученный стех показался горьким даже мне самому.

--- Что тут рассказывать? Были допущены ошибки. Из-за них погиб мой брат.

--- Расскажешь, что случилось? --- повторил он вопрос.

Разве мне было что терять? В любом случае Анника доверяла ему. Поэтому я рассказал. Ничего не упуская, я поведал ему все, что случилось с моментом высадки на «Морозорожденный» и до того мгновения, когда мы положили останки Сотиса в аптекарион нашего боевого корабля.

Поначалу Кловон хранил молчание. Он смотрел, как среди пыльных звезд разваливается на части эстинец. Наконец спустя некоторое время он заговорил.

--- Было неразумно нападать на существо сверху, не закрепившись перед этим, как Малхадиил. Ты и сам знаешь. Но Сотис рискнул и помог тебе забратся обратно на борт, --- Кловон достал метательный нож из перевязи на груди и

принялся чистить им ногти. Таковым было его мнение, которое он высказал так же просто, как и все остальное в своей жизни.

--- Это твоя точка зрения? И все?

Кловон кивнул.

--- Сотис погиб, потому что решил помочь тебе. Тебя частично ослепило ретинальной перенастройкой. Его --- нет. Он знал, что должно произойти, но рискнул вытащить тебя обратно.

--- Я...

Я колебался, не зная, что ответить. Мои мысли вдруг стали тяжелыми и неповоротливыми.

--- Он не просто рисковал своей жизнью ради тебя, Гиперион. Он отдал ее. Добровольно.

Неважно. Трон, хуже присутствия Кловона был только разговор с ним.

--- Я не желаю больше обсуждать это. И для меня все еще остается загадкой, почему инквизитор держит тебя рядом с собой.

Он вернул нож на место и вежливо поклонился.

— Но правде говоря, я лишь толстый рецидивист. Но моя госпожа искренне верит в искупление. Ошибки всегда будут допускаться. Важно то, как мы с ними справляемся и какой урок можем из них извлечь.

Я смотрел на него пару мгновений.

— Умно.

Кловон слабо улыбнулся, и вытатуированная на его лице аквила расправила крылья.

II

Вскоре я предстал перед братьями. Анника отказалась уходить, и мы пятеро встретились в командном пункте у центрального стола. То, что осталось от Сотиса, передали на попечение Паллагийским Катафрактам, поместившим тело в криохранилище.

Инквизитор поприветствовала меня едва заметной улыбкой. Дүменидон склонил голову. Галео и Малхадиил

сверлили меня взглядами: первый — без всякого выражения, второй — с тусклым пламенем в глазах. Угольки гнева угасли до слабого негодования. Я не мог винить его. Их мысли оставались скрытыми от меня, огражденные железной решимостью. Будь у меня время, я смог бы проложить путь в их разум, хотя меня удивило возникновение этой мысли.

Отрезанный от знакомого психического единства, я изо всех сил старался не дрожать. Сейчас они казались мне почти чужими, я походил на слепца, которому требовалось угадать позы, выражения лиц и чувства своих друзей лишь по звучанию голосов.

— Меня призвали, — произнес я.

+ Ты повел Кастуан, + сказал Галео. + Начиная с высадки на корабль, ты действовал слишком своевольно, слишком неосторожно, слишком самоуверенно. Это не первая операция, пошедшая наперекос из-за твоего высокомерия, Гиперион. Ты на грани осуждения. Я не могу терпеть воина, который не подчиняется приказам. +

Я ничего не сказал, потому что

говорить здесь было нечего. Следующим
взял слово Дүменигон, его строгое лицо
выражало больше смирения, чем у кого-
либо из собравшихся.

--- В некотором смысле ты самый
огражденный из нас, --- сказал он, --- но также
наименее способный управлять своей силой.
Вместе, мы --- Кастриан. Единогие, мы ---
Серые Рыцари. Разделенные, мы ---
немногим больше, нежели обычные люди,
Гиперион. Мы истекаем кровью, мы
падаем, мы умираем. За прошедшие
месяцы мы видели в тебе все это --- ты
сражаешься за самого себя, защищаешь
самого себя, а не брата за спиной. Дело не
просто в эгоизме. За эгоизм ты бы уже
давно понес наказание.

Он вздохнул, и я впервые по-
настоящему ощутил всю глубину его
разочарования. Моя неудача причиняла
ему боль. Я знал это, поскольку он дал мне
почувствовать. Дүменигон по крайней
мере ослабил сопротивление
эмпатическим узам. Я ощутил его
успокаивающее присутствие, как
прозревший человек чувствует

прикосновение солнечного света. Но он еще не закончил.

--- Все куда хуже, --- продолжил он, --- потому что твоими действиями управляет невежество. Уж кому-кому, а тебе следовало бы знать. Тебя обучили сливаться с нами, но ты не желаешь этого сделать. За тысячелетнюю историю Кастуана ты единственный, кто до сих пор не со своими братьями. Когда тебе удается сосредоточиться, ты становишься могучей силой в эгиде. Но куда чаще ты просто обуза для нас. Мы защищаем тебя, когда ты действуешь в одиночку, и нам с трудом удается сохранять свои силы, пока твои собственные полыхают от нестабильности.

У меня кровь застыла в жилах.

--- Вы не можете исключить меня из Кастуана, --- сказал я, не сумев унять дрожь в голосе.

--- Думаешь? --- буркнул Малхадиил.

+ Может, + отправил Галео.

--- Но не исключим, --- Дүменигон бросил взгляд на остальных. --- Мы обсудили.

Галео кивнул.

+ Ты владеешь одним из немногих
уцелевших артефактов времен основания
Кастуана. Возможно, самым ценным.
Пришло время доказать, что ты достоин
этого посоха, Гиперион. Услышь мой
приказ. Сражайся со своими братьями,
стань с ними одним целым. Одинокие
волки умирают в одиночестве, брат. Стая
--- вот сила охотников. +

Галео раскрылся мне, как пару секунд
назад Дүменигон. Почувствовать фоновое
присутствие его разума оказалось
благословенным облегчением, но тем
острее я ощутил отсутствие Сотиса.

Юстикар покачал головой, словно
отвечая на мои мысли.

+ Мы не виним тебя за Сотиса, +
отправил он. + Очисти сердце от вины. Мы
все время были с тобой, пусть ты не мож
нас почувствовать, и знали, что тебя
ослепило ретинальной перенастройкой.
Кастуан злится на тебя из-за ошибок,
совершенных тобой в последнее время,
Гиперион. Не за то, что Сотис решил
поиграть со смертью, пытаясь спасти

тебя. Демон лчался пряликом к тебе, и ты был беспомощен. Наш навший брат знал, на что шел, и почти успел. +

--- Почти, --- сказал я. --- Ты можешь приказать мне избавиться от чувства вины, юстикар, но не от стыда.

+ Наверное, так оно и должно быть. +

--- Сотис также допустил ошибку, --- согласился Дүменигон. --- Если бы я увидел, что тебя невозможно спасти, то оставил бы тебя погибать.

Я заглянул ему в лицо, ища намека на то, что он шутит. Он не шутил.

+ Малхадиил, + позвал Галео.

Малхадиил посмотрел на меня, но в его взгляде не было теплоты. Он не хотел разрушать воздвигнутую стену.

--- Мал, --- начал я.

--- Остальные правы, --- оборвал он. --- Сотис сслүпил, отправившись за тобой. Ему следовало дать тебе умереть, --- Малхадиил указал на мои разбитые доспехи. --- Этой ночью ты мог погибнуть бесчисленное множество раз. На каждом задании ты снова и снова рвешься вперед всех. Теперь нам пришлось заплатить за

твою беспечность. Доверие, которое я к тебе испытывал, утерло вместе с тобой братом. Помни это, когда в следующий раз сочтешь, что сможешь победить в одиночку.

Мне оставалось только бессильно кивнуть.

— Я услышал вас, — произнес я, — услышал и подчиняюсь.

Наконец разум Малхадиила слился с тобой. Брата терзала такая боль, что я едва не истек кровью вместе с ним. Она пульсировала в нем гулким стуком, такая горячая, что не поддавалась никакому описанию. Глубже, нежели боль — это была скорбь. Он оплакивал своего брата. Я никогда не чувствовал ничего подобного раньше, ни в своем разуме, ни в разумах собратьев.

Я отправил ему ответное чувство — мягкую мысль, изваянную из сожаления и стыда. Сначала он отпрянул, и я уже было подумал, что он опять оградится от меня. Мгновение спустя он все же принял пропульсированную эмоцию. Он слабо, очень слабо кивнул в ответ. Причиненная рана

этим не исцелилась, но начало было положено.

— Я могу прозвонить в Колокол за Сотиса? — спросил я.

Дүменигон тихо выдохнул и посмотрел на Галео. Юстикар в свою очередь бросил взгляд на Малхадиила. Мал застыл в нерешительности. Я заметил, как он тяжело сглотнул.

+ По обычаю лишь юстикар может звонить в Колокол, + произнес Галео, + но в данном случае это кажется уместным. +

— Я бы хотел... — Малхадиил затолчал. — Да. Я не возражаю.

— Спасибо, Мал, — сказал я и беззвучно добавил лишь эту: + Они услышат Колокол по всему Тронному миру. Обещаю тебе. +

Он еще раз едва заметно кивнул.

Когда мои братья направились к выходу, Галео на секунду встретился со мной взглядом.

+ Больше никаких ошибок, брат. +

Я отдал честь, сотворив знамение аквилы.

В комнате осталась только Анника.

Они прислонилась к стене, скрестив руки на груди.

--- Черный день, но прекрасная победа.

--- Можно считать и так, ---
согласился я.

Она улыбнулась.

--- Если тебе интересно, брат Граувр в стабильном состоянии. Если повезет, он даже выживет, --- ее кристально-синие глаза сверкнули в отраженном свете. Прежде чем я успел ответить, она грустно устехнулась. --- Прости за то, что случилось с Сотисом. Ты говорил с Кловоном?

--- Так это вы отправили его ко мне?

--- Не совсем. Василла и Кхатан также хотели поговорить с тобой. Я решила, что если кому-то и позволить, то лишь тому, кто может чему-то научить.

На секунду я призадумался. Василла наверняка захотела бы помолиться вместе и обсудить состояние моей души. Кхатан же начала бы рассказывать неслешные шутки и журить меня за то, что я не смеюсь вместе с ней.

--- Спасибо, что не прислали других, ---

сказал я.

--- Значит, следующая остановка ---

Титан. Мы должны рассказать о случившемся и донести весть об осаде Армагеддона, -- она затолчала, словно взвешивая следующие слова. -- Я знаю, кем был Сотис, Гиперион. Я знаю, кем были все вы.

Я смотрел на нее пару секунд.

--- Не понимаю.

--- В смысле до того, как вас забрала Инквизиция. У Ордо Маллеус самые обширные архивы. Я знаю, кем вы были в детстве.

Я не совсем понимал, к чему она ведет.

--- Меня мало волнует подобное знание.

--- Пусть для тебя оно неважно, но я очень любознательна. Сотис и Малхадиил родились на жалком промышленном мирке под названием Терет. Когда за ними прилетели Черные Корабли, им было одиннадцать стандартных лет, из которых они уже год трудились разнорабочими в мануфактории по

производству боеприпасов. Им светило всю жизнь клепать патроны для ополчения Терета.

--- Зачем вы мне это рассказываете?

--- Потому что это важно. Если бы не Инквизиция, Сотис превратился бы в одряхлевшего и спившегося рабочего мануфактурного или, что вероятнее всего, умер бы из-за несчастного случая на производстве. Серые Рыцари сделали из него оружие, и он с честью послужил человечеству. Пусть его служба была короткой, но жизнь он прожил с большим достоинством, чем многие могут себе представить.

Она сложила знак аквилы, ее руки показались совсем белыми на фоне черного богизлава.

--- Запомни это, Гиперион, когда прозвонишь в Колокол Потерянных Душ именем павшего брата.

--- Да, инквизитор. Спасибо.

Ее глаза из кристаллического льда снова полыхнули.

--- Тебя никогда не интересовало, кем был ты? Кем ты мог быть?

Мне даже не приходилось
задумываться о подобном.

--- Нет, я знал, что из-за возраста могу
не принять Дар Императора. Думаю, я уже
был подростком, и мой организм едва не
отторг некоторые имплантаты. Иногда у
меня бывают сны о том, что было прежде.
Картинки. Чувства.

--- Например? --- она приподняла
бровь. --- Продолжай.

--- Стук дождя по прохуdivшимся
металлическим крышам. Ощущение,
будто я смотрю сквозь окна, но ничего не
вижу Черный трон. Это я полню лучше
всего: черный трон, холодный и темный, ---
я пожал плечами. --- Полной четкости
никогда не бывает, но это не важно. Как я
уже говорил, для меня это не имеет
значения.

Она снова улыбнулась.

--- Я не спрашивала, имеет или нет. Я
спрашивала, было ли тебе просто
любопытно?

--- Нет.

--- Из тебя получился очень неумелый
лжец, Гиперион. Это в тебе мне нравится

На дорожку домой ушло одиннадцать дней. У обычного корабля она отняла бы несколько месяцев.

«Карабела» летчалась сквозь беспокойную пустоту, защищенная от нечестивого внимания обитателей варпа. Путешествие корабля Серых Рыцарей было не только стремительным, но также духовно потрясающим. Гексаграммное экранирование и освященная броня оберегали наши боевые корабли лучше всего того, что было создано человечеством, но Море Душ ярко пылало, реагируя на наше вторжение. Бесконечные, непрерывные вопли демонов, гибнущих рядом с корпусом, исподволь истощали терпение.

В полете машинный дух «Карабелы» был таким же ярким и живым, как душа любого другого члена команды. В эти часы

он обладал сознанием, почти личностью. Его голос был песней перегруженных двигателей, вибрирующих в безбрежной пустоте, а лик озарялся лучистым ореолом, когда вспарывал демонов, нападающих под таранный нос корабля. Я чувствовал его, живую душу, которая пела разноголосым роком на всех палубах и во всем разуме. Его песнь была гимном, и слова его были прекрасны.

Временами палуба сильно дергалась, что говорило об очередной смене курса, когда мы сворачивали от Астрономикона. Корабль начал согрогаться еще сильнее, стоило нам углубиться в эфирный океан, срезая целые дни от общего времени путешествия, поскольку навигатор целиком и полностью доверял прочности корабля, направляя нас через еще более темные моря.

Мы нередко изматывали наш корабль подобным образом, хотя знали, что после этого «Карабелу» ждет долгий простой в орбитальном доке. Повреждения, которые получал флот Серых Рыцарей в путешествии, означали, что многие наши

корабли проводили в ремонтных доках не меньше времени, чем в самом пути. Учитывая все преимущества, вполне приемлемая плата.

В седьмом часу последнего дня мы выпрыгнули из варпа на границе сегмента Солар. На протяжении всего путешествия я тренировался в одиночестве, ясно давая понять, что не желаю никого видеть. Лишь ощутив встряску от перехода в реальное пространство я, наконец, опустил посох в тренировочном зале.

Я почувствовал, как от перенапряжения свело мышцы на руках и ногах, но смог это перетерпеть. На открытых участках кожи ярко блестел пот.

--- Гиперион, --- провоксировала инквизитор по встроенным в стены громкоговорителям. --- Мы дома.

Глава десятая

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Д

Потрёпанная стремительным
плаванием по ядовитым волнам
«Карабела» с трудом вошла в систему.
Сервиторы и закутанные в мантии
прислужники обрабатывали поступающие
на мостик данные, когда монастырь начал
загружать самые свежие звёздные карты в
наши когитаторы. Стыковка с Титаном
никогда не отличалась простотой. На
орбитальных картах отображалось
местоположение спутников газового
гиганта, степенно вращающихся вокруг
невероятно огромной планеты, и
каталогизировалась быстро
обновляющаяся информация по всем
ближним имперским путям судоходства.

Мы подошли с дальних пределов,
плывя вдоль Пролива Энцелага. «Карабела»
слишком близко подошла к

гравитационному колодезю спутника, и оставалось лишь смотреть, как сияющий мир заполняет собой обзорные экраны на командной палубе.

Однажды я побывал на Энцелаге и воочию наблюдал за гейзерными ледяными взрывами через заполненный красными ртутными ретинальный дисплей. Даже спустя многие годы я дорожил этим воспоминанием. Хотя разлетающимся шлейфам не доставало величественности криовулканов Титана, они все равно представляли собой захватывающее зрелище, особенно когда кусочки льда взмывали высоко в воздух, сливаясь с сапфирными далекими и туманными кольцами Сатурна. Кристаллизировавшееся в космосе дыхание спутника превращалось в одно из колец своего тира-владыки... Бесспорно, Галактика ненавидела нас, но все же показывала чудеса тем, кто был достаточно силен, чтобы увидеть их.

Василла облокотилась на поручни возле меня.

--- Ты улыбаешься, --- сказала она.

--- Хорошо оказаться дома, ---

согласился я. Виг Сатурна и его лун всегда благотворно влиял на меня: огромный, опоясанный кольцами мир, подпрогорклыми небесами которого таилась ядовитая бездна. Я был оружием, не человеком, но в подобные моменты вспоминал, что был одушевленным оружием. В этом вся суть.

Постепенно корабль миновал Энцелад. До Титана оставался час полета.

Василла наблюдала за удаляющимся спутником пару минут, а затем снова обернулась ко мне. Она достигала меня лишь до запястья. Всего-то.

— Я никогда не была на Титане, — призналась она. Что-то в ее нежном голосе заставило меня призадуматься. Она никогда прежде не казалась мне столь юной, несмотря на татуировку лилии на щеке. — На этот раз мне бы хотелось сойти на планету.

— Очень редко кто-либо не из моего ордена ступает на сам мир.

Василла кивнула, прежде она всегда оставалась на орбитальной пустотной станции.

--- Это может показаться необычайным, но мы ведь живем в необычайный век, сир рыцарь.

--- Ты о чем?

Девочка разглядывала звезды. Из темноты на нее взирало серое око Тетиса, приоткрыв свою ночную сторону.

--- Мы живем в последнюю эру человека, --- тихо ответила Василиа. --- Еще не миновало и половины тысячелетия, а оно уже стало самым мрачным в истории человечества. Оно будет последним, Гиперион. Последним, после чего опустится крошечная тьма.

Она вдруг показалась мне старше. Я никогда не смогу понять ее. В некотором смысле она походила на одну из лун Сатурна --- полусвет, полутрак, холодная посреди бездонного космоса, но теплая в своем сердце.

--- Человечество никогда не падет, --- возразил я. Слова были инстинктивными, они вырвались у меня сами собой.

Василиа склонила голову, копна волос цвета красного дерева удачно подчеркнула любопытство на ее юном личике.

--- Откуда пришли эти слова? ---
спросила она. --- Из твоей головы или же
сердца?

--- Миллион миров обретается в
Свете Императора. Бессчетные
миллиарды отдают свои жизни ради
Трона, пока бесконечные триллионы
живут в милости Его, --- я взглянул на нее.
Темные одеяния Василлы резко
контрастировали с моими доспехами. ---
Человечество никогда не падет, ---
повторил я.

Она улыбнулась с искренней любовью и
коснулась моей руки.

--- Ты ведь действительно в это
веришь?

Из дальнего конца зала до меня
донеслось изумление Галео, мягкая волна
веселья от увиденной картины: одного из
сынов Императора, воина, обученного
сражаться с демонами, поучает гуля.

Прежде чем я успел ответить, к нам
присоединился Дарфорд. Он, как обычно,
был в форме. Но правде говоря, у него
оказался неисчерпаемый запас форменной
одежды. На этот раз он предстал в темно-

красной с золотыми эполетами и
галунами. Наглаженные белые брюки были
заправлены в черные кожаные сапоги, и
внешний вид довершали три медали на
груди. Его награды за подвиги, совершенные
в армии родного мира, до того, как он
оказался на службе у Анники. Я не был
знаком с наградной системой торгуанских
подразделений Имперской Гвардии, но
почти не сомневался, что Дарфорд
получил их за меткость.

--- Кажется таким холодным, ---
живнул он на уменьшающуюся сферу
Энцелага.

Я знал, что он шутит, но не вполне
понимал цель шутки. Его юмор зачастую
ставил меня в тупик.

--- Он и есть холодный, --- произнес я. ---
Поверхность Энцелага...

--- Ясен Трон, только не заводись, ---
Дарфорд пригладил усы и бородку. --- Ты в
точности как Малхадиил. Иногда мне
кажется, что я разговариваю с
когитатором.

Нару секунд я не сводил с него взгляда.
Он похлопал по моим доспехам, что я счел

за проявление добродушия. Василла слегка покачала головой, зная, что за этим последует.

--- Рад оказаться дома? --- спросил Дарфорд.

--- Я ведь предупреждал тебя насчет прикосновений к моим успехам, --- ответил я.

Он ухмыльнулся.

--- Ты --- само очарование. Я так посмотрю, одиннадцать дней тренировок в одиночестве не сделали тебя более дружелюбным.

Прилив раздражения был бы не лучшим ответом. Я знал это, поэтому, приложив усилие, унял его.

--- Ты пропустил совсем немного, --- продолжил он. --- Кловон, свинья этакая, опять тухлевал в карты. Наша возлюбленная госпожа бродила по палубам, словно голодный волк, --- он приобнял Василлу. --- Эта святая кроха постоянно толпилась, не доверяя полю Геллера.

Юная Сороритас встретила со мной взглядом. Человеческое лицо выражало богатую палитру чувств, и

самую красочную часть брала на себя улыбка. Мы, принимая Дар Императора, лишались способности выражать свои эмоции подобным образом. Думаю, постигая новоприобретенные силы, мы узнавали так много о себе, что обычное проявление чувств становилось для нас блеклым и неестественным.

Василла редко улыбалась и, возможно, поэтому ее улыбка была выразительнее прочих. Сейчас она говорила, что девушке нагое отношение Дарфорда к ней, как к ребенку, словно она младшая сестренка под опекой брата.

Я не силен в физиогномике, но могу заглянуть в ее мысли. Меня всегда поражало, как воины других орденов Agentus Астартес обходятся без такого психического дара. Мне и так-то непросто давалось понимание людей, а если нет способности читать их разум...

— Если ты опять коснешься моих успехов, — сказал я Дарфорду, — я убью тебя.

— Конечно убьешь. Как и все те разы, что ты грозился мне прежде?

— Ты, — указал я на ближайшего сервитора. — Помоги мне.

Аугментированный раб заковылял к нам. От одной его ноги осталась плязгающая конечность из черного железа и кабелей искусственных мышц. Большая часть его черепа была аугментирована, как и левая часть лица, скрытая за отполированной бронзой. Ничего не выражающие глаза уставились на меня, ткнуло меня, сквозь меня. При касании к его разуму я ощутил лишь тусклый проблеск сознания, которого хватало лишь для самого элементарного общения, никаких чувств.

— Ваш приказ, возлюбленный хозяин? — спросил он механическим голосом. Из уголка его рта текла слюна, за приоткрытыми губами я заметил почерневшие зубы. Лоботомия являлась своеобразным проявлением милосердия благодаря выхолащиванию разума он знать не знал о боли в своих гниющих зубах.

Я повернулся к Дарфорду. Тот смотрел на сервитора, чуть скривив губы. Устекающий слюной сервитор продолжал

молча таращиться.

--- Неужто ты нашел себе друга, Гиперион? --- пробормотал Дарфорг.

Я покачал головой.

--- Нет. Это последний человек, который хлопал меня по плечам. Его модифицировали, чтобы он служил человечеству менее раздражающим способом.

Дарфорг дважды мигнул и опустил голос до заговорщического шепота.

--- Кровь Императора, ты только что почувтил? Неужели под всем этим серебром таится живой, дышащий человек с чувством юмора?

Он снова коснулся моих плеч, на этот раз постукая по ним, словно проверяя, не пустые ли они.

Мне потребовалась лишь мимолетная сосредоточенность, чтобы проникнуть в его разум. Пережать кровеносный сосуд здесь, чуть помассировать ткань там...

Дарфорг моргнул и схватился за переносицу.

--- Чертова головная боль, ---

пробормотал он. Из ноздри на губы
закапала кровь. Он слабо фыркнул, затем
потянулся к платку, не желая видеть
пятен на безупречно чистой форме.

--- Я знаю, что это ты, --- сказал он,
держась за нос.

Василла отвернулась, чтобы скрыть
улыбку.

--- Понятия не имею, о чем ты, ---
ответил я.

--- Ребячество, --- не унимался
Дарфорг. --- Правда, это очень по-детски.
Но неплохо.

II

Титан. Крупнейший спутник
Сатурна.

Не мир, где я родился, но все же
единственный дом, который знаю. Мы
приближались к гигантскому сияющему
шару, скрытому за густыми грязными
облаками. Там мы перевооружимся,
восстановим узы с воинами Восьмого

братства и похороним Сотиса на Полях
Мертвых под поверхностью планеты. Там
мы поведаем нашим братьям, что
Армагеддон, мир заводов и промышленной
каторги, осадил Узвечный Враз. Волки
уже сражаются там, и они нуждаются в
нашей помощи.

Возможно, наши повелители
отрядят нас вместе с войсками крестового
похода. Я надеялся на такой исход
событий.

Пока я наблюдал за тем, как
увеличивается окутанная облаками
оранжевая сфера, в моем разуме раздался
напряженный голос Дүменигона.

+ Прости, что вторгаюсь в твои
размышления, брат. +

+ Не стоит извиняться, + я приглушил
разговор Дарфорда и Кхатан. Они спорили
насчет незначительных различий в
правилах одной азартной игры на своих
родных мирах. Каждый считал свой
вариант более древним и приводил
доказательства в подтверждение своей
теории. + Что-то случилось, Дүменигон? +

+ Вовсе нет. Я ощутил, как ты

составляешь список наших обязанностей по возвращении в монастырь, и подумал, что тебе следует кое-что напомнить. Нас теперь четверо. Каспиану придется принять инициата, прежде чем мы оставим монастырь. +

Да. Он был прав, этого я не учел. Все же он довольно редко напрямую соединял разумы, предпочитая использовать общие узлы отделения. Его способности почти целиком были сосредоточены на стертоносных навыках.

+ Я хотел убедиться, что Малхадиил нас не услышит, + признался он. + Большие утраты еще свежа в нем. +

+ Извини, что говорю подобное, но такая забота очень необычна для тебя, брат. +

+ Иногда на меня находит, + в голосе Дүменигона грозило веселье, прежде чем погаснуть.

Новый инициат. К нам прибьет еще одна душа, которая объединит свой клинок и дары с нашими. Ни одно отделение не действовало одинаково, как не направляло свои силы одними и теми же путями.

Быть принятым в отделение означало привести свою жизнь в гармонию с братьями, заново научиться фокусировать силы вместе с ними. Даже после десятилетий упорных тренировок неумение целиком слиться с отделением едва ли было редкостью. Я и сам был от этого в опасной близости.

--- Получен вектор подхода, --- сообщил один из кортчих.

--- Полный вперед, скорость стандартная, --- отозвался капитан Кастор. --- Приготовиться к стыковке.

+ На этот раз без глупостей, Тальвин, + отправил Галео со своего места у командного трона.

--- Император унаси, сэр, --- ожоговые шрамы на лице капитана сторщились, когда он с трудом сдерживал улыбку. Сегодня ночью на Касторе была выдвигавшаяся вперед красная бархатная треуголка. Это определенно был самый дурацкий предмет одежды, в котором мне приходилось его встречать, а за последний год он дал мне немало примеров для сравнения.

+ Я серьезно, капитан, + добавил

Галео. + Это торжественное возвращение. +

--- Как скажете, сэр, --- Кастор остался сидеть на вычурном бронзовом троне и сложил на груди знак аквилы. Пусть из-за своих нарядов он слышался эксцентричным щеголем, но нам повеселилось заплотчить его. Немногие из жизнеобязанных слуг органа приходили к нам по собственной воле. Тальвин Кастор, в прошлом командир корабля «Эвангелика» из боевого флота Обскурус, был из тех немногочисленных душ, которые поклялись в пожизненном служении, поэтому не было необходимости выколачивать их разумы во благо всего человечества.

И все же было приятно знать, что в этот раз он не станет раздражать начальников дока своим привычным наплевательством на стыковочные предписания. Мы возвращались, чтобы похоронить брата и принести известия о войне.

--- Повернуть на три градуса к этим координатам, --- произнес он, введя код во встроенный в подлокотник трона пульт.

— Координаты получены. Так точно,
на три градуса.

Титан целиком заполнил обзорные экраны, его ласковое оранжевое свечение служило отличным фоном, чтобы рассмотреть собравшийся на орбите флот. Гигантские, тяжело бронированные крейсера и фрегаты-перехватчики скользили сквозь пустоту в оборонительном построении, пристально наблюдая за прибывающими кораблями и направляя их на стыковочные заходы.

Во всей человеческой Галактике только Марс, Терра и далекая Кагуя могли похвастаться такой обороной. Мы шли сквозь строй самого мощного флота в арсенале человечества, прекрасно осознавая, что за нашим передвижением следят тысячи орудий.

«Карабела» была далеко не одинока в океане патрульных кораблей — десятки других кораблей подходили к докам или готовились покинуть орбиту Титана. Наш мир являлся важнейшей базой Инквизиции, к нему постоянно прибывали Черные Корабли оргосов, чьи трюмы были полны

детей, которым предстояло пройти проверку, обучение и, что наиболее вероятно, погибнуть на поверхности Титана. Сейчас большую часть межзвездного потока составляли огромные крейсера *Агентус Механикус*, доверху набитые различными грузами. Наши гигантские кузницы на Титане не могли обеспечить нужным количеством боеприпасов и оружия крестовый поход, настолько грандиозным был масштаб войны. Лихтеры и крейсера с Деймоса, лунные кузницы, подаренной нам по древнему указу, нескончаемым потоком подвозили все новые ресурсы. Реже всего в нашем космическом пространстве появлялся покрытый красной броней крейсер с Марса, объявляя о появлении или отбытии техногесантника вместе с хранимыми им секретами.

Пока мы проходили мимо огромного серого корабля, в окклюдусах проносились его оружейные порты. Я не смог скрыть легкой улыбки, когда увидел выведенное серебряными буквами на черном корпусе название — «Не забытый». До чего же

приятно было снова взглянуть на величественный древний корабль.

Когда мы миновали огромный, украшенный орнаментами нос, перед нами открылось наше истинное место назначения. Это была не просто костическая станция, а Костическая Станция с большой буквы, которая служила глотом для тысяч душ, десятков кораблей и самых страшных тайн в Умпериуме Человека. Я не мог припомнить другой пустотной цитадели во всем Умпериуме -- включая «Фалангу» Умперских Кулаков -- которая по огневой мощи сравнилась бы с бастионом Анекс Кронус. Размером с небольшую луну, на наших навигационных картах она обозначалась более воинственным названием -- станция Палаш.

-- Вперед на огнү треть, -- распорядился Кастор. -- Курс на северный сектор, шестнадцатый стыковочный порт.

Двигатели притихли, но не отключились полностью. Мы медленно двинулись вперед, направляясь к месту швартовки. Я почувствовал, как Галео

связался с братьями на поверхности планеты. Его сознание казалось грожащим пятном, передающим все, что нам удалось узнать, а также предупреждение, которое мы принесли.

--- Сэр? --- позвал один из немногих офицеров на командной палубе.

--- Говори, --- произнес капитан Кастор.

--- «Не забытый» приказал нам немедленно остановиться.

--- Просто очаровательно, --- с неестественной улыбкой сказал Кастор. --- А ты не додумался спросить, зачем?

--- Опасность сближения! --- крикнул из-за пульты в дальнем конце стратегического закутаный в мантию слуга.

Кастор выпрямился на троне. Я ощутил, как он собрался и сосредоточился, стряхнув с себя последние следы похмелья.

--- Ничего не вижу. Мы на верном курсе.

--- Статус угрозы --- синий, --- произнесла еще одна фигура в мантии. Я обернулся к Палладийскому Катафракту, работающему за станцией четырем конечностями, --- две из них были тонкими

мехагендритати, выходявшими из
тикающего силового ранца, хирургическим
путем закрепленного на спине. -- Статус
угрозы -- синий, -- повторил он, эмоций в
его голосе было не больше, чем у машины.

Мне никогда прежде не приходилось
слышать такое предупреждение. Я
понятия не имел, что оно могло бы
значить.

-- Отследить, чтоб вас всех, --
потребовал Кастор. Капитан поднялся с
трона, пригласив смешную шляпу времен
сегой древности. У него на поясе висело
элегантное лазерное оружие, которое
напоминало пороховые пистолеты с его
родного мира, Кираши. Он не сводил глаз с
центрального экрана-оккюлюса, когда тот
взорвался ненавистными красками.

-- Ох, чтоб меня, -- прошептал
Дарфорд, увидев то же самое.

-- Варп-разлом, -- разом выкрикнуло с
десяток членов команды. -- Недостаточно
пространства для...

-- Эфирная трещина, -- раздался
стерпелно спокойный голос ближайшего
сервитора. -- Эфирная трещина в

координатах...

--- Аварийный спуск! --- Кастор схватился за поручень, его крик разнесся по всей палубе. --- Аварийный спуск!

III

Нос «Карабелы» опустился с такой скоростью, что у меня из-под ног ушла палуба. Вокруг нас все задребезжало, когда двигатели разгорелись на полную мощность, забирая энергию из всех остальных корабельных систем. Свет потускнел, гравитация уменьшилась, вдоль позвоночной структуры корпуса прокатился холодящий душу стон. Его отголоски слышали по всему кораблю.

Соединенные проводами сервиторы механически объявляли данные с пультов, хотя среди всеобщего аврала на их борготание никто не обращал внимания. Оккүлюсы все еще были наведены на варп-разлом, зафиксированный в опасной близости от «Карабелы», а из окон

открывался тошнотворный вид
приближающейся поверхности Титана.

--- Доложить обстановку, ---
потребовал капитан Кастор.

--- Максимально приметный
отрицательный крен, --- рапортовал
главный кортчий. --- Флот рассеян, но...
кораблей слишком много для
согласованного перестроения. Выходящий
корабль врежется в нас, если будет идти
по прежнему курсу. Щиты, капитан?

--- Никаких щитов, --- приказал
Кастор. --- Они отберут энергию у
двигателей. Бежим.

--- Двигатели на полной мощности, ---
заявил один из жрецов Палладийских
Катафрактов из другого конца зала, где
техноагенты со скрытыми пог
капюшонами лицами работали за
пультами инжинириума. --- Мы достигнем
поля притяжения Титана через
тринадцать секунд. Одинадцать. Десять.

--- Если мы свернем, нас загнут. Если
замедлимся, то врежутся. Во имя святого
Императора, что за корабль идет через
точку прыжка?

— Пять секунд до гравитационного колодца, капитан.

— Неважно. Аусник! Отвечайте.

Я крепче стиснул поручень, пытаясь устоять на дрожащей палубе. Освещение стратегипута стало злобеще красным, и я поймал на себе взгляд Анники. Она пристегнулась к аварийному трону рядом с командным креслом капитана.

+ Мы идем прямо под гравитационным колодцем, + произнес я в ответ на ее взгляд. + Мы ниже безопасной высоты для выхода на низкую орбиту, в пределах действия притяжения Титана и сопротивления его атмосферы. И мы все еще спускается. +

«Знаю, но... но улучшения "Карабелы"..."»

В этот момент сила притяжения планеты показала всю свою мощь. Несколько членов команды заскользили вперед. Рефлекторно я активировал магнитные замки, закрепив ботинки на палубе, и едва успел схватить Василлу за руку, когда палуба ушла у нее из-под ног.

Она поблагодарила меня, хотя из-за

непрерывного дребезжания я не разобрал слов.

«Мы разобьется?» — отправила Анника.

+ Почти наверняка. + Мы нырнули в верхние слои атмосферы Титана, и в окна ударили мощные порывы ветра.

— Сэр! — позвала оператор аусника, пристегнувшись к аварийному трону. — Корабль, прыгающий в систему, опознан как эстинец Agentys Astarmes «Вергельт».

Не наш. Ни один из наших кораблей не имел такого названия.

«Это фенрисийский корабль! — беззвучно воскликнула Анника. — Из тех, о которых упоминал Граувр... он добрался до Титана».

Вокс захрипел, а затем по нему раздался вой гибнущего эстинца.

— Говорит «Вергельт», железноклятвенный Волков Фенриса. Планета Армагеддон страдает от восстания и ереси невиданных прежде масштабов. Говорит «Вергельт», железноклятвенный Волков Фенриса.

Планета Армагеддон...

Записанный голос исчез в шуме статических помех так же внезапно, как и появился.

+ Дайте вид с кормы, + пропульсировал я в разумы всех людей на командной палубе. Оккюлюс немедленно изменил угол обзора и показал массивный корабль над нами, который вырывался из варп-разлома, вновь появившись в реальном пространстве.

Я не отрываясь смотрел, как он выходит из турбулентной бури, рвется из тучи. В реальности с добела раскаленными двигателями, устремляясь наперерез «Карабеле». Даже если бы мы подчинились приказу с «Не забытого» отключить двигатели, «Вергельт» все равно протаранил бы нас.

Конечно же, мы попросту променяли бы одну смерть на другую.

--- Мы ушли, --- одновременно объявили в свое кормчих. --- «Вергельт» миновал нас.

--- Двигатели на одну треть, включить все тормозные двигатели, --- проорал Кастор. Капитан так и не пристегнулся. Вместо этого он ухватился

за поручень, подавшись вперед. -- Давайте притормозим нашего красавца, если не возражаете.

-- Так точно, двигатели на одну треть, -- агент инженериума принялся за отсчет. -- Тормозные двигатели через пять, четыре, три...

-- По местам -- стоять! -- крикнул Кастор.

Я прижал Василлу к груди, хотя было не просто просчитать, сколько силы следовало приложить, чтобы не раздавить ее. От меня не укрылось, как она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. У человеческого страха был ни с чем несравнимый запах -- медная горечь, инстинктивно отталкивавшая меня. Это был запах долга, клинков, поднятых для защиты невинных драгоценных бессмертных душ в хрупких человеческих оболочках. Но все же он вонял.

Раньше я никогда не видел ее такой напуганной. Так просто забыть, что она ведь еще совсем ребенок.

Когда включились тормозные двигатели, весь корабль дернулся назад.

Несколько сервиторов и членов команды вылетели со своих постов. У большинства пошла кровь из разбитых черепов и сломанных конечностей, окрасив стены потоками. Обломки, инфопланишеты, оружие и инструменты летали по всей палубе сплошной бурей.

Мы продолжали падать. Кастор сплюнул кровь на палубу. У него на голове красовался порез, хотя я не заметил, когда он успел его получить.

— Кормчий, я теряю терпение. Вытягивай нас. Трона раги, включай стыковочные двигатели. Пригодится любая помощь.

— Так точно, стыковочные двигатели.

— И отключите чертову сирену! — добавил капитан.

«Хотя бы могилы себе копать не придется», — сказала Анника в моем разуме.

В этот момент мы вышли из облачного покрова. Под нами раскинулась поверхность Титана во всей ее серой величественности. В озерах затерзшего

метана отражались тучи, а плато
оранжевых скал тянулось, насколько
видели глаза.

Медленно, болезненно медленно,
горизонт начал постепенно подниматься.
Корабль безумно дергало из стороны в
сторону.

«Карабела» не предназначалась для
полетов в атмосфере, и двигатели
натужно ревели все время, пока мы
выбирались оттуда.

Кастор был воплощением
спокойствия. Он вернулся на свой трон в
эпицентре грохочущей, сотрясающей бури
и сцепил пальцы под подбородком,
пристально смотря в окно. Проследив за
его взглядом, я увидел, что привлекло его
внимание, хотя не смог взять в толк, что
там могло быть успокаивающего.
Невзирая на подъем, нос «Карабелы» теперь
был направлен прямо в основание
горной гряды.

На меня снизошло такое же
спокойствие. Горы Рачнова, подумалось
мне.

— Поддерживать подъем, — приказал

Кастор, — но уменьшите на сорок процентов мощность двигателей правого борта и забирайте влево. Я не собираюсь прокладывать новый путь через скалы, это не лучшим образом скажется на покраске корабля.

«Карабела» застонала от носа до кормы, протестуя против плотной атмосферы, давящей на ее холодные кости.

— Вверх, малыш, — растаял Кастор. — Давай же, мой толстозадый герцог звезд.

— Сэр...

— Я не слепой, кормчий. Всей команде, всей команде. По местам — стоять.

Мы задели самую высокую гору. Корабль едва коснулся ее, но этого хватило, чтобы вырвать кусок из корпуса и породить мощнейшую лавину. Если включение тормозных двигателей походило на толчок, то это был удар молота, от которого мои кости зазвенели, словно от удара в колокол. Палуба с грохотом накренилась, подбросив в воздух новых членов команды — даже тех, кто

успел пристегнуться. Одним из них оказался Дарфорг. Я потянулся за ним свободной рукой, когда его оторвало от поручня, но он летел слишком быстро.

Я стиснул зубы, и Дарфорг застыл в воздухе. Остальные члены команды врезались в стены и палубу, но торгуанец продолжал неподвижно парить.

+ Поймал. +

Вокруг него проносились разные обломки. Он прикрыл голову от пролетевшего мимо инфопланишета. Как и Анника, он не владел даром телепатии, но мог воспользоваться психической связью, которую я оставил открытой.

«Черт подери, — отправил он в ответ. Даже у его психического голоса перехватило дыхание. — С меня выпивка».

Я медленно подтянул его ближе и опустил, когда тряска немного ослабла. Теперь мы поднимались. «Карabela» взбиралась все выше, пронзая облака.

— Хорошо, — капитан Кастор оглядел разрушенный мостик и лихо сбил шляпу набекрень. — Приключение было пусть и захватывающим, но совершенно ненужным.

Медицинскому персоналу срочно на командную палубу. Кто-нибудь, я бы не прочь узнать об орбитальном статусе.

Члены команды с трудом поднимались на ноги и возвращались к своим постам. Погибшие лежали там же, где их настигла смерть, рядом с ними лежали раненные. Люди, которые сумели устоять, проверяли пульсы.

--- Сэр, --- окликнул мастер вокса. --- «Берегелът» отстрелил спасательные капсулы. Он... --- сэр в мантии замер, прислушиваясь к наушнику. --- Он врезался в «Не забытого» и сейчас сгорает в атмосфере.

--- На экран.

Оккюлюс переключился на вид горизонта позади нас. Облака прочертила полоса дыма, пламени и черного металла, теряющая по пути куски корпуса от порывов ядовитых ветров.

--- Отчет о повреждениях «Не забытого», --- распорядился Кастор.

--- Его больше нет, сэр, --- мастер вокса покачал головой. --- «Берегелът» уничтожил его. Сообщения о меньших

столкновениях, случившихся при попытке
рассредоточиться, поступают со всего
флота.

— Им следовало также аварийно
спуститься. Чертовы трюсы. У нас же
получилось.

На оккүлюсе мы наблюдали за тем,
как массивный обломок несется в
оранжевую пүстыню, взрывается в землю и
прорывает собственный могильный каньон.
Пыль и дым скрывали от нас большую
часть катастрофы, но шансы на то, что
после крушения «Верегельта» останутся
выжившие, были совсем невелики. Я
отпүстил Василлү, ұслышав в ответ ее
тихие слова благодарности.

Я ничего не ответил. Мы вышли на
низкүю орбиту меньше чем через минутү.
Когда на палүбе воцарилось спокойствие, в
поле зрения опять возник флот и звезды,
которые он охранял.

+ Священный Трон, + тихо рүзнулсґ
Галео.

От «Не забытого» остался
проломленный остров, из него сыпались
спасательные капсулы, словно

кристаллизировавшаяся кровь из тела
показавшегося в костосе человека. На одно
мгновение мне вспомнился Сомис,
шатающийся на когтях демона.

Сильнейший таранный удар
разворотил величественный корабль.
Спасательные шаттлы и грузоперевозчики
были уже в пути, запущенные из
орбитальных оборонительных платформ.
Но все равно десятки капсул уже с ревом
неслись к поверхности Титана. Я надеялся,
что они приземлятся без проблем и в них
найдутся респираторы, иначе команде
пришлось бы погибнуть прежде, чем
спасатели из монастыря успеют
добраться до них.

Мы проплыли мимо обломков «Не-
забытого» достаточно близко, чтобы
разобрать письма, покрывающие его
корпус.

--- Запросите у бастиона Анекс Кронус
разрешение на стыковку, --- тихо приказал
капитан Кастор.

--- Разрешение на стыковку получено.

Мы безмолвно наблюдали за
причиненным нашему флоту разрушением.

пока, наконец, не вошли в порт.

--- Добро пожаловать домой,
«Карабела», --- раздался потрескивающий
вокс-голос начальника доков.

Ему никто не ответил.

Глава одиннадцатая

ПОГРЕБЕНИЕ

3

По традиции нам с братьями следовало покидать «Карабелу» вместе. Я знал, что они ждут меня, поэтому не скрывал нетерпения, пока передавал последние реквизиционные списки техножрецам из Паллагийских Катафрактов.

Семеро закутанных в алые мантии фигур стояли вокруг меня в ангаре боевых кораблей. Я чувствовал запах освященных масел, текущих в них вместо крови, и хлористых распылителей, которыми они увлажняли глазные линзы. Разглядеть хоть что-то под капюшонами было непросто, но я сомневался, что у них сохранилось много плоти, данной им от рождения. Как и многие техножрецы, Паллагийские Катафракты с течением лет значительно модифицировали себя.

Но в отличие от большинства агентов, для улучшений они использовали только строго определенные металлы, как знаки веры и чистоты. Немногочисленная видимая мне аугментика сверкала серебром, почти полностью изготовленная из усиленного железом палладия и платины.

Аксиум просмотрел список и передал обратно мне.

— Вы кое о чем позабыли, — заметил он. Его голос ничем не отличался от человеческого. Вот что меня удивляло сильнее всего. Я не ощущал в нем ровным счетом ничего механического, ни в движениях, ни в голосе, ни даже в дыхании.

— Сомневаюсь. Я тщательно проверил и перепроверил перечень.

— И все же, — он улыбнулся, — вы забываете кое о чем важном.

У него была странная улыбка. Я знал, что он лишь подражал человеческой эмоции, но воспроизводил ее так безупречно, что любые подозрения в искусственности разом отпадали.

— Так просветите меня, — сказал я.

Из всех собравшихся Палладийских Катафрактов только Аксиум был без капюшона, возможно, потому, что скрывать свое лицо было бы преступлением против человеческого мастерства. Он напоминал привлекательного мужчину в расцвете сил, не старше тридцати. Его тело изваяли в соответствии со строгими стандартами, оно почти всегда было спрятано под изысканной красной тогой, а не меховой и бесформенной мантией, которую носили его младшие собратья. Губы Аксиума двигались так же, как и у обычного человека. Его глаза переживали те же самые чувства. Он был воплощенным идеалом мужчины во всем, кроме одного: его тело создали целиком из серебра.

В своих отношениях с остальными Императором Агентус Механикус иногда применяли модификацию и использовали специальных посланников ради удобства и простоты общения с прочими немодифицированными людьми. Этих экзекторов и фатуми зачастую

пересоздавали в соответствии с
человеческими нормами, их
аугментировали по большей части
внутренне, нежели внешне, и, кроме того,
они общались традиционной речью, а не
воспроизводили потоки бинарного канта.

Аксиум служил у нас экзекутором
примарис всего десять месяцев. Когда
Паллагийские Катафракты представили
его нам, первый же вопрос, который задал
Галео, был простым и неожиданным:

+ Зачем? +

Его любопытство не имело ничего
общего с плохими манерами, а относилось
лишь к тому, что хирургическая
реконструкция Аксиума наверняка отняла
невероятно много времени и сил. Мы не
нуждались в экзекуторе для общения с
Agentus Механикус, особенно на таком
небольшом корабле вроде «Карабелы». Узы
между Кастуаном и Катафрактами ни
разу не прерывались за те тысячелетия,
что обе стороны служили человечеству.

Аксиум с улыбкой ответил вместо
своих братьев:

— Просто чтобы увидеть, что это

возможно. Мы столь же мастера, сколь и инженеры, а любое произведение искусства радует Машинного Бога.

С тех пор он оставался с нами.

Мне приходилось слышать, будто на некоторых других кораблях завидовали присутствию Аксиута на борту «Карабелы». Он явно обладал большей самостоятельностью и работоспособностью, чем многие другие его братья-техножрецы, но это не имело никакого отношения к слухам. Если верить болтовне, среди разномастных культов Агентус Механикус на кораблях нашего флота его считали чем-то вроде идола, выкованного как символ поклонения Отниси.

Всякий раз, находясь в его присутствии, каждый немало времени тратил на то, чтобы рассмотреть детали его конструкции. Лицо у него было далеко не гладким — в подражании нюансам человеческого лица даже его серебряные губы и глазницы создали из сотен крохотных сервомеханизмов — но телоскульптура его тела была изготовлена

из накладывающихся пластин отполированного серебра, скрывающих большую часть механизмов.

В его сочленения были запаяны сложные подавители звука размером с монету, которые приглушали шумы от его движений. Вместо мягкого урчания сервоприводов и тяжелого грохота серебряных ног Аксиум звучал совсем по-человечески: его сердце билось в груди, как у обычного человека, дыхание бесшумно вырывалось из биологических легких. Его голос настолько идеально закодировали, чтобы во всем походить на человеческую модуляцию, что он звучал более естественно, чем у моих братьев с их генетически модифицированными телами.

Серебро было довольно мягким металлом в сравнении с материалами, которые использовались в кузницах «Карabelы». Я подозревал, что именно по этой причине Аксиум почти не выполнял никакой работы, за исключением самых искусных гравировок на оружии и доспехах.

Однажды я спросил, сколько генез и

времени было потрачено на его создание.

--- Очень много, --- задумчиво сказал он в ответ.

Он снова взял у меня инфопланшет и пролистал список первоочередных предметов реквизиции до перечня членов отделения.

--- Вот, --- указал он на ту же информацию, которую я ввел в планшет за время нашего длительного путешествия. Я догадался, что он имеет в виду.

--- Ага.

--- Ага, --- скопировал он меня. --- Все рассчитано только на четырех рыцарей. Мне дали понять, что перед отлетом Кастриан будет пополнен.

--- Да. Благодарю за указание на несоответствие, --- меня тыкали в него уже дважды за последний час. Впрочем, я составил список еще до того, как его прочел Дүменигон.

Аксиум склонил голову и посмотрел на меня.

--- У ваши доспехи в неважном состоянии. Ремонт, который мы смогли провести за одиннадцать дней, едва ли

приемлет для возвращения в бой.

Меня одолевало странное чувство, будто меня поучает старший, хотя подобным не мог похвастаться даже Галео.

--- Знаю.

--- Вы передадите их на попечение Катафрактов по меньшей мере на три недели, прежде чем отправитесь обратно в пустыню? --- несмотря на слабую нотку вопроса в голосе его слова прозвучали почти как приказ.

--- Передат, --- если, подумал я, мы не двинемся к Армагеддону.

--- Хорошо, хорошо, --- Аксиут вернул инфопланишет. Крошечные шестеренки в его костяшках издали едва различимое мягкое жужжание. --- Что слышно о «Верегельте»?

--- Мы узнаем, когда спустится в монастырь. Я прослежу, чтобы вы получили полный отчет, --- я вспомнил, что после аугментической реконструкции Аксиут лишь третий раз посещает Титан. --- Вы еще успеете навеститься на луну-кузницу?

Он кивнул с забавным стирением.

--- Деймос действительно зовет нас.
Катафрактал также требуется
переоснащение.

--- Уточните, что вы сверили время
поставок со стратегиумом, --- я уже
наполовину обернулся, собираясь уходить.
Анника наверняка отвезла Волка на
поверхность, а мои братья до сих пор
ждали. Время для нас было самым ценным
ресурсом.

--- Сэр Гиперион, --- хохотнул он, --- не
случилось ли у вас случайно впечатления,
что я со своими собратьями стал менее
эффективен?

--- Ни в коей мере. Но сейчас я впервые
отвечаю за переоснащение. Я хочу, чтобы
это прошло безукоризненно.

Он кивнул.

--- Капитан и юстикар попросили вас?

--- Нет. Я сам вызвался.

--- Понял, --- глаза Аксиума также
были нечеловеческими, но являлись
совершенным подражанием, вплоть до
влаги, заставлявшей их блестеть. В них
сверкнуло веселье, когда он заговорил. ---
Перехватываете инициативу.

--- Нечто вроде.

--- Наверное, одной ночью сами собираетесь стать юстикаром?

--- Аксиум... меня правда ждут другие дела.

--- Ага. Конечно. Удите с милостью Машинного Бога.

Вместо ответа я сложил символ аквилы. Аксиум отдал честь в полном единении с шестью собратьями --- каждый из них сцепил костяшки пальцев, сотворив символ шестеренки.

II

Я нашел своих братьев, готовых покинуть корабль, у главного соединения. Большая часть команды, которой разрешили спуститься, уже давно отправилась на станцию по другим коридорам. Этот туннель предназначался для нас и только для нас.

Я подошел последним. Никто из Кастиана не пожаловался на мое

опоздание.

+ Готовы? + отправил Галео.

--- Да, юстикар, --- ответил

Дүменидон. Я лишь кивнул, как и

Малхадиил.

+ Взяли. +

Каждый из нас взялся за свой угол гроба и поднял его. Выкованный из прошито́го серебряной нитью железа ящик едва ли можно было назвать легким, но то, что казалось невозможным для обычных людей, для нас вряд ли было проблемой.

Мы миновали воздушный шлюз, ботинки равномерно грохотали по решетчатой палубе соединения.

Переход к станции «Налаш» занял не больше тридцати секунд, и вместо того, чтобы направиться в основные части космопорта, мы понесли гроб по темным коридорам к уединенному ангарному отсеку. Со стен на нас взирали барельефные ряды безмолвных воинов. По пути нам не встретилось ни единого живого существа.

Годами заучивая ритуалы ордена, я

догадывался, что ждет нас впереди, хотя в библиотеках монастыря эта традиция описывалась лишь в самых общих чертах. Меня посетила мысль, что я не знаю, чего следует в действительности ожидать, хотя мои братья совершенно не волновались. Я коснулся их разумов, но не почувствовал ничего, кроме торжественного почтения и, в случае Малхадила, холодной грусти.

Из распахнутых дверей ангара выдвинулся Титан, лучащийся кремово-оранжевым светом. От вакуума нас отделяла только ядовитая пульсация энергетического поля.

Единственным обитателем ангара был одинокий шаттл. Его обводы ничем не напоминали боевые корабли *Агентус* *Астартес* и не имели той угловатой бронированной функциональности, присущей *Агентус* *Механикус*. Но, несомненно, он был древним. Его гладкие стреловидные крылья были пережитком древней эры, еще до принятия безопасных и приемлемых шаблонов транспортных средств.

+ Я не могу говорить с Перевозчиком,
+ отправил Галео. + Гиперион,
ответственность ложится на тебя. +

До этого момента я даже не понимал, насколько полагался на свои силы. Мое шестое чувство зачастую становилось первым, я с легкостью проникал в разумы окружающих и ощущал живые сущности задолго до того, как увидел или слышал их приближение. Но когда я заметил закутанную в мантию фигуру возле трапа шаттла, то едва не сбился с шага. Неудивительно, что Галео не мог разговаривать с ним. Его не существовало даже для моих психических чувств, за исключением тени в варпе. Это был человек без души.

Мы опустили гроб с телом нашего брата на палубу. Мои мысли наполнились традиционными словами, которые я исполнил, несмотря на дискомфорт от присутствия бездушной фигуры. От одного ее вида мой рот скривился в оскале, а шестое чувство резко погасло, как будто я внезапно ослеп.

Инквизиция использовала психические

пустышки, мертвых, души которых не отражались в варне, анафему для всяческой психической активности рядом с ними. Подобные существа были полезны в качестве послушного, неподкупного оружия, но требовалась значительная сила духа, чтобы даже просто стоять рядом с пустым человеком. Мне стало интересно, как он вообще может жить и благодаря какому генетическому отклонению он появился на свет.

Внешне он ничем не отличался от нас — крупное тело, без сомнений, было результатом генетического улучшения. Агентус Астартес — но был без оружия и доспехов, одетый лишь в поношенную серую туннику, которая явно выдвала и лучшие дни. Блеклыми синими глазами он поочередно оглядел каждого из нас, прежде чем посмотрел на гроб. Перевозчик опустил бритую голову, приветственно кивнув нам.

— Кто говорит за павшего?

Меня охватило отвращение.

— Что ты такое? — спросил я.

— Сфокусируйся, — прошипел

Дүменигон.

Я откашлялся, сосредоточившись на фигуре.

--- Туперион из Кастуана говорит за павшего. Кто доставит нашего поверженного на Поля Мертвых?

--- Флегирас с Титана доставит вашего поверженного на Поля Мертвых. Предъявите символ Сигиллита.

Мы подняли левые руки, показав черный знак, кислотой вытравленный на серебряных лапках. Такая же татуировка была выведена на коже под перчатками.

--- Мы представили Печать Малькадора, -- сказал я.

Перевозчик кивнул во второй раз.

--- Назовите имя павшего и слова, которые следует выгравировать на памятнике.

Я попробовал дотянуться до Мала, но из-за присутствия Флегираса мне это не удалось. Я не чувствовал ничего за пределами собственной головы. Меня избрали говорить, поэтому ответственность ложилась на меня.

--- Сотис из Кастуана, -- сказал я.

ощущив, как сильнее забилося основное сердце. --- Рыцарь Восьмого братства. Доблестный воин. Почитаемый братьями при жизни. Не забытый за урок, преподанный его смертью.

--- Так тому и быть.

Галео поклонился и отправился к выходу. Мне стало любопытно, скольких братьев ему пришлось передать Перевозчикам, отправляя их на Поля Мертвых под монастырем.

--- Брат, --- провоксировал Дүменигон. --- Пошли.

Я не мог объяснить своего внезапного нежелания оставлять Сотиса на попечении этого чудища. Когда утирал кто-то из нашего ордена, его тело отдавали Перевозчикам для очищения и погребения. Так было на протяжении многих поколений, со времен основания нашего ордена Сигиллитом. Словно рабов, их обучали этой обязанности, проводили очищение и принимали у них клятву службы. Какое право я имел противиться традиции?

И все же...

--- Кто ты?

Перевозчик повернулся ко мне. Его глаза казались остекленевшими и пустыми, но это была ложь, порожденная моим ослабевшим психическим чувством. Я не ощущал в нем жизни, поэтому пытался разглядеть ее обычными, слабыми чувствами.

--- Я флегирас с Титана, --- спокойно ответил он.

--- Один из Перевозчиков, --- сказал я.

--- Один из Перевозчиков, --- повторил он. Я не был уверен, отвечает ли он на мои вопросы или просто подражает мне.

--- Ты служишь сепулькарат, да? Ты вестник тех, кто приставляет за Полями Мертвых?

Я проигнорировал руку Галео на плече. Он ничего не мог сказать мне, как и достаться шестым чувствам.

--- Я служу сепулькарат, --- кивнул флегирас. Если подобное существо можно назвать любезным, то оно явно пыталось вести себя учтиво. Зная, что он бездушен, мне хотелось сплюнуть только от одного его взгляда. Я понимал, что моя ненависть

иррациональна, но все равно не мог
преодолеть исходивший от нее жар.

Я разглядывал загадочную фигуру
еще один долгий миг. На этот раз он
заговорил первым.

--- Тебе не хочется, чтобы навшего
погребли, --- он улыбнулся, и у меня
закралось подозрение, что он пытается
быть добрым. --- Может я узнать, почему?

--- Кто ты? --- снова спросил я,
чувствуя, что рычу сквозь крепко сжатые
зубы. --- Ты же был одним из нас?

Флегирас улыбнулся и ничего не
сказал.

--- Пошли, брат, --- провоскировал
Дүменидон. --- У нас свои обязанности, у
него свои.

Я пошел за братьями, хотя еще раз
оглянулся на Перевозчика, гүзившего гроб
на борт шаттла.

Он нес его совершенно без усилий.

Едва мы вышли, как мое психическое чувство полыхнуло новой жизнью. И первым делом я услышал, как называют наши имена. Не мое имя в смысле личного обращения. Это был отдающийся в наших разумах зов с поверхности Тумана, наполненный образами гордо реющего знамени Кастуана и солонцеватым привкусом телепортационного тумана на языке.

+ Нас призывают, + пропульсировал Малхадиил.

Галео поднял руку, останавливая нас.

+ Нет. Нас... Это приказ, а не призыв. +

Требовалось только расслабить разум. Я пропустил сквозь себя психическое прикосновение, почти мгновенно достигнув единения, и увидел поверхность другого мира с почерневшей от гнили землей, на горизонте которого виднелось зарево пылающего города. Мне уже приходилось видеть этот образ, когда прочесывал разум Волка, Граувра.

+ Наши лорды желают поговорить с нами, + отправил я остальным. + Я никогда не слышал подобного призыва. +

+ Ты еще молод, + отправил в ответ
Галео. + Тебе может уже никогда не
представиться шанс ощутить подобное
снова. Я сам слышал такое лишь однажды,
+ его орлиные черты лица, так явственно
выделяющиеся после изнурительных
испытаний, еще больше отрачались
тревогой.

+ Я ощущаю беспокойство во
множестве разговоров, + отправил
Малхадиил. + И ничего больше. +

+ Это связано с прибытием
«Верегельта» и моим единением с
третьим капитаном после швартовки. Да
и выживший Волк инквизитора
Ярлсготтир уже выложил все лордам
оргена. Поэтому нам приказано собраться.
Всем нам.

+ Зов ко всему ордену? + решился
спросить я. + Этого не может быть. Угроза
Армагеддону не может быть настолько
ужасной. +

+ Не понимаю, + согласился
Малхадиил. + Ни одна угроза не может
требовать присутствия всего ордена. +

+ Такие юные, + с легкой улыбкой

пропұльсировал нам Галео. + Гиперион, у
меня есть к тебе просьба, прежде чем этой
ночью начнется сбор. Кастриану требуется
пятый рыцарь. Тебе предстоит попросить
его. +

Глава двенадцатая

КРЕПОСТЬ-МОНАСТЫРЬ

3

Я не виделся с ним почти год, с тех пор как меня приняли в Кастриан и мы отправились на первое задание с инквизитором Ярлсготтир.

Я нашел его на Полях Мертвых, где он приставивал за памятниками павших. Из его простертой руки вырвалась рябь психической силы, сбив с гранитных плеч статуи пыль.

Он по праву продолжал носить доспехи, но кератин не покрывал левую руку от локтя, правую от бицепса, а обе ноги от бедер. На месте настоящих конечностей щелкали и жужжали начищенные до блеска аугментические имплантаты — наследие старых ран, которые он получил еще до моего рождения.

Когда бы это ни случилось.

— Энцелас.

Он повернулся на звук моего голоса, хотя наверняка ощутил мое приближение еще в тот момент, когда я лишь ступил в катакомбы. Правая часть его лица сверкала гладкой хромированной поверхностью, на которой были воссозданы его бывшие черты. На месте обоих глаз в глазницах из темного железа были вставлены красные линзы.

— Мой мальчик, — поприветствовал он, — как я рад видеть тебя.

Традиционно это считалось честью — и пророческим знаком великих свершений в будущем — получить имя одного из спутников Сатурна. Соответственно, их давали очень редко: насколько я знал, в нынешнем поколении рыцарей кроме Энцелага и меня был еще только Тетис. Заинтересовавшись, мне удалось разузнать, что последний воин с именем Туперион погиб за четыре тысячи триста восемьдесят один год до того, как я дал клятву служения Золотому Трону. Он погиб с честью в бою с Извечным Врагом. Его братья забрали останки. Я посещал

эго могилу пару раз.

Несмотря на возраст, голос Энцелага оставался сильным. Как он любил мне напоминать, он сражался в крестовом походе еще на заре тысячелетия.

Мы не стали приветствовать друг друга, а просто обнялись.

--- Сотис, --- сказал он, что прозвучало не совсем вопросом.

--- Я бы хотел побудать эго, --- ответил я. --- Но я не за тем пришел сюда.

--- Пройдемся и поговорим. Я приведу тебя к нему.

Так мы и поступили.

Мы шли Полями Мертвых между статуй и мемориальных плит, наши шаги эхом разносились по катакомбам. В каждом зале покоились мертвецы целого века --- саркофаги исчислялись десятками и сотнями, комната за комнатой, в зависимости от количества братьев, павших в определенные десятилетия. Можно было часами блуждать по Полям Мертвых и не прочитать дважды одинаковой эпитафии. Я уже не раз убеждался в этом.

Мы плечом к плечу шли по черному
каменному полу под бдительными
взглядами гранитной армии.

--- Ты услышал призыв к войне?

Он кивнул. До меня донеслось слабое
урчание механизмов в его аугментическом
позвоночнике.

--- Да. Армагеддон --- блеклый и
неприветливый промышленный мирок, но
когда грязь и железо имели значение, если
рыцарство призывает к крестовому
походу? Мерзость необходимо изгнать. Я
могу прийти на сбор этой ночью, а могу и
не прийти. В любом случае война грядет.
Трехи Армагеддона не останутся
безответными.

--- Энцелас, --- сказал я. --- Мастер...

--- Прошло много времени с тех пор,
как ты обучался под твоим началом,
Гиперион. Думаю, мы можем обойтись и
без «мастера», не находишь?

Я посмотрел на него.

--- Но ты называл меня «мальчиком».

Он не застeyaлся. Он никогда так не
делал. Улыбка --- вот все, чего от него
можно было дожидаться.

--- Прости старого рыцаря за его привычку. Делай так, как я говорю, а не поступаю.

Мы проходили все новые гробницы, через минувшие века к сегодняшним дням. Запах на Поле Мертвых --- смесь пыли, поднятой бесконечной циркуляцией воздуха, рассыпающихся в прах костей и пораженного милдью пергамента. По своему он казался пряным. Это сложно представить, ведь у каждой могилы свой запах. Воспоминания никогда не пахнут одинаково.

--- Ты собирался что-то сказать. Я чувствую это в твоём разуме.

Я взглянул на бывшего наставника.

--- Меня прислал Галео.

Он остановился.

--- Действительно?

Вместо того чтобы объяснить словами, я отправил в его разум предложение. Мне потребовалось лишь слабое прикосновение.

Мы отправились дальше. Энцелад казался скорее раздраженным, чем обескураженным. Морщинки, испещрившие

эго лицо, стали глубже, менее
добродушными.

— Я не могу, — ответил он. — Как юстикар Галео вообще смеет просить меня о подобном?

— Просить больше некого, мастер. Кастуан не может идти на войну в неполном составе.

— Ах. Глупо, что я не догадался раньше. Мы не можем рисковать одним из новых инициатов в крестовом походе, из которого, скорее всего, никто из нас не вернется, да?

Я постарался не расстяться.

— Благородный юстикар высказался несколько иначе. И откуда тебе известно, что нам суждено умереть?

— Только догадка, судя по тому, что случилось с отчаянию, с которыми Волки связались с нами, — он на миг пересекся со мной взглядом. — Галео подумал о том же. Вот почему он просит меня присоединиться к Кастуану. Как я уже сказал, мы не можем разбрасываться юными жизнями.

— Кастуану нужен пятый рыцарь, мастер. Ты — великий воин.

— Я стар, Гиперион. Есть причина, по которой меня назначили на роль сенулькара, — он указал на статуи, возле которых мы проходили. — Мне здесь нравится. Я люблю мир, спокойствие. Я сражался в своих войнах, мальчик. Я воевал веками, сражаясь в крестовом походе...

— Еще на заре тысячелетия. Я знаю, мастер.

— У меня нет желания это делать, — той взгляд встретился с его линзами, заменявшими глаза.

— Вы отказываетесь?

Древний рыцарь покачал головой.

— Нет, конечно. Лишь в смерти кончается долг. Я боюсь только того, что буду тормозить остальных братьев. И не хочу, чтобы на моем надгробии в Полях Мертвых написали, что я умер старым и бесполезным, неспособным поспеть за собратьями.

— А будет лучше, если напишут, что ты умер здесь, один и во тьме?

Губы Энцелага загрозили в попытке улыбнуться.

— Возможно. Я повидал такое, чего

ты и представить себе не можешь,
Гиперион. Надеюсь, тебе и не придется.

Весь оставшийся путь ты хранил
молчание. Когда оказались у могилы
Сотиса, Энцелас отступил в сторону,
освободив мне место.

Первой моей мыслью, когда я увидел
статую, было то, что вместо Сотиса
передо мной стоял облеченный в серо-
черный камень Малхадиил. Исчезли
шрамы, которые сделали его лицо
похожим на лоскутное одеяло. Здесь он был
в своем первозданном облике, зеркальное
отражение Малхадиила. За исключением
этого несоответствия статуя казалась
настолько живой, что я едва не заговорил с
ней. Выражение полуприкрытых глаз так
прекрасно подходило его терпеливому
вниманию. Он не улыбался и не хмурился, а
просто взирал на окружающее задумчивым
взглядом.

У его ног на черной плите было
выведено золотом:

Сотис из Кастуана

Рыцарь

Восьмого

братства

Доблестный

воин.

Почитаемый братьями при
жизни.

Не забытый за урок,
преподанный его смертью.

--- Твои сервиторы и сервы быстро
работают, --- сказал я.

--- Так и есть. Большая их часть
обладает психическим даром в самом его
базовом и зачаточном смысле. Они
возлагают руки на навших, воспринимая их
жизни по отголоскам, а затем по ним
высекают. Я видел, как они менее чем за
час создали статую из цельного блока
гранита.

Он затолчал.

--- Статуя так на него похожа, ---
наконец добавил Энцелас. --- Я всегда буду
гордиться тобой, Гиперион, ведь ты самый
сильный из всех рыцарей, которых мне
пришлось обучать. Но Сотис всегда был
самым благородным. Все, что он делал, ---
каждый его подвиг, каждое слово, ---
наполняло меня гордостью. Он обладал

сердцем более отзывчивым, чем у Малхадила, и преданностью большей, нежели у тебя. Со временем в фехтовании он смог бы сравниться с Дүменидоном.

Что я мог на это ответить? Другого ответа, кроме кивка, попросту не было, ведь он говорил чистую правду.

— Он погиб за меня, мастер. Я никогда этого не забуду.

— Ты не виноват, — ответил Энцелас. — Я знаю это. Никто не винит тебя, за исключением, возможно, Малхадила. Ты должен навеки запомнить его жертву. Сотис считал твою жизнь ценнее своей. Пусть это покажется правдой.

Старый рыцарь отвернулся. Я не стал думать о нем хуже за его беззвучные слезы.

Моя перчатка легла на нагрудник Сотиса, словно я мог ощутить биение сердца под холодным гранитом.

+ Спасибо, + отправил я в камень, в плиту с золотым текстом, в тело, покоящееся внизу.

— Я чувствую твою вину, Гиперион, —

раздался голос мастера позади меня.

Я опять вспомнил то мгновение: Сотис, пронзенный демоническими когтями, кровавая буря, которая вырвалась из его тела россыпью красных диамантов.

Наконец я убрал руку с груди брата.

— Я и не думал ее скрывать, мастер.

II

Прежде чем мы покинули Поля Мертвых, я отдал дань уважения Могилам Восемьтерых. Первые восемь гростейстеров Братств, увековеченные в кровавом нефрите, стерегли вход в катакомбы. Семь из них стояли на серебряных плитах с их именами и названиями Братств, которыми те командовали. По центру на плите из золота располагалась статуя первого верховного гростейстера — самого лорда Януса — чье скрытое излечением лицо взирало на звезды, которые ему суждено было спасти. Время не пожалело нефритовые статуи, но цепкие

пальцы эрозии пока не сумели стереть
всех деталей. Возможно, еще через тысячу
лет рыцарям моего ордена придется
отдавать дань уважения уже безликим
фигурам во мраке.

Но, возможно, Василла была права, и
это тысячелетие станет для нас
последним. При одной только мысли по
моей коже пробежал холодок.

Статуя на восьмой плите
изображала такого же воина в доспехах из
кровавого нефрита, как и у его братьев.
Одна его нога упиралась на резной валун. В
руках он держал алебарду немезиды, лезвие
которой было погружено в саму плиту,
позволив воину опереться на рукоять со
спокойным безразличием. Каким бы лицом
он ни обладал при жизни, его скрывала
личина шлема, который в свою очередь
почти изгладился с течением времени.

Хирон
Гросстейстер Восьмого
братства

«Ты уже восхваляешь меня
за триумфы,

Когда я прошу помнить
мою измену.

Победа — это не более чем
выживание.

Она обладает лишь той
честью и достоинством,
которые мы сами ей
приписываем.

Если хочешь мудрости,
познай,
почему братья предают
братьев».

Эти слова всегда оставались для
меня загадкой, хотя неизменно
очаровывали меня. Может, истина,
заклученная в этой эпитафии, хранилась
в архивах внутреннего санктума, скрытая
от всех, кроме наших командиров? Кто
знает. О лорде-основателе братства
ходило больше легенд, чем звезд в ночном
небе. Чемпионы, которых он сразил, войны,
в которых победил, демоны, которых
изгнал — кто знает, как это все было
искажено за минувшие века? Даже в наши
подробные, как мы думали, записи, могли

вкрадываться ошибки, многие документы
были изъяты лордами-рыцарями и
повелителями из Унквизиции.

Я поднялся с колен и взглянул на
Энцелага.

--- Кто будет исполнять обязанности
сенулькара в твое отсутствие?

--- С сервиторами ничего не случится.
Сервы присмотрят за ними.

--- А Перевозчик?

Он ничего не ответил. Даже его
мысли скрылись, став более холодными и
напряженными. Некоторые секреты лучше
не вынытывать, даже у близких собратьев.

--- Забудь, о чем я спрашивал, --- сказал
я.

+ Гиперион. +

+ Угу, юстикар. +

--- Энцелас, меня призвали.

Старый рыцарь кивнул.

--- Угу, мой мальчик. Скажи Галео,
что мой клинок послужит ему, как бы
мало он не стоил. Мне нужно
приготовиться, прежде чем мы
отправимся на Армагеддон.

Зал Чемпионов легко вмещал тысячу воинов и еще оставалось бы место для целого легиона слуг.

Этой ночью в нем собралась едва ли сотня рыцарей. Но даже подобное событие имело исключительное значение. Как и все орденны Агентус Астартес, мы редко участвовали в полном составе в крупных крестовых походах. Горстка отделений считалась силой, способной очистить целый мир, те же, кто находился сейчас в зале, могли покорить целый субсектор.

Каждое прибывшее отделение носило гербы собственных братств, к наплечникам юстикаров крепились щитки с описанием деяний и истории их отделений. Я своими глазами увидел рыцарей, о подвигах которых доселе читал только в архивах, наряду с множеством щитков и отделений, о которых раньше и слыхом не слыхивал.

Кому из них приходилось видеть инсигнию Седьмого Клинка Кастуана на

наплечнике Галео и испытывать дрожь от присутствия такого прославленного отделения? Я не имел ни малейшего понятия. Тем не менее нашemu юстикару многие приветственно кивали и отдавали честь. За более чем два века о Галео собралось немало историй. Я гордился тем, что стоял рядом с ним, и еще больше гордился тем, что за плечо у меня было закинута оружие с черепом юстикара Кастуана.

Вдоль стен Зала Чемпионов возвышались статуи, благодаря которым гигантское помещение и получило свое название: императорская армия — Каменный Легион, как мы называли ее на протяжении десятилетий службы сквайрами и аколитами, — стояла на безмолвной вигилии. За девять с половиной тысячелетий войны бесконечное множество героев возвысилось из рядов рыцарства и сложило головы в сражениях. В честь подвигов воинов, воплощенных здесь в белом императоре, были написаны целые литании. Наши величайшие герои, увековеченные в императоре, все еще стояли

среди нас. Одной ночью Галео наверняка
присоединится к ним, когда его клинок
больше не сможет защищать
человечество. Сложно представить его
погребальный облик, воссозданный в
холодном камне, который будет
наблюдать за нами со стены.

Он улыбнулся, почувствовав мои
мысли.

+ Возможно, + согласился юстикар. +
Всякое может случиться. +

Нашлось место тут и самому
Кастриану, одному из немногих рыцарей
званием ниже паладина или капитана,
которому даровали честь находиться в
столь возвышенном окружении. Он стоял со
склоненной в торжественной
почтительности головой, каменные глаза
были закрыты, обе руки покоились на
древке посоха-стража немезиды, который
он предпочитал при жизни. Рукоять моего
оружия создали специально для моих рук и
настроили на мой разум, но их схожесть
была бесспорной. Не в первый раз я
почувствовал себя недостойным в глазах
своих братьев.

Вместо того чтобы сесть за
пиршественные столы, мы выстроились
отделениями перед самым высоким
столом.

Согласно традиции одному из
гросстейстеров Восьми братств следовало
постоянно оставаться на Титане, охраняя
его в отсутствие остальных братьев. За
столом стоял лорд Карас Ваурманг,
гросстейстер Третьего братства. Судя по
его виду, он был ужасно раздражен, сжатые
кулаки уперлись в столешницу, когда он
наклонился, чтобы обратиться к нам. Его
лицо говорило о почтенном возрасте ---
воину перевалило за четыреста лет --- а на
отполированных доспехах сусальным
золотом был выведен внушительный список
его побед.

Рядом с ним стояло четверо
паладинов, закованных в колоссальную
терминаторскую броню. Все они были без
шлемов и пристально взирали на
собравшихся рыцарей, столетия службы
оставили заметные следы на их лицах. Я
никогда не встречался с ними лично, но
знал всех четверых по именам, подвигам и

тем разрушениям, которые они принесли
врагам человечества.

Ваурманг глубоко вдохнул, прежде
чем заговорить. Его низкий голос без
особых усилий достигал самых дальних
уголков зала.

— Корабль Костических Волков
«Вергельт» рухнул на поверхность нашего
мира. На нем не оказалось ничего, кроме
обрывков послания, которое отправил нам
Логан Гримнар. Теперь корабль лежит
посреди собственного каньона-могилы,
разбившийся при столкновении с
поверхностью, продуваемый ядовитым
воздухом. Более того, он нанес нашему
флоту прискорбные потери. Всем вам это
известно. Мы знаем, что Волки Фенриса
сражаются на Армагеддоне. Мы знаем,
что они сочли положение достаточно
отчаянным, чтобы Серый Волк нарушил
клятву тайны и рассказал своим воинам о
нашем существовании. Судя по всему, у
него попросту не было другого способа
оповестить нас.

Ваурманг прервался, дав нам
возможность переварить услышанное. Если

Костические Волки переживут Армагеддон, весь орден подвергнется теленатическому выхолащиванию. Только магистры орденов могут знать о том, что среди теней Империи ходим мы. Такая традиция установилась с момента нашего основания. Большинство полков Имперской Гвардии, рядом с которыми нам приходилось сражаться, попросту истреблялись. Обычные люди, вооруженные дешевыми лазганатами, были неистощимым ресурсом, который человеческая империя могла с легкостью восполнить.

--- Обломки «Верегельта» обезображены скверной, чистых выживших не осталось. В приземлившихся спасательных капсулах оказалось лишь порабощенное отребье из зараженной команды, которые желали сберечь свои ничтожные жизни еще хотя бы на пару часов. Всех их выследили, внесли в списки и зачистили.

Мало какому врагу удавалось ступить нечистой ногой на поверхность Титана. Несколько рыцарей ударили кулаками по нагрудникам, остальные

зашептались между собой.

— Еще одно предупреждение мы получили от благородного Галео из Кастуана и его рыцарей из Восьмого Братства. Еще один корабль Космических Волков, который сбился с курса, был поглощен скверной. Но они привезли с собой выжившего. Инквизитор Анника Ярлсготтир из Орго Маллеус спросила этого Волка. Он рассказывает о мире, погубленном войной, о целых континентах, захваченных Узвечным Врагом.

Наши авгуры и прогностикары сейчас сами говорят с выжившим. Они проверили слова юстикара Галео и выслушали инквизитора Ярлсготтир. Теперь они прочесывают Море Душ, чтобы собственными глазами увидеть зло, угрожающее Армагеддону.

От собравшегося в зале такого количества могущественных разумов исходил приглушенный фоновый гул, подчеркивавший каждое слово лорда Ваурманга. Но едва он упомянул о наших пророках и видящих, которые искали подтверждение словам Волка, как чувства

каждого рыцаря обострились. Если посмотреть на воинов, то ничего вроде и не изменилось -- но сознание каждого из них вдруг стало острым, как лезвие меча.

-- Братья, -- продолжил лорд Ваурманг. -- До этого наши прогностикары не ощущали беспокойства в Море Душ, иначе призыв к крестовому походу давным-давно прозвучал бы со шпилей монастыря. Какое бы безумие ни принес Хаос на Армагеддон, Губительным Силам удалось прекрасно его скрыть. Присаживайтесь и вкушайте пищи в святости сего великого зала. До окончания ночи мы узнаем правду.

Мы одновременно отдали честь, всего двадцать три воина. Едва мы обернулись, чтобы занять положенные места за пиршественными столами, как в моем разуме раздался голос, едва различимый, как мои собственные мысли.

+ Кастуан, + сказал он. + Пройдите со мной. +

Немногие души, даже в нашем органе,
когда-либо ступали в авгурит монастыря.
На самой вершине высочайшей башни,
пронзающей ядовитые небеса Титана,
находился дом рыцарей, которых мы
называли прогностиками.

Лорд Ваурманг провел нас к
телепортационной платформе, избавив
от подъема по шестнадцати тысячам
ступеней или медленного лифта, который
поднимался по стене башни. Мы возникли
в прихожей с мраморным полом,
пронизанным розовыми прожилками. Двое
паладинов стояли на страже у великих
ворот из почерневшей бронзы. Оба были в
терминаторской броне с личными
геральдическими гербами: у первого был
ворон, сжимающий в когтях клинок, у
второго — две перекрещенные алебарды над
красным черепом.

Даже сам пол поразил меня.

+ Этот мрамор со Священной Терры, +
пропульсировал я братьям.

+ Откуда ты знаешь? + отправил мне
в ответ Малхадиул.

+ Розовые прожилки в камне. Такой

император не найти больше нигде в
Солнечной системе. +

Загрохотав ботинками по
священному камню, мы приблизились к
паладинам. Лорд Ваурманг склонил
голову. Остальные поклонились более
глубоко.

Я ощутил, как они пытаются
прочитать меня, поняв это так же, как
человек чувствует, что за ним кто-то
исподволь наблюдает. Тот же слабый
дискомфорт, неуловимое вмешательство,
от которого у меня волосы на шее встали
дыбом.

Я стал сопротивляться. Частично из-
за инстинкта, частично, чтобы
посмотреть, на что я способен, — я
оградил мысли стеной
концентрированного давления. Один из
паладинов заворчал, и оба повернули
скрытые под шлемами головы ко мне.

+ Гиперион... + предупредил Галео.

Я ослабил сопротивление. Паладины
разом влезли в мой разум, уже не так
нежно, как поступили бы, не начни я
сопротивляться в самом начале. Я

почувствовал, как они копаются в недавних воспоминаниях, поднимая на поверхность то, что произошло с Сотисом, и мой дальнейший стыд.

+ Довольно, + отправил я и сфокусированным толчком оттолкнул их. Тот, который ворчал, непроизвольно сделал шаг назад.

+ Гиперион, + опять пропульсировал Галео. + Держи себя в руках. +

Я мог не послушаться его. Я мог сказать, что они без нужды влезли слишком глубоко. Неужели это прозвучало бы так же глупо, как мне казалось? Куда лучше было бы просто протолчать.

--- Вы можете войти, --- одновременно сказали палadini. Они продолжали наблюдать за мной, когда я прошел мимо. Лорг Ваурманг остался снаружи, ничего не сказав нам на прощание.

+ Я почувствовал, как ты отразил их, + отправил Малхадиил. + У тебя огромная сила, Гиперион, но если ты не будешь осторожен, за тобой придут библиари. +

Здесь я также ничего не мог ответить. Покинуть службу в отделении

и оказаться оторванным от остального рыцарства... Конечно, говорят, будто это честь. С новым званием приходила новая степень ответственности, но также требовалась определенная жертвенность. Никто не хотел оказаться выброшенным на загворки оргена, который основывался на силе братства.

Бронзовые ворота открывались постепенно, сначала со скрежетом и щелчками скользнули в сторону запоры. Когда двери наконец распахнулись, я увидел, как обе створки с лязгом разъехались на гусеницах шириною в три метра каждая.

Нас встретило теплое пламя свечей.

+ Входите, + раздался новый голос, в котором слышалась безмерная усталость.
+ Добро пожаловать, Каспиан. +

V

Мне было больно даже просто смотреть на него. Его лицо, скрытое

коронай психической энергии, словно не имело возраста, что невозможно объяснить обычными словами. Я ощущал кого-то молодого, идеалистичного, но ужасающе сильного и очень, очень уставшего.

+ Простите, + пропульсировал он, хотя его послание прозвучало мощным давлением за мои глаза, а не шепотом.

Мощь его сознания угасла -- не исчезла, но намеренно приглушилась, я ощущал, что фигура сдерживает ее в себе, словно человек, затаивший дыхание.

-- Мне редко приходится встречаться с психически активными посетителями, -- его стертый голос отличался только усталостью, с которой он звучал. -- Иногда я забываю, как могут сталкиваться чужие сознания.

Когда корона исчезла, перед нами оказался рыцарь в боевых доспехах и официальном облачении, которого я не узнал: сверкающий кольчужный хауберк с перекинутым через плечо серым плащом. Он был определенно не старше меня или

Малхадила и, сүдя по внешнему виду, вряд ли часто выходил за пределы монастырских стен. Даже его руки выглядели гладкими, лишенными мозолей и шрамов.

--- Я Торкрит, --- представился он.

+ Галео, + ответил юстикар. Мы последовали примеру и поочередно назвались. Он улыбнулся.

--- Я знаю, кто вы. Знал даже до того, как поговорил с инквизитором Ярлсготтир.

--- Где она?

Он посмотрел на меня.

--- В шпале сотня комнат, Гиперион. Она в одной из них, над вами. Ее раненый подопечный, Граувр, в другой. Я отведу вас к ней, но кое-что из нашего разговора не для человеческих ушей.

--- Нам не сказали, зачем нас призывали, --- подтвердил Малхадил. --- Нам спросят прогностикары?

На лице Торкрита снова появилась усталая улыбка.

--- Брат Малхадил, я здесь единственный прогностикар.

--- Единственный на Титане? ---
спросил я.

--- Нет, --- он покачал головой. ---
Единственный живой.

Глава тринадцатая

ЛОРД ДВЕНАДЦАТОГО ЛЕГИОНА

Д

Торкрит отвел нас в большую круглую комнату. В ней царила такая же атмосфера аскетизма и пустоты, несмотря на сотни свечей в небольших настенных нишах. Посреди комнаты был расстелен коврик для медитации, окруженный серебряными гексаграммными стражами. Некоторые из них в свою очередь опоясывались концентрическими кругами из белой пыли.

Торкрит опустился на коврик. Хотя его физиология ничем не отличалась от нашей, Дара Императора явно было недостаточно для поддержания его жизнедеятельности. Он очень устал, но испещрявшие его лицо морщины и неуверенные движения свидетельствовали

о куда более глубоком изъяне. Мне приходилось видеть последствия психического перенапряжения у обычных людей, но никогда прежде у одного из рыцарей.

— Я кажусь настолько слабым в твоих глазах? — спросил Торкрит. Он присел на коврик и взглянул на меня.

— Нет, мой лорд. Лишь необычайно уставшим.

— Я не «лорд», Гиперион. Я твой брат, как ты — мой. Ни больше, ни меньше, — он потер закрытые веки большим и указательным пальцами. — Я очень подвел орден. Как тебе известно, Волк сказал правду. Армагеддонская война бѣшет уже много недель, планета столкла. Разве не обязанность прогностика охотиться в Море Душ, выискивая рябь вторжений Извечного Врага? И все же... я не ощутил шепота грядущего в ветрах варпа.

Он посмотрел поочередно на каждого из нас.

— О чем это говорит?

— Что враг скрыл приближение к Армагеддону, — заявил Дүменидон.

+ И угроза довольно сильная, раз
сумела замаскировать собственное
существование, + добавил Галео.

Торкрит кивнул в подтверждение их
словам.

--- Оба ответа верны, но это еще не
вся правда. Тебе есть что сказать,
Гиперион?

Он прочел мой разум?

--- Нет. Мне нечего сказать.

--- Но ты что-то утаиваешь.
Выскажись, если не сложно.

--- Мне кажется, -- решился я, -- что
одного прогностикара недостаточно для
органа Серых Рыцарей.

Он кивнул.

--- Холодная истина из уст самого
юного из нас. Это не снимает с меня
ответственности, но да, пока на верхушке
Серебряной Башни обитаю только я, орган
получает неважное обслуживание.
Галактика безбрежна, а я лишь один
человек, с одним разумом. И все же...

Торкрит умолк, задержав дыхание и
закрыв глаза. Я почувствовал, как он
покинул тело, его сознание ушло в эфир.

+ Угел со мной, Кастриан. Я покажу
вам мир, который зовется Армагеддон. +

II

За свою жизнь мне пришлось
повидать немало актов высшей
психической силы по обе стороны Вечной
войны. Я видел, как один-единственный
человек -- которого следовало уважать
хотя бы за глупую отвагу -- пожертвовал
своей душой, чтобы превратить тело во
врата для демонов, позволив им войти в
нашу реальность. Я видел, как один из
моих братьев отремонтировал танк за
час, не коснувшись ни единой детали. Я
странствовал по поверхности мира, с
одного континента на другой, из города в
город, переходя из разума в разум в поисках
одного-единственного секрета.

Думаю, ничто не сравнится с тем, на
что способен Торкрит на вершине
Серебряной Башни.

Он собрал нас так, как уставший вор,

вздыхая, собирал монеты в конце трудового дня. На секунду я ощутил себя его частичкой -- наблюдателем внутри его сознания -- и почувствовал то же напряжение, которое ему приходилось выдерживать каждый час своей жизни.

+ Простите, + пропульсировал он. Напряжение, готовое вот-вот расколоть мою череп, вдруг исчезло. + Я не натеревался делиться с вами этой пыткой. +

Мы двигались, не двигаясь. То, как он вытащил нас из собственных тел, могло сойти за психическое касание, только если сравнивать человеческое дыхание и штормовой ветер. Мы назад мы стояли в освещенной свечами комнате, а в следующий -- уже плыли среди звезд.

Немногие из нас могли проецировать разум подобным способом, и ни один рыцарь, кроме прогностиков, не обладал такой же силой, как Торкрит. Мы двигались не в небесах, тило нас не проносились кружащиеся в извечном танце планеты. Он вырвал нас из тел прямо в черное небо над туманной атмосферой

Ситана и ринулся напрямком в варп.

Оказавшись без защиты поля Геллера — даже не успев собрать все психические силы, — я инстинктивно стал сопротивляться его контролю. Я бился в невидимой хватке, бросая беззвучную энергию в его сознание, которое обволакивало нас. Слишком слабо, слишком поздно. Мы скользили по маслянистым торалям, проносились сквозь бесконечность кричащих душ.

Но я впервые не мог различить среди клочковатых цветов отдельных лиц.

+ Это потому, что мы движемся слишком быстро, чтобы они нас увидели, не говоря уже о том, чтобы дотянуться до нас. +

+ Даже «Карабела» не может развить такую скорость. +

+ Во время варп-полета «Карабела» представляет собой физическую конструкцию в царстве без физики. Она реальна в нереальном месте. Именно поэтому она борется и страдает, с трудом преодолевая течения. +

Он также страдал. Я чувствовал

отголоски его боли. Он не мог скрыть их полностью.

+ Насколько ты силен? +

Я почувствовал слабое веселье Торкрита.

+ Недостаточно силен, иначе Армагеддон не стал бы неожиданностью для оргена. +

Пока мы пронзали вопящий океан, я чувствовал, как его сосредоточение непрерывно ширится и стещается, разлетаясь во всех направлениях.

+ Я читаю течения, + ответил он на незадаанный мною вопрос. + Ущу смысл вторжения в материальную вселенную. Они текут, когда океан распадается на реки, а реки сливаются в океан. Тысячи, тысячи и тысячи каждую секунду, на тирах и аванпостах в глубоком костосе, на кораблях, затерявшихся в варне... +

Так вот чем он занимался? Вся его жизнь превратилась в проецирование своей души в эмпиреи, ночь за ночью, отслеживая каждую нить в человеческой империи?

+ Да. Но я лишь одинокий охотник.

Гиперион. Я не могу проследить каждую нить до конца. Для меня важны только самые крупные вторжения. Самые заразные. Самые опасные. Те, которые наполнены пророчеством. +

Я почувствовал, как Торкрит собирается с силами, но он не дал нам времени подготовиться. Мы прорвались обратно через завесу и во внезапном взрыве абсолютной тишины очутились в настоящей пустоте.

Почему-то это встревожило меня куда больше, нежели вопль.

+ Как... как мы оказались здесь так быстро?.. + спросил кто-то из моих братьев. Я не знал, кто именно, поскольку сознание Торкрита накладывалось на все наши. + Чтобы достичь этого мира, «Карабеле» потребовались бы недели. +

Торкрит не ответил. Он лишь предложил нам остотреться.

Армагеддон ничем не отличался от Терры минувших времен, в языческие века Старой Земли. Экваториальные регионы были опоясаны джунглями, которые с орбиты казались густыми и зелеными. На

большей части суши раскинулись блеклые пустоши — тундра у полюсов и пепельные пустыни в глубине материков. Почти весь шар занимали глубокие моря, которые еще больше делали его похожим на Старую Землю. Океаны Тронного мира испарились за тысячелетия до моего рождения.

Я отвернулся от планеты, чтобы посмотреть на имперские корабли на орбите. Зная об осажденном мире и захваченных Извечным Врагом городах, я ожидал увидеть армаду боевых кораблей и транспортников Имперской Гвардии, не говоря уже о крейсерах Космических Волков.

Но за исключением сети спутников и орбитальных швартовочных станций над городами-ульями я не заметил активной деятельности. Возле Армагеддона находилось всего три корабля Космических Волков: древняя и величественная боевая баржа, недалеко от которой дрейфовала пара меньших по размеру эстинцев.

+ Где флот отвоевания? +

+ Видите те горящие города-ульи?

Война идет всего пару недель. Для людей,

страдающих в городах, это вечность, но
для имперских подкреплений она длится
пока недостаточно долго. Волки
отправили меньшие корабли с призывами о
помощи — вроде посланий в бутылке — но
бесполезно. Узвечный Враз отправился
следом за ними, захватил их и заставил
столкнуться. +

+ Кроме «Морозорожденного», +
пропульсировал я, + и «Верегельта». +

+ Они добрались до нас случайно,
пусть и ценой крови. Я обыскивал течения,
Гиперион. Другой помощи не будет. К
тому времени, как Империя узнает об
истинных масштабах войны, планета
погибнет. +

+ Я не понимаю. Твоя сила привела
нас сюда. Спроецируй себя в разум
губернаторов и генералов близлежащих
планет. Собери их. Приведи сюда. +

+ Я вижу, а не оракул, + впервые я
ощутил раздражение Торкрита. Он
пытался смотреть на проблему под нашим
углом, так сильно отличалось теперь
наше восприятие вселенной. + Подумай об
астрономии, брат. Это ведь невидимый

лостик из одного разума в другой. Даже
контакт между сильнейшими разумами
представляет собой лишь обмен снами и
вспышками воспоминаний, которые можно
не понять или не услышать. Взгляни даже
на сам наш разговор, когда рыцари нашего
органа общаются с помощью разумов.
Насколько мы сильнее по сравнению с
обычными смертными? Наши разумы
создают слова из связи между сознаниями,
но произносим ли мы их друг другу на
самом деле? Конечно же, нет. Мы делимся
эмоциями, намерениями, смыслами... и
наше собственное восприятие
искривляется, чтобы с легкостью
обработать поступающую информацию. +

Нет. Так не пойдет.

+ Тебе все равно стоило попытаться. +

+ Правда? Может, и стоило. Может,
я так и поступил бы, но все эти могучие
подкрепления не успеют вовремя. Какие
еще корабли смогут идти в варне с такой
же скоростью, как наши? Да никакие. У
даже если эти легионы подкреплений
придут, сумеют ли они победить Главное
Зло? Ни в жизнь. +

+ Жаль, + пропұльсировал огин из
моих братьев. + Они смогли бы задержать
Врага до нашего прибытия. +

Значит, Дүменидон. Я прекрасно его
знал. Ответ Торкрита зарябил от
холодной искренности.

+ Ты говоришь так же, как многие из
нашего ордена, но здесь предстает выбор
междү моралью и прагматизмом. Каждая
душа на планете, увидевшая Узвечногo
Врага, будет предана смерти за знание
того, что демоны сүществуют. Если я
призову больше имперских солдат, не
обречет ли их это на ту же участь?
Армагеддон живет и ұтирает своих
защитниками, брат. Рядом с ними стоят
Волки. А вскоре и мы к ним
присоединимся. Боюсь, смертей и так
будет предостаточно, даже не втягивая в
бойню других. +

+ Я все еще не понимаю, + признался
Галео. Его беззвүчный голос, такой
знакомый для моего разума, ұгадывался без
сомнений. + Я чувствую скверну на этом
мире не больше, чем на любой другой
планете. +

+ Я почувствовал то же самое, +
признался Торкрит. + Во-первых,
взгляните на небо. Видите, как горят
падающие обломки. Здесь вспышка
пламени, там --- искра огня. Это все, что
осталось от Пожирателя Звезд,
уничтоженного Космическими Волками, и
которому суждено обратиться в пепел.
Изначально он был оскверненным
скитальцем, достаточно крупным, чтобы
вместить на своих зараженных скверной
палубах тысячи воинов и нерожденных. Он
прибыл сюда по Морю Душ, ведомый рукой
Темных Богов. Я не ощутил ни его
путешествия, ни прибытия. И теперь я
понял, почему. +

+ Покажи нам, + отправил Галео.

Мы начали падать на планету,
пролетев над законченными руинами
города. В воздух поднимался дым, скрывая
от нас обзор, пока мы не нырнули под
нездорового вида облака.

В центре города одичалые воины,
закованные в кератит алых и бронзовых
цветов, пели и кричали в темнеющие
небеса. Они сжимали топоры, выкованные

на заре Улпериута, ценные зѹбья ревели не
в лаг с безумными воплями берсерков,
которые и сати едва придерживались
ритма. Многие походили на согбенных и
вонящих чѹдищ, они оскверняли покойников,
пожирая их плоть и забирая трофеи.
Другие орали, стаялись, скидывая
обезглавленные тела защитников в ямы
для трупов.

Но там было что-то еще. Что-то
гигантское и ярко-красное, сознание,
лучащееся угрожающими размерами и
опустошающим жаром, хотя оно
полностью не раскрывало себя.

+ Вы не видите его, + пропѹльсировал
Торкрит, + не так ли? +

Я посмотрел на опустошение,
потянувшись своими чувствами, бѹдто
слепец рѹками, и натолкнулся на нечто
неподатливое, словно пальцами нащупал
стену.

И я ѹвидел. За пеленой тошнотворной
сырости и вони свеженролитой крови ---
тень, обазгившая сердце орды. Она
вырастала из рѹин храма, расправив
чѹдовищные крылья в небо.

+ Трон Императора, + выдохнул кто-то из моих братьев. Возможно, даже я сам.

Кость и кералит броней покрывали его влажную плоть, кожа была опаленными и растрескавшимися нечеловеческими красным мясом, под которыми пульсировали вздувшиеся вены из черного железа. Из затылка обезображенной головы демоническим гребнем торчала извивающаяся кона спутавшихся кабелей. Некоторые из них были медными цепями, заканчивающимися привязанными к ним черепами. Другие крепились к доспехам, орнаментированным бронзовой чешуей.

+ Я... я... + пропульсировал Малхадиш.
+ На что я смотрю...? +

+ Ярость, + Торкрит как будто был опечален из-за существа, стоящего посреди руин и окутанного черным дымом. + Ты видишь ярость воплощенную. Чистота бездонного гнева. +

+ Дым кровотоцит, + отправил Дүменигон. И это было правдой. Словно дождь, идущий из грозowych туч, дым, поднимающийся от покрытой шрамами

плоти существа, извергал кровь.

Мы делились общими ощущениями, и я понял, что каждый из нас видит нечто иное. Дүменигон видел только дым. Галесонаблюдавал существо из трещащих костей и чешуйчатых гонсехов в нитбе не из пламени и дыма, а ұсаженного остриями золотого полүмесеца. Как только я догадался о разнящемся восприятии, образы существа слились воедино.

Дүменигон ошибся.

+ Это не дым, + отпавил я. В түмане корчились лица, извивающиеся и ұтоняющие в безүмстве. + А дүши. +

Его взгляд ұпал на нас. Скелетообразное лицо обернулось с медлительностью, которую я могу описать только как звериную, и вполне отчетливо разглядело нас. В угольных провалах его глазниц бүрлила кровь, из которой валил дым. Медленно -- ұжасающе медленно -- оно распахнуло пасть, и угрожающий язык цвета протүхшего мяса облизал покрытые розоватой слюной ряды акүльных зүбов. Затем язык бешено задержался, ұдаряясь о клыки -- рыба,

выброшенная из воды.

+ Почему оно бидит нас? +

Торкрит не ответил.

Существо вдруг взревело, даже не
втягивая воздух. Звук, вырвавшийся
мощным ударом, мог посрать гром,
даже бури Титана.

Последнее, что я увидел, были
тянущиеся к нам когти из теди и кости.

III

Я поднялся первым. Урчание гонимых
показалось успокаивающим прикосновением
чего-то знакомого после вынужденного
развоплощения Торкрита. В пальцы
обратно хлынула кровь, отчего их начало
покалывать.

Торкриту не пришлось вставать, ведь
он не упал, как остальные. Он продолжал
сидеть на коврике, глядя на нас в
задумчивой тишине. Когда я встретился с
ним взглядом, он кивнул.

--- Вы видели его, --- произнес он.

Я помог Малхадиилу подняться на ноги, придерживая его за плечи и одновременно отвечая.

--- Мы все видели его, хотя каждый из нас видел что-то иное.

--- Ничего странного, когда встречаешься с сущностью подобной мощи. Как реальность искривляется от его присутствия, так форма его настолько привязана к царству за завесой, что она постоянно изменяется. В самом прямом смысле существо вознеслось над ограничениями плоти и может становиться всем, чем пожелает.

--- Почему оно нас увидело?

В этот раз он снизошел до ответа.

--- Оно почувствовало наши души.

--- Оно могло убить нас? --- спросил

Малхадиил.

--- Вполне. Оно и натеревалось это сделать. Вот почему я забрал вас.

Думенигон только отмахнулся, когда я подошел к нему. Галео также поднялся без чужой помощи.

+ Оно скрыло собственное существование. +

--- Так и есть, --- согласился Торкрит.

--- Никогда не слышал о подобном, --- отозвался я. --- Ни разу, хотя провел немало времени в архивах.

Я выжидательно посмотрел на Галео, но вместо него ответил Дүменигон.

--- Конклав Диаболүс.

Галео кивнул.

+ Согласен. +

Конклав Диаболүс был настолько легендарным, насколько вообще допускалось в наших архивах: перечень самых ненавистных, самых ревностно преследуемых нерожденных, с которыми приходилось встречаться нашему ордену за десять тысячелетий.

Даже у эйгетической памяти были свои недостатки. Я не ожидал при жизни столкнуться хотя бы с одним представителем Конклава Диаболүс, а потому почти не уделял им внимания, за исключением кратких упоминаний в исторических текстах.

--- Даже если и так, --- заметил я, --- не больше десятка существ из Конклава Диаболүс способны так управлять

реальностью. Это не может быть одним из них.

Торкрит улыбнулся, хотя я не понял почему.

--- Это не может быть одним из них, Гиперион? Прямо сейчас от демонических вторжений страдает бесчисленное множество миров по всему Империи. Только за последнюю пару дней я лично почувствовал знамения и записал пророчества о многих из них. Я ощутил нечеловеческий голос, нашептывающий в разум трехлетней девочки почти на другом конце Галактики от того места, где мы сейчас стоим. Но я не ощущаю ничего с Армагеддона -- ни ветров варна, которые принесли Пожирателя Звезд к планете, ни орду чудищ, которые устроили там бойню.

Он устало покачал головой.

--- Так скажи мне, брат, разве это не может быть одним из них? Оно не может быть ничем иным. Ничто другое не сможет скрыть свое присутствие. Сами Темные Боги утаили от нас вторжение. Они никогда бы не стали действовать

ради менее значимого существа.

Галео сотворил аквилу на нагруднике.

+ Ты был прав, призвав орден на войну,

Торкрит. Мы должны отправиться в крестовый поход. +

--- Но орден разбросан по всему Империи, --- сказал я. --- Сколько мы сможем привести на Армагеддон? Десяносто рыцарей? Сотню?

Торкрит не сводил с меня глаз.

--- Мы создадим лоскутное братство из отделений, которые пока еще в крепости-монастыре, и направимся на Армагеддон еще до окончания солярной недели. Гиперион, я понимаю твоё опасение, но ты не видел всего, что видел я. Армагеддон вот-вот падет под натиском Извечного Врага. Волки вместе с человеческими защитниками ушли на последний незараженный континент и обороняют уцелевшие города.

--- Но нас наберется едва ли сотня, --- подхватил Малхадиш. --- Этого недостаточно.

Галео взглянул на него.

+ Хватит ли этого, чтобы

истребить вражеские орды? Нет. Но нас
будет достаточно, чтобы изгнать его,
брат. Волки и Стальной легион справятся
с остальными. +

--- Самоубийство, --- сказал
Малхадиил, но затем улыбнулся. --- У нас
долг. Я не боюсь смерти во имя
Императора. Я боюсь лишь впустую
растратить его Дар.

--- Трата не будет напрасной.

Думенигон кивнул.

--- Да, юстикар. Последняя атака, по
которой нас заполнят.

Я сложил знак аквилы, мои кулаки
стукнули о нагрудник.

--- И еще одно, брат Торкрит.

--- Только быстро. Мне еще нужно
поговорить с остальными отделениями.
Они должны увидеть то же, что и вы.

Я указал на зал, в котором мы
находились.

--- По твоим словам, ты последний
прогностикар.

Он склонил голову.

--- Люди, благословенные такой
психической силой, очень редки, и мое

призвание не менее опасно, нежели ваше.
Каждая смерть это потеря, которую
прогностикары ощущают острее всех. Ты
почти стал одним из нас, Гиперион. Ты
знал об этом?

Мое молчание ответило вместо
меня.

--- Это так, --- продолжил он. --- Твои
силы привлекли внимание еще до того, как
ты прошел испытания оценки. Но твой
слабый самоконтроль посчитали
критическим недостатком для
предсказывания. Тебя сочли недостойным
для вступления в Абзүриүт.

--- Кто счел меня недостойным?

--- Я. Я и мой брат Соррен, до его
недавней гибели. Теперь я остался один, и,
как видишь, подобная слабость --- брешь в
защите нашего органа. Я молюсь, чтобы
вскоре в Серебряной Башне появились новые
прогностикары.

--- Мой самоконтроль пока остается
цельным, --- признался я, --- но спасибо за
откровенность.

Его лицо опять озарилось тонкой,
грустной улыбкой.

--- Идите с честью, Кастриан.
Готовьтесь пролить кровь примарха. Лорд
Двенадцатого легиона ждет вас на
Армагеддоне.

Часть вторая

ВОЙНА С ВОЛКАМИ

Глава четырнадцатая

ЯРЛ

Ј

Ноги не слұшались меня, но и не болели. В этом-то и таилась проблема, вот что делало это таким пугающим. Я ожигал боль. То, что совсем не ощущал ног, могло означать, что я больше не смогу ходить. Мне не хотелось ничего спрашивать в случае, если они согласятся.

В городе, превращенном в рұины, все казалось одинаковым. Мы были среди обломков храма? Коммерции? Трудно сказать. Все было засыпано каменной крошкой, витавшей вокруг с того самого момента, как обрушилась последняя стена.

--- Мне уже лучше, --- сказал я. ---
Дайте минутку.

Лица моих друзей сказали все лучше всяких слов: они знали, что я лгυ.

--- Эй, --- заговорил один из них.

+ Гиперион. +

Я укрылся в тени бронетранспортера «Хилера», стараясь, хотя и безуспешно, не обращать внимания на дождь.

Холодный. Холодный, холодный, настолько холодный, что я бы занемел, если б мог. Он был болезненным, болезненным, будто ожог.

В архивных документах война никогда не описывалась подобным образом. В них ведь никогда не пишут обо всем том дерьме, которое предстоит пережить, ведь так? В них говорится только о страхе и отваге, погребальных кострах и победных парадах, тепле братства и грузах, которых ты приобрел на всю жизнь.

В них никогда не упоминалась усталость. Вот из чего состояла война --- настоящая война, а не череда случайных перестрелок между отделениями на улице. Черт подери, нет --- в настоящей войне целые армии схлестывались друг с другом многие часы без перерыва, и тебе было

попросту некуда бежать. Нельзя
отступнуть в безопасное укрытие и
дождаться очередного патруля.

Перед боем ты стоишь, сдерживая
желание отлить, выдавливая из себя
нестешные шутки сухим, словно сапожная
кожа, языком. А после него ты устаеть до
тозга костей, твои руки и ноги дрожат от
напряжения. Когда утолкли звуки
последней атаки, я повалился на землю
вместе с сотнями бойцов своего полка,
которые упали или присели там, где еще
пару мгновений назад стояли или
сражались. Слишком уставший, чтобы
плевать, слишком охрипший, чтобы
жаловаться. Война еще и воняет. Пом,
кровь, дыхание -- и это лишь начало. За
эти месяцы мне пришлось повидать, как
люди тарали штаны, только чтобы
согреться ночью, а после каждой битвы
половина из нас понимали, что обделались,
сами того не заметив, не из-за страха, а
от естественной потребности. Мы
почились, словно дикие звери, и не важно,
чем занимались в это время.

Яса стянула противогаз с

распухшего лица, и вместе с ним отстал от
три зуба, за которыми протянулись нити
розоватой слюны. Тут с безумной
медлительностью осел на влажную землю
и положил голову на камень. Судя по тому,
как он ложился, я понял, что он уже не
поднимется. Шальвен и Кал Восточник
стесались или по крайней мере пытались.
Они бессильно и гортанно хрипели,
поражаясь тому, что все еще живы. Другие
садились группками, вознося хвалу
далекому Богу-Императору, пока их
братья сотнями гибли на поле боя,
продолжая кричать, продолжая вопить и
задыхаться там, под дождем.

На мое плечо опустилась рука. Я
учувствовал на пальцах теплую кровь, пока не
обернулся и не увидел, что она заляпала
мою форму.

--- Насколько все плохо? --- спросил
Кион. Его лицо было таким же
окровавленным, как и пальцы. Как рука. У
грудь.

--- Оно...

Святой Трон, он потерял глаз вместе
с половиной лица. Даже половиной головы.

Что я должен ему сказать?

--- Болим, --- сказал он.

Ага, еще бы. Почему он вообще еще жив?

--- Кион... --- попытался сказать я.

+ Гиперион. +

III

Поначалу я пытался объяснить то, что вижу, но не мог подобрать нужных слов. Нет, подождите, это не совсем верно.

Я не знал достаточно слов. Я больше не мог вспомнить их. Все, что я говорил, перестало иметь всяческий смысл, поэтому мне пришлось замолчать.

После этого я пытался рисовать. То, что у меня в итоге получалось, оставалось непонятным для остальных. Гвардейским стилусом я делал наброски на стенах штаба, затем заголенным ножом на корпусах наших танков, а под конец на стенах катеры. Они отняли у меня нож. Мне пришлось пользоваться пальцами.

Кровь была отличными чернилами.

--- Война сломала его, --- говорили они. После этого меня заперли, как будто правда была на их стороне. Война не сломала меня. Что это вообще значит? Я просто не мог их заставить понять то, что вижу сам.

Последний раз я говорил с другим человеком, когда меня тащили сюда.

--- Если бы я только мог заставить вас увидеть, --- сказал я. Они заперли дверь, оставив мне лишь ведро для испражнений и стены в качестве пергамента.

Затем началась атака. Я колотил в дверь, просил оружие, ругался и кричал, что могу помочь и хочу стоять с остальными.

Но я этого не сделал. Я забился в угол катеры, боясь вдохнуть, ожидая, когда звуки прекратятся.

Первой стихла стрельба. Затем исчезли и крики. Вскоре вся база погрузилась в тишину.

Дверь оставалась запертой.

--- Нить, --- сказал я. Я даже не понимал, что говорю сам с собой, рисую

рунические символы на языке, которого не знаю, и делаю наброски существ без души, которые даже никогда не рождались.

--- Нить.

--- Нить.

--- Нить.

+ Гиперион. +

IV

Я сжалась во траке, прислушиваясь к детскому плачу. Это уже не важно. Они найдут нас, даже если мы спрячемся. Они находят всех.

Нож в моей руке был на самом деле куском разбитого оконного стекла.

--- Девочки, --- сказала я. --- Удите сюда.

+ Гиперион. +

V

Я открыл глаза среди строгого уюта

комнаты для медитаций на борту
«Карabelы».

Сознание Галео казалось дылкой на
границе моего разума, настойчивым, как
призрак.

+ Брат, + отправил он с другого конца
корабля. + Хватит. Я же говорил тебе не
лезть в их разум. +

+ Прости, + пропульсировал я в ответ.
+ Дотягиваясь до них, я становлюсь
сильнее. +

Я говорил правду, пусть и не всю.
Достучаться до сознания людей на
планете требовало огромной
сосредоточенности и непрерывных усилий,
но я жаждал увидеть мир глазами тех,
кто оказался среди этого хаоса. Кое-кто
мог бы считать непозволительным жить
чувствами других людей, но мое
любопытство не было низменным. Я хотел
познать этот мир. Хотел ощутить его
так, как никогда бы не ощутил, если бы
ступил на него. Хотел почувствовать все,
что мог дать этот мир, чью поверхность
осквернял самый мерзкий из врагов.

В голосе Галео чувствовалось

безграничное терпение.

+ Я понимаю это, а также твое
искушение увидеть мир глазами
смертных. Но ты нужен нам. Братство
собирается. +

Я поднялся на ноги, сочленения
доспехов мягко заурчали.

+ Великий Волк идет? +

+ Идет. И он не один. Мы встретим
его на борту флагмана. +

Я потянулся за оружием и покинул
комнату.

VJ

Немногие души в Империи
вызывали такое же уважение, как магистр
ордена Агентус Астартес. Их величие
было не следствием поклонения масс, хотя
многие магистры орденов получали
благодарность целых миров, когда решали
поведать о своих подвигах.

Нет, они обретали уважение в глазах
братьев и право стоять впереди тысячи

лучших воинов человечества, быть
единственной душой, избранной
остальными девятьюстами девятьюста
девятью воинами и достойной их
возглавлять... Какие еще души могли
удостоиться такого же почета и
уважения?

Мы ждали его в главном ангаре
флагмана нашего флота, боевой баржи
Третьего братства «Правитель Черных
Небес». Мы стояли, не соблюдая строя,
объединенные только принадлежностью к
отделениям. Юстикары стояли перед
своими братьями, а впереди всех нас
Великого Волка дожидался капитан
Таретар Аврелиан — прозванный
Таретаром Золотым за безупречно глиняный
список благородных подвигов — Страж
Третьего братства и мастер флагмана.

Его избрание командующим прошло
единогласно. Гроссмейстер Ваурманг как
полорд-главнокомандующий Третьего
братства был обязан оставаться в
крепости-монастыре. Традиции

диктовали его участь, независимо от
того, как бы он ни возмущался из-за этого.

на Титане всегда должен оставаться один из восьми гротштейнеров, чтобы следить за ходом операций. Вместе с Ваурмангом в холодных залах нашего древнего замка остался лишь самый минимальный резерв воинов.

Сейчас на палубе стояло сто девять рыцарей. На Титане осталось только восемнадцать. Остальной орден, да благословит его Император, сражался в собственных битвах среди далеких звезд.

Вместе с нами находились также люди из Инквизиции, в зависимости от личных предпочтений разряженные в роскошные одежды и боевые доспехи. Анника была одним из тридцати инквизиторов, которые отправились с нами. Она заметила мое внимание и кивнула в ответ. Рядом с ней, всем своим видом изображая официоз, находились Дарфорг, Кхатан, Меррик, Василла и Кловон. И не один Дарфорг сейчас стоял на вытяжку. Мимолетно простотревоженные поверхностные мысли, я узнал об их полной сосредоточенности, которая, к моему стыду, оказалась сильнее моей

собственной.

Армагеддон вращался под нами со звездной неторопливостью, видный через распахнутые ворота ангарного отсека. Его поверхность представляла собой лоскутное одеяло синего, зеленого и желтого цветов, нарушаемых лишь черными пятнами горящих городов. Единственного проблеска психического чувства было достаточно, чтобы ощутить напряжение, исходящее от рыцарей. У нас не было желания стоять здесь, в безопасности на орбите, пока на планете внизу наносили все новые раны.

Мы прибыли почти двенадцать часов назад, и первое же сообщение, которое поступило с поверхности, было от самого Волка.

--- Ждите, --- потребовал он. Всего одно слово.

И хотя мы путешествовали на разных кораблях, в нашем наспех созданном братстве довольно скоро поползли слухи. Говорили, Таретара возмутило то, что им потыкали, словно безоружным сервом. Юстикары реагировали по-разному --- одни злились, тогда как другие неохотно

признавали, что Великий Волк лучше знает, что за война идет внизу.

Галео был из последних.

+ Мы -- оружие, которое лучше использовать лишь единожды, + сказал он нам спустя пару часов после прибытия, когда мы начали тревожно мерить шагами палубу. + Великий Волк достанет нас, словно клинок, и пронзит сердце Узвечного Врага одним стремительным ударом. Никому не будет пользы, если мы раскроемся слишком рано и начнем наносить нескоординированные удары. +

Дүменидон был не настолько оптимистичен.

-- Разве тебя это не оскорбляет? Волк командует нами, будто мы у него на поводке.

+ Волки уже внизу, и были там многие месяцы. Пока я доверяю их глазам. Если вы не можете вытерпеть уколы попранной гордости, то вам предстоит узнать о сатоконтроле не меньше Гипериона. +

Я знал, что получил по заслугам, но все равно мне не понравилось такое

сравнение. Оно продолжало раздражать меня даже спустя несколько часов, когда мы уже стояли на ангарной палубе, ожидая боевой корабль Великого Волка.

--- Почему они просто не телепортируются к нам? --- провоскировал я остальным.

+ Фенрисиийские сүеверия, + ответил Талео. Я услышал в его беззвүчном голосе напешкү. + Не знаю всех подробностей, поэтому не буду сүдить Волков слишком строго. +

Боевой корабль приближался медленно, и хотя посадочное шасси еще даже не успело коснуться усиленной стали палубы, ратна с гидравлическим воем уже начала открываться. В красном сүтраке десантного отсека «Громого ястреба» ждала группа фигур --- по моим подсчетам, тринадцать человек, --- которая затем спустилась не соблюдающей порядка стает.

Мы не стояли по стойке смирно, и они тоже. Мы наблюдали за новоприбывшими, не признавая над собой власти и не требуя покорности, мы встретились с ними, как с равными.

Возможно, они считали это своим правом, хотя на самом деле Серые Рыцари оказывали им великую честь. Волки считались полукровками --- их генетическое семя было создано из плоти и крови сына Императора, Лемана Русса. Мы же получили свое генетическое семя из более чистого источника. Ведь мы не просто так называли его Даром Императора.

При ходьбе об их броню бились различные талисманы: брелки и фетиши из бечевки, янтаря, кости и камня. У них были серые доспехи --- не блеклой чистоты отполированного керамика, но тусклого серого цвета зимних небес, в которых бушевали бури. Поверх доспехов были наброшены плащи и набедренные повязки из волчьей кожи, оттенки которых разнились от угольно-черного до грязного, покрытого темными пятнами белого цвета, напомиавшего мне кровь на снегу.

Логан Гримнар повел свою стаю напрямиком к капитану Таретару, с плеча которого также свисал плащ королевского белого цвета, окаймленный

традиционным серым. Великий Волк был без шлема, демонстрируя нам покрытое шрамами лицо, его костяная грива, в которую были вплетены костяшки и звериные клыки, была такой грязной, что местами свалалась в дреды. Возможно, когда-то волосы были темно-коричневыми, цвета губа, но зима просолила их первыми седыми прядями. Гримнар командовал Волками уже больше века, он заслужил это право своими шрамами. Его шаги отдавались гулким эхом и сопровождались прерывистым сухим рыком сочленений терминаторской брони.

Когда он ухмыльнулся, впрочем, без всякого веселья, у него во рту сверкнули клыки, свидетельствовавшие о неприкрытых генетических отклонениях его органа. Инквизиция никогда не относилась к Волкам с благосклонностью, и его улыбка красноречиво говорила о том, почему.

Я заметил все эти детали за один краткий взгляд, но в них было нечто еще, что нельзя было просто игнорировать. Все тринадцать Волков были с ног до головы

покрыты красным и черным — на их доспехах остались пятна засохшей крови и следы от огнететных струй. От воинов несло скотобойней, ареной, полет боя, над которыми теперь кружилось воронье. Когда эти лязгающие оружием опаленные воины подошли ближе, мне стало стыдно за свои чистенькие доспехи. Они сражались уже много недель, пока мы находились в пути, готовясь к неизбежному прибытию.

Странный миг неуверенности. Мне нечего стыдится, но все же стыд меня гложет.

Приветствие Гримнара было таким же грубоватым, как все остальное в нем. Он взглянул на капитана Таремара — из-за терминаторской брони они оба не уступали друг другу в размерах — и шумно втянул носом воздух, прежде чем сплюнуть кровавую слюну на нашу палубу. Я ожидал официального приветствия, но он произнес лишь три слова:

— И кто ты?

Никакого неуважения. Без нетерпения и намек на гнев. Он словно обращался к безобидному путнику, который вошел в

чьи-то владения. Сам его голос был резким, словно звук танковых гусениц, крошащих щебень.

Брат-капитан Таремар склонил голову перед командующим, учитывая разницу между их званиями.

— Я — Таремар Аврелиан, капитан Третьего братства, хозяин «Новелителя Черных Небес» и рыцарь Титана.

Один из Волков фыркнул.

— Звучит грозно, — хохотнул он. К нему добавилась еще пара стешков.

Глаза Таремара были цвета чистого железа, теплой синевы, граничащей с серым. Какой-то миг они неотрывно смотрели на Волка, достаточно долго, чтобы запомнить его лицо, а затем резко перепрыгнули на Гримнара.

— Я сказал что-то, развеселившее твоего родича? — спросил он.

В этот момент Великий Волк зарычал, буквально зарычал. Рык сорвался с его губ утробным рокотом.

— Прости моих людей. У них много хороших шуток, — он бросил взгляд через плечо. — Хриплая Глотка. Следы за

словами.

Тот, кого называли Хриплой Глоткой, опять хохотнул.

--- Слушаюсь, ярл. Как скажешь.

Глаза Гримнара были карими, цвета мягкой глины, но взгляд не менее острый, чем лезвие меча.

--- Хриплая Глотка ведет себя, как все Волки, --- пояснил Гримнар. --- Для Волка непривычно вначале называть свои титулы, а не деяния, --- Таретар набрал в грудь воздуха, но Великий Волк предупредительно поднял руку. --- Я не ставлю под сомнение твои подвиги, капитан, как не волнует меня и то, какими они были. Я позвал. Вы ответили, и у вас те самые доспехи. Этого мне достаточно.

Он не коснулся наших традиций, не проявил к ним неуважения, не насаживал свои собственные, и к тому же поблагодарил за прибытие. Галеос явно почувствовал твои мысли.

+ Этого Волка сложно не уважать. +

Я кивнул в ответ.

Собравшиеся инквизиторы восприняли

этот момент как возможность представиться. Присутствие Волков возымело на Аннику эффект, который оказалось несложно предугадать: она глядела на них широко открытыми глазами, словно потерявшаяся девочка, но гордо, как родившая мать. Тем не менее шанс назваться ей представится еще нескоро. Она стояла в середине группы, не так сильно желая внимания, как некоторые другие.

Гримнар заставил первого же из них замолчать, опять подняв руку.

--- Эти... мелочи... могут подождать.

Таретар кивнул.

--- Согласен. Нам еще нужно выиграть войну.

Гримнар окинул группу инквизиторов кратким взглядом. Мне даже представить трудно, при каких обстоятельствах он мог сойти за приветствие.

--- Я -- ярл Гримнар, а это моя Волчья гвардия. Вот. Теперь мы все братья, -- он указал на одного из своих людей. -- Хриплая Глотка.

Названный Волк активировал переносной гололитический проектор. Устройство отбросило широкое изображение на палубу ангара, показывая континент, именуемый Армагеддон Прайм. Целые области были покрыты болезненным, мерцающим красным, города же отмечались потоками угловатых фенрисийских рун. Гримнар обошел карту.

— Вы двигались с хорошей скоростью, раз прибыли так быстро, но все равно многое пропустили. Первую кровь пролили месяцы назад, во время восстания. Разрастались культы. Проповедовали бунтари. Целые городские районы плевали на имя Всеотца.

— Восстание было широко распространившейся, но обычной ересью. — Гримнар снова обогнул карту. Он напугал меня гончюю, которая ищет, где бы ей усесться. — Вскоре на планету обрушилась варп-буря. Астронавты умерли в разумах тех, кому следовало отсылать сообщения. Мир замолчал. Всеобщий Враз открыл свое приближение. А затем появился Пожиратель Звезд.

Пока он говорил, еще один участок карты окрасился красным.

--- Стальные легионы и защитники Армагеддона отступают с Армагеддона Прайм. Весь континент обращен в пустыню. Люди, которые еще обитают в оставшихся городах, наверняка жалеют, что не умерли.

Все новые и новые территории сдавались перед расползающимся пятном, неумолимым, будто прилив.

--- Мы вступили в бой после того, какпали улы Вулкан, Гиблая Тонь и Темнестора.

Я увидел, как от упомянутых илгородов растекается красный цвет.

--- Они потеряны, хотя после техночей мы замедлили продвижение врагов. Большая часть их населения служила Извечному Врагу еще до нашей высадки.

Гололит стесился на другойконтинент, Армагеддон Секундус. Трилнар указал на полосу тьмы на границеизображения.

--- Здесь экваториальные джунгли. Наши силы отступали перед натиском

врага, надеясь оказать сопротивление на каждом участке пути. Этого не случилось. Враг остановился. Мои скауты твердят одно и то же, независимо от того, куда я отправлял их: враг остановил продвижение армии, чтобы гордо царствовать над руинами, которые создал из костей павших городов. Горы чернеют, высятся там, где когда-то стояли дома и мануфактории. Отвоевание континента будет войной на возвращение, а не на покорение.

Грилнар оторвался от гололита и пристально посмотрел на Таремара.

— Но сейчас враг идет. Взгляни на реку Стикс, реку, которая несет жизнь Армагеддону Секундус. У них уйдет неделя на переправу, после чего они ворвутся в оставшиеся ульи.

— Мы покончим с ним, — голос Таремара был столь же глубоким, как и у Волчьего лорда, но не таким хриплым. Только один из них выкрикивал приказы каждый час каждого дня в течение многих недель.

— Да, покончите, — опаленное

солнцем лицо Гритнара рассекла
кляксовая улыбка. -- Если бы это было
все, о чем нам следовало переговорить, я
бы оставил вас готовиться. Но есть кое-
что еще. -- Когда он обернулся, оглядев
всех присутствующих на командной
палубе, его невеселая ухмылка ни у кого не
оставила сомнений насчет могущества
Великого Волка: -- Улы Хельсрич и
Инфернус пока не ощутили настоящей
угрозы. Их горожане оставались за
высокими и безопасными стенами, вдали
от войны, -- его взгляд обратился на
нашего капитана. -- Я ясно выражаюсь?

-- Полагаю, что так, -- полуулыбка
Таретара говорила скорее о
подозрительности, чем о веселье. -- Но все
же удиви меня.

-- Бунтарство в городах Секундуса
было слабым и лишенным поддержки. Эти
восстания быстро подавили и без нашей
помощи, -- Гритнар ударил кулаком по
нагруднику, резко и громко, словно
прозвенел храмовый колокол. От
внезапного звона несколько инквизиторов
вздрагнули. -- Они невиновны, и, более того,

они хорошие люди, которых оберегает вера
и прекрасные солдаты — далеко от
фронта. Их города остались
нетронутыми, люди свободны от скверны,
и их не «обрабатывает» Инквизиция после
окончания последнего дня. Все понятно?

Взгляд Таретара встретился на
собравшихся инквизиторов. Он смотрел не
долгие секунды, но этого хватило, чтобы
Грилнар издал низкое, сухое рычание.

— Смотри на меня, будь ты проклят.
Не на них. Ты понял, что я говорю?

— Верховный лорд... — начал Таретар.

— Хватит и ярла. — Грилнар опять
посмотрел на гололит. — Положение
достаточно опасное. Я не хочу, чтобы
твои... пособники... в Инквизиции
приложили руку тяжелее, чем необходимо.
Ты понял?

Таретар устало кивнул.

— Да. Но недоверие, которое зложет
тебя, не мне придется нести.

— Пусть так, но вы останетесь на
орбите, пока вас не призовут. Я вызову вас
для последнего удара, и люди на этой
планете никогда не узнают о вашем

существовании.

Таретар не был каким-то мелким лордом, чтобы им пофыкали подобным образом. К своей чести, он лишь уважительно кивнул в ответ на слова Волчьего лорда, когда понял, что противостояние силы воли не принесет никому пользы.

— Я — Серый Рыцарь Титана, и меня обязывает долг. Впрочем, хочу предупредить: не думай, что будешь командовать мной, как сервитором. Мы сделаем то, что должно, и ни одно твоё слово или действие не пошатнет эту истину, Волчий лорд.

Впервые Гримнар рассмеялся, его голос разнесся сухим рывканьем. Когда волчьи стражи услышали его хохот, то заметно расслабились.

— Мне известно, как работает ваша Инквизиция, капитан. Я знаю, как вращаются эти колесики, знаю, что целые толпы Имперской Гвардии вырезают за то, что они узнали грязные секреты оргосов, что команды кораблей предаются пустотным могилам лишь потому, что

они тельком увидели корабль Серых Рыцарей. Я буду говорить без обиняков, сын Титана. Эти люди ничего не видели, и они не поддались скверне. Мои братья и я сражаемся за их жизни, орошая землю этого мира своей кровью, чтобы они смогли прожить еще один день в Империи Всеотца. Поэтому ты не будешь здесь просто кивать и соглашаться, а дашь мне слово, что не появишься перед ними. Я не допущу, чтобы только одно твое присутствие обрекло их на преждевременную смерть. Теперь кивни и поклянись делать то, что должно. Я все равно добьюсь твоего согласия, капитан Таретар.

Таретар кивнул. Казалось, даже это слабое движение стоило ему значительного усилия.

--- Хорошо, --- сказал Трилнар. --- Конечно, дело не только в боевом духе. Ты и твои воины --- последнее оружие, капитан. Мы не можем допустить, чтобы враг узнал о вашем прибытии.

Один из инквизиторов откашлялся.

--- Что с Пожирателем Звезд?

Я заметил, что ярл Гримнар никогда не поворачивался спиной к представителем Унквизиции. Его недоверие зашло далеко -- наверное, оно было глубоким, как старая рана. Мне стало интересно узнать об истории их оргена и о том, был ли у Анники доступ к нужным архивам.

-- А что с ним? -- спросил он у женщины с резкими чертами лица. В красных бархатных одеяниях она походила скорее на экклезиарха, чем на унквизитора.

Она вздохнула, словно уже устала от общения с Волками и их лордом.

-- Где он?

Пару ударов сердца Гримнар просто смотрел на нее. Несколько волчьих стражей проследили за его взглядом. Огиндаже стянул шлем и уставился на нее, как на глупого ребенка.

-- Мы уничтожили его, -- медленно проговорил Гримнар, словно объясняя глупцу что-то до боли очевидное. -- Взорвали его. Чего, во имя Всеотца, ты ждала?

И снова вздох.

--- Где, --- с подчеркнутой терпеливостью спросила она, --- обломки?

Гримнар обернулся к ней всем телом. Рычание сочленений его брони утонуло в выдохе, вырвавшемся из горла ярла.

--- Мы... --- низким хрипом он пародировал ее голос, --- их также уничтожили.

--- Они имели огромную ценность как объект для изучения, а...

--- Заткнись, ведьма. Не заставляй меня убивать тебя, --- Гримнар отвернулся, утратив к ней интерес. --- Капитан.

--- Ярл, --- отозвался Таретар.

Волк снова указал на гололитический дисплей.

--- Я собираю силы планеты --- армии с последнего континента, --- чтобы задержать врага у Стикса.

Таретар проследил за рукой лорда. Раздражение, которое он чувствовал, испарилось в тот же миг, сменявшись усталым, мертвым спокойствием. Он --- печальный герой, как выразился Дарфорг о капитане Аврелиане по пути на

Армагеддон. Я не мог с этим поспорить, хотя не понимал, почему торгуанец считал это важным.

--- Потери будут катастрофическими, --- ответил Таретар.

--- Я не слепой, Рыцарь.

--- Оборона городов предоставит нам куда больше преимуществ, --- два лидера опять обменялись взглядами. --- Но люди увидят врага, --- закончил Таретар. --- Зачем спасать мир, если всех его жителей предадут смерти за знание об Узвечном Зле?

Грилнар шумно втянул воздух. Я не понимал, было ли это смешком или фырканьем.

--- Быстро учишься. Взгляни на Стикс, капитан Таретар. Вот где вы мне понадобитесь. Я отправлю сигнал, и твои люди ударят туда всеми силами.

--- Будет сделано.

--- У нас есть день. Самое большее --- два. Авангард красной орды уже прощупывает нашу оборону. Ты ведь знаешь, с чем столкнешься? Знаешь, чего я

прошу от тебя, и куда вам придется телепортироваться?

В ответ Таретар лишь указал на сотню Рыцарей, которые стояли рядом с ним. В наших разумах полыхнул импульс, натек от капитана, и мы тут же отдали честь, слаженно приложив руки к нагрудникам в символе аквилы.

--- Знает.

Гримнар также отдал честь, как и его Волчья гвардия. Другой лидер мог бы сказать напутственные слова нашему командиру, но Гримнар поочередно заглянул нам в глаза, прежде чем заговорить.

--- Взирайте с небес, братья. Придите, когда мы завоем.

Глава пятнадцатая

УМЕНА

Ј

Спустя пару часов после отбытия Волков большая часть нашего разномастного братства приступила к последним приготовлениям. Благодаря связи с Каспианом я мог дотянуться и найти своих братьев без особого труда, но сейчас у меня не было желания присоединяться к ним. Малхадиил, Энцелас и Галео слились в психическом единении и медитировали, готовясь к тому, с чем нам придется встретиться на планете. Дүменигон, как и я, решил побыть в одиночестве. Я ощущал его напряжение, жар полнейшей сосредоточенности, пока он тренировался в оружейной капсуле.

Мне не хотелось тренироваться, как не хотелось тратить время на медитации. Я занимался этим все время

на пути к Артагеддону. Сейчас мое
внимание привлекало нечто другое.

Я остановился у входа в ее личные
покои и постучал костяшками пальцев по
переборке. Со щелчком включился
настенный домофон.

— Кто там? — спросил мягкий
девичий голос.

+ Гиперион, + отправил я сквозь дверь.
Домофон отключился, и дверь плавно
отъехала в сторону.

— Привет, Гиперион, — с улыбкой
поздоровалась Василла. За спиной у нее
уже были закреплены латунно-серые баки с
проектилом.

Они как раз готовились к бою.
Дарфорд возился с разобранной винтовкой у
верстака, прочищая ветошью ствольные
стволы. Кхатан обматывала тканью
место хвата на древке копья, пока Меррик
отверткой подкручивал челюсть своему
кибертастифу. Анника и Кловон
ухаживали за собственным оружием. Они
сидели в разных концах комнаты, но от
этого их общий запах распространялся еще
сильней. От него пахло ее кожей, от нее —

его. Это было не в первый раз, когда перед заданием от них пахло близостью.

Никогда не понимал людей.

--- Все хорошо? --- поинтересовалась Василла.

--- Вполне, --- я не был уверен, что мне нравится то, как девочка смотрит на меня. Вместо того чтобы сказать что-то ослепительное, я спросил, как она себя чувствует.

--- Рада быть здесь, --- ответила она. Самым грустным было то, что ей действительно здесь нравилось, а ведь Василле было не больше шестнадцати. Ее преданность долгу заслуживала всяческого уважения, но ведь предполагалось, что это обреченность нести нашему ордену, а не человечеству. Меня мучила вина всякий раз, когда я смотрел на нее.

--- Ты же писарь, --- сказал я ей. --- Не понимаю, почему ты посвятила себя войне.

--- Даже писарь может стрелять, --- ответил Гиперион.

Я не нашел что ответить. Анника почувствовала мою неловкость или внимание, поскольку отложила болтер и

вопросительно подняла бровь.

--- В чем дело?

--- Мы можем поговорить? --- спросил я. + Наедине. +

--- Конечно, --- сказала она, беззвучно добавив, --- «здесь?»

+ Здесь было бы в самый раз. +

Она откашлялась, привлекая внимание товарищей.

--- Дайте мне пару минут, --- сказала она остальным. Они цепочкой прошли мимо меня. Лишь Кловон попытался на выходе встретиться со мной взглядом. Я проигнорировал его.

Когда мы остались одни, Анника присела на край верстака Дарфорга. Ее черные волосы еще были распущены, а я знал, что она заплетает их перед боем.

--- Что-то не так? --- спросила она.

--- Все отлично. У меня есть вопрос, вот и все.

--- Я знала, что ты спросишь. --- От ее улыбки плетенные татуировки на щеках изогнулись. Я не мог сказать, выражает ли она удовольствие или симпатию --- мне нелегко было распознавать такие

незначительные оттенки.

Я глубоко вдохнул и еще раз прокрутил в голове слова, прежде чем произнести их.

--- Кем я был?

Анника потянулась через весь стол и взяла инфопланишет. Она коснулась экрана и принялась прокручивать информацию.

--- Ты уверен, что хочешь знать? --- судя по ее голосу, она гразнила меня или развлекалась. --- На тебя это не похоже, Туперион. Подобным образом переступать через традиции.

Тут не поспоришь.

--- Завтра я улечу, Анника.

Ее улыбка исчезла, словно солнце, спрятавшееся за облако. У нее хватило здравого ума не спорить со мной и не отказать в просьбе. Мы смотрели друг на друга достаточно долго, чтобы мне стало неуютно. Я не был уверен, почему.

--- У меня есть информация, но она за несколькоми заткати с шифром, --- ее голос становился все тише и мягче. --- Мне потребуется несколько минут, чтобы ввести все пароли.

--- Я подожду.

Я бродил по ее покоям, как нередко в прошлом она ходила вокруг меня. Вся разница была в том, что я ни к чему не прикасался, стараясь не раздражать ее. Я обошел поочередно все комнаты. В спальне Дарфорда царил хаос из разбросанного оружия и одежды, что мне показалось странным для столь щепетильного человека. В комнате Василисы практически отсутствовала мебель, кроме письменного стола и маленького алтаря. Комната Кхатан целиком пропахла ею --- потом, гредами и догзими ночами.

--- Гиперион.

Я пошел обратно к ней, чувствуя растущее в груди напряжение, которому не мог найти объяснения.

--- Ты выглядишь... встревоженным, --- заметила она.

--- Я чувствую себя необычно, --- мне пришлось сглотнуть и сжать кулаки, чтобы она не увидела, как у меня дрожат руки. В горле пересохло, из-за чего мне стало тяжело говорить.

--- Ты... ты нервничаешь? --- спросила она, ее голос опасно стягнулся. Ее глаза были широко открыты.

--- Это физиологически невозможно.

+ Что... что это за чувство? + вдруг спросил Малхадиил. + Что происходит? +

Я ощутил схожие вопросы от Галео, Энцелага и Дүменигона, которые также потянулись к источнику странных ощущений.

+ Все хорошо, + я взял себя в руки и скрыл внутри обуревавшие меня чувства, не позволяя им просочиться наружу. Биение моих сердец начало замедляться.

--- Гиперион... --- таяко позвала Анника.

--- Просто ответьте, --- сказал я резче, чем намеревался. --- Пожалуйста.

Она не передала мне инфопланишет. Вместо этого инквизитор соскользнула с верстака и подошла к главному экрану-оккүлюсу гостиной, установленному на правой стене. Анника вставила инфопланишет в гнездо, и экран загорелся.

Я увидел мальчика. Некачественный пикт мальчика лет пятнадцати, хотя изображение было зернистым и

искаженным. Он был худым, голодным и
больным. Его глаза были темными,
дерзкими, подозрительными.

Но больше всего он выглядел
уставшим.

Нет. Это ложь. Больше всего он
выглядел, как я.

Я подошел ближе, еще ближе, пока
моя рука не легла на экран. Анника
оперлась на стену, наблюдая за тем, как я
наблюдаю за собой. Даже не оглядываясь, я
чувствовал ее нежную улыбку, а еще
меланхолию.

--- Есть еще? --- спросил я. --- Кроме
картинки?

Она ввела следующий код. Я отошел
от зернистого изображения, чтобы
прочитать возникший текст.

Приказом Его Святейшего
Величества Бога-Императора
Терры

Доступ исключительно для
уполномоченных душ

Материалы дела --- SAB-
Термиус-AQ901:SS: GX1345L:

88:ХНД

Вторичное соответствие:
ПЕЧАТЬ-ПЕЧАТЬ-ПЕЧАТЬ

Третичное соответствие:
77-ЕР:513Т: Х:3а: АЕР: 8183659

Ответственный имперский
представитель --- [инквизитор
Лилим Абфекварн, Орго
Еретикус]

Имперское божественное
солярное летоисчисление:
XXX.XXX.406.M41

[Допустимое отклонение
эмпиреев учтено; см.
дополнительные материалы
(ЗДЕСЬ) и (ЗДЕСЬ) и (ЗДЕСЬ) и
(ЗДЕСЬ)].

СУБЪЕКТ доставлен в
стазисе с Юстиса Майорис на
Титан. Целостность стазиса по
прибытии абсолютна:
абсолютность подтверждена
инквизитором Лилим
Абфекварн (представитель),
абсолютность подтверждена
бастлионом Анекс Кронус (Цель

Назначения).

СУБЪЕКТ до и после реанимации представляет собой человека мужского пола, хронологический возраст 15 пятнадцать-ХV, физический возраст ниже --- замечены отклонения, относящиеся к биологической остановке роста. Физически недоразвит, заметные признаки нарушенного питания, карнопедального спазма, мышечной атрофии и задержки роста, передозировки вредными веществами, цинги, железодефицита, дефицита йода, вспышек мании, брегового восприятия и отражающей психической способности.

Унквизитор Лулит Абфекварн представила СУБЪЕКТ ордену VJ-VJ-VJ на основании последней аномалии. СУБЪЕКТ связан с действиями УНКВИЗИТОРА ГИДЕОНА РЕЙВЕНОРА, ОРДО КСЕНОС.

Начальное тестирование
подтверждает усиленную
отражающую психическую
способность СУБЪЕКТА,
перекрестная ссылка:
«зеркальный псайкер»

Пояснение -- СУБЪЕКТ не
обладает возможностью
раскрыть врожденную
психическую силу. СУБЪЕКТ
кормится из ближайших
источников психической силы.
После этого СУБЪЕКТ
проявляет способность
подражать любой психической
способностью, которую похитил у
других.

Основное отражение для
аномальных условий: СУБЪЕКТ
выказывает признаки
потенциала, который возможно
раскрыть. В процессе
раскрытия в СУБЪЕКТЕ
сломают паразитический
инстинкт и воссоздадут
соответствующим образом.

Невероятный потенциал для психического освоения.

Как уже отмечалось, хронологический возраст СУБЪЕКТА отличается от уровня физического развития. Вероятность отторжения генетического семени при имплантации с учетом хронологического возраста --- восемьдесят девять процентов (89 %). Вероятность отторжения генетического семени при имплантации с учетом физического возраста --- семьдесят семь процентов (77 %).

После начального тестирования СУБЪЕКТ доставлен в крепость-монастырь Титана. СУБЪЕКТ помещен в КАМЕРУ САМОАНАЛИЗА D-311-ENC-AX44-JA.

СУБЪЕКТ сочтен готовым для Часа Испытаний.

Все воспоминания удалены.

Личность СУБЪЕКТА
необходимо стереть из всех
НЕЗАЩИЩЕННЫХ имперских
записей во имя Императора и
великого Империята.

Я молча вчитывался в текст, в
каждое его слово. Дочитав до конца, я
перечитал снова. Дважды. Только тогда я
обернулся к инквизитору. Анника
продолжала улыбаться, но поскольку я не
разбирался в выражениях лицевых мышц,
то не знал, что бы это могло значить.

--- Тут нет имени, --- заметил я.

--- Вообще-то, есть. --- Она набрала
еще один код и вывела вторичный экран.
На нем возник доклад касательно судебного
дознания инквизитора Гидеона Рейвенора с
подробным описанием некоторых его
показаний.

Анника указала на первое из них.

--- Вот, --- сказала она.

Я проследил за ее рукой.

ЭФФЕРНЕТЦ, ЗАЭЛЬ.

Мне оно ничего не говорило.

--- Заэль Эффернети. Так это было мое имя?

--- Было, --- она выключила экран и вынула инфопланишет. --- И ты стал причиной неслабой шумихи пару десятков лет назад. Ты был вместе с одним из самых уважаемых инквизиторов ордоса во время самого мрачного его часа.

Инквизитор Рейвенор. Я знал его. Да кто в Инквизиции сегментутов Солар и Обскурус не слышал это имя? Он пользовался такой славой, что его труды считались обязательной для изучения литературой кандидатов в инквизиторы в нескольких субсекторах.

--- Я не помню.

--- Ты ждал чего-то иного?

Даже в глубине души я не знал ответа.

--- Не уверен.

Анна покачала головой.

--- Ты помнишь проблески, Гиперион. Попробуй сосредоточиться.

Но мне пробежался холодок, внезапный, как резкий порыв ветра. Я

больше не хотел этого.

--- Нет. Пожалуй, я пойду. Спасибо,
инкв...

--- Гиперион?

--- Черный трон, --- я потер веки,
раздраженный нахлынувшим
воспоминанием. --- Я говорил, что мне
постоянно видится черный трон. Черное
кресло. Ну конечно.

Она кивнула.

--- Трон жизнеобеспечения
инквизитора Рейвенора. Видишь? Ты
помнишь больше, чем думаешь.

--- Эту информацию сложно достать?
Вы знаете, кем был я, кем были
Малхадиил и Сотис... насколько
засекречены эти данные?

--- Их не найти за пределами
Инквизиции. Сомневаюсь, что они
существуют даже на Титане.

--- Это очевидно.

--- Даже в Инквизиции этой
информацией пользуются нечасто. Я
взялась за поиски, потому что проклята
любопытной душой. Пришлось кое-кому
напомнить о старых обещаниях, чтобы

мне оказали услугу. Честно говоря, подобные данные попросту оставляют в архиве покрываться пылью, а не сознательно скрывают в анналах Тронной системы. Кого, кроме самых любопытных душ, даже среди Инквизиции, волнует эта информация? Она не имеет ценности, кроме как для праздного любопытства. Врагу она не даст преимущества. Серых Рыцарей упорно обучали, связывали и бичевали, чтобы их больше не заботили прошлые жизни, и обладание этими данными не дает инквизиторам особой власти над ними. Лишь немногие души достаточно любопытны, чтобы взяться за поиски. Всего горстка за десятилетие. Не более.

— Я ценю то, что вы поделились информацией со мной.

— Любопытство не порок, Гиперион. Мне нравится копаться в старых архивах. Там многое можно почерпнуть, — она одарила меня еще одной улыбкой. — Я рада, что смогла показать тебе.

Я посмотрел на нее. Впервые мне в голову закралась одна мысль.

--- Существует ли наказание за то, что вы показали мне эти данные? Не накажут ли вас оргосы?

Анника пожала плечами.

--- Гиперион, Инквизиция не устроена... подобным образом. Это не единый культ или мир, которым правит один совет. Посторонним этого не понять. У каждого мира, системы, сектора и сегмента есть собственные организации, ритуалы, архивы и политический курс... Понимаешь?

--- Не совсем, -- у меня был только Орген и больше ничего за его пределами. Я попытался представить нечто, охватывающее всю Галактику, состоящее из миллионов враждующих душ, которых объединяли только самые общие интересы. От подобной разобщенности у меня мурашки побежали по коже.

--- То, что для одного инквизитора грех, для другого будет спасением. Это как Имперское Кредо. На одном мире Императору поклоняются как богу, восседающему на троне из золота. На другом Он считается метафорой вечной

жизни, даруемой за самопожертвование. На
еще одном Он божество света, которое
отвечает за рост злаков --- люди молят
Его о щедром урожае. Но на иных планетах
Его почитают как пророка, чьи слова
затерялись во времени, а люди
разбрасываются подходящими к случаю
фразами во имя Его, которые понятны
только местному населению. Где-то еще
Он --- высшее существо, которое приветствует
и оберегает после смерти души предков. А
здесь Он уже путеводный свет, источник
Астрономикона, живой, мертвый человек,
который обладает силой бога, его
устройства проецируют путеводный луч,
за которым наши корабли следуют в
безбрежной тьме.

--- Понимаю.

Мне не приходилось сталкиваться с
подобными культурами --- у меня были
довольно скромные познания о любой
культуре за пределами монастырских
стен. Даже во время изучения материалов
по тирам, которые мы очищали, я уделял
внимание только тому, что играло
важную роль для операции.

Анника попробовала растолковать еще подробнее.

— Все эти религии — допустимые отклонения Имперского Кредо. Они и есть Имперское Кредо. Галактика огромна, и Экклезиархию не волнует, чем занимаются различные миры и их жители, пока они поклоняются Императору. Империи не единое целое, Империион. Это человечество во всем его бесконечном, затерянном, разделенном многообразии. С Инквизицией все обстоит так же. Скажи, сколько тебе пришлось повидать инквизиторов, похожих на меня?

Наверное, она забыла, что за жизнь я встретил пока только четырех инквизиторов. Откуда я мог знать подобные вещи? О них было немного сведений, и всю правду знали только те, кому приходилось иметь с ними дело в повседневной жизни. Я жил четыре десятилетия в монастыре, а год после принятия в братство провел по большей части в варп-путешествии, отмеченном лишь редкими проблесками сражений.

— Кроме вас, я почти не общался с

Унквизицией.

--- Конечно. Прости меня. Порой я забываю, какой ты юный.

Я молча посмотрел на нее.

--- В смысле... относительно, ---
исправилась она.

--- Я понял.

--- Мне приходилось встречаться с другими, --- сказала Анника. --- Я видела инквизиторов, которые пользовались примитивными талисманами, и тех, кто всецело полагался на ксенотехнологии, шаманов и прогрессивных еретиков, которые сражались ради единой цели. Да, некоторые пользуются большей властью, нежели другие, но в сущности все мы одиночки, каждый из нас, и наше могущество измеряется лишь глиной наших рук и теми, с кем мы в союзе. Мы боремся друг с другом столь же часто, как с Узвечным Врагом. Той монолитной, неделимой Унквизиции, какой ее считают люди, попросту не существует. Это... вальделнаг. Недопонимание. Общее заблуждение.

Я понял, что она пытается

провернуть. Почти сработало.

--- Вы уходите от ответа, инквизитор. Вас за это накажут?

Она нежно растаяла.

--- Зависит от того, кто обнаружит. Большинству инквизиторов будет все равно, они знают, что для Серых Рыцарей это так же окажется безынтересным. Другие могут захотеть убить меня. Кто-то сочтет это очередным хитрым планом. Не важно.

Я посмотрел на свои руки, закованные в серебряный кералит.

--- Там говорилось, что у меня нет психических способностей. Им необходимо было раскрыть мой талант.

--- Только Серые Рыцари способны на такое. Вот почему Лилим отвезла тебя на Титан.

--- Это была ее идея?

--- В докладе не упоминается, хотя я сомневаюсь в этом. Скорее всего, она получила самтекүлл от прогностиков.

Самтекүл. Еще одно фенриси́йское слово, обозначающее призыв. Вполне вероятно. И что там Торкрит говорил обо

мне? «Твои силы привлекли внимание еще до того, как ты прошел испытания».

Интересно. Возможно, именно он и отправил за мной.

— Но крайней мере, это объясняет, почему мои силы лучше действуют в присутствии братьев. — Я всегда удивлялся этому, и почему-то они казались мне столь уникальными. То, что это несколько не тревожило моих собратьев, успокаивало меня лучше любых слов, так что вскоре я начал считать, будто все дело в близости и уверенности. Правда же состояла в том, что мои психические способности пришлось развивать довольно поздно, и сам я походил скорее на... вампира.

Теперь я не мог не задать вопрос, продолжаю ли я кормиться или до сих пор, как кормился в детстве другими.

С пробежавшим по телу холодком я понял, что это объясняло то, почему мастера сомневались во время моего изначального обучения. Наверное, я сильнее приблизился к гибели, чем мог себе представить.

Я вспомнил, что сказал мне Энцелад
и двое других после освобождения из
катеры.

--- Что это за символы? --- спросил я.

--- Стражи. Гексаграммные стражи.
Нам следовало убедиться, что в тебе нет
порчи. Также следовало убедиться, что ты
ничего не помнишь о прошлой жизни.

Второй голос был таким же
строгим.

--- Ты находился здесь положенные
девятью девятью ночей, пока ты изучали
твою душу.

--- Ритуал завершен, --- наконец
прозвучал третий голос, который, как я
узнал позже, принадлежал Энцеладу. --- Мы
удовлетворены твоей чистотой.

Бронированные сочленения рыцаря
зарычали, когда он склонил голову.

--- Хотя некоторые сомнения
остались.

Моргнув, я отвлекся от
вспоминаний.

--- Мне пора.

Анника не стала возражать.

--- Как хочешь. Мы еще увидимся до... до высадки?

Я понял, почему она на миг заколебалась. Она едва не спросила: «Мы еще увидимся до твоей смерти?». Меня повеселило, как она попыталась скрыть эту заботу. Я был рожден сражаться, рожден умереть. Эта судьба не была для меня тайной, как не вызывала и страха.

Воистину отважные слова для того, кто дрожал при одной мысли увидеть свое детство. Это, по крайней мере, заставило меня улыбнуться.

--- Вряд ли, -- сказал я. -- Если вы отправитесь на Армагеддон к Волкам, то это наша последняя встреча. Прощайте, инквизитор Ярлсготтир.

Она коснулась лапостью символа Либер Демоникум на моем нагруднике.

--- Эта твоя книга -- ближайшее подобие священного писания?

Я кивнул.

--- В ней содержатся наши ритуалы и традиции, а еще...

Она шикнула на меня. Она

действительно шикнула на меня. Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы прижать крошечный, хрупкий человеческий палец к моим губам. От безумности момента я едва не расхохотался.

--- Тихо, --- сказала она. --- Верь, Гиперион. Ты был создан, чтобы побеждать в подобных войнах. Все вы.

Я не смог придумать подходящего ответа. Не сумев подобрать верных слов, я просто склонил голову и оставил ее одну.

Призыв к войне пришел девять часов спустя.

II

Вместе с остальными из Кастуана я стоял на мостике «Карabelы». Выпрямив спину, капитан Тальвин восседал на командном троне, облаченный в официальную серую форму, которая выглядела еще темнее из-за черной куртки с золотыми пуговицами. Тальвину Кастору подобная одежда казалась едва ли

не траурной, что как нельзя лучше соответствовало моменту.

Все офицеры находились на своих постах, и с нашим прибытием на мостик опустилось торжественное молчание. Люди были в чистой и выглаженной парадной форме. Даже сервиторов временно приглушили, чтобы они бормотали как можно тише. Сам корабль расположился точно в предписанном ему месте среди остального флота — Тальвин лично пристотрел за этим.

Из оккюлюса отрывался вид с воздуха на территорию вокруг уцелевших городов — ульев Артагедгона. Река Стикс — как и все на планете получившая свое название из подземных миров терранской мифологии — походила на темно-синий разряд молнии, который словно расколол саму землю. Что же такого первые поселенцы увидели в этом мире, что дали местным географическим точкам такие нелецеприятные названия? Мне этого уже не узнать.

Мы наблюдали по оккюлюсу за тем, как армии с лязгом сталкиваются друг с

другом в невиданных мною раньше масштабах. Целые батальоны Имперской Гвардии и милиции атаковали и бежали, поднимались из окопов и удерживали строй по велению собственных сердец и приказов, которые выкрикивали офицеры. Танковые роты, сотни сотен боевых машин, вздымая бурю пыли, врезались во вражеские ряды или отступали прореженными, разгромленными порядками.

Орга, с которой им пришлось столкнуться, состояла из людей, мутантов и иных существ, одно хуже другого. Только то, что солдаты держались против такого воинства, с кристальной ясностью свидетельствовало о живущей в их сердцах невообразимой отваге. Я своими глазами видел, почему человечество заслуживало того, чтобы унаследовать Галактику. Ни одна другая раса не сочетала в себе такие достоинства с таким интеллектом.

Признаюсь, думая о подобном, я почти представил, как Анника смеется над моей наивностью. Даже Василла улыбнулась бы, узнай она об этих мыслях, что снова

напомнило мне о том, как мало у меня информации о тех, кто подарил мне жизнь.

Мы смотрели, как по оба берега Стикса разворачивается величайшая баталия всей войны. Отсюда она казалась черным пятном, которое с каждой минутой разрасталось все больше и больше от губительного эпицентра. Из-за высоты и дыма, поднимающегося с поля боя, подробности сражения оставались от нас скрытыми.

В тишине мостика раздавались потрескивающие вокс-разговоры с поверхности. Мы держали каналы связи открытыми только для трех душ: Ярла Гримнара, который сражался на реке. Еще для Анники, чье измученное дыхание тонуло в громком рывканье болтера. И наконец, для капитана Таретара, который поочередно обращался к отделениям, тем из нашего братства, которые готовились нанести последний удар.

--- Доложить состояние, Каспиан, --- проскрежетал его голос через громкоговорители.

Галео кивнул Дүменигону, чтобы тот ответил влесто него.

--- Ждет последних благословений телепортационной платформы. Еще пару минут, капитан Третьего.

--- Вас понял, --- голос Таретара с треском стих, вернув голос ярла Гримнара, орущего что-то своим братьям, и Анники, ругающейся самой отборной фенрисийской бранью, которую мне приходилось слышать.

+ Тебе смешно, Гиперион? +

Я повернулся к Галео, не в силах сдержать улыбку.

--- Мне показалось удивительно приятным, что последний услышанный мною голос будет принадлежать инквизитору Ярлсготтир, ставящей под вопрос отцовство врагов. Никогда не думал, что погибну вот так.

Губы Галео не шевельнулись, но я заметил, как в его глазах сверкнули искорки веселья.

+ Мгновению явно не хватает должной торжественности. +

Даже Дүменигон хмыкнул, что при

определенных обстоятельствах можно было счесть за смех.

Мы были закованы в тактическую терминаторскую броню, что значительно добавляло нам веса и размеров. Кастиан редко шел в бой в самом драгоценном наследственном облачении, и я уже стал скучать по той уверенности, которую придавал мне генератор варп-прыжка, установленный на ранце силовых доспехов. Терминаторская броня питалась от внутреннего источника — одна из причин, по которой она была в разы надежнее, чем наши обычные доспехи, — но я бы с радостью променял дополнительную защиту на привычность и свободу движений.

Я чувствовал себя медленным, неуклюжим, несмотря на громадную силу, которая гудела в фибросвязках механических мышц, увивающих мое тело. Когда капитан Таретар приказал облачиться в броню, даже Галео сначала возражал.

+ Мои братья и я предпочли бы идти в этот бой в обычных доспехах, капитан. +

Таретар остался непреклонным.

--- Мы направляемся в часть ага, Галео. Каждая секунда, что мы остаемся в живых, дарует нам шанс изгнать это существо. Надень свою лучшую броню, Юстикар Восьмого. Это приказ.

Нам пришлось подчиниться.

Уже на мостике я нагел шлем, застегнув его со щелчком и шипением сжатого воздуха.

В эту же секунду двери стратегиума с грохотом отворились. В дверях стоял Аксиут, по обе стороны его величественной серебряной фигуры выстроились техножрецы в мантиях.

--- Время пришло.

III

Лязг оборудования заглушал все остальные звуки. Вокруг наших ботинок уже клубился туман, пока мы шли к телепортационной платформе. Никто из нас не проронил ни слова. Говорить было

ничего. Мы проверили все возможные детали уже больше сотни раз. Каждое отделение на своих кораблях знало, куда ему предстоит телепортироваться. Последние снимки с поверхности --- размытые, неполные, искаженные статикой, сделанные со шлемов сражающихся Волков, --- отражали лишь блеклые обрывки того, с чем мы встретимся.

Наши войска с боем отступали к бастионам в двух километрах от берега реки. Я наблюдал за происходящим по каналу через глазные линзы одного из Волков, когда тот поднял культю, оставшуюся от левой руки, и недоверчиво выругался.

Первая волна сил Узвечного Врага, накатившая на имперские порядки, состояла из самых быстрых войск и разведчиков, которых наспех собрали из авангарда. Даже передовые части орды сражались достаточно умело, чтобы связать армии Армагеддона боем.

Когда наконец, спустя часы непрерывной битвы явилась настоящая

угроза, Волки приказали сотням тысяч солдат отступить со всей поспешностью. Я почти не уделял внимания тактическим вопросам. Никто из нас этим не занимался — наша роль сводилась к удару клинком в сердце. Мы были молотом, а не рукой, его держащей.

Оружью не полагалось ставить под сомнение действия полководца, а также знать расположение каждого полка на поле боя. Уделом оружия было удобно лежать в руке и вкушать вражескую кровь.

Я подозревал холодный и прагматичный расчет, по которому нам не доверили общий боевой план. Мы не переживем следующий час, поэтому ход кампании для нас мало что значил. Я знал обстановку лишь в самых общих чертах — позиции большинства полков, которые входили в состав имперских войск, имена старших офицеров, хотя даже представить не мог, при каких обстоятельствах мне бы пришлось с ними говорить. Одного моего присутствия будет достаточно для вынесения смертного приговора в большинстве

случаев. Конечно, они все равно обречены на смерть после того, как своими глазами увидели лорда Двенадцатого легиона и его армии.

Вот она, награда за непоколебимую службу. Впервые меня посетила мысль, действительно ли так необходимо...

Галео телекинетически хлопнул меня по плечу, чтобы привлечь внимание.

+ Не думай о подобном, + предупредил он. + Не сомневайся в наших повелителях. Этот путь ведет к ереси. +

Аксиум ввел нужные коды и координаты на балконе, с которого открывался вид на платформу. Агенты начали петь.

+ Каспиан готов, + пропультсировал Галео капитану Таремару на флагмане.

+ Вас понял, Каспиан. +

+ Полните, + отправил нам Галео. + Полните, что мы должны сделать. +

--- За Императора, --- одновременно произнесли мы.

Остальные братья молча ждали последнего призыва, следя за подергивающимися каналами со шлемов

Волков. Внезапно я поднял руку, чтобы привлечь внимание Аксиута.

--- Прощай, Аксиут.

Он поднял глаза, его серебряное лицо идеально изобразило теплоту.

--- Утри хорошо, Гиперион.

--- Непременно.

Поступивший приказ стал моментом совершенного единения. Сто девять разумов соединились в устремлении, в единстве цели и узах братства. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким защищенным, таким уверенным в себе, таким праведным.

Голос Таретара направлял единение, скользя вдоль невидимых, которые связывали каждое сознание.

+ Серые Рыцари Лоскутного братства... +

Никогда не пойму, как Таретару удалось произнести их с такой ясностью, но следующим звуком, который мы услышали, стал вой ярла Гримнара с планеты. Таретар выхватил его из разума Волка и дал услышать призыв всем нам.

От этого звука моя кровь вскипела.

Сүтан сзүстился, двизатели взвыли
грозче, и я проревел иля своего отделения
в паутине соединенных разүтов. Не один я
так поступил. Каждый Рыцарь беззвүчно
закричал в наше единство, и мы стали
одним целым в последний раз, прежде чем
мир обратился в безүтие.

Глава шестнадцатая

МЕЧ ОПУСКАЕТСЯ

1

Я не хочу рассказывать об Армагеддоне.

Понимаю, что цель всей этой записи — просветить других. Тем не менее не все обязанности выполняются с одинаковым удовольствием. Тот день на Армагеддоне стал одним из мрачнейших в истории Иордена Серых Рыцарей еще до того, как следующие месяцы легли на нас пятном позора. Тогда я не знал всего этого. Не мог знать. Но это ничего не меняет. Это не преуменьшает непреходящую печаль и последовавший стыд.

Вы представить себе не можете, чего мне стоил Армагеддон. Вы не представляете, что мы видели, с чем столкнулись и что сделали. Я могу это описать, но что такое слова одного воина против истинной картины?

Меня предупредили, что рассказ будет неполным, если я не поведаю об Армагеддоне. Что ж, я расскажу о том, что мы сделали в тот день, и постараюсь выразить словами невообразимую правду так, чтобы смертные смогли понять, о чем идет речь.

Последнее, что я увидел на борту «Карабелы», были клубы светящегося тумана, полностью скрывшие Аксиутал. Последнее, что я услышал, был грохот генераторов, исполняющих свой священный долг. В моем разуме разнесся последний яростный крик братства.

Затем разверзся варп. Мы пронеслись сквозь него управляемым спуском за единственный удар сердца. Мы даже не заметили его. Я едва припоминаю, что там было.

Ботинки коснулись земли со скрежещущим толчком. Я услышал крик. Ничего, кроме крика: за пределами шлема, в разуме, он даже исходил из моих уст. Я не мог разобрать ничего другого.

Нерожденные кричали. Не потому, что варп-прилив привлек их внимание,

хотя определенно должен был, как должен был и ослепить смертных имперских солдат, смотревших на место нашего прибытия. И не потому, что из-за смещения воздуха над обоими берегами реки разнеслись громовые раскаты.

Нет. Они кричали еще до того, как мы обрушили свою мощь.

II

Я не могу судить наверняка, как далеко распространился эффект. Стоит сказать, что в те краткие мгновения, когда я оценивал обстановку, эгидасокрушила всех нерожденных в пределах зрения.

Дар Императора превратил нас в анафелу для демонов из миров за завесой. Это ни для кого не секрет. За первый год службы мне не раз приходилось видеть, как нерожденные гибнут в нашем присутствии, отшатываясь лишь из-за того, что наши души облечены

генетически закодированной божественностью. Присутствие Кастуана — эгиды пяти рыцарей, использовавших свою ауру в качестве оружия, — ослабляло, иссушало, очищало от демонорожденных против их же воли, лишая способности проявляться в нашей реальности.

Пять рыцарей.

Мир вновь обрел форму. Вопли. Крики. Я говорил, что все это было. Только не сказал, почему.

Мы возникли среди передовых отрядов врага. Все мы. Позже я узнал, что волна вытесненного воздуха выбила усиленные окна в сотнях военных транспортниках Гвардии на другом берегу Стикса.

Эгида ста девяти Серых Рыцарей выплеснулась из наших сердец всесокрушающим потоком, сбивая с когтистых ног существ из бронзы, кости и окровавленной плоти. После нашего появления в тумане нерожденных отбросило назад, физически и психически, их костяные рога трещали, а конечности выворачивало из сочленений.

У меня была всего пара секунд, чтобы заметить все это. Отравленный дым рассеялся, и мы оказались на поле в окружении тысяч погибших нерожденных. Я видел существ с медной кожей и ядовитым маслом вместо крови. Видел слабых, покрытых шипами тварей, сжимающих клинки, с которых капали расколотые души. Видел демонические порождения из меньших и высших хоров, крылатых и бескрылых, когтистых или с гротескными руками, напугивавшими обезьяны, без брони либо закованных в пластины из кости, золота, меди и бронзы.

Я бы солгал, если бы сказал, что разбросало всех демонов. Сильнейшие из них, из высших хоров, сумели устоять перед эгидой, хотя от близости к нам их кожа покрылась волдырями и обуглилась. Как и рассчитал капитан Таретар, мы возникли в построении, которое обеспечивало максимальный шанс на успех.

Мы окружили его. Лорд Двенадцатого легиона -- сердце орды, вокруг которого возвышались колоссальные преторианцы, -- оказался в заткнутом

кольце серебряного керамита.

Все это я увидел за время, которое потребовалось, чтобы моргнуть. Мы стояли по колено в корчащихся демонорожденных, крепко сжатая оружие и взирая на то, чему не было места в реальности.

Первыми были его телохранители, если, конечно, подобное существо вообще нуждалось в хускарлах. Они были воплощением дьявольщины и не уступали размерами боевому кораблю, как будто сошли со страниц человеческих мифов и приняли самые ненавистные, кровавые формы. Крылья из черного дыма и кровоточащей кожи разносили воню разрубленных тел по всему полю боя. Плети хлестали с гиком разумом звериных хвостов, а из упрямых и отвратительных бычьих морд то и дело вырывались языки, которые, казалось, также обладали сознанием.

Одна из этих тварей -- одна из них, слабейшая в их хоре, -- убила Сотиса и едва не прикончила меня.

В этот день мы встретились с

двенадцатью. Кровавая Претория,
двенадцать могучих демонов, чьи жизни и
деяния приносили наибольшую услугу
Кровавому Богу в течение сорока
тысячелетий войны. Они шли, несмотря на
эпиду. Они шли из-за нее. Для них наша
защита была ничем, даже меньше, чем
ничем, — она только раздражала их,
отвлекая от более насущных дел. Пог
и менем каждого из них в великих
библиотеках нашего монастыря были
высечены тысячи всевозможных ересей. Мы
смотрели на саму историю войны, которая
обрела физическую форму.

Эти звери шагали во главе
громадного воинства рядом со своим
нечистым владыкой.

Ангрон. Подумать только, когда-то
это существо носило человеческое имя.
Неужели оно и в самом деле в прошлом
было настоящим сыном Императора,
зараженным скверной на заре Империи?
Со временем все обрастает мифами. Даже
в нашем ордене никто не знал, какие из
древних тайн некогда существовали в
действительности, а какие были лишь

вымыслом.

Размерами он мог поспорить с «Гончей войны», вздымаясь даже над тварями, служившими ему телохранителями. На его ящероподобном черепе сплелись цепи и кабели, и от когтистых кончиков сочащихся кровью крыльев до рельефного, зловонного красного железа, которое служило ему кожей, оно давно утратило человеческий облик. В момент, когда армия начала валиться у его ног, оно издало напряженный, гортанный вой разъяренного мамонта. Звук отразился от самих небес, заставив взвихриться тучи.

Небеса расколола молния. Секундой позже начался шторм. Но вместо дождя полилась кровь, размывая прикрепленные к нашим доспехам пергаменты и свитки, заставляя потускнеть начищенный блеск нашего священного керамика.

Капли со звоном и шипением падали на силовые лезвия оружия. Облаченный в золото череп юстикара Кастуана будто заговорил, когда энергетическое поле моего посоха стало превращать багровый

ожождь в пар.

С момента нашего прибытия прошло шесть секунд. Всего шесть секунд. Мы уже бежали, уже сжимали круг, словно гарроту на шее. Сто девять рыцарей атаковали в идеальном единении и абсолютном безмолвии. Ощущение того, как вздымается и выплескивается наша сила, походило на то, как воздух становится холодным и насыщенным озоном за считанные мгновения до бури.

Если Волки придерживались собственного плана, то сейчас им следовало повести армии людей назад в бой. Меч обрушился, и принцы Узвечного Врага отвлеклись на угрозу в собственных рядах.

И словно в ответ на мои мысли вокруг нас начали рваться снаряды, вздымая клубы песчаной земли вверх и в стороны с телами утирающих демонов.

Восемь секунд. Девять. Десять. Мы продолжали бежать.

Лорд Двенадцатого легиона снова взревел. Он опустил голову, посмотрел прямо на нас, а затем завопил с такой

мощью, что его крылья задребезжали.

+ Силовой щит, + разнесся голос по Великому Едунению.

Я подчинился, тут же почувствовав, как подчинились и остальные братья. Мне не составило труда связать наши силы в отражающую силовую преграду. Волна звериного воя врезалась в нас, прокатилась через нас и разметала во все стороны сотни собственных воинов чудища.

Пятнадцать секунд. Шестнадцать. Семнадцать.

Мы были готовы ко всему. Мы размышляли о нашей судьбе, и в смерти не было ни тайны, ни страха, ни стыда. Благодаря годам внушения и когнитивного кондиционирования, проводимого лордами нашего ордена, иначе и быть не могло.

И все же я оказался не готов к реалиям настоящей войны. Это был не городской бой среди руин — перестрелка между солдатами, которые обменивались выстрелами из-за безопасных укрытий, где одна сторона могла бы похвастаться лучшим оружием, нежели другая. Это требовало храбрости, терпения,

концентрации... Но здесь была открытая война, баталия, где нужно больше ярости, больше силы, больше мужества, она взывала к более сокровенным чувствам. Никто не мог участвовать в сражении между схлестнувшимися армиями, не будучи уверенным в своей смерти.

В этот день накопленный опыт перестал что-либо значить. Кондиционирование перестало иметь значение. Внушение было забыто, оставлено в прошлом. Братство стало для меня всем. Я бежал, потому что мои братья бежали, а они бежали, потому что бежал я. Мы превратились в одно целое. Я бы скорее умер, чем подвел их. Я чувствовал, как та же ужасающая, притягивающая верность волнами распространяется от Галео, Думенигона, Энцелага и Малхадила.

Это пробудило нечто изначальное внутри меня, нечто несомненно человеческое в моей сущности. Так вот как сражались наши предки клинок к клинку на полях сражений в языческие века Древней Терры. Даже думать о том, как

неулучшенные, хрупкие люди бьются подобным образом, было для меня невыносимо. Это была доблесть и, возможно, тщетность в масштабах, которые я не мог постичь.

Мы вырезали ослабевших демонов, когда они пытались подняться. Каждый шаг означал еще одно убийство. Я уже вспомнил — пот стекал на глаза и вызывал жгучие слезы. Я не мог отвести взгляда от громадного черного существа и его крылатых рабов-генералов. Я не мог сосредоточиться ни на чем другом, как не мог никто из моих братьев. Мы продолжали бойню лишь благодаря мышечной памяти, посылая болтерные снаряды в бурлящий вокруг нас океан плоти.

А затем... потеря. Один из голосов умолк, и песнь безнадежно ослабла.

Харвен из Второго братства погиб первым. Это я узнал уже позже, когда небеса больше не изливали кровь на обезумевший мир. Демон вогнал медный рунический клинок ему в живот и замедлил на достаточное время, чтобы

хохочущие и воящие существа утянули его вниз. Тогда же я знал лишь то, что один из голосов нашего идеального психического хора затих навеки.

У нас был приказ. Те, кто отстал, считались мертвыми.

Я ощутил лимолетный укол болезненного любопытства — ударила ли эта потеря по ближайшим братьям рыцаря? Был ли он простым голосом, исчезнувшим в яростной песне, или же острой утратой, которую испытывал я после гибели Сотуса?

Мой болтер непрерывно содрогался, посох вонзался в мясо. Теперь мы едва могли двигаться, но это было уже неважно.

Нерожденные высшего хора почти добрались до нас. Их страдные крылья отбрасывали глинные тени, как будто небо, черное от вздувшихся кровью туч, могло потемнеть еще сильнее. Автоматически активировалось ночное зрение. Почти ничего не изменилось. Мне мешала видеть кровь, заливавшая глазные линзы шлема. Ругань и психическое раздражение подсказали, что толпа

братьям приходилось не легче.

Неподалеку я услышал треск плети, резкий, будто хруст кости. Песнь стала еще тише, из-за крови, грохотававшей в ушах, мне сложно описать, как это ощущалось, как слышалось. Я не хочу никого оскорбить, но для понимания некоторых вещей необходимо шестое чувство.

Нет времени на раздумья. Опыт перестал что-либо значить. Вот в чем была наибольшая разница между этим боем и сражениями прошлого. Фехтование и меткость стали никому не нужны. Это был бой, оголенный до невзыскательной чистоты, скорее утомительный труд, нежели поединок с достойным противником. Мы убивали, убивали и убивали, позабыв о времени, перестав ощущать что-либо, кроме боли трясущихся рук и дикой злости, пронизывающей Великое Единение.

Та злость двигала всеми нами, в симбиозе с гневом она охватила каждого из нас. Мы были Серыми Рыцарями. Мы были рождены идти в бой с холодной

кровью и холодным сердцем, защищенные от эмоций собственной чистотой. И все же моя кровь пылала — она громогласно вскипала в камерах сердца и разливалась по всему телу.

Мои братья чувствовали то же самое. Их гнев захлестывал меня, и я ощущал, как мой — охватывал их. Мы чувствовали его, отражали его, направляли обратно в паутину сознания, которая объединяла нас.

Земля согрознулась, когда демон Кровавой Претории приземлился среди наших рядов. Меня это не волновало. Я не разбирался, чтобы посмотреть, какие из братских отделений вступили с ним в бой, как не волновало то, что случится с ними в исходе битвы. Мы шли вперед, шаг за шагом прокладывая себе путь.

Стух еще один голос. И еще. И еще. И еще.

На гонимых шипела и исходила паром окровавленная кровь. Теперь я убивал только по звуку и психическому чувству — мой штурм-болтер мгновенно равкал в направлении звука, который не мог

принадлежать человеку, наверху посоха
было туда, где я ощущал сознание без души.

+ Гиперион, + голос Малхадиила
разнесся по нитям соединенных разумов. Он
казался слабым. + Гиперион, я ничего не
вижу. +

Я рискнул. Я рискнул оглянуться.
Мимолетной пульсацией я направил
энергию в посох, заставив силовые
катюшки исторгнуть звуковую волну
отражающей силы. Нерожденные с визгом
отлетели назад, и за дарованные секунды я
повернул шлем на толстых шейных
сервоприводах, чтобы посмотреть на
брата. Я и сам практически ничего не
увидел. Я не знал, на что он надеялся.

Малхадиил лежал. Сквозь густые
потoki крови я сумел разглядеть его. Он
лежал, а мы уходили все дальше.

Должно быть, Галео что-то ощутил.

+ Гиперион, + отправил он, быстро и
болезненно резко. + Оставайся с нами. +

Мой отказ был бессловесным, но не
менее очевидным. Я метнул посох, словно
копье. Оно погрузилось в землю возле
Малхадиила, пока он пытался встать под

весом существ, вонзившихся своими
шипяти ему в спину и плечи. Секундная
концентрация, и перенасыщенные силовые
батареи вспыхнули вновь, накрыв Мала
волной кинетической силы. В тот же миг
поднялась сюрреалистическая волна
вонючей красной жидкости. Только сейчас
до меня дошло: все это время мы брели по
колону в крови, слишком густой, чтобы
земля успевала впитать ее. Мы шли под
секущим ливнем и изливающейся из врагов
скверны, которые затопливали воронки по
всей равнине.

Он потянулся к посоху, чтобы с его
помощью подняться на ноги. Вторым
величайшим сюрпризом за весь день стал
прилетевший из ниоткуда болт. Галео не
очень расстроило мое неподчинение.
Кастриан стоял рядом со мной. Дүменигон
встал со мной спиной к спине, защищая
меня, пока я призывал обратно посох. Галео
и Энцелас ринулись к Малхадиилу, разя по
пути существ.

+ А как же приказ? + отправил я,
слишком уставший, чтобы говорить.

Вместо ответа Галео просто

открыл разум. Под завесой усталости
скрывалась правда: он не знал, что
Малхадиил упал, и слишком
сосредоточился на том, чтобы идти
вперед. Юстикар подумал, что я просто на
что-то отвлекся.

+ Хорошая работа, + отправил он,
когда мы перегруппировались. + И к варпу
наш приказ. Мы уже и так покойники.
Сражайтесь. Убивайте. Покончим с этим.
+

Кругом звенели клинки, ревели
болтеры. Я увидел, как Амрайона из
Первого братства выпотрошило нечто,
состоящее из когтей, костей и ненависти.
Ощутил, как Фурус из Восьмого внезапно
покинул единение, когда нерожденный с
бронзовыми течами вместо рук снес ему
голову с плеч. Увидел, как Думус из
Седьмого братства упал с торчащим из
горла костяным рогом. Его голос не исчез
из яростного хора, но становился только
громче и резче, пока он не в такт с
остальными хрипел по воксу. Один из
нерожденных добил его прежде, чем он
сумел подняться.

Трон, ты были уже близко. Великий
Зверь кричал под кровавым ливнем, он
двигался быстрее, чем любое существо
подобных размеров. В кулаке, достаточно
огромном, чтобы обхватить «Носорог»,
чуждое сжимало глиняный меч из
почерневшей бронзы, шипевший в буре. По
оскверненному металлу извивались
непонятные мне руны, которые менялись с
каждым падением меча — возможно, с
каждой поглощенной жизнью.

Всякий раз, когда он опускался,
содрогалась земля, а из единения исчезали
все новые и новые голоса. Сколько нас
осталось в живых спустя всего минуту
после появления? Сколько демонов из
Кровавой Претории все еще опустошали
наши ряды?

Я не знал. Понятия не имел. Ни один
из нас этого не знал.

Еще один аспект войны — это пыль.
Две армии вздымают бурю из грязи,
который нужно хотя бы раз увидеть,
чтобы поверить в него, порожденный
марширующими ботинками,
ковыляющими ногами и лязгающими

зусеницами. Пыль стала еще одним врагом, с которым нам пришлось столкнуться. Она краля спокойствие, похищала единство, оставляя людей в растерянности, отделенными от братьев. Я не раз читал об этом в архивах, но собственные ощущения сломали все прежние мои представления. Без психического дара, с помощью которого я различал, кто в сутраке был братом, а кто — лишь бездушной оболочкой, я был бы так же слеп и потерян, как любой другой мертвый. Возможно, даже запаниковал бы. Я говорю это без стыда.

Мы все ближе подходили к лорду Двенадцатого легиона, но даже секунда нам не стоила, чтобы вытереть кровь с глазных линз, стало что могла изменить. Мы практически ослепли, сражаясь с тенями и двигаясь навстречу силуэтам. Глазные линзы непрерывно переключались между режимами зрения, то и дело прерываемые взрывами статики.

Я видел, как первое отделение, наконец, достигло Великого Зверя. Даже в терминаторской броне они едва доходили

елу до колена. Я видел, как они поднимают клинки и посохи, окутанные смертоносными молниями.

Я слышал, как само небо рвет себя на куски. Я услышал вопли сходящих с утесов людей в километрах отсюда. Я видел, как обрушился черно-бронзовый меч.

III

Их звали Королос, Таимул, Цесрик, Ниратар и юстикар Гаурис. Во всех сагах и легендах дается классическое описание боя, в котором врагов разят с той же легкостью, с какой человек раздавливает насекомое.

Но человеку по меньшей мере нужно прицелиться в насекомое, он должен приложить хотя бы толику усилий, чтобы убить его. Здесь же я не заметил даже такого усилия. Те пять рыцарей расстались с жизнью так же просто, как человек утирает со лба пот. Лорд Двенадцатого легиона, по-видимому, даже

не обратил на них внимания — когда
гигантский воющий клинок упал, зверь уже
поворачивался к новым противникам. Цепи
и кабели-щупальца, словно
отвратительное подобие грибы,
взвивались при каждом движении демона.
Существо даже не взглянуло на то, как
погибли пятеро моих собратьев.

Но я видел. Взмахи крыльев Великого
Зверя на пару секунд разметали в стороны
облако пыли. Я видел, как рыцари
отделения Харзриана кубарем летят над
беснующейся ордой, трое из них были
разрублены пополам, хотя их голоса
утолкли в песне единения одновременно.

Пыль окутала все прежде, чем тела
приземлились. Я так и не увидел, куда,
словно тряпичные куклы, упали останки
братьев.

Штурм-болтер Малхадила
разорвал одно из последних существ перед
нами.

+ Им не дали шанса воспользоваться
силами, + отправил он.

+ Знаю. + Кислотная кровь
нерожденного разъедала сочленения моей

брони, из-за чего мне было еще сложнее сосредоточиться. Когда зверь опять обернулся, его огненный взгляд скользнул по нам, и тут я понял, что жить мне осталось считанные секунды.

Вот как я умру. Здесь. Сейчас.

Я ровным счетом ничего не чувствовал. Но крайней мере, ничего, кроме внезапного желания растаять.

Снаряды барабанили по левиафану со всех сторон. Освященные болтерные снаряды, покрытые святыми писменами и благословенные от скверны варна. Из его рвущейся плоти извергались кровавые фонтаны.

Галео поднял штурм-болтер. В совершенном единстве мы повторили его движение, и Кастуан открыл огонь вместе с остальными братьями.

Это было последнее, что мы сделали вместе.

+ Сейчас. +

Все рыцари, которые еще держались на ногах, направили свою мощь в беззвучный крик капитана Таретара.

О вражеском войске забыли. Нагьяволов из Кровавой Претории, если они еще остались, больше не обращали внимания. Они были значительно меньшей угрозой, с которой могли справиться другие воины.

Ангрон. Примарх Двенадцатого легиона. Вот за кем мы пришли.

Благословенные снаряды вырывали струйки крови из его тела, но падший примарх выдерживал нашу объединенную атаку. Я закричал, поднимая оружие, каждый из нас закричал, вслух и в разумах братьев.

Самым распространенным проявлением психических сил является феномен, который часто называют колдовской толнией. Искрящие дуги потрескивающей энергии окутали красную плоть Великого Зверя, разрезая ее, словно бритвой, выпуская фонтаны зловонной жгучей крови. На пике этого первобытного

проявления гнева мы питали колдовство шестого чувства, которое било по колоссу.

Ни один Серый Рыцарь не обладает теми же дарами, что и его братья. Попробуйте вообразить проявление гнева и неповиновения конкретного человека. Именно это мы и метали в избранного чемпиона Кровавого Бога. В небе и на земле с ураганной силой разверзались бреши в реальности, поглощая ближайших нерожденных и даже заставив пошатнуться самого Великого Зверя. С его крыльев мощной струей потек дым, вперемешку с кровью, затягиваясь обратно за завесу, откуда происходила скверна существа.

Другие рыцари, которые не владели подобными дарами, атаковали зверя сверкающими клинками, их психическая сила подпирала освященную сталь, пылавшую божественным светом изгнания. Оружие из рода немезиды было анафемой для демонорожденных, как и сами наши души. Каждый меч или молот, ударявший по плоти Ангрона, причинял боль разъяренному божееству. Они устрашали

его, оставляли ссадины, срывали плоть с треснувших костей -- но, казалось, не давали совершенно никакого эффекта.

Наши телекинетики -- среди которых был и Малхадиил -- защищали остальных мерцающими куполами отражающей силы, которые выдерживали удары огромного меча примарха. Но после второго или третьего взмаха эти священные щиты лопались, словно пузыри. Крики Ангрона сотрясали небеса, кровавый дождь превратился в секущий ливень, сжигающий кинетические щиты у нас над головами.

Сам зверь стал безумным, злоеущим пятном. Его клинок двигался быстрее, чем мог уследить глаз, с треском опускаясь, чтобы разметать сполохи света на силовых куполах или одним ударом вырезать целое отделение. От былой чистоты единения не осталось и следа. Слишком мало голосов вздымалось в непокорности, и каждый из них окрашивался лишь сконцентрированным гневом.

Мой гар проявлялся так, как мне

всегда было легче всего. Огонь. Он вырывался из моих кулаков, окутывая крылья примарха, словно вязкая нефть, приклеиваясь и поглощая все, к чему касался, словно едкая вторая кожа. Остальные пирокинетики выплескивали схожие потоки разъедающего огня — мы заживо плавим существо.

Более того. Мы одновременно рвали его на куски, ломали, испепеляли и рассеивали.

Он стаялся.

Стаялся, не переставая нас убивать.

V

Первым из Кастуана погиб Думенигон.

Один миг он был еще с нами. Следующий — его не стало. Думаю, когда это случилось, он потянулся ко мне. Не знаю наверняка.

Клинок зверя нес опустошение, его лезвие отскакивало от мерцающих

күполов кинетической силы, которые держались на последнем издыхании. Он пробил другой щит, разорвав находящихся под ним рыцарей, и зверь тут же обернулся к следующей угрозе.

К нам.

Глаза черного пламени впились в нас пятерых, а менее чем через один удар сердца опустился и клинок. Он врезался в кинетический щит Мала с грохотом, походившим на то, как военный корабль входит в барьер-пространство между тиратами. Второй удар, третий, четвертый...

Мал упал на колени, бессловесно крича по воксу.

+ УБЕЙТЕ ЕГО, УБЕЙТЕ ЕГО, УБЕЙТЕ ЕГО, + пульсировал он агонизирующим потоком.

С пятым ударом кинетический щит грохотом треснул. Малхадиул рухнул как подкошенный. Дүменидон упал вместе с ним, превращенный клинком в неузнаваемое месиво. Вот так просто он исчез, оставив пустоту в моем разуме.

Клинок поднялся и снова упал.

+ ГИПЕРУОН, + прозвучал голос Галео.

Я поймал меч.

Не руками. Разумом. Я словил этот ужасающий громадный меч волной отчаянной концентрации, удерживая его в воздухе у нас над головами. Поток психической силы превратили воздух вокруг моей брони в тепловой тираж.

+ Сделайте... что-нибудь... + удалось мне отправить.

Энцелас и Галео метнули свои мечи, будто копья. Они глубоко погрузились в запястье зверя, и оба тут же воспламенились, обжигая огнем и нечистой кровью существа. Но оно все равно не выпускало клинок.

Ангрон взревел. Без силового барьера звук накрыл нас всей своей мощью, срывая с брони пергаментные свитки и табарды, заставив нас заскользить по вязкой, пропитанной кровью жиже.

Я отдал все силы, которые у меня остались. Абсолютно все. Я медленно сжал поднятые руки в кулаки, выплескивая все свое тело и душу в шестое чувство, которое сжимало меч. Я не мог их сжать

полностью. Просто не мог.

В глазах поплыло. Я почувствовал, как из уголка рта потекла слюна. Мои мышцы свело спазмом, сердца забились неравномерно.

Я сам себя убивал. Целенаправленное опустошение жизненной силы, направляемой в психическую энергию. Но я ведь и так уже покойник, поэтому какая разница?

Занесенный над нами черный клинок треснул.

И все замерли.

Звук показался таким же трагичным и чуждым, как стех посреди похоронного шествия. Даже лорд Двенадцатого легиона застыл в нерешительности, недоверчиво выдохнув прогорклый воздух.

Клянусь, самым громким звуком на поле боя был мой крик по воксу. Я чувствовал, как психический иней покрывает броню, сильнее всего охватывая вытянутые руки. От переизбытка психической энергии мои глаза загорелись призрачным пламенем, безболезненным, но все же ослепительно ярким.

+ Гиперион... + услышал я шепот Галео.
Наверное, он сказал что-то еще. Если так,
то я не расслышал.

Я полностью сжал кулаки.

Клинок раскололся. Проклятая черная
бронза разлетелась по всему полю боя,
осыпав дождем праведников и грешников.
Несколько осколков оставили раны на коже
гемона и впились в плоть. Затем раздался
рев, который попросту не мог прозвучать в
реальности. Ему не было места за
пределами кошмаров.

И вот я стою на коленях, даже не
понимая, когда именно упал.

+ Мал, + отправил я ничком
лежащему телу, не зная, жив мой брат
или мертв. + Мал. Мал. Мал... +

Галео и Энцелас подошли ближе. Я не
знал, почему. Я больше ничего не
воспринимал -- не мог видеть, не мог
сосредоточиться, не мог говорить.

Последнее, что я полню из сражения,
был голос капитана Таретара, который
врезался в самую мою сущность.

+ Ангрон, + закричал он. + Пришел час
правосудия. Обернись ко мне, зверь. +

Глава семнадцатая

СЛОТАВШИЙ КЛИНОК

Д

--- Этот жив.

Меня разбудил голос. Он был слишком глубоким, чтобы принадлежать человеку.

Что-то тряхнуло мою голову, стягивая шлем. Я открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как темнеет ретинальный дисплей, когда в шлем прервалась подача энергии.

Небо надо мной было сине-серым. Исчез тот насыщенный багрянец, которым были пропитаны небеса над полем битвы. Воздух пах жжеными волосами и дымными угольными кострами. Он пах, словно сам трак.

Я жив.

Едва-едва, но жив.

--- Легче, брат, --- произнес тот же голос. Сейчас он показался мне знакомым, хотя оставался слишком низким для

обычного человека. -- Встать можешь?

Фигура сместилась туда, где я мог ее рассмотреть, и протянула руку. Я принял ее, мы схватились за запястья. Каждое движение сочленений отдавалось глухой, усталой пульсацией в костях, недостаточно острой, чтобы назвать ее болью.

Наверное, изображение прыгающего серебряного волка носили многие в его ордене, да и плащ из волчьей шкуры сгорел во время боя, но я узнал фенрисиийские руны на шлеме и секире, переброшенной за спину.

-- Бранг, -- попытался я сказать. Мне пришлось сглотнуть и повторить снова, так пересох мой язык. -- Бранг Хриплая Глотка.

-- Да, -- отозвался Волк. -- Он самый.

Даже стоять давалось мне с трудом. Ноги дрожали от незнакомой слабости. Я продолжал моргать, пытаясь очистить глаза и заставить их сфокусироваться. Не помогло.

-- Сломавший Клинок, -- раздался неподалеку еще один голос. Я оглянулся и увидел еще одного Волка, осматривающего

тела. Он ухмыльнулся мне. — Рад, что ты жив, Сломавший Клинок.

Низкий хохот Бранда походил на сход лавины и был нисколько не дружелюбнее.

— Вот это илечко уже достойно пары-тройки саг. Ты доживешь, чтобы услышать их, рыцарь? Выглядишь так, словно тебя сперва пережевал, а потом высрал кракен.

Я и правда чувствовал себя неважно. Я указал на обожженные, окровавленные доспехи.

— Но ты-то выглядишь получше.

— Так и есть, — согласился Хриплая Глотка.

В глазах прояснилось, хотя в представшей передо мной картине было мало радостного. Нерожденные пропали, оставив после себя лишь нелепые пятна на земле. Повсюду лежали закованные в серебро тела.

— Нет, — сказал я. — Пожалуйста, нет.

Первым я узнал Галео. Он лежал в двадцати метрах от меня без руки и обеих ног. В его нагруднике зияла

стертельная рана — кералит треснул и
раскололся, скорее всего, пробитый копьем.

Я не мог подбежать к нему.
Поврежденные сервоприводы доспехов не
позволили мне этого. Я похромал к нему,
подволакивая негнущуюся ногу. Над головой
проносились боевые корабли, огни
принадлежали Волкам, другие —
Имперской Гвардии. Я не обращал на них
внимания.

+ Галео, + отправил я, уже зная, что
это бесполезно. Я не ощущал юстикара, и
тут до меня дошло, почему внутри меня
царила такая холодная пустота. Я не
ощущал никого из своих братьев.
Малхадиил, Галео, Дүменигон, Энцелас...
все утолкли, как Сотис. Я не мог до них
дотянуться, как ни старался.

Мои пальцы легли на открытое
горло юстикара.

Штурм-болтер не перезаряжался. Не
стоило бросать меч. Теперь он бы ему
пригодился. Проклятая пушка. Проклятая...

Копье вонзилось в него сзади,
тяжелый, скрипящий напор.

погружающийся в тело. Он подавил рык, когда пара тварей вцепилась ему в колени. Поразительно, но когда копье вырвалось у него из груди, с его губ слетел вздох, похожий на облегчение после того, как разбүхший нарыв наконец лопнул и оттуда вытек весь гной.

Они рвали его на куски, рүбили доспехи зазүбрёнными клинками. Он...

Я убрал руку. Я үвидел достаточно, а десяток врагов, ковром үсеивающие землю вокруг, поведали мне окончание истории. Хриплая Глотка все еще был со мной.

— Сколько я пробыл без сознания? — спросил я.

— А мне почет знать? Большую часть битвы я был занят на другом конце поля, рүбя үблюдков на куски. Что последнее ты помнишь?

— Клинок. Полню, как сломал клинок.

Хриплая Глотка снял шлем, явив покрытое старыми шрамами лицо. Наверное, когда-то его волосы были черными. Теперь же от лысеющей такүшки и до вьющихся үсов, переходящих

в бакенбарды, они стали серо-стальными, подернутыми сединой. Он откашлялся и стачно сплюнул.

— Если это последнее, что помнишь, значит, ты грех большую часть дня. Почти восемь часов. Битва продолжалась, даже когда Великий Зверь пал.

Он посмотрел на меня чуть ли не с опаской.

— В чем дело? — спросил я.

— То, как ты сломал клинок... Это было...

— Моим долгом, — я направился дальше, ища среди погибших своих братьев. — Сколько из моего ордена выжили живыми?

— Горстку. Не больше. Мы удивлены, что вообще хоть кто-то уцелел. Оказывается, сыны Титана — крепкие ублюдки.

— Вы даже не должны знать о нашем существовании. Странно слышать, как ты говоришь о нас в подобном тоне.

Он пожал плечами. Такие мысли наверняка мало его волновали.

Я обернулся и посмотрел на него.

--- Что с капитаном Таретаром?

Хриплая Глотка покачал головой.

--- Пал смертью храбрых. Я никогда не забуду это зрелище.

Таретар погиб. Я не знал, что мне следует чувствовать. Я был едва знаком с ним. Он казался слишком отстраненным и неприветливым, чтобы зваться братом, но список его подвигов мог посостязаться даже с деяниями гростейстеров Восьми братств. Сегоднешний день наверняка станет кульминационным моментом для рыцаря, которого грядущие поколения будут почитать как легенду ордена.

Я поковылял по изрытой воронками земле, разыскивая остальных.

--- Расскажи, что случилось.

--- С твоим золотым капитаном? Когда ты сломал клинок, он вышел против зверя. Сражался с ним. Убил. Вот что случилось.

--- Как красочно, -- я бросил взгляд через плечо. -- Наверное, саги Фенриса необычайно унылы.

Хриплая Глотка фыркнул. Его скрипучий, глубокий голос даже этот звук

судел превратить в низкий рокот.

--- Ты спросил. Я сказал.

Он сгибал и разгибал руку, болевшую от полученных в бою ран.

Землю устилал ковер из трупов. Полностью сосредоточившись на уничтожении нерожденных, я не следил за ходом самого боя, но среди кровавых луж было в достатке облаченных в красные доспехи легионеров Астартес и мучивавших людей. Сколько мы убили? Хотя и мело ли это значение по сравнению с изгнанием Великого Зверя?

Неподалеку я нашел Энцелага.

Он осел изуродованной безжизненной грудой, опустив голову на грудь. Вокруг него земля была завалена вражескими трупами, которые были отмечены смертельными следами освященных снарядов и ударов клинка. Его меч чудом вырванный из руки притарха гордо, словно зная, возвышался вонзенный в нагрудник павшего воина из проклятого легиона Пожирателей Миров.

Безвольные руки Энцелага были сложены вместе, будто в молитве. Если бы

не копье у него в груди, он выглядел бы
безмятежным.

Я инстинктивно собирался было
потянуться и вырвать оружие, но мне
вдруг совершенно расхотелось вообще его
касаться. Я не был уверен, что хочу
увидеть последние мгновения Энцелага.

+ Гиперион. Мой мальчик. +

Я отшатнулся. Хриплая Глотка,
оскалившись, зарычал и схватился за
оружие.

--- Что? Что это?

Энцелас медленно поднял голову и
встретился со мной взглядом. Я увидел
порез на его горле, прошедший в дюйме от
аретной вены.

+ Малхадиил, + отправил он. +
Малхадиил жив. Я стоял над ним, как
Галео над тобой. +

Я почти не слушал его, воксирюя все
имперским силам прислать медика или
Волчьего апотекария. Я не мог рисковать,
телепортируя Энцелага в таком
состоянии. Он бы не выжил.

--- Держись, --- сказал я ему. --- Помощь
уже в пути.

+ Малхадиил, + напряженно отправил
он снова.

Тогда я и заметил окровавленную
серебряную перчатку, погребенную под
треля изуродованными телами в гонимых
Первого я отбросил телекинетическим
импульсом, скатив мертвого Пожирателя
Миров с гряды трупов. Даже от такого
усилия я пошатнулся, в глазах все посерело.
Я упал на колени и принялся раздвигать
тела руками.

Малхадиил лежал там же, где я
видел его в последний раз, повалившись
лицом на землю, протянув руку к одному
из упавших течей. За прошедшие часы враг
не пощадил его. Его гонимых пострадали
даже сильнее моих — вся их задняя часть
была иссечена и превращена в месиво. На
разбитой броне на плечах и спине
красовались следы от цепных клинков.
Силового ранца нигде не было видно.

Что еще хуже, левая рука Мала у
локтя оканчивалась раной из рассеченного
кератита, оборванных кабелей и покрытой
струньями плоти.

Лишенные энергии, его гонимых не

могли соединиться с моим ретинальным
дисплеем, поэтому я не мог увидеть его
жизненные показатели. Мне
потребовалась невероятная концентрация
просто для того, чтобы собрать
достаточно энергии и потянуться к брату
психическим чувством.

--- Это твои братья? --- спросил
Хриплая Глотка.

--- Тихо, --- отрезал я.

--- Ты жалкий сукин сын, Сломавший
Клинок.

--- Помолчи, пожалуйста.

Плохо дело. Я не мог
сосредоточиться. Мне пришлось стянуть с
Мала шлем.

Пока я трудился над заткнатым на
воротнике, чтобы высвободить
окровавленное лицо брата, его оставшаяся
рука вцепилась мне в запястье. Он схватил
его, схватил крепко и сквозь боль
прошептал:

--- Мы победили?

Я посмотрел на лежащие кругом
тела и ощутил пустоту там, где когда-то
во моем мозгу находилось сознание

Кастуана. Энцелас казался затихающим шепотом. Малхадиил был еще слабее.

--- Не уверен.

JJ

На борту «Карабелы» царила подавленность, что, впрочем, не было удивительным. Едва двери мостика со скрежетом отворились, я почувствовал тревогу команды, словно витающую в воздухе. Некоторые обрадовались, увидев одного из Кастуана, другие не знали нас достаточно хорошо, чтобы их это волновало, но опасались порчи, с которой нам пришлось столкнуться на поверхности.

Тальвин Кастор поднялся с трона и отдал честь.

--- Сэр Гиперион.

Я махнул ему садиться обратно. При движении из моего поврежденного локтевого сочленения с треском сорвалась искра. Мои доспехи были в ужасающем

состоянии; за это Аксиут мне часами
будет читать нотацию. С Малхадиилом
дела обстояли не лучше, а доспехи
Энцелада вообще придется разрезать.

--- Юстикар Галео терпѣ, --- сказал я
им. --- Дүменидон также. Главный враг
уничтожен, а его войско стало
уязвимым. Через несколько часов от ярла
Тримнара поступят приказы --- «Карабела»
объединит свою огневую мощь с остальными
флотом для орбитальной бомбардировки.

Кастор коротко кивнул.

--- Понял, сэр.

--- На этом все. Мне придется
пробыть некоторое время с
Паллагийскими Катафрактатами. Зовите,
если понадобится.

--- Сэр?

--- В чем дело, капитан?

--- Вы опять спуститесь на планету?

--- Да, намереваюсь. Окончилась
битва, но не война.

--- Могу я узнать, сколько из ордена
выжило?

Мне пришлось сглотнуть, чтобы
заговорить.

--- Тринадцать. Тринадцать из ста девяти. Я пока не знаю всех подробностей, но спасибо за участие.

Я искренне был ему благодарен. Немногие из наших слуг интересовались бы подобным вопросом.

--- И еще одно, сэр.

--- Говори.

--- Вы теперь юстикар Кастуана?

Я заколебался. Я даже не думал об этом.

--- Просто... займись делом, Тальвин.

III

Прекрасные черты лица Аксиута смотрели на меня в превосходной имитации симпатии.

--- Гиперион, --- начал он. В мастерской внезапно стало тихо.

--- Побереги слова, --- сказал я. --- Прости, Аксиут, я сейчас не хочу обсуждать случившееся.

--- Как пожелаешь, --- он отступил

назад, искусственные глаза пробежались по
моим доспехам. --- Ох, --- наконец выдал
он. --- О-хо-хо.

Я отсоединил штурм-болтер и
положил его на ближайший стол. От
каждого движения из моего локтя шли
искры.

--- Сервоприводы локтевого отростка
левой руки практически вышли из строя.

Я вытянул перед ним грожащую руку.
Нейронное соединение, которое делало мои
доспехи такими отзывчивыми, теперь
вызывало случайные мышечные спазмы, и
сильнее всего в руке.

--- Ох, --- снова повторил он, наблюдая
за моими подергивающимися пальцами. ---
Так дело не пойдёт.

Мне отчаянно хотелось
высвободиться из этой неуклюжей, тесной
терминаторской брони. Мои личные
доспехи находились там же, где я их
оставил: в отдельном и закрытом
хранилище у восточной стены рабочей
комнаты.

Аксим позвал пару сервиторов. Как
и в случае со всеми агентами

Палладийских Катафрактов, у
аугментированных рабов не было бионики,
изготовленной из, как выразился однажды
Аксиут, «вульгарных металлов»: золота,
бронзы, меди и им подобных. Их
бионические имплантаты были из хрома,
железа, стали или -- в редчайших случаях --
-- чистого серебра.

Они приготовили инструменты
пальцы и серворуки, после чего начали
трудоёмкий процесс съёма брони.

Несколько минут спустя они уже
поднимали керамитовые пластины,
липкие от крови на внутренней стороне.
Аксиут застыл, встретившись
серебряными глазами с твоим взглядом.

-- Ты ранен.

-- Удары по сочленениям, и копье
пробило бедро.

-- Я говорю о лице. Ты выглядишь...
неважно.

-- Выживу. Болит только бедро.

-- Да, да, соединяющие мышцы-кабели
вокруг короткой приводящей мышцы
правого бедра, -- он наклонился ниже. --
Теперь вижу.

--- Я выживу, Аксиум. Просто сниму это с меня.

Несмотря на усталость, я ощутил ее приближение. Я поднял глаза за секунду до того, как открылась дверь в комнату.

--- Гиперион, --- сказала Анника. Она вошла одна, никого из ее группы поблизости не было видно. --- Кровь Императора, ты выглядишь...

--- Живым?

--- Да. Ну. Трон, ты же весь в крови.

И без того невероятное давление у меня в голове только усилилось.

--- Кровь старая, а раны уже закрылись, --- мне не нравилось, как они все возятся со мной, дергают, словно стервятники пагаль. Когда Анника подошла ближе, сервиторы открутили еще несколько крепящих болтов, сняв очередной слой субдербальной брони с плеч и рук.

Аника казалась целой. Уставшей, но целой, за исключением царапин на пластинах нательного костюма. Она сдержала слово и сражалась на передовой, удерживая позиции с резервными полками.

--- Ты слышал, как тебя прозвали

Волки?

--- Да.

--- Сломавший Клинок.

--- Я же сказал, что слышал. ---

Наверное, я ответил чуть резче, чем натеревался. Она отступила и огарила меня долгим взглядом.

--- Гиперион...

--- Галео и Дүменигон мертвы, -- я повел плечами, когда последняя деталь брони оказалась в промышленных зажимах сервиторов. -- Малхадиил и Энцелас живы, хотя Энцелас ранен настолько тяжело, что уже никогда не наденет доспехи. У Мала отказал разум и позвоночник.

Она моргнула.

--- Малхадиил не может ходить?

Я вынес его с поля боя. Мне было мучительно больно чувствовать, как он пытался соединиться с остальными из Кастуана, и больше всего ощущать, как он тянулся к Сотису -- и ничего не находил. Он был слепым ребенком, который потерялся в лесу.

+ Сотис? + все время повторял он, пока

я тащил его к боевому кораблю. + Сотис?
Сотис? +

Я чувствовал, как иля скребется по моему сознанию, слабое, словно касание паутинки к лицу.

+ Сотис? Сотис? +

--- У него треснул позвоночник. Я потерял сознание после того, как сломал меч, и не знаю, что случилось. Наверное, его ранило, когда зверь разбил наш кинетический щит.

Анника восприняла мои слова с достойным уважением спокойствием, ее мысли стали медленными от усталости.

--- Ясно.

--- Война еще не закончилась. Я облачусь в доспехи и встречу с врагом, как того хочет Император.

Она странно на меня посмотрела.

--- Огин?

--- Нас выжило тринадцать. Четверо могут сражаться. Аксиум сделает для Малхадила все возможное, а выжившие рыцари вернутся в бой.

--- Великий Волк сказал, чтобы вы не появлялись перед населением.

--- Мне плевать на его приказы, Инквизитор. Там еще бродят нечистые души. Я -- тот молот, что сокрушит их, независимо от того, где они скрываются. Придут и другие из моего ордена, Анника. Этот мир нуждается в нас. Помни мои слова, Инквизиция вызовет других.

Она кивнула, все еще нерешительно смотря на меня.

--- Я понимаю. Но... ты выглядишь нездоровым. Твои раны...

--- Довольно.

--- Но Гиперион...

--- Ты перестанешь нянчиться со мной? Я -- Серый Рыцарь Титана, а не дитя.

Один из сервиторов не попал в паз на предплечье, и сверло заскрежетало по оставшейся части субдербальной брони. Я ладонью врезал по бестолковому существу, почувствовав, как сломалась его челюсть.

--- Уйди от меня. Аксиум, сними с меня оставшуюся броню. Сейчас же.

Сервитор, которого я ударил, попытался встать. В глазах у меня потемнело. Мгновение спустя корабль

вздрогнул, заставив меня пошатнуться.

--- Нас атакуют! Капитан Тальвин?

На меня обрушились голоса. Я не мог различить их. К ним присоединились руки, которые вцепились мне в доспехи. Анника и Аксиум. Они показались невообразимо высокими.

Я отпихнул их сфокусированным импульсом кинетической силы. Вот только... они не сдвинулись с места.

+ Сомис? + донесся до меня голос Малхадила из медицинского отсека. + Сомис? +

Я на коленях? Да. На коленях.

--- Помогите встать, --- сказал я.

--- ...вроде инсульта... --- говорил Аксиум.

--- ...кровоизлияние... --- вторил ему голос. Женский голос. Мягкий. Мне вдруг стало интересно, умел ли он петь. Моя бабушка пела мне, в другой жизни.

--- ... в стазис. Во имя шестеренки, в стазис его...

Я засмеялся. Во имя шестеренки. Что это вообще значит? Марсианская ругань казалась мне бессмысленной.

+ Помогите встать, + вырвалась из
меня яростная волна. Никто не ответил.
Даже несчастный, сломленный
Малхадиил.

--- Помогите встать. Я не хочу
упасть на коленах, как Галео.

Я схватил чью-то руку. Она была из
серебра. Под моей хваткой кисть стянулась и
прогнулась, слишком мягкая и хрупкая для
моего кулака.

Откуда-то издалека донесся крик
Аксиута. Я даже не подозревал, что он
способен на такое. Я моргнул, но в глазах
не прояснилось.

Кто-то назвал мое имя. Анника,
наверное. Кто-то упомянул о стазисе.

--- Я --- Серый Рыцарь Титана, ---
сказал я. --- Я... я --- молот.

А затем опустилась тьма.

Глава восемнадцатая

ШРАТЫ

У

Едва я открыл глаза, их резануло стерильно синим освещением апотекариона. Я находился не в медицинской палате «Карабелы» — это был полноценный апотекарион, способный обеспечивать нужды всего братства во время войны.

Я знал это место. А как же иначе? Операционная на борту «Огня рассвета», флагмана Восьмого братства. Вдоль стен тянулись ряды мониторов и сверкающего сталью медицинского оборудования.

Я сел, принявшись отсоединять от тела биомониторные контакты и трубки подачи питательной массы.

— Мертвый пробудился, — раздался позади меня голос.

Я узнал его еще до того, как увидел, и поприветствовал, уже оборачиваясь.

--- Нагуон.

На нем был широкополый серый халат --- скромное одеяние безгоспешного рыцаря, занятого медитацией или наукой. Рукава были закатаны, а руки обтянуты перчатками из прозрачного тонкого пластика, чтобы избежать случайного заражения или инфекции.

На обритой голове Нагуона сверкала многочисленная аугментика. Половину черепа ему заменили всего за пару лет до того, как я заработал свои госпехи.

--- Я ожидал, что ты встанешь не раньше, чем через пару часов, --- сказал он. --- Как себя чувствуешь?

Припоминать полученные раны показалось мне неблагодарной затеей.

--- Бывало и лучше, --- признался я, надеясь, что этого хватит. --- Я едва помню, что случилось.

--- Твой экзекутор-примарис, Аксиум, спас тебе жизнь. Он поместил тебя в стазисную камеру, когда у тебя случился... ладно. Случилось множество тяжелейших реакций на психический выплеск. Я подготовил тебе список, стожешь

прочесть его на досуге. Надеюсь, ты готов
к терминат врое: «кровоизлияние»,
«закупорка кровеносного сосуда» и «риск
нервных повреждений». Тебе еще повезло,
учитывая, как ты высвободил свои силы.
Будь ты обычным человеком, то умер бы
прежде, чем смог удержать клинок хотя
бы секунду, не говоря уже о том, чтобы
слопать его.

— У нас не было выбора, Надион. Мне
следовало что-то сделать.

— Я не критикую тебя, брат. Но я
сохранил для тебя также результаты
биоауспикации. Повреждения нервной
системы и множества кровеносных сосудов
едва не стали смертельными. У
обязательно бы стали, если бы Аксиум не
закрыв тебя в стазисе до моего прибытия.

Трон, я вообще пока с трудом
сообразжал. Помнил, как теряю сознание.
Едва. Даже это казалось мне скорее сном,
чем воспоминанием.

— Когда ты прибыл?

Надион обладал такой же лишенной
возраста внешностью, как и большинство
воинов, ставших Agentus Астартес. О

нашем возрасте свидетельствовали
шрамы, которые мы носили. Те, кто
сражался и не получил ни единой
царапины, выглядели притерно между
двадцатью и пятьюдесятью, в равной
степени походя на юношу и на зрелого
мужчину.

Тайны генетики, использовавшиеся
при нашем создании, никогда не
переставали удивлять меня. Кое к чему
просто нельзя привыкнуть.

Апотекарий нажал несколько кнопок
на гололитическом проекторе рядом с
моей огромной кроватью. Он вывел
подробности операции и начал
прокручивать визуальные архивы, попутно
рассказывая мне о случившемся.

— Мы прибыли девять стандартных
дней назад. Другие из нашего ордена,
конечно, оказались здесь намного раньше. У
ответу на твой следующий вопрос, пока ты
сам его не задал. Ты пробыл без сознания
сто тридцать один день. Я ухаживал
последние два дня и две ночи, — он
посмотрел на меня немигающим темным
взором. — Как твоя голова?

--- Сто тридцать один день? ---
переспросил я.

--- Видимо, со слухом у тебя все в порядке. А теперь будь добр, ответь на вопрос.

--- А как же война?

--- Война окончена, Гиперион. Она закончилась тогда, когда вы с Таретаром убили князька Кровавого Бога. Осталось лишь зачистить остатки скверны.

Подозреваю, что миллионы людей на Армагеддоне, которые вот уже полгода непрерывно сражались, могли бы поспорить с его словами, но орден обычно рассматривал все именно в таком свете.

Я пробыл с Анникой слишком долго, если вообще начал рассматривать другие варианты.

--- Сколько прибыло рыцарей?

Надион оторвался от биоололита и посмотрел на меня.

--- Почти две сотни. Три боевые баржи, включая «Огонь рассвета». Мы прибыли во всей мощи, брат, один за другим, как только смогли. Представьте наше разочарование, когда мы узнали о

вашем героизме еще за месяцы до нашего прибытия.

--- Не своди все к шутке, Надион. Там погибла сотня рыцарей. Сотня. Это существо... оно шло через нас, будто кинжальный ветер. Я не видел ничего подобного. Оно собирало нас, пожинало наши жизни. У меня просто нет других слов.

--- Прости меня. Я не хотел тебя обидеть, брат. Я скорблю вместе с тобой.

Я кивнул, хотя движение заставило меня поморщиться.

--- Я заметил, -- сказал Надион. -- Успрашиваю опять, как твоя голова?

--- Гудит в такт с сердцебиением. Как я уже сказал, бывало и лучше.

Мой взгляд упал на гололитический дисплей, где отображались мои раны и операции, которые провели после извлечения из стазиса.

Я моргнул при виде пятна тьмы, закрывавшего левую половину моего дергающегося гололитического черепа.

--- Это...

--- Да. Оно самое. Вот почему я

спрашивал, как твоя голова, — сказал Нагион.

Я потянулся к щеке, и пальцы звякнули о холодный металл. Я не знал, что сказать. Вместо этого просто погладил металл, ощущая его края. Тонкие швы плавно соединяли металл с кожей.

— Давление в твоей голове раскололо череп в этих местах... — Нагион указал на голит, но мне едва ли требовался снимок, чтобы догадаться, где меня изувечило. Я чувствовал это пальцами.

— Так меня не ранило в бою, Нагион. Зачем ты это сделал?

— Успокойся, брат. Речь идет о психическом давлении. А если ты до сих пор не понял, о чем я веду речь, то просто поверь мне на слово, тебе повезло, что твоя голова вообще не лопнула. Ты только углубил раны, когда начал использовать силы после пробуждения на поле боя, — он окинул меня пристальным взглядом. — Это было неразумно. На самом деле это было очень глупо. Тебе стоило бы знать.

— Я должен был увидеть смерть

Галео.

--- Только Галео?

После того, как Малхадиил очнулся и я погрузил его на боевой корабль, я отправился обратно к Галео. Я не мог сопротивляться, мне следовало узнать. Это я хорошо помнил.

Я нашел труп капитана Таремара. Его смерть была именно такой, как и описал Бранг Хриплая Глотка, --- один человек с золотым мечом против громадного зла, хотя из слабых вспышек внутреннего зрения я понял, что бой продлился недолго. Ни один человек не смог бы устоять против такого противника продолжительное время.

--- Нет, --- согласился я. --- Не только Галео. Пока я лежал без сознания, погибла сотня моих братьев, Надион. Я должен был увидеть, что с ними стало.

--- Твои братья умерли, пока ты был в коме, глупец. Ты был не просто «без сознания», --- он вздохнул, отключив гололит. --- Когда ты тянулся к ним, увидел ли что-то важное? Образы были четкими?

А были ли они на самом деле? Мертвецы никогда просто так не отдавали свои секреты, даже тем, кого звали братьями.

— Нет, — опять согласился я. — Я почти ничего не видел, кроме ударов, оборвавших их жизни.

— Что ж, не буду винить тебя за попытку. Осталось решить еще три вопроса, прежде чем я отпущу тебя.

Я посмотрел на него, продолжая ощупывать лицо, исследуя рельеф хирургической реконструкции.

— К тебе частенько навещалась инквизитор по имени Анника Ярлсготтир. Я записал ее визиты во вторичный файл.

Будь она благословленна за участие. Уникальная душа.

— Прими мою благодарность. Что еще?

— Еще тебя пару раз навещал воин Волков, говорил, что проверяет твое состояние, чтобы доложить в орден. Его звали...

— Бранд Хриплая Глотка, полагаю.

--- Хорошая дегустация. Действительно он.

--- А последнее?

--- Что ж, ты на борту «Огня расцвета», Гиперион. Как ты думаешь, кто может быть последним?

--- Лорд Ёрос хочет поговорить со мной, как только я приду в сознание.

--- Какой ты догадливый, --- сказал аптекарь. На кратчайший миг я подумал, что он улыбнется. Я ошибся.

--- Я ощущаю недосказанность, Надион. Это нехорошо.

--- Правда?

--- Ты не упомянул Малхадила.

--- Ах да, --- ответил Надион. --- Малхадила.

II

Я отыскал его в резервном ангаре левого борта флагмана. Он был окружен, что, пожалуй, и неудивительно, парящими деталями. Знакомая сцена вызвала у меня

легкую улыбку.

Но улыбка умерла, когда он повернулся ко мне. Он носил такую же монашескую мантию, что и я, хотя глинные рукава не могли целиком скрыть железную конечность на месте левой руки. Его лицо походило на лоскутное одеяло из сшитых кусков кожи, из-за чего он стал походить на Сотиса даже больше, чем я мог представить. Но самое большое изменение я увидел, когда он повернулся полностью. Я услышал, как по палубе грохотнули тяжелые стальные ноги, хотя он был без доспехов.

Вращающиеся металлические детали плавно опустились на пол, когда он встретился со мной взглядом.

--- Ты выглядишь иначе, --- сказал он.

Я непроизвольно коснулся холодного металла, где когда-то находилась половина моего лица. Он охватывал голову от левого виска до самой челюсти и вокруг затылка.

--- Как и ты.

Малхадиил подошел ко мне грозной, неуклюжей походкой.

--- Нагуон отнял мои ноги. Как он сказал, мой позвоночник был «искалечен», поэтому он заменил и его также, --- обратил сказал это так, словно ему было все равно. Затем Малхадиил улыбнулся. --- Пока я не могу бегать. Но правде говоря, я и хожу-то с трудом, как видишь. Но я приспособлюсь. Мы Серые Рыцари. Мы превозмогаем.

Он поднял новую руку, которая урчала и гудела слаженным хором бионики.

--- Он также дал мне это. Она проще в использовании.

Это... это была обширная аугментация. Теперь даже на беглый взгляд в нем было больше кибернетического, чем человеческого.

--- Как ты себя чувствуешь?

Он пожал плечами. Именно такие небольшие мелочи свидетельствовали о нашем истинном возрасте по сравнению с настоящими ветеранами. Со временем они забывали о таких человеческих жестах, как пожатие плечами или кивок.

--- Я чувствую себя другим. Еще чувствую, что это все же лучше, чем быть мертвым, поэтому не буду жаловаться.

Оно не болит, если ты об этом, --- его
изувеченное лицо скривилось в улыбке. ---
Слышал, Волки называют тебя
Гиперионом Сломавшим Клинок.
Фенрисийское имя для подвигов? Есть в
этом имени что-то героическое, не
находишь?

Слова сорвались с моих губ прежде,
чем я успел их остановить. Думаю, их
вызвала улыбка Мала.

--- Теперь ты точь-в-точь как Сомис, ---
сказал я.

Он прикоснулся к лицу человеческой
рукой.

--- Наверное, да. Если честно, я
нечасто смотрелся в зеркало. Ты говорил с
лордом Ёросом?

--- Еще нет.

--- Тогда я пойду с тобой. Дай мне
пять минут, чтобы починить турель, ---
он вернулся обратно к работе, уже
поднятая металл. --- Хорошо увидеть тебя
живым, брат.

Я нерешительно отправил ему
импульс ответного чувства. Он принял
его, и связь между нами восстановилась. Я

вновь услышал его мысли, как прежде — слабое фоновое присутствие, на которое я не обращал внимания, пока не сосредотачивался.

Я ощутил, как из глубокого исцеляющего сна в своей комнате к нашей тесноте присоединился Энцелас. Его влияние было бессловесным, слабым, но неоспоримым.

Даже уменьшившись в численности, Кастриан воспрянул вновь.

III

Цорос, лорд-рыцарь и гростейстер Восьмого братства, был для нас таким же примером для подражания, как капитан Таретар или лорд Ваурманг для Третьего. Было бы несправедливо утверждать, что он любил официоз, и «Огонь рассвета» напоминал монастырь не меньше, чем военный корабль. Шагая его залами, было невозможно поверить, что тут трудилась многотысячная команда.

Сакая здесь царила тишина.

В Великом зале могло вместиться несколько сотен воинов, намного больше, чем входило в одно братство. С арочных потолков свисали вытканые знамена и списки подвигов, многие из которых изображали деяния Кастуана за прошедшие поколения. Но сейчас я не испытывал гордости. Не испытывал и благоговения. Деяния предков не впечатляли меня. Я почувствовал схожую сдержанность и в душе Малхадила, который шел рядом со мной по глиняному центральному ковру.

Мне было печально идти возле него, и я не стыжусь признать это. Запинающееся, неуключее топанье, казалось, его совершенно не заботило — он находил свои недостатки любопытными и бесечно считал, что вскоре привыкнет к новым ногам и бедрам. Мы выжили только благодаря его кинетическому щиту. Покинуть поле боя калекой казалось самой жалкой наградой из всех возможных.

Он даже не получил стешного имени для подвигов, которые давали фенрисийцы.

Не то чтобы меня волновало мое собственное.

Нару раз Малхадиил останавливался и опирался о стену, расслабляя сочленения и бормоча что-то о незначительных изменениях, которые он собирался внести.

--- Уровень устойчивости фибросвязок имитирует внутреннюю боковую связку коленного сустава, --- произнес он. --- Я все могу поправить сам.

--- Может, стоит попросить Нагиона или техногесантников помочь тебе?

--- Только с деталями, до которых я сам не дотягиваюсь, --- он отступил от стены и снова проверил колено. --- Пошли. Наш лорд ждет.

Это было не совсем так. Лорд Ёрос не ждал нас, он совещался со своими паладинами, восседая на богато украшенном командном троне. Все присутствующие, за исключением Малхадиила и меня, носили прочную терминаторскую броню. Даже от стоящих на вытяжку рыцарей у империальных колонн исходил характерный гул активных доспехов.

Для почетной гвардии это казалось несколько напыщенным, но это также была дань древней традиции.

Один из них кивнул, когда мы прошли мимо. Я едва не сбился с шага от такого неформального признания со стороны палатина.

--- Так-так-так... --- сказал лорд Йорос со своего трона. --- Только посмотрите, кто, наконец, проснулся.

Я остановился перед ним. Малхадиил поступил так же, хотя ему пришлось опереться на меня. Он пока не научился вовремя останавливаться. Рецензоры и нервная связь в его новых ногах еще полностью не прижились.

Я собрался преклонить колени, как предписывала традиция, но бионическая рука Малхадиила сжала мое плечо.

+ Не думаю, что смогу, + явно нервничая, отправил он. Я встретился с ним взглядом. В ответ он слабо покачал головой.

+ Тогда постойте, + отправил я в ответ.

Но нам все равно требовалось

выказать дань уважения. Я поклонился так глубоко, как только мог, поддерживая Малхадиула, чтобы он сделал то же самое.

Лорд Ёрос поднялся с трона и сделал несколько тяжелых шагов вперед, глядя на нас с высоты терминаторской брони.

--- Неужто раны выбили традиции из ваших голов, братья мои? --- Его орлиные черты лица казались особенно резкими в полумраке, созданном огнями многочисленных свечей. Он протянул нам перстень из черного железа, выкованный как раз под его бронированную костяшку.

Малхадиул откашлялся.

--- Я не мог преклонить колени, гроссмейстер.

Лорд посмотрел на нас обоих, не выказывая ни веселья, ни злости. Он сказал единственное слово, пусть и скрытое за маской равнодушия.

--- Попробуй.

Я не хотел отпускать Малхадиула. Наконец он с едва заметным кивком убрал руку и опустился дерганными, резкими движениями. Его колени коснулись пола и

целкнули, после чего начали тикать и
зудеть. В какой-то момент их заклинило,
и боль спазмами отдалась по его новому
позвоночнику.

Я преклонил колени рядом с ним. Мы
по очереди поцеловали перстень. Я
ощутил на губах привкус застарелой крови
и еще более древнего металла.

— Встаньте, — спустя мгновение
приказал лорд Ёрос.

Я так и сделал. На этот раз
Малхадиш не принял мою помощь. Он
поднялся более плавно, чем опускался, хотя,
судя по напряжению в его глазах, ему
стоило значительных усилий скрыть боль.

— Итак, — Ёрос вернулся на трон и
перекинул белый плащ через
подлокотник. — Два последних выживших
из благородного Кастуана — хотя шанс на
то, что Энцелас очнется, очень мал.
Должен сказать, вы оба герои, — он
склонил голову в едва заметном поклоне. —
Вы принесли великую честь Восьмому
братству. Особенно ты, Гиперион. Волки
уже называют тебя Гиперионом
Словавшим Клинок.

--- Я слышал, лорд. Много-много раз.

--- Восьмое потеряло в Лоскутном братстве на Армагеддоне целое отделение, --- наш лорд перекинулся взглядом с ближайшими палатинами. --- Эта трагедия сделала нас сильнее, нежели прежде. Я заинтригован. Например, Третье братство лишилось половины сил. Без сомнения, это повод для скорби. Но вместе с тем лорд Баурманг долгое время не сможет занять пост верховного гросстейстера.

Наше братство сохранило свою мощь исключительно благодаря воле случая --- большинство воинов находились слишком далеко от Армагеддона, чтобы вовремя ответить на призыв о помощи. Но я едва ли испытывал гордость.

Цорос бросил на меня пристальный взгляд, частично уловив мои неосторожно вырвавшиеся мысли. Он прищурился.

--- Я не настолько отвратителен, чтобы танцевать на костях своих братьев, Гиперион. Оставь свои нездоровые подозрения. Я лишь констатирую положение дел. Если верховный магистр

Окрис погибнет, честь занять его место
будет оспаривать я, Ллур из Первого и
Геронитан из Четвертого.

Я молча выслушивал честолюбивый
замысел своего лорда, подозревая, что
должно прозвучать далее.

--- Кастуан на грани исчезновения.
Энцелас, если он оправится от ран,
заслужил свое место сепулькара на Полях
Мертвых. Я никогда не откажу ему в
праве на возвращение со всеми почестями.
Тем не менее, никто из вас не подходит,
чтобы принять командование на себя. Вы
оба еще слишком неопытны для звания
юстикара.

--- Понимаю, --- сказали мы
одновременно.

--- Настоящий бой окончился задолго
до нашего прибытия, за что я вам
благодарен. Но теперь мы здесь, чтобы
завершить дело. Нечисть изгнана,
осталась лишь зачистка. Через пару
месяцев мы вернемся в доки Титана.
Клянусь вам. --- При следующих словах он
понижил голос: --- После победы Волков в
войне Инквизиция берет контроль над

неплот. Учитывая обширный характер санкций, которые необходимо ввести после царившего здесь безумия, оргосы приказали Серым Рыцарям поточь ит. Нам понадобится каждый рыцарь и каждый корабль. Вы оба вернетесь на «Карабелу» до дальнейших распоряжений.

--- Как прикажете, --- сказал я. --- Каких масштабов санкции планируют оргосы?

Цорос подался вперед, внезапно показавшись мне менее величественным и более уставшим.

--- Никому не нравятся наши обязанности, Гиперион. Но ты клинок, а не ружка, которая его держит. Наша задача убивать, а не задавать вопросы.

--- Мне не нравится, как это звучит, лорд.

--- Я бы перестал тебя уважать, если бы это было иначе. Возвращайтесь на корабль и ждите приказов. Когда они поступят, исполняйте их без колебаний. Вам все понятно?

Мы синхронно отдали честь.

--- Когда этот гурно пахнущий эпилог

закроется, вас наградят за действия на Армагеддоне. Это меньшее, что Восьмое может сделать для вас. Малхадиил, полагаю, ты все еще хочешь отправиться в Кольцо Железа?

--- Марс еще взывает ко мне, лорд.

--- Значит, так оно и будет. Гиперион?

--- Я хочу лишь служить, лорд.

--- Благородный ответ, но мы еще подумаем. Значит, на «Карабелу». Уприслушайтесь к моим словам, братья. Следите за Волками.

IV

Анника уже ждала нас. Ее спутники несколькими группками окружили командный трон капитана Кастора. Анника стояла возле самого трона, кипит от злости.

--- Вы слышали, что решили ордосы? --- сходу спросила она.

С Малхадиила гразом катился пот

от болезненной новой аузментики, но брат не отставал от меня. Я поднял глаза на Аннику, убедившись в том, что начал подозревать еще в дверах. Да, она явно злилась.

--- Со мной все отлично, --- сказал я. --- Спасибо, что спросили.

--- Сейчас не время для шуточек, Туперион.

Вот прекрасный пример того, что я имел в виду, когда говорил о непонимании человеческого юмора. Все дело в своевременности.

--- Я ничего не слышал о намерениях оргосов, госпожа. Нам приказали вернуться и ждать дальнейших приказов.

Она облокотилась на поручни, разглядывая нас сверху.

--- Среди инквизиторов прошло голосование. Они решили приговорить все население Армагеддона к смерти.

Меня это не удивило. В отличие от ее реакции.

--- Не могу понять, почему для вас это стало неожиданностью, --- произнес я.

--- Великий Волк оставался

непреклонным в своих приказах. Война не коснулась населения некоторых городов-ульев. Вот почему он приказал Серым Рыцарям держаться подальше от городов.

— У пока я был ранен, в них не нашли скверны? Ни одна душа не увидела ни одного воина из моего ордена за последнюю сотню дней? Ни в одном из городов не заметили на горизонте даже пыли от вражеской армии?

Она нахмурилась. Это никогда не было хорошим знаком.

— Это стандартная зачистка, Гиперион. Они сгоняют население всей планеты. Людей стерилизуют и переправляют в рабочие лагеря. На Армагеддон привезут новых колонистов и поселят их в опустевших городах.

Я взглянул на Малхадила. Он посмотрел на меня в ответ.

+ Должно быть, ошибка в сообщении, + сказал он. + Это не может быть правдой. +

+ Конечно, может. +

+ Ты не находишь, что это чересчур резкая реакция со стороны наших повелителей? +

+ Я говорю, что меня это не удивляет. Эти люди ходили по тому же миру, что один из Великих Зверей Кровавой Скверны. Армагеддон избежал экстерминатуса только потому, что представляет огромное промышленное значение для Имперской Гвардии субсектора. +

Анна продолжала пристально смотреть на нас.

--- Я почти слышу, как вы переговариваетесь между собой. Это как... как же это слово на готике? Синнитус? Звон в ушах.

+ Как интересно. Наверное, она соединялась с нами слишком часто и на слишком долгое время. +

+ Согласен, + я повернулся к инквизитору. --- Госпожа, как Волки отнеслись к решению оргосов?

Капитан Кастор даже не удосужился встать с трона.

--- Я могу ответить, сэр, --- он нажал несколько кнопок на подлокотнике трона. ---

Флагман Волков передает этот закольцованный сигнал последние три

часа.

Я услышал, как из статического шума возник голос Великого Волка.

--- ...аблям Инквизиции. Голос, который вы слышите, принадлежит ярлу Гримнарү. Прошу вас отказаться от текущих планов. Примите эту просьбу в духе, в котором она подана. Жаль, если мне придется повторить ее уже как предупреждение. Говорит фенрисийский корабль «Скратасакс», всем кораблям Инквизиции. Голос, который вы слышите...

--- Они не особо довольны, --- произнес Дарфорг, стоя рядом с Анникой. Его винтовка была перекинута за плечо.

Я поднялся по ступеням к трону Тальвина, заняв свое место на помосте.

--- Мы имеем дело с оргеном, который несколько раз порицали различные епархии и епископаты, и который также подал повод расследование Инквизиции. Волки --- гордые души и имеют полное право гневаться из-за того, как наши повелители обходятся с миром, за который они сражались. Но они очень наивные, если считают, что кто-то

прислушивается к их словам.

Малхадиил направился за мной, его неуклюжая походка притянула к себе взгляды всех присутствующих.

--- Но если они отреагируют... неблагоприятно?

--- Нет.

--- Но вдруг?

Я не хотел об этом думать. Этот путь вел в безумие.

--- Тальвин?

--- Да, сэр.

--- Покажи мне флот, пожалуйста.

--- Слушаюсь, сэр. Навести оккюлюс на флот. Аусник -- отслеживать и передавать каждый сигнал.

Перенастройка не заняла много времени. Даже спустя несколько месяцев после изгнания Великого Зверя большинство прибывших кораблей представляли собой переоборудованные для перевозки Имперской Гвардии крейсера. Должно быть, на поверхности находилось около миллиона выживших солдат, не считывая нескольких миллионов сервиторов.

При виде кораблей меня посетила мысль, которую я не смог подавить.

+ Что, если нам не удастся? +
отправил я Малу.

С той стороны потоста раздался стех, как будто я сказал что-то веселое. На него взглянули члены экипажа, которых он, впрочем, полностью проигнорировал.

+ На этот вопрос можно пообратить так много ответов, брат. Проблема в том, что неверных ответов здесь нет. Можно сказать, что сама нечестивость нашего притарха вызывает к тому, чтобы мы со всей поспешностью изгнали порчу из империи человечества, — и это правда. Или можно сказать, что лучше потерять сотню рыцарей, чем целый мир невинных душ. +

+ Еще пару месяцев назад я бы считал так же, + я не поворачивался к нему во время разговора. Одним из преимуществ теленатического единения была возможность одновременно заниматься другими вещами. + Но взгляни на то, что планируют оргосы. Ради чего мы шли в бой и гибли десятками, раз Инквизиция все

равно собирается стерилизовать и депортировать население? Мы потеряли сотню рыцарей ради людей, которые теперь обречены на страдания и смерть, несмотря на наши жертвы. Я не вижу тут справедливости, Мал. +

+ Когда ты представляешь все в таком свете... Прямо кровь стынет в жилах. +

+ Думаю, я понимаю, о чем говорит Анника. В подобных обстоятельствах реакция Волков -- и без того достаточно благородная -- обретает совершенно новую праведность. Они также потеряли воинов. Сколько из них умерло во славе, защищая обреченное население? И лишь затем, чтобы их гибель оказалась напрасной?

Малхадиил отправил мне образ усталой улыбки.

+ У меня нет для тебя ответа, брат. Желал бы его иметь, но нет. +

Мне вдруг захотелось поговорить с Брандом Хриплой Глоткой, хотя я сомневался, что от этого будет хоть какая-то польза.

Капитан Кастор с суровым

выражением на лице сообщил результаты.

--- Флот насчитывает двадцать
восемь кораблей, способных вести
пустотный бой, сэр. Восемь из них ---
перехватчики и военные корабли Титана
серых оргенских цветов. С «Карабелой» ---
девять. Еще шестнадцать ---
фенрисийские, принадлежат Волкам,
включая линейный корабль «Скратасакс».
Оставшиеся три --- крейсера Инквизиции
во главе с кораблем Имперского флота
«Надежда Корела», которую реквизирует
для операции лорд-инквизитор Гестей
Киснарос.

Волки превосходили нас в костосе.
Значительно. У них было шестнадцать
кораблей, которые наверняка представляли
собой половину флота оргена.

--- А армейские корабли Имперской
Гвардии?

--- Вегра с гайкатами и раздутые
китобои, сэр. Всего двадцать. Ни один не
способен на бой. Даже если они будут
талить из своих пушечек день и ночь
напролет, то лишь оцарапают нас, да и
то если повезет.

Если что-то пойдёт не так, корабли Волков и Гвардии превосходят нас три к одному. Даже с учётом того, что транспортные суда бесполезны в пустотной войне, обстоятельства складывались не в нашу пользу.

Я поблагодарил капитана и поглядел опять на Аннику.

--- Несмотря на все возражения, Волки подчиняются имперскому закону, госпожа.

Она оскалила зубы, что совершенно не напоминало улыбку.

--- Надеюсь, ты прав, Гиперион.

Анника оставила мостик, её группа последовала за ней. Дарфорд кивнул мне, Кхатан одарила улыбкой, а Василла --- тихой молитвой. Кловон лишь бросил на меня косой взгляд, в то время как Меррик не удосужился сделать даже это. Его кибертастиф потрусил следом.

+ Как спина? + отправил я Малхадишу, когда они вышли.

+ Словно в огне. Не волнуйся за меня, брат. Думаю, капитан Кастор хочет узнать...+

--- Приказы, сэр? --- спросил Тальвин.

Я наблюдал за тем, как на оккьюлусе
вращается горящий Армагеддон. Прямо
сейчас, пока ты ждешь на орбите, население
целых городов выгоняли из своих домов.
Что им говорили? Какую сладкую ложь
вливали в уши, чтобы они охотно прошли
стерилизацию и безропотно отправились в
трудовые лагеря?

Я считал, что ты утираешь ради
людей. Верил, что ты отдаешь жизни, дабы
очистить мир от зла.

Оказалось, ты гибнешь только для того,
чтобы сохранить промышленную
инфраструктуру планеты, чтобы
Армагеддон мог и дальше штатновать по
десять миллионов танков в год, но уже
руками новых колонистов. Я не был уверен,
стоило ли это таких жертв, хотя почти
не мог представить, как бы спорил со мной
Дүменигон.

«Армиям человечества необходимо
это оружие, — сказал бы он. — Что такое
потеря одного мира по сравнению со всеми
теми, кто погибнет без армагеддонского
оружия?»

Да, он оказался бы прав, но эта правда

плохо пахла. Вот почему Галео постоянно советовал нам не ставить под сомнение приказы командиров. Слишком много правд. Не нам выбирать единственную. Нам необходимо делать то, что прикажут.

--- Будем ждать, --- сказал я Тальвину, --- и надеяться, что наши повелители хорошо все обдумали.

Глава девятнадцатая

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

1

Волки не были дураками. Они знали, какая судьба ждет защитников Армагеддона. Пусть Волки и оставались бессильными на земле, это не удерживало их от того, чтобы пытаться всеми способами приостановить депортацию населения в рабочие лагеря. Стали поступать доклады о том, что Волки угрожают инквизиторским штурмовикам, а конвои с гражданскими лицами не добирались до пунктов сбора. Если Волки укрывали их, то делали это с такой хитростью, что орбитальная разведка не могла их обнаружить.

«Карабеле» приказали провести аэспик-сканирование поверхности и присоединиться к поискам. Я не знал, хочу ли, чтобы мы что-либо нашли. Масштабная зачистка казалась мне

ошибкой, и я уже начал устывать от того, что принимаю в ней участие.

Я едва ли хотел спускаться на землю, и не только потому, что лорд Ёрос приказал мне оставаться на орбите. У меня не было совершенно никакого желания вместе со своими братьями или легионами имперских штурмовиков выводить обманутые невинные души из городов.

Однако, я узнал про ложь, которой их потчевали. И она, среди всего прочего, оставила самый горький привкус. Правду поведал мне по воксу сам лорд Ёрос, встретив мое отвлечение с привычной бесстрастностью.

--- Инквизиция уже приступила к работе, --- рассказал он о сгоне. --- Города пустеют под нашим бдительным взором.

--- Какую ложь ты им скармливаешь, лорд?

--- Подбирай выражения, Гиперион.

--- Буду, гросстейстер. Но сначала я хотел бы услышать ответ.

--- Им говорят, что население необходимо временно эвакуировать для

священного очищения. Затем людым
позволят вернуться. Гвардейцы,
естественно, пристроят за домами и
пожитками, охраняя их от грабителей.

Я растеялся, даже не пытаюсь
скрыть горечь.

Насчет стерилизации меня
просветила Анника. У я не был благодарен
за это. Она зашла на мостик почти
неделю спустя после того, как я видел ее в
последний раз, приковав меня к месту
бледно-синими глазами.

--- Хочешь узнать, как оргосы
стерилизуют население?

Нет. Я не желал этого знания ---
несколько. Чем бы оно мне помогло?

--- Я бы предпочел не знать, госпожа.

--- Инъекции, --- сказала она. --- Я была
внизу. Видела своими глазами. Они
сделают инъекции сразу по прибытии в
рабочие лагеря. Мужчинам, женщинам,
даже детям. Им говорят, что это для
защиты от болезней. Но они разрушают
миллионы семей, сделав их последним
поколением колонистов, которые обживали
этот мир.

— Я ведь сказал, что это не мое дело. Меня заботит лишь поле битвы, а не последствия. — Она выводила меня из себя, мне было сложно понять, что злость ни к чему не приведет. Она пробыла на поверхности неделю и вернулась для того, чтобы бросить мне все эти обвинения. Как будто я во всем виноват. Как будто я могу что-то сделать, даже если бы хотел: — Вы инквизитор, госпожа. Ваши братья и сестры всем здесь заправляют.

Она сплюнула на палубу. Странное дело, но меня уязвило такое ее неуважение к Кастриану и «Карабеле».

— Ты же рыцарь, Гиперион. Нет ничего благородного или праведного в уничтожении ни в чем не повинного населения, а ты просто стоишь здесь и ничего не делаешь. Все вы.

Я отвернулся от нее, внезапно крайне заинтересовавшись пультом управления.

— Если вам это так претит, инквизитор Ярлсготтир, то вам, возможно, стоит что-то предпринять. Выплескивать свой гнев на меня бесполезно, пока вся власть сосредоточена

у вас и у оргосов.

--- Мне приходилось прежде убивать, Гиперион. Я убивала, чтоб сохранить тайны. Однажды целый городской район был уничтожен по моему приказу, сгорев в пламени, потому что мне следовало убедить в полном истреблении одного единственного культа. Но здесь творится геноцид. Глобальная зачистка по самой низменной причине --- из-за удобства. Армейский транспорт отбудет в течение недели, Серый Рыцарь. Что ты тогда будешь делать?

Я обернулся к инквизитору, возвышаясь над ней в своих доспехах.

--- Я открою по ним огонь и обреку их храбрые души на вечное забвение, как, несомненно, мне прикажет Инквизиция. Я выполню свой долг, Анника, --- сквозь стиснутые зубы процедил я.

--- Ты будешь обращаться ко мне «инквизитор Ярлсготтир».

--- Я буду обращаться к вам, как к предателю, если вы и дальше будете нести ересь. Инквизиция приказывает, мы исполняем. Таков порядок. К чему вы меня

погострекает? Каким будет ваш приказ?
Мне что, следует телепортироваться на
планету вместе с хромым Малхадилом,
силой мысли воскресить погибших братьев
и вырезать сотню тысяч инквизиторских
штурмовиков? Этого вы от меня хотите?

Анника ответила, как она любила
выражаться, «лаем на лай»:

— Подумай, Гиперион! Что, по-твоему,
сделает ярл Гримнар, если армейские
корабли приготовятся к отправлению?
Волки слабы на земле, им не хватит сил
противостоять ордосам. Но на орбите? На
орбите, где их флот многократно
превосходит флот Инквизиции?

Я покачал головой.

— Они не станут сопротивляться.
Это было бы безумием.

Она цинично фыркнула и, скривив
губы, отвернулась. Не обронив больше ни
слова, инквизитор Ярлсготтир оставила
стратегуум. Кхатан и Василла остались
чуть подольше, чтобы поделиться
собственными мнениями.

На этот раз Кхатан не ухмылялась.

— А я-то думала, что ты уже не

можешь быть более бесполезным с
женщинами, Две Пушки.

И что я должен ей ответить? Что
она вообще имела в виду?

--- Почему ты так со мной говоришь?
Ты ведь знаешь, что я и не понимаю, о чем
ты.

Она покачала головой и вышла, явно
не впечатленная ответом. Василла
выглядела такой нервной, как никогда
прежде. Она выдала из себя
стеснительную улыбку и заставила себя
направиться к двери.

--- Удачи тебе, Гиперион.

Ее слова привели меня в не меньшее
замешательство, ведь в них чувствовалось
прощание.

II

Три ночи спустя первый армейский
транспорт сделал свой ход.

«Трезубец Улматы» прогрейфовал на
высокую орбиту --- первый этап подготовки

к отбытию с Армагеддона. Мы следили за ним — Малхадиил, Тальвин и я — через экран-оккюлюс «Карабелы».

Мы не хотели еще больше нагнетать и так тревожную обстановку среди команды, поэтому Мал и я прикладывали все усилия, чтобы не выдавать своих чувств. Но капитан Кастор не мог сдержаться. Он восседал на троне, прижав сцепленные пальцы к губам, и встатривался в оккюлюс так, что временами даже забывал моргать.

— Помните мои слова, господа, — сказал он. — Все это вскоре превратится в выгребную яму отборной брани и гонора.

«Трезубец Улматы» был настоящим толстяком, модифицированным для большей вместимости по прихоти Администратума того субсектора, откуда он был родом. Его способность вести пустотный бой стремилась к нулю, практически все его пространство отдалено от дополнительных трюмы, казармы и двигательные палубы.

Мне почти не приходилось встречаться с гвардейскими

транспортниками, но этот определенно
был самым уродливым кораблем, который
мне доводилось когда-либо видеть. Он
напоминал толстого кита, который
слишком неуклюж, чтобы плавать
самостоятельно.

--- Трон, ну и уродец, --- сказал Тальвин
со своего трона. --- Было бы неприятно
перестрелять друг друга ради такого
куска мусора, да?

--- Было бы неприятно перестрелять
друг друга вообще.

--- Как скажете, сэр Малхадиул.
Будем надеяться, до этого не дойдет.

«Трезубец» набрал высоту и начал
медленно разворачиваться в сторону
открытого космоса. Через минуту, самое
большее две, он включит двигатели,
чтобы покинуть орбиту. Если что-то и
произойдет, то ждать осталось недолго.

--- Что делают корабли Космических
Волков? --- спросил я.

Шора, обильно аугментированная
госпожа аусника, покачала головой.

--- Ничего, сэры. Они не двинутся.

Я наблюдал за флотом еще пару

секунд, вовсе не удивившись, когда вокс с потрясском ожил.

+ Начинается, + отпавил
Малхадиил.

--- «Огонь рассвета» вызывает
«Карабелу».

--- На связи, лорд Йорос.

--- Гиперион, сопровожи «Трезубец
Улматы» к точке прыжка за
Пеллюсидаром. Когда он достигнет точки
перемещения и вы будете вне пределов
аусников флота, ты знаешь, что делать.

--- Как прикажете.

--- Во имя Императора, --- канал
выключился. Капитан Кастор
многозначительно посмотрел на меня.

--- Приказы, сэр?

--- Разогреть двигатели и
приготовиться к сопровождению. Открыть
канал с «Трезубцем Улматы».

--- Готово, сэр.

--- «Карабела» вызывает
транспортный корабль «Трезубец
Улматы».

Вскоре раздался потрескивающий
тужской голос.

--- Капитан Фаррисен с «Трезубца» на связи. Слышим вас, «Карабела».

--- Мы сопроводим вас до точки прыжка. Как поняли?

--- Никак нет, «Карабела».

Я перекинулся с Малхадилом взглядом.

+ Плохо дело, + пропультсировал он.

--- Простите, «Трезубец». Это решать не вам. Приказ поступил от командования флота.

--- Мы ценим это, «Карабела», но нас уже сопровождает «Рунное пламя».

+ Отключи связь, + отправил я капитану Кастору. Он выполнил приказ, поморщившись от моего внезапного теленатического импульса.

--- Готово, сэр.

--- Следуй за «Трезубцем», несмотря на возражения. --- Корабль вздрогнул, пробуждаясь, его двигатели ярко вспыхнули.

По оккюлюсу я наблюдал за тем, как толстый корабль набирает скорость с изыществом и проворством раненой улитки. На такой скорости ему

потребуется одиннадцать часов, чтобы достигнуть точки перемещения за Пеллюсигаром. «Карабела», к примеру, могла проделать тот же путь менее чем за час.

--- «Рунное пламя» запустил двигатели, --- сказал Кастор. --- Он следует за «Трезубцем».

Я увидел, как фрегат Космических Волков --- крошечный кораблик в сравнении с громадным армейским транспортом --- занял защитную позицию.

--- Не делай этого... --- сказал я.

--- Приказы, сэр?

--- Держать прежний курс. «Рунное пламя» не крупнее нас. Что он собой представляет?

Ответил Малхадиил.

--- Это фрегат типа «Гладий», брат. Двадцать тысяч членов команды, может, на пару тысяч больше. Мы превосходит его по огневой мощи и стожем с легкостью обогнать.

--- Они проверяют нас.

Малхадиил кивнул.

--- Полагаю, что так.

--- Открыть канал с «Огнем
рассвета». --- Когда приказ выполнили, я
понял, что не знаю, что сказать. Прежде
никто не оказывался в подобной ситуации. ---
Лорд Ёорос...

--- Мы видим, Гиперион. Думает,
Волки лишь играют мускулами.
Выполняйте приказы.

--- Со всем уважением, лорд... если они
не играют мускулами, то что следует
делать мне?

Молчание было болезненным и
многозначительным.

--- Тебе следует выполнять долг,
Гиперион.

--- Гросстейстер, я не могу открыть
огонь по кораблю Агентус Астартес. Я не
желаю участвовать в подобной ереси.

--- Ты забываешься, Гиперион.
Позволить гвардейцам покинуть систему -
это вот самая подлая ересь. Ты знаешь, что
они видели. Они были обречены с того
самого момента, когда увидели это. Если
Волки отказываются понять причину, то
они разделят их участь.

Канал затолчал, отключенный на

другом корабле.

--- Это нелепо.

Малхадиил, соглашаясь, кивнул.

--- У Волков на руках все козыри. Нам понадобится больше кораблей, чтобы противостоять им. Они не отступят, если мы не продемонстрируем серьезность наших намерений.

--- Сколько кораблей Инквизиции направляется к нам?

--- Трудно сказать. Вряд ли это имеет значение, Гиперион. Эвакуация Гвардии закончится через пару дней.

Я опять взглянул на оккюлюс, проследив за медленным мерцанием звезд вокруг тучного армейского корабля. «Рунное пламя» казалось блеклым по сравнению с нашим собственным кораблем, который держался по другую сторону огромного транспорта.

--- Нас ждет интересный день, --- заметил капитан Кастор.

Мы достигли точки перемещения только через десять часов. «Рунное пламя» легло в неснешный дрейф на минимально безопасном расстоянии от «Трезубца». Армейский корабль начал разогревать двигатели, готовясь перейти в пространство между мирами.

Точка перемещения на самом деле представляла собой обширное пространство чистого космоса за внешним миром Пеллюсигар. Пути в звездные системы зачастую заканчивались такими перекрестками вдали от самих планет во избежание риска столкновения кораблей на орбите, не говоря уже о вероятности сбоя поля Геллера, из-за которого скверна из варп-дыры может заразить ближайший мир.

--- Притите нашу благодарность, --- провоксировал «Трезубец». --- Готовим варп-двигатели.

Я ощутил на себе пристальный взгляд Кастора.

--- Приказы?

--- Зарядить оружие. Приготовьтесь нанести лэнс-удары по их двигателям, --- я

оглянулся на него. -- Ты капитан. Сделай все необходимые приготовления, но сначала открой канал с «Рунным пламенем».

-- Открыт, сэр.

-- Гиперион из Серых Рыцарей на связи. С кем я говорю?

Помехи не смогли скрыть от меня личность говорившего Волка.

-- Не мог не заметить, что ты готовишь оружие, Сломавший Клинок.

-- Хриплая Глотка.

-- Он самый. Уверен, что хочешь сражаться в этом бою?

-- «Карабела» превосходит «Рунное пламя» по всем статьям, брат.

Он растеялся, из-за чего канал на миг наполнился статическими помехами.

-- Я не спрашивал, кто победит. Я спросил, хочешь ли ты сражаться?

-- Ты ведь знаешь, что нет, -- «Трезубец» готовил двигатели, спустя пару секунд он войдет в варп. -- Хриплая Глотка, эти души приговорены к смерти Священной Императорской Инквизицией.

-- Но спустить крючок они отправили

тебя, оставив свою совесть чистой. Ты служишь мерзавцам, наряженными спасителями, Сломавший Клинок. Мне интересно, в каком месте ты тут находишь честь?

--- Довольно слов. Эти люди видели Трех Воплощенный, и нельзя допустить, чтобы они поделились знанием с другими. Я должен сделать это.

--- Тогда дерзай. Делай то, что считаешь правильным, брат.

Канал снова утолк, и я обернулся к Кастору.

--- Уничтожить «Трезубец».

Капитан подался вперед на троне.

--- Канониры, целиться в двигатели армейского корабля. Ждать моего приказа.

Сквозь гул подтверждений разнесся еще один голос.

--- Капитан, «Ручное пламя» заряжает оружейные батареи.

+ Пустотные щиты, + приказал Малхадиил.

--- Так точно, пустотные щиты, --- ответил один из кортчих, даже не поняв, откуда прозвучал приказ.

К нам с «Трезубца» поступила передача, искаженная помехами от пробуждающихся щитов и варп-двигателей.

--- «Карабела»... вы целитесь в...

По стратегии мы разнесся голос Кастора.

--- Огонь.

IV

Во время пустотных сражений я всегда чувствовал себя неуютно. Не люблю быть бесполезным, зависеть от других, знать, что мою судьбу решает техника и траектории артиллерийского огня.

«Трезубцу» не дали времени поднять пустотные щиты. Почему-то из-за этого резня стала выглядеть даже еще хуже, хотя не могу сказать, почему. В любом случае мы не оставили шанса.

--- Сделайте все быстро, --- приказал я. --- По крайней мере, это они заслужили.

--- Так точно, сэр.

По поверхности двигателей пробежали ценные реакции, вызывая взрывы в раздувшемся корпусе корабля. В отличие от поэтических саз, взрывы в космосе поразительно неспешны, они почти не излучают свет. Лэнс-ударати мы разрезали сплав, из которого состояло основное бронированное покрытие, разламывая корабль со стороны кормы. Его работающие с перебоями двигатели вышли из строя первыми, взорвавшись шквалом обломков. Из пробитых в корпусе дыр вырывался воздух, мусор, кристаллизованная охлаждающая жидкость и люди, но мы продолжали разрезать его.

«Карабела» прошла первый атакующий заход и начала разворачиваться, чтобы совершить начатое. Я держал канал открытым все время, слушая, как стяжение команды «Треуголка» переросло в панику, которая в свою очередь превратилась в крик. Наш долг взывал к тому, чтобы мы никогда не отворачивались от ужаса подобных деяний. Услышать их последние мгновения жизни

было наименьшим, что ты могли для них сделать.

Когда вновь воцарилась тишина, «Карабела» прошла через обломки рядом с дрейфующим остовом корабля. Перед тем как открыть огонь, аусник насчитал четыреста тысяч душ. Сейчас ни одной.

Под конец второго захода к нам приблизилось «Рунное пламя». Я был уверен, что корабль поприветствует нас залпом из всех орудий. Вместо этого по воксу раздался рык Хриплой Глотки.

— Не думал, что ты сделаешь это. Сегодня мы все получили урок, да? Запомни этот момент, Сломавший Клинок. Хорошо запомни.

— Вряд ли я его забуду, Хриплая Глотка.

— Хорошо. Что бы ни произошло в грядущие дни, помни, что первый выстрел сделали вы.

Глава двадцатая

ВЕРА И ВУНА

1

Мы провалили испытание Волков. Больше они не рискнут своими кораблями.

Десантные суда Имперской Гвардии, поднимавшиеся с поверхности, запрудили всю орбиту, и мы понимали, что нас вскоре ждет. Под предлогом эвакуации после окончания боевых действий Логан Гримнар собирал армейские корабли и готовил их все сразу. Здесь не будет привычного рассредоточения, чтобы корабли Инквизиции смогли поодиночке выследить тех, кого следует заставить замолчать.

Волки рассеют их все и сразу, зная, что нам попросту не хватит огневой мощи, чтобы их уничтожить.

— Пусть нам и придется сдаться мирное население хладным когтям твоих хозяев, — сказал мне Хриплая Глотка после уничтожения «Трезубца». — Но на

этих армейских кораблях еще обитает
пара миллионов героев. Они заслужили
жизнь, после того что для нас сделали.

Я не пытался с ним спорить. Какой
смысл рассказывать ему о риске
отступничества и ереси даже одного
солдата, увидевшего больше, чем смог
вынести его хрупкий разум? Эти мужчины
и женщины смотрели в глаза тварям,
которые не должны были существовать.
Какой бы стальной силой воли ни обладали
эти люди, многие из них уже были
помечены — будь то безумие, прозрение
или раковая опухоль скверны,
угнездившиеся в их сердцах и разумах
после того, как они узрели Абсолютное
Зло. Могут возникнуть и расплзтись
культы. Целые миры падут. Мы убивали,
чтобы сберечь жизни, а не ради сохранения
тайны.

Разве когда-нибудь понятие
справедливости было применено к войне?
За долгую и кровавую историю
Инквизиции бессчетным триллионам
пришлось погибнуть для того, чтобы
сохранить секреты оргосов. В великом

плане Галактики нікто не вшполнит об
этих несчастных солдатах. Даже их
возлюбленные умрут и бугут забыты всего
за одно столетие, и ни одна душа больше
не вшполнит об этих невольных
мучениках.

Я раз за разом повторал себе это. У
все же подобные размышления не могли
устирить угрызения совести.

Анника со своей группой осталась на
борту «Карабелы», у них на это было
полное право. Я не мог заставить ее
покинуть корабль. Впрочем, я не был
уверен, что хочу этого, — меня терзало
стутное беспокойство, что она наверняка
попытаеца выкинуть какую-нибудь
глупость.

Она присоединилась к нам в
стратегииуме спустя пять дней после
уничтожения «Трезубца». Армагеддон
покинули все инотиряне, за исключением
сил Инквизиции, строящих и стерегущих
концентрационные лагеря, переполненные
стерилизованными имперскими
гражданами. От одного лишь взгляда на
темные пятна этих фальшивых лагерей

беженцев вдали от опустевших городов у
меня во рту оставался привкус горечи.

Флот Костиических Волков отступил
на высокую орбиту, освободив место для
сбора транспортников Имперской Гвардии.
Нашим немногочисленным кораблям
пришлось отойти от выстраивающейся
формации.

Я ощутил, как Анника старается
привлечь мое внимание. Она не говорила
вслух, но я чувствовал, как она думает обо
мне, словно это могло установить между
нами психическое соединение. Я не сводил
глаз с оккюлюса, наблюдая за тем, как
Костиические Волки готовятся предать
Империи Человечества.

+ Инквизитор, + поприветствовал я ее.

«Гиперион. --- Она казалась
напряженной, но не нервничающей. --- Я не
знала, что это сработает. Ты услышал,
как я тянусь к тебе?»

+ Что-то вроде. Удивлен, что вы
остались на корабле. +

«Как и я».

+ Вас не тревожит, что вы
окажетесь на борту одного из наших

кораблей, когда обстановка накалится? +

Анника улыбнулась, и я почувствовал в ее ледяных глазах тяжесть правосудия.

«Ты до сих пор не понимаешь Волков, да?»

+ Нет. Как они не понимают нас. Вот почему доброт это не кончится. +

Двери мостика открылись, пропустив Малхадила. Его походка стала легче после нескольких продолжительных сеансов отладки и небольшого хирургического вмешательства Аксиута.

Что же до самого Аксиута, после пробуждения я встречался с ним только однажды и то лишь для того, чтобы извиниться за поврежденную руку, которую я ему стял, когда потерял сознание. Он тут же простил меня. Его новая рука ничем не отличалась от прежней, хотя он создал ее в кузнице «Карабелы», а не на Деймосе. Я видел след пайки, где новая рука встречалась со старым серебром, но решил не акцентировать на этом внимания.

Малхадиул остановился, заметив Аннику, стоящую рядом со мной у трона.

--- Унквизитор, --- сказал он.

--- Привет, Мал.

--- Ваше присутствие --- приятный сюрприз.

Их неловкую учтивость прервал вокс.

--- Говорит ярд Гримнар, всем кораблям Унквизиции на орбите. Внемлите моим словам, все вы. Оставьте свои жестокие намерения, и этот день закончится без кровопролития. Повторение инцидента с «Трезубцем» натолкнется на такой отпор, при котором вам попросту не уцелеть. Мне не доставляет удовольствия угрожать, но вы сами вынудили нас. Теперь подтвердите, что услышали и поняли это сообщение.

Капитан Кастор тихо присвистнул.

--- Если они действительно вышли из себя, у нас не будет времени даже обгадиться перед смертью. Уж лорд Цорос должен бы понять.

Малхадиил пристально встатривался в оккюлюс.

--- Я бы не слишком рассчитывал на это, капитан. Наш лорд очень честолобив. Он бы многое отдал, чтобы в его свитке

почести было сказано, что он непоколебимо стоял на стороне Инквизиции против оступившихся Волков Фенриса.

+ У нас проблемы, + отправил я.

Малхадиил все еще смотрел.

+ Да, брат. Проблемы. +

Ответил не лорд Ёрос. Вместо него по воксу затрещал новый голос, передаваемый по всему флоту.

--- Магистр ордена Гримнар. Я лорд-инквизитор Киснарос. По правую руку от меня стоит гростейстер Ёрос из Восьмого братства Серых Рыцарей. Ты лишь обычный человек, Логан. Обычный человек, защищенный госпехами и неуместной гордыней. Сколько с тобой Волков? Восемьдесят? Максимум девяносто? Пусть над этим разрушенным миром твой флот превосходит наш. Но у Инквизиции глинные руки, а флотодиноккого ордена Агентус Астартес --- лишь щепка в буре. На что ты надеешься? Мы все равно выследим каждый корабль, который попытается скрыться, и при этом целые миры сгорят лишь для того,

чтобы тайна не распространилась дальше.
Каждая прослушивающая станция, которая
отметила прохождение корабля, будет
уничтожена. Каждый мир, где
ошвартуется такой корабль. Миллиарды
миллиардов жизней, Гримнар. Поэтому я
со всей скромностью прошу тебя подумать
еще раз. Твое решение определит не
только дальнейшую участь солдат.

--- Дурак, --- выдохнула Анника.

Я обернулся к ней.

--- Вы знакомы с этим «лордом-
инквизитором Киснаросом»?

--- Едва. Я впервые встретила с ним
на собрании, где решалась судьба
населения. Мы с ним не очень поладили.

Я сглотнул вдох.

--- Приготовьтесь зарядить оружие и
поднять пустотные щиты.

--- Так точно, сэр, --- ответил Кастор.

Ответ Гримнара прозвучал
характерно резко.

--- Эти солдаты сражались за
Империи. Империи не отвернется от
них. Твой выбор прост, охотник на ведьм.
Отступи и выживи, чтобы однажды

вырастить собственный мерзкий помёт, или продолжай угрожать нам, и узнаешь пределы терпения Волков.

По связи донеслось тяжелое дыхание Киснароса. Он явно не привык к неподчинению.

--- Мы -- Инквизиция Его Святейшего Величества, ты -- грязный дикарь. Наша власть абсолютна. Мы лучше твоего знаем, что хорошо для человечества. Твое дело подчиняться. Не больше.

--- Какие грозные слова для человека, у которого так мало пушек. Эти люди не осквернены, инквизитор. Отпустите их, и все закончится.

--- Я скажу тебе, как все закончится, -- сказал Гримнар. Все закончится, когда ты, верховный лорд Фенриса, будешь стоять на коленях, поставив шею под клинок противника. Откажешься, и твой орден ждет отлучение, а твой жалкий родной мир -- экстерминатус.

У меня кровь застыла в жилах. Даже внешнее спокойствие полностью не смогло скрыть мой шок при этих словах.

+ Это... это угроза, подобно которой я

еще не слышал, + отправил Малхадиил.

+ Он не может говорить это всерьез, +
отправил я в ответ.

+ Нет? Тогда это блеф безутца. +

Ответ ярла Гримнара пришел пару
мгновений спустя.

--- Уважаю людей с таким ярким
воображением. Впрочем, Киснарос, твоим
бредням не суждено сбыться. Нашу беседу
пора заканчивать, маленький охотник за
колдунями. Мой флот готовится к
отбытию. Мы не откроем огонь, если вы
не выстрелите первыми, поэтому пусть
вами руководит совесть.

В последовавшей тишине я
поочередно дал сигнал нескольким
офицерам на мостике.

--- Зарядить все орудия, приготовить
пустотные щиты и переключить
двигатели на скорость атаки.

--- Армейские корабли разогревают
двигатели, сэр.

Вокс снова включился.

--- Говорит гросстейстер Ёрос с
«Огня рассвета». Всем кораблям Серых
Рыцарей, к вам вскоре поступит список

целей. Приготовьтесь к атаке по моей команде. Обездвижьте свою цель и двигайтесь к следующей. Мы стоим до конца, пока они будут беззащитными.

Анника облокотилась на поручень, наблюдая за оккюлюсом. Она склонила голову и вздохнула. Капитан Кастор встал перед гололитическим изображением перед троном.

— «Огонь рассвета» приказал нам обездвижить армейский транспорт «Мужество».

Тихий голос Анники показался напряженным.

«Гиперион, мы должны остановить это».

+ У меня приказ лорда-инквизитора и моего гростейстера. Даже совесть твердит мне, что риск распространения скверны слишком велик, чтобы позволить этим людям жить. Именно так всегда работала Инквизиция. Уж вам-то стоило об этом знать. +

«Мы никогда не истребляли верные партии в подобных масштабах».

+ Однако вы приказываете мне не открывать огонь. А сколько инквизиторов на борту «Рассвета» и «Надежды Корела» требуют обратного? Десяток? Больше? +

Она не возражала. Эта битва была проиграна много дней назад, еще до сожжения «Трезубца». Она просто глядела на оккуплюс вместе с остальной командой.

— Я рад, что Галео и другие мертвы, — вслух сказал я. — Это был бы слишком бесславный способ погибнуть.

II

Первым огонь открыл фрегат «Его гневный хор». Один из братских кораблей «Карабелы», сходный с ней по размерам и скорости, точным лэнс-ударом озарил щиты правого борта «Бастиона Торы».

Армейские транспортники беззубы в пустотном бою. У некоторых из них может быть усиленная броня и мощные генераторы щита, но даже они редко когда обладают внушительной огневою мощью.

Эти толстые китобои пришлось использовать по необходимости, когда Армагеддон позвал на помощь, и они едва ли были лучшими образчиками искусства кораблестроения.

«Бастион Торы» даже не отстреливался, несмотря на то, что многократно превосходил размерами своего противника. Его тонкие пустотные щиты затерцали под лэнс-лучом пятном бьющих цветов, став видимыми для невооруженного глаза, пока они поглощали урон.

«Карабела» отделилась от флота, целясь в неповоротливый корабль «Мужество». В приказах больше не было необходимости. Кастор управлял действиями корабля через пульты на подлокотниках трона, не обращая внимания ни на что, кроме гололитического экрана, отбрасывавшего резкое блеклое свечение на лица окружающих.

«Мужество» не ушло далеко. Как и в случае с «Бастионом», его слабые щиты прогнулись под лэнс-ударами с близкого

расстояния. Кастору потребовалось меньше минуты, чтобы направить точные разрезающие лучи сквозь натужно рычащие двигательные палубы корабля.

Приказ обездвижить корабль и переходить к следующей цели казался бескровным. Это далеко не так. Даже на маленьком корабле вроде «Карабелы» экипаж составлял более двадцати тысяч душ, и какими бы прицельными не были лэнсы Кастора, они все равно пробивали путь в глубины корабля, где находилось около полумиллиона человек.

Я почувствовал их гибель. Лишь как призрачный, осязаемый звук, отголосок далекого крика, едва достигавший ушей. Волну надежды, страха, потери и паники не мог игнорировать никто во флоте, обладающий хотя бы толикой психической чувствительности. Даже Анника, которая в лучшем случае была латентно чувствительной, закричала зубами.

«Огонь рассвета» и «Надежда Корела»несли настоящие потери. Военные корабли прокладывали путь сквозь поднимающиеся с орбиты транспортники, ведя огонь из

невероятно огромных оружейных батарей. Они без усилий пробивали щиты и уничтожали грузовые суда, даже не пытаясь целиться, как наши меньшие корабли.

Когда мы подошли к следующему китобой, «Рунное пламя» уже поджигало нас. Корабль развернулся перед нами и ринулся вперед и поверх корпуса транспортника «Аркаин». Наши орудия замедлили темп стрельбы, а затем и вовсе замолчали.

Капитан Кастор прищурился.

— Они быстрые, и их курс невозможно предугадать. С каждым выстрелом я рискую попасть в «Рунное пламя».

Такая же картина повторялась по всему флоту. На высокой орбите дрейфовало несколько подбитых армейских транспортников, которые не успели убежать. Большинство других судов были прикрыты эскортными кораблями Космических Волков, и пока по меньшим фрегатам попасть было непросто. Задачей, крупные фенрисиийские крейсеры практически не позволяли точно

прицелиться.

--- Говорит Гиперион с «Карабелы»,
прошу уточнить приказ.

--- Вы получили его, --- разнесся по
мостику голос инквизитора Киснароса.

--- Приказ моего гроссмейстера ---
обездвижить армейские транспортники
Имперской Гвардии.

--- А приказ того, кто стоит выше
моего гроссмейстера по званию, требует
уничтожить любой корабль, который
попытается помешать правосудию
Инквизиции.

--- Я не открою огонь по военному
кораблю Агентус Астартес. Кастор,
вызови «Рунное пламя».

--- Готово, сэр.

--- Говорит военный корабль Серых
Рыцарей «Карабела». Прием.

--- На связи, Сломавший Клинок.

--- Хриплая Глотка, ты должен
выслушать меня. Это зашло слишком
далеко. Инквизиция откроет по вам огонь.
Вы высказали свою точку зрения, а теперь
отступитесь.

Я слышал, как команда с мостика

выкрикивает приказы и отчеты. Наши корабли уже вели огонь, взрывая термоядерные заряды рядом с кораблями Космических Волков, чтобы ударной волной снести их в сторону.

Волк растеялся.

— Мы не высказывает свою точку зрения, Словавший Клинок. Мы делаем то, что должно.

— Ты не можешь знать, что все души без исключения свободны от скверны.

— Ярл уже все сказал, Серый. Вам не позволят вырезать миллионы только потому, что какая-то горстка из них собрана. Взгляни на себя, рыцарь, и скажи, действительно ли Император хочет этого от защитников Империи.

— Только глупец станет угрожать бесчисленным миром, руководствуясь своим оптимизмом, Волк! — я едва не сорвался на крик, взбешенный его упрямством. — Ты навлечешь кару на весь свой орден. Ты не можешь стрелять в инквизиторские корабли и избежать возмездия!

— Взгляни на небеса, брат. Ты видишь, чтобы мы стреляли?

--- Я...

+ Он прав, + отправил Малхадиил. +

Взгляни сам. +

--- Кастор, дай мне вид на флот.

Оккүлюс стал показывать корабль за кораблем, разделенные масштабным пустотным конфликтом, хотя эвардейские суда не могли тягаться с нами в скорости. Корабли Серых Рыцарей и Инквизиции вели огонь. Некоторые выстрелы попадали в отставшие транспортники, но большинство превращалось в маслянистые разводы вокруг кораблей Волков.

Ни один из них не стрелял в ответ. Ни единый. Флагман «Скрамасакс» держался под спаренной атакой из лэнсов «Правителя Черных Небес» и «Огня рассвета». Его щиты постепенно распагались под напором, но он продолжал идти рядом с бочкообразным транспортным кораблем.

--- Гиперион с «Карабелы», ---
протрещал голос лорда Ёрора. --- Тебе приказано уничтожить «Рунное пламя».

--- Слушаюсь, мой лорд.

Анника смотрела на меня. Капитан Кастор смотрел на меня. Малхадиил смотрел на меня.

--- Прицелиться в «Рунное пламя».

--- Готово, сэр.

--- Хриплая Глотка, ты слышишь меня?

Возможно, он не слышал или предпочел не отвечать. Я набрал в грудь воздуха, чтобы заговорить, хотя не знал, что именно намеревался сказать. Но прежде чем слова сорвались с моих губ, оккюлюс взорвался светом.

--- Варп-разлом! --- закричали несколько членов команды. Вокс расцвел новой жизнью, когда сквозь прореху во Вселенной вырвалась тяжело бронированная боевая баржа костодесанта. На ее прочнейших бортах красовались огромные бронзовые головы волков, воющих на черное солнце.

За главным кораблем следовал целый флот фрегатов и эстинцев, оставляя позади следы пламенного света.

Анника растаялась, после чего запрокинула голову и взвыла. Несколько

сервиторов обернулись к ней в
остолбенении.

По воксу зарокотал голос ярла
Гримнара.

--- Лорд-инквизитор, можете
поприветствовать фенрисийскую боевую
баржу «Гильфархейм» и ее флот, --- после
продолжительного молчания он не
удержался от подколки. --- Полагаю, вам
захочется прекратить огонь. Я не
ошибаюсь?

Последовала очередная пауза, которая
продлилась не в пример дольше.

--- Говорит лорд-инквизитор Киснарос,
всем силам Инквизиции, отбой. Повторяю,
отбой.

Вокс-каналы по всему флоту внезапно
охватил статический шум, за которым
последовал протяжный победный вой.

Атакующий флот затеделся ---
сначала до минимальной скорости, а
затем просто застыл посреди космоса. Мы
смотрели, как Волки уводят армейские
транспортники с ярко пылающими
двигателями.

Глава двадцать первая

СДЕРЖИВАНИЕ

7

В вопросах пресечения, устранения и возмездия Инквизиция была исключительно готова. У нее также имелись обширные и всеобъемлющие архивы на всех, кто пал жертвами ее прихотей. О многих последствиях событий на Армагеддоне я узнал из секвестированных имперских записей, сокрытых силой инквизиторской печати. Остальное я почерпнул в разумах своих братьев и инквизиторов, которые были в то время на планете и читали разум тех, кого им приходилось убивать.

Анна часто повторяла фразу, превосходно характеризующую реакцию оргосов после того, как Волки ускользнули из наших рук.

Пролей достаточно крови, и тайна утонет в ней.

Вот чем мы занимались. Вот как Инквизиция работала уже тысячи лет. Устремить все следы преступления так, чтобы о нем никто и никогда не узнал.

Анника не оправдывала массовые убийства, которые последовали за Армагеддоном, но в ее словах крылась истина. Неважно, как далеко распространилась информация, ее всегда можно было сохранить в тайне, если заткнуть достаточно ртов. Сдерживание — ключевой фактор. Так говорят наши повелители.

Волки подвели нас. Это можно рассматривать как действия благородного братства, желавшего видеть Галактику сквозь призму моральной чистоты, которой попросту не существовало, хотя она и заслуживала такое право.

Более реалистичная картина, пусть и не столь лицеприятная, состояла в том, что Волки знали, как мы отреагируем. Инквизиция не собиралась сидеть сложа руки, когда по Империи распространяется ужасающий секрет.

В последовавшие месяцы Серые

Рыцари и наши повелители потянули за все возможные ниточки. Я никогда не стану отрицать этого.

Волкам следовало знать, что мы можем предпринять. Инквизицию вынудили на подобные действия. Другими словами, Волки разделяют с нами вину за те миллиарды жизней, которые мы оборвали после Армагеддона.

Но лично я их не обвиняю. Они --- Agentys Астартес, рожденные, чтобы быть в первую очередь оружием и только затем рассудительными политиками. Они сочли бы трусостью --- то есть качеством безнравственного врага --- пресекать большее зло, совершая зло меньшее. В этом заключается честь. В этом заключается простоватая, дукарская честь. Они, грубо говоря, существа не прагматичные. В чести нет места прагматизму.

Мы же были рождены, обучены, тренированы и поклялись всегда видеть большее, переступая через личную честь и жизни нескольких миллионов душ. Нашей работой было защищать всю расу, и жизни

миллиардов для нас имели большую ценность, чем миллионы.

Я уважаю Волков. Я даже прощаю их за узость мышления, за упрямую честь. Я не злюсь на них за то, что своими действиями они заставили навеки умолкнуть десять миллиардов невинных голосов вместо пары миллионов потенциально зараженных порчей.

Но Инквизиция не столь великодушна.

II

Палас Меридиан.

Астероидный пояс в семи системах от Армагеддона в сторону ядра Галактики и нескольких неделях варп-полета для кораблей со стандартными прыжковыми двигателями.

Астероидный пояс состоял из бесполезных, лишенных каких-либо ценных металлов каменных глыб, которые вращались вокруг ничем не примечательного светила. Ради полноты

картины стоит добавить, что это, судя по всему, были остатки планеты, уничтоженной естественными силами много тысяч лет назад, еще до того, как человечество впервые отправилось к звездам.

Значение эта система представляла только для Агентус Астра Телепатика — тут находилась астропатическая ретрансляционная станция связи между планетами, слишком удаленными для быстрых или надежных передач.

За четыре дня до уничтожения она засекала армейские транспортники Имперской Гвардии «Первородство человека» и «Безумная королева», которые после недавней кампании на планете Армагеддон проходили по участку отслеживаемого ею космоса. Станция записала несколько вокс-сообщений между кораблями, а также впечатления от общения между астропатами на борту обоих кораблей.

Данные передали в архив, и о них тут же забыли, они казались такими же бессмысленными и ничем не

примечательными, как все прочие.

В ночь гибели один-единственный фрегат стандартной шаблонной конструкции модифицированной модели Agentys Астартес уничтожил слабо защищенную ретрансляционную станцию залпами бортовых орудий. После этого он разнес всю астероидную базу в пыль, так ни разу и не сообщив о своих намерениях.

За время атаки корабль отклонял все попытки установить с ним связь и не подходил ни под один из известных транспондерных кодов.

Станцию Ралас Меридиан обслуживал персонал численностью в триста сорок шесть человек и наемных сервиторов. Выживших не было.

Выполнив задание, военный корабль Серых Рыцарей «Перетирие» миновал астероидное поле и прыгнул обратно в варп.

Ценгара Квинтус, что в Третанийском секторе, был отнесен Императором к категории миров заматеривший, но не настолько многолюдный, как мир-улей. Его главным населенным центром был город-государство Шлюструм (население девять миллионов человек) в устье реки Шума.

Планета находилась во многих-многих световых годах от Армагеддона, так что большая часть образованных граждан даже слыхом не слыхивали об этом далеком мире. О существовании такой планеты знали только те, кто сражался за нее, и те, с кем они говорили после возвращения домой.

Ценгара Квинтус была защищена мощной сетью орбитальной обороны, которая, впрочем, не активировалась, когда военные корабли Серых Рыцарей «Правитель Черных Небес» и «Огонь рассвета» вошли в ионосферу мира.

Орбитальная оборона оставалась отключенной, даже когда военные корабли обстреливали города с небес, ни разу не

ответив на мольбы о пощаде с поверхности.

Спустя пять дней после того, как спутниковая защита так и не смогла включиться, Ценгару Квинтус оставили в безжизненном, безмолвном покое. Выставленные на орбите маяки предупреждали проходящие мимо корабли держаться подальше от мертвого мира, сообщая о безжалостном вторжении ксеносов, которые уничтожили на планете всю человеческую жизнь.

JV

Тибульт --- мир, как полагают, назвали в честь героя древних евразийских легенд. Несмотря на статус мира --- поставщика сельскохозяйственной продукции, он также предоставлял десятину в виде призывников для Имперской Гвардии. В конце 444.М41 как раз проходило основание 171-го Тибультского стрелкового полка.

Нередко корабли, которые длительное время шли по близлежащим транзитным варп-путям, останавливались для дозаправки и пополнения припасов в обширных орбитальных доках Тибұльта. В утро гибели планеты три корабля как раз занимались этим над восточным полушарием планеты, одним из них был транспортник Имперской Гвардии «Казус Белли».

Верфь взорвалась после прямого попадания ядерных боеголовок, прилетевших из глубокого космоса. Все три корабля рухнули на планету вместе с доком, спустя несколько часов сгорев в атмосфере.

Экипажи кораблей, которые почти в полном составе спустились на поверхность Тибұльта, пережили их почти на целый час. Они погибли вместе с остальным населением планеты, когда военный корабль «Надежда Корела», перевооруженный по инквизиторскому указу, взорвал над основными городами вирусные бомбы.

Вирусное вещество, содержащееся в каждом шарообразном снаряде, представляло собой искусственный штамм цитотоксического агента, который был выведен древними учеными для службы человечеству во времена имперской экспансии. Даже при незначительном контакте оно поглощало всю клеточную жизнь в любой органической форме, от земли и деревьев до плоти, крови и кости, -- а сам вирус беспрепятственно распространялся по всей планете, обрекая на гибель все, с чем контактировал, убивая даже микробы в воздухе.

Заболевание пожирало все, к чему прикасалось, расщепляя до клеточного уровня. В конечном результате большинство биотических существ превращались в легковоспламеняющуюся, богатую на химические соединения субстанцию, чем-то напоминающую органическую слизь.

Поразительно, что творцы Империи могли изобрести искусственную болезнь, которая истребляет и плавит все живое, обращая

его в инертную субстанцию. С какими же врагами пришлось столкнуться нашим предкам, чтобы им понадобилось столь ужасающее оружие?

Тибульт сгорел в тот же день. Пока все еще живое население постепенно разлагалось вместе с планетарной экосистемой, атмосфера в результате распада веществ перенасытилась воспламеняющимися газами.

Второй бомбардировкой, на этот раз из плазменных батарей, военный корабль поджег загустевший, отравленный воздух планеты. Мир-могила из биологической слизи Тибульт был полностью выжжен взрывом атмосферы. Через несколько часов после прибытия «Надежда Корела» покинула поверженный мир, оставив после себя раскаленную скалу и пустые города.

V

Аванпост Агентус Механикус Приам Новус представлял собой обычную станцию

слежения на границе Армагеддонского субсектора. Его главная задача состояла в учете имперского судоходства в северных пределах региона.

В его последних логах хранились записи касательно прохождения транспортного корабля «Юлицез» из Армагеддона в Геликанский субсектор.

Несмотря на это, станция глубоководности Приат Новус играла в человеческой империи довольно скромную роль, ее защищала тактическая группа перехватчиков типа «Фүрия». Эскадрилья «Сайрус Омега ХА-11» была хорошо обучена и имела опыт в отражении нападений пустотных пиратов.

Когда эстинец Серых Рыцарей «Безупречное исполнение» вырвался из варна и обстрелял Приат Новус торпедатами, эскадрилья «Сайрус Омега ХА-11» тут же поднялась в бой. Пилоты прожили чуть больше, чем три тысячи душ на борту самой станции, поскольку военный корабль не обращал на них ни малейшего внимания. Когда уничтожение закончилось, «Исполнение» развернулось и

прыгнуло назад в варп.

Последним утершим членом эскадрильи «Сайрус Омега ХА-11» была командир крыла Фалана Дешиван. Она, как и остальные пилоты, задохнулась в кабине, когда несколько дней спустя подошли к концу запасы кислорода. В каком-то смысле это стало милосердием, ведь продержись бойцы еще три дня, силовые батареи перехватчиков истощились бы, и они затерзали бы насмерть.

VJ

После перехода в варп армейский транспорт «Полет Мерлина» оказался в безопасности. Его капитан Арзан Валой поблагодарил Волков за своевременную помощь и облегченно вздохнул, когда варп-двигатель взревел, оживая. Со вспышкой хаотического света они отправились в путь, подальше от безумия, которое охватило половину флота на орбите

Армагеддона.

Пять недель спустя их навигатор доложил о странных силуэтах в вихрях варп-пространства --- неописуемые очертания, скользящие по течениям рядом с ними. Капитан Валой был осторожным человеком. Он соблюдал осторожность и считал, что всегда лучше перестраховаться. Поэтому капитан приказал «Полету Мерлина» выйти из варпа и позволить навигатору отдохнуть, прежде чем направиться дальше.

Когда на палубах инжинериума начали процесс стабилизации энергии в варп-двигателях для обратного выхода в реальность, силуэт, увиденный навигатором Валоя, дал о себе знать. Защищенный надежными щитами и гексаграммной изоляцией от ужасов варпа, корабль Серых Рыцарей вышел по нечистым течениям прямо к транспортнику и протаранил его.

Через пробойну в корпусе в «Полет Мерлина» хлынула ядовитая материя варпа, воплощаясь в худшие кошмары команды. Те, кого не убили на месте

порожденные их кошмарами дэмоны, были разорваны в клочья за пару следующих минут, когда сущности волны варпа пронесли по развороченным палубам.

«Полет Мерлина» вернулся в реальное пространство спустя тридцать три ночи, в нескольких субсекторах от того места, где он вошел в варп. Высланная Инквизицией для зачистки группа не нашла среди обломков ни единого выжившего человека, а гололитические записи последних секунд жизни корабля были сокрыты высочайшим повелением Инквизиции, передавшей их на сохранение в монастырь Титана.

VJJ

Волки не могли поспеть везде. Возможно, они недооценили рвение Инквизиции, оставив за пределами своей защитной сети так много вероятных целей. Я не могу сказать точно, поскольку мне так и не дали возможности спросить.

Но если они защищали свои интересы, то всегда превосходящими силами. По приказу лорда-инквизитора Киснароса «Надежда Корела» вырвалась из Моря Душ на границе Порфирской системы. Малхадиил и я были вместе с «Надеждой», все еще командуя «Карабелой».

После гибели Галео и Дүменидона целые миры пришлось сжечь или предать мечу только для того, чтобы защитить тайну увиденного нами на Армагеддоне. Мы атаковали конвои и уничтожали пустотные станции за то, что они услышали обрывок вокс-послания или опознали корабль, который не должен был покинуть Армагеддон. Никогда раньше мой долг не казался мне таким тяжким. Праведность, не подкрепленная моралью, горчит, и не важно, насколько серьезной была необходимость.

Примарх. Слово, овеянное лифами.
Анзрон. Лорд Двенадцатого легиона.
Остальному Империи не позволено было знать, что собственные сыновья Императора восстали против него, как не позволено было знать и то, что в царстве

теней существуют Серые Рыцари, сражающиеся против существ, которые не принадлежат нашей реальности. Мы прилагали все возможные усилия, чтобы мельчайшие грехи не достигали глаз и души имперских граждан, а величайшая тайна превратилась в апокрифы и легенды темного прошлого.

Тде ит и следовало оставаться.

Я проводил намного больше времени, чем следовало, в медицинском отсеке «Карабелы», разговаривая с криогробами покойных братьев. Их саркофаги заперли в хранилище, но я все равно снова и снова возвращался к ним. Иногда я извинялся. Иногда просил совета. Но большей частью я размышлял над теми уроками, которые не достиг под их руководством, и задумывался, каким чудом достигнуть уровня столь славных воителей.

Еще чаще я говорил с Энцеладом. Когда с него срезали доспехи, он предстал истощенным, изломанным существом из разорванной плоти. Он дрейфовал в атмосферическом баке, дыша через маску.

его глаза затащили бельма. Даже если он проснется, то уже не сможет видеть. Армагеддон погубил его, но он просто этого еще не принял.

+ Очнись, + бесконечно отправлял я лишенному конечностей телу, с которого сняли всю бионику.

Он не отвечал. Возможно, это было хорошим признаком — признаком исцеления. Возможно, как раз наоборот. В любом случае Надион не мог сказать точнее.

Малхадиил нередко находил меня там и возвращал обратно на мостик. Так же и Анника. Только Кловон и Василла оставались со мной: первый бесстрастно наблюдал, вторая молилась, пока я сидел в раздумьях, и временами расспрашивала о моих братьях. Странно, но я находил в этом утешение. Подобные беседы исцеляли душевные раны, и отсутствие братьев в моем разуме казалось не таким острым.

— Спасибо, — сказал я ей однажды ночью.

Она не стала притворяться, будто ничего не понимает. Она улыбнулась своей

терпеливой улыбкой — слишком мудрое выражение для ее юных лет — и просто ответила:

— Не за что.

Гарвен Меррик навестил меня лишь однажды, когда я корпел над последними отчетами по нашей так называемой «холодной войне» с Волками. Они почти не отличались друг от друга: краткий перечень инцидентов, в которых Инквизиция докладывала об уничтожении колонии, города или костической станции, уравновешивался случаями, когда прибывшие корабли Серых Рыцарей или Инквизиции встречали корабли Костических Волков, блокировавшие цель.

В докладах почти не говорилось о боевых действиях, а также не упоминалось о конфликтах. Волки никогда долго не ждали и не открывали огонь, когда по ним не стреляли. Они хотели только спасти как можно больше душ и рассеять их по нашему пути следования.

И это действовало. Неделя за неделей, система за системой, это работало даже слишком хорошо. За пять месяцев войны на

уничтожение, рейдов и отступлений было несложно увидеть, что мы не сможем уследить за всеми. Люди рассеялись слишком широко. Некоторым душам, узнавшим о наших секретах, почти удалось спастись. Барн потерпел, некоторые и в самом деле спаслись!

Самым ярким примером этому стали Барсаванские Драгуны. Волки провели армейский транспорт с барсаванцами на борту после того, как направили несколько наших кораблей по ложному следу в глубокий космос, и высадили выживших на разных имперских мирах в нескольких субсекторах. Разве мы могли надеяться отыскать пару тысяч солдат на планете с населением в три миллиарда человек? И на каких мирах следовало проводить расследование, не говоря уже об экстерминации?

Серые Рыцари поняли уловку Волков раньше инквизиторов, державших наши поводки. Не раз во время встреч через гололитические передачи мне приходилось наблюдать за тем, как лорд-инквизитор Киснарос криками отменял всякие

возражения представителей нашего
органа. Он все еще был уверен, что мы
можем сдерживать распространение правды.
Конечно, мы могли, по логике так оно и
было, но цена такого сдерживания
становилась совсем уж абсурдной.

По правде говоря, едва ли что-то
важное можно добавить к архивам. За
каждую зачистку, которую мы проводили
по приказу Инквизиции, Волки не давали
нам совершить еще одну. Они ни разу не
позволили втянуть себя в бой или застать
врасплох.

Как-то капитан Кастор сказал мне,
что большую часть жизни он провел в
ожидании. Даже в качестве главного
смотрящего на военном корабле Серых
Рыцарей. Не так уж часто «Карабеле»
приходилось сражаться в пустотных боях,
в которых она с легкостью одолевала
большинство врагов, либо же проворно
уходила от них при необходимости.
Месяцы, которые мы провели в погоне за
Волками и уничтожении всех сведений об
Армагеддоне, служили лучшим примером
той скуки, которой был охвачен Кастор.

Если делать что-то постоянно, даже безнравственность становится рутинной. Человек привыкает. Он теряет интерес. Сколько гражданских целей, уничтоженных с небес, я мог оплакивать так же, как на первых порах?

Я находился в кают-компании Кастриана, изучая последние доклады с инструктажа, когда ко мне зашел поговорить Гарвен Меррик. Он был в своих потрепанных доспехах арбитра, но без самых тяжелых пластин на плечах и груди. За спину у него был небрежно переброшен дробовик, словно у охотника, идущего на любимое дело.

Кибертастиф шагал следом за ним, хотя, наверное, более точным определением его походки была бы трясца, поразительно напоминавшая движения настоящего пса.

+ Привет, Вера, + отправил я механическому зверю. Точно не знаю, из чего состояло существо, но что-то в его искусственном мозгу будто улавливало мое бессловесное приветствие. И все же он никогда не давал об этом знать. Зверь

безучастно посмотрел на меня глазами линзати, после чего принялся дальше сканировать окружающее пространство, медленно вода головой из стороны в сторону.

--- Сэр, --- поприветствовал меня Меррик. --- Могу я поговорить с вами?

Это были буквально первые слова, которыми мы обменялись более чем за год знакомства. Взглянув на его поверхностные мысли, я понял, что он не знает, следует ли ему отдать мне честь. Старые привычки, оставшиеся со времен, когда он еще был офицером сил правопорядка, оттирала с огромным трудом.

--- Нет необходимости, --- сказал я ему.

--- Нет необходимости, сэр?

--- Нет необходимости отдавать честь.

Он нахмурился, явно не обрадовавшись тому, что я залез к нему в голову.

--- Как скажете, сэр.

Не лучшее начало.

--- Прости, я не хотел причинять тебе неудобство. Просто инстинкт. Что тебе

нужно, Гарвен?

--- Вы ведь хорошо знаете инквизитора Ярлсготтир?

Вопрос обеспокоил меня, ведь я понятия не имел, как следует ответить.

--- Даже не знаю. Я знаком с ней лучше, чем со всеми другими людьми, с которыми мне приходилось встречаться, --- я остановился. --- Это приемлемый ответ?

--- Вполне. --- Меррика отличали немногословность, легкая небритость и нежелание встречаться взглядами. Наверное, именно поэтому его общество показалось мне парадоксально комфортным: --- Я не претендую на то, чтобы понимать таких, как вы, сэр.

--- А я не претендую на то, чтобы понимать вас, --- ответил я и выдал из себя улыбку, чтобы показать, что это шутка. Он не застеснялся.

--- Пусть все будет, как есть, сэр... вы ведь с инквизитором друзья?

Я бросил на него долгий взгляд.

--- А ты мастер задавать вопросы, на которые мне сложно ответить.

--- Забүдьте, сэр, --- он повернулсѧ, собравшись үйти.

--- Постой. Да, мы с ней грузья. Но крайней тере, были.

Он повернулсѧ обратно.

--- Она злится. Я бы даже сказал, разъярена. Я тревожусь за нее. Все мы.

--- Полагаю, она поведала вам о наших текущих приказах?

--- Да, сэр. Соединиться с армадой Киснароса ү Хайкарана и выдвинуть ярлү Гритнарү үсловия.

Я кивнул.

--- У я также полагаю, что инквизитор Ярлсготтир не верит в добрые намерения Киснароса относительно этой встречи?

--- Думаю, вы үже знаете, что она не доверяет емү, сэр.

Не заботясь о его үдобстве, я снова влез в его разум. Он говорил правдү, его опасения были связаны с Анникой, которая может потерять объективность, терпение и равновесие. Он волновался, что она может сделать какую-то глупость и погибнуть.

Но не это было главной причиной, по которой он пришел ко мне. За этой маленькой правдой скрывалась большая.

--- Вероятно, она самая способная душа на этом корабле, --- ответил я. --- Ты знаешь это не хуже меня.

--- Но она не бессмертна. И у нее резкий нрав, простите за мои слова, сэр.

Как будто я и сам этого не знал.

--- Я присмотрю за ней, Гарвен. Клянусь тебе. Что-то еще?

--- Нет, сэр. Ну. Да, сэр. Конечно, если у вас будет время. Просто хотел узнать, можете ли вы попросить у серебряной шестеренки помочь мне кое с чем.

--- Его зовут Аксиум. А в чем проблема?

--- Вера. Мы не пришвартовывались уже пару месяцев, а мне нужны инструменты и запчасти, чтобы ухаживать за ней. Техножрец смог бы раздобыть их для меня.

--- Мож бы. Но советую тебе не называть его в лицо «серебряной шестеренкой».

--- Простите, сэр.

--- Ничего, --- я пригнулся, переведя внимание на кибер-тастифа. --- Пошли, Вера.

--- Вера, вперед, --- сказал Меррик. Нес загудел и защелкал суставами, подогдя ближе ко мне. Я взглянул на царапины, покрывающие его зубастую челюсть, и щитки на боках.

Вера вроде хорошо ко мне относилась, хотя я едва ли разбирался в таких вопросах.

--- Еще Малхадиул может помочь тебе. Поговори с ним.

От лица Меррика отхлынула кровь.

--- Нет, сэр. Он... я видел, как он раздумом разбирает технику.

Я невольно улыбнулся.

--- Понятно. Тогда я скажу Аксиуму, что ты зайдешь к нему.

--- Спасибо, сэр, --- он отдал честь, хотя это было не так уж и нужно. Вера еще раз обернулась ко мне и пробежалась вокруг ног хозяина.

Через пару секунд корабль тряхнуло достаточно сильно, так, что мы оба пошатнулись.

--- Нелезкая дорога, --- сказал Меррик.

--- Мы не выходили из варна, ---

ответил я. --- В нас что-то попало.

Завыли сирены, и одновременно с ними раздался голос Мала.

+ Уди на мостик, + отправил он мне. +

Киснарос начал войну. +

VJJJ

Когда я добрался до мостика, по нам уже велся огонь. Кастор поднялся с трона и, перекрикивая гребезжание корпуса, что-то приказывал кортчим. Малхадиул стоял у оружейных пультов, наблюдая за работой офицеров.

Оккүлюс показывал единственное судно, линейный корабль «Скратасакс», принимающий на себя удары, которые не должны были предназначаться ни одному имперскому военному кораблю. На его укрепленном хребте бұшевало пламя, едва видимый щит прогибался и терзал, то появляясь, то исчезая.

Я перепрыгнул поручень и
приземлился возле Малхадиила.

--- Трон, только взгляни на него, ---
сказал я. --- Он почти обездвижен. Кто
первым открыл огонь?

Лицо Малхадиила было
выразительнее слов.

--- Даже не стану гадать, брат.

Я обернулся к Кастору.

--- Отчет о ситуации.

--- Вы и сами все видите, сэр, ---
Кастор поправил кожаную шинель и
легким взмахом обтянутой перчаткой
руки стряхнул невидимую пылинку с
золотой пуговицы. --- Мы выпрыгнули из
варна для соединения с армадой Киснароса.
Флот уже сражался.

--- Мы получили какие-либо приказы?

--- Только открыть огонь, когда
покажется в пределах досягаемости.

--- Сколько еще кораблей в армаде?

Малхадиил встал за тактический
гололит и принялся управлять им с
помощью сенсорных подушечек на кончиках
пальцев. Он развернул звездное поле,
поочередно выделив корабли.

--- Я насчитал пятнадцать вместе с «Карабелой».

Я смотрел, как флагман Логана Гримнара вращается и горит в пустоте, защищенный только мерцающим, то и дело отключающимся щитом. Картина того, как древний флагман Великой роты Костиических Волков разваливается на части, врезалась мне в память. Я никогда не забуду этого момента. Никогда. Это должно было быть перетирие на нейтральной территории. Нам приказали прибыть сюда и ждать, пока Киснарос будет выдвигать условия перетирия, дабы положить конец месяцам разочарований и глупости.

На этот раз Волки отбивались. Но слишком слабо, слишком поздно. «Скратасакс» отвечал разрозненными залпами, огрызаясь на врагов, для которых был слишком слаб.

Малхадиил отстраненно, но не совсем бесстрастно указал на сражающийся крейсер.

--- Этот корабль старше нашего ордена, Гиперион. Уничтожая его, мы

плюет в лицо истории своей расы.

--- Киснарос зашел слишком далеко, ---
я не понимал, что происходит. --- Почему
Волки прибыли только с одним кораблем?

--- На самом деле с пятью, ---
Малхадиил развернул звездную карту под
другим углом. Тогда-то я и увидел
обломки. Битва шла уже несколько часов.

--- Кастор, соедини меня с Уоросом на
«Огне рассвета». --- Ожидая связи, я
наблюдал за тем, как окруженный со всех
сторон «Скратасакс» вращается в пустоте
--- раненый зверь, обнаживший брюхо.

--- «Карабела»?

--- Гиперион на связи. Что происходит,
той лорд? Серые Рыцари ведут огонь по
кораблю ордена Первого Основания. Это...
это богохульство.

--- Набирай атакующую скорость и
вступай в бой с врагом. Обездвижь корабль,
Гиперион, и приготовься
телепортироваться на «Огонь рассвета»
по моему приказу. Мы возьмем Волчьего
лорда за глотку.

--- Сир... нам сказали, что это будут
переговоры на нейтральной территории.

--- Так и было, --- его голос прерывался от вокс-искажения. --- Лорд-инквизитор Киснарос заподозрил Волков в измене. Мы открыли огонь, прежде чем ил представился такой шанс.

--- И вы верите этому, мой лорд?

Он имел наглость растеяться даже в столь трачный час.

--- Ни на миг. Но это наш шанс, брат. Мы захватим в плен Гритнара, и его ордену придется покориться.

--- Это вероломно, Ёрос. Это уталяет честь, воплощением которой является наш орден.

Кастор покачал головой.

--- Сигнал пропал, сэр.

Несколько секунд я стоял как громом пораженный, просто глядя на то, как гибнет «Скратасакс».

Следующий услышанный мною голос принадлежал лорд-инквизитору Киснаросу, который обращался ко всему флоту.

--- Ярл Гритнар со «Скратасакса». Твой корабль горит, и жить тебе осталось считанные мгновения. Властью,

данной мне Его Императорским
Величеством, я уполномочен
предоставить тебе последнюю
возможность послужить Золотому Трону.
Сложи оружие и поднимись на борт боевой
баржи «Огонь рассвета», если хочешь
обсудить условия сдачи. Если же ты
желаешь умереть, слишком гордый, чтобы
признать поражение, то всеми
доступными средствами передай свои
последние слова. Мы почтим твой орган,
прозвонив в Колокол Потерянных Душ,
когда вы исчезнете со страниц истории.

Я не ждал ответа. Я честно думал,
что они умрут в гордом молчании на
борту раненого флагмана. Я даже уважал
их за это.

--- Мы встретимся, --- прозвучал
гортанный ответ. --- Мы встретимся и
обсудим условия.

--- Хорошо, просто отлично! --- Даже
по voxу слышалось, что Киснарос
буквально лучится радостью. В его голосе
не чувствовалось ехидства или
мелочности, из-за чего он становился
только еще неприятнее. Инквизитор

казался довольным и сияющим, ведь он сумел открыть злунцу глаза на все преимущества своего плана. -- Пусть сегодняшний день закончился во тьме, ярлы Гримнар, но солнце воссияет над окончательным примирением.

Корабль Космических Волков ответил внезапным рыком статики, за которым последовала тишина.

-- Мал, -- сказал я. -- Нужно подготовиться. + Анника? +

«Гиперион? Я иду на мостик. Что происходит?»

+ Эндшпиль. Мы идем на телепортационную платформу. +

«Я старше тебя по званию, Гиперион. Я пойду туда же, хочешь ты того или нет. Ничто не удержит меня».

Глава двадцать вторая

КОЛЕНОПРЕКЛОНЕННЫЙ КОРОЛЬ

Д

Мы выстроились ровными рядами под пристальным и привычным взором лорда Уороса. Теперь, когда с Титана и всей Галактики прибыли подкрепления, нас снова насчитывалась целая сотня, множество других кораблей с еще большим числом рыцарей на борту спешили присоединиться к нам.

Собрание походило на темное подобие первой встречи с Великим Волком на борту «Правителя Черных Небес» над Армагеддоном. Но сейчас нас усиливала целая рота инквизиторских штурмовиков в панцирной броне, в которой они напоминали прямоходящих хитиновых насекомых. Анника и другие инквизиторы решили не ждаться в стороне, чтобы не

позволить гросстейстеру Серых Рыцарей
управлять дело самостоятельно. Они
располагались в центре зала во главе с
лордом Киснаросом, который считался в
их компании первым среди равных.

Благодаря своему званию Ёрос стоял
возле лорда-инквизитора, возвышаясь над
его людьми. В резком освещении ангарной
палубы казалось, будто его седеющие
волосы покрыты инеем.

Логан Гримнар спускался по рампе
боевого корабля, его доспехи были
почерневшими и покрытыми вмятинами.
За ним шли всего три волчьих гвардейца.
Несмотря ни на что, я узнал одного из них.
Бранд Хриплая Глотка осматривал наши
стройные ряды и кивнул, когда встретился
со мной взглядом.

Я кивнул в ответ, рискуя отправить
ему телепатический импульс.

+ Мне горько видеть тебя здесь, брат.

+

Он улыбнулся, сверкнув острыми
резцами.

«Я потерял свой корабль пару месяцев
назад, — в этот миг я ощутил его

веселье. — А теперь убирайся из моей головы, колдун. Смотри, как Волки ссдаются».

Ярл Гримнар достал секиру, уверенно шагая к Киснаросу и гростейстеру. Каждый инквизитор напрягся, некоторые воины из их групп крепче сжали оружие. Пока нам не дали теленатический сигнал, мы не шевелились.

— Достаточно, — сказал лорд Ёрос. Он не сделал ни одного движения, чтобы обнажить свое оружие, выказывая, как всегда, достойное уважения спокойствие. По мнению Галео, самообладание — самая ценная добродетель нашего гростейстера.

Ярл Гримнар подчинился и затер в десяти шагах от собравшейся инквизиторской свиты. Он позволил наверху секиры скользнуть на палубу и оперся на рукоять, покрытые царапинами перчатки легли на головку из черного железа.

— Вы нарушили перетирание, — сказал Великий Волк голосом, который походил на сыплющийся гравий. Его спутанные лохматые волосы, местами посеребренные,

окружали обветренное лицо, напоминавшее заскорузлую кору дуба. Он не был стар по меркам костического десантника, но явно прожил уже половину своей жизни. И все же он пылал жизненной силой даже в самых незначительных движениях. Перед нами стояла упрямая старая душа, которая просто так не сдается. Даже сейчас он не выказывал ни единого признака покорности.

— Да, ты нарушили перетирие, — признал Киснарос. — И я молю, чтобы ты со временем простил меня. Тебе следует понять, великий ярл, что из-за репутации твоего ордена в отношениях с имперскими властями цена ваших клятв стоит под вопросом. Сколько раз вы вступали в конфликт с Экклезиархией? А с меньшими подразделениями Инквизиции? Я не был уверен, что могу доверять вам.

Гримнар оскалился.

— Ты нарушил перетирие, убил тысячи слуг моего ордена, а теперь клятвеннопреступниками оказывается ты, когда ты сам — что, впрочем, и не удивительно — открыл огонь первым.

Он взглянул через плечо на трех оставшихся гвардейцев.

— Вот почему ты так редко веришь в то, что говорят чужеземцы, да? Никаких манер.

Волки хохотнули, и Гримнар снова посмотрел на Киснароса.

— Ты хотел поговорить со мной? Я здесь, мальчик. Говори.

Мальчик. В этом с ним было сложно поспорить. Сейчас я впервые стоял в присутствии инквизитора Киснароса, и он оказался намного моложе, чем можно было сказать по нечетким гололитическим изображениям. Не сомневаюсь, что он в свое время перенес омолаживающую операцию. На самом деле Киснарос не мог быть так молод, как выглядел. Ни один человек в двадцать пять лет не смог бы стать лордом-инквизитором. На подобное возвышение обычно уходили века, и требовался легион союзников, приспешников и сторонников.

На нем не было ничего похожего на доспехи, в руках он не держал оружия, за исключением золотого скипетра.

подчеркивавшего его ранг. Можно сказать, он походил скорее на священника, нежели на инквизитора, в одеяниях насыщено-красного цвета и с откинутым шелковым капюшоном, чтобы все могли видеть его лицо.

Голос инквизитора казался таким же толстым, ему не хватало того медного резонанса, который чувствовался в словах всех присутствующих аугментированных воинов.

--- Быстрее было бы телепортироваться сюда, не находишь?

Гримнар пожал плечами, массивная волчья шкура на его плечах шевельнулась вместе с ним.

--- Мы нечасто доверяемся телепортации. Только в часы величайшей необходимости. Теперь говори. Почему ты молил меня о встрече?

--- Молил? Не совсем так, ярл. Мы желаем обсудить условия вашей сдачи.

Гримнар кивнул, словно эти слова были самым остысленным, что до сих пор выходило с уст инквизитора.

--- Понятно. А если я захочу назвать

тебя клятвеннопреступником, лживой
задюкой, у которой вместо крови течет
моча, и слабоумным мальчишкой, который
потерял берега, -- что ты скажешь тогда?

Киснарос на миг прикрыл глаза и
покачал головой, всем своим видом
показывая терпеливую
благожелательность. Лорг Ёорос
улыбнулся, наслаждаясь издевкой.

-- Логан, -- ответил инквизитор. --
Успокойся, все кончено. Станет ли твой
орден сражаться без тебя?

Волк растеялся, и звук этот
наполнил грубое рывканье.

-- Конечно. Как сражались бы твои
Серые Рыцари. Мы братья, мы и они. Если
бы во всем Империи Человечества
остался только один Волк, он все равно не
покорился бы врагам до последнего вздоха
своего израненного тела. То же и с твоими
рыцарями. Я заметил это в их глазах при
нашей первой встрече. Я видел это, когда
они сражались с Великим Зверем
Армагеддона. Я вижу это в них и ныне.
Они знают цену крови и слез. Ты... -- он
кивнул крошечному инквизитору, -- ...не

знаешь. И сомневаюсь, что ты понимаешь, как настраиваешь против себя Серых Рыцарей, вынуждая их вести войну, в которой они не хотят участвовать.

Мой рот непроизвольно открылся, и я тихо его закрыл. Святой трон, его было сложно не уважать.

+ Мы для него словно развернутый свиток, + отправил Малхадиил.

+ Верно, + мой взгляд упал на лорда Цороса, его руки лежали на мечях в ножнах, почти так же, как ярл Гримнар опирался на свою секиру. + По крайней мере, некоторые из нас. +

Киснарос быстро терял притворное терпение.

--- Ты лишился флагамана.

--- У нас есть другие корабли, --- парировал ярл Гримнар.

--- Твой орден не выстоит против нас.

--- Нет? Хм-м, --- Великий Волк снова оглянулся на своих людей. --- Мальчик-инквизитор говорит, что мы не выстоим против него.

--- Странно, мой ярл, --- ответил один из потрепанных Волков --- лысеющий воин с

костатыми бакенбардами. -- Мы неплохо справлялись, пока они не потеряли свои задницы клятвой перетирия.

-- Да, -- согласился Бранг Хриплая Глотка. -- Так и есть. Может, стоит пригласить их на Фенрис, ярл. Там им покажут прием помягше.

Гримнар кивнул им, повернувшись назад к Ёросу и Киснаросу.

-- Скажите, кто из вас, шлюхиных сынов, отдал приказ открыть огонь по нашим кораблям?

-- Я, -- сказал Ёрос. -- Мне это не доставило удовольствия, но это сделано ради высшего блага.

Ярл кивнул.

-- Я запомнил тебя, рыцарь. Я буду помнить это до самого Волчьего Часа. Клянусь тебе. Ни один фенрисиец не забывает тех, кто нарушил законы меча в ножнах и обнаженной глотки. Когда законы нарушены, обо всех правилах приличия и чести можно забыть. Предать предателя не сочтется за грех.

Длинные светлые волосы Киснароса были стянуты в тугой конский хвост, не

давая ни единой пряди упасть на лицо.

--- Довольно. Беды Империи не будут ждать, пока ты стоишь здесь и рассыпаешь суетверные обещания. Магистр Лордена Гримнар, ты сдаться, как было условлено, а твои Волки отступят.

Ярл Гримнар вновь улыбнулся своей волчьей улыбкой, сверкнув влажными клыками.

--- Этого, --- сказал он, --- никогда не будет.

II

Лорд Ёрос на протяжении семидесяти лет осторожно и амбициозно руководил Восьмым братством. Его уважали все в нашем братстве, хотя едва ли любили, почитали как воина, но редко когда стремились подражать.

Список его подвигов был более впечатляющим, чем можно судить по его неприступному облику. Возможно, ему не воздавали почестей за отличное

командование, или как воину передовой, но все в ордене признавали, что ему нет равных в умении обращаться с парными фальчионами. Жизненно важным аспектом в арсенале любого фехтовальщика является умение просчитать движения врага и среагировать быстрее него. Уорос был настоящим мастером, а его рефлексывызывали всеобщее восхищение.

И все же его клинки едва успели покинуть ножны, когда секира ярла Гримнара из черненой стали и червонного золота погрузилась в нагрудник и горло гросстейстера, одним мощным ударом оборвав достойную и уважаемую жизнь.

Уорос рухнул как подкошенный, умерев еще до того, как коснулся палубы. Секира Великого Волка, носящая имя Моркаи в честь какого-то дремучего фенрисиийского суеверия о богине, охраняющей Чертоги Мертвых, вышла обратно, на ее активированном лезвии шипела кровь. Мой гросстейстер был повержен за время, которое мне потребовалось, чтобы перевести взгляд с Хриплой Глотки на его

сеньора. Это дает представление, с какой скоростью двигался верховный лорд Фенриса.

--- Стоять! --- закричал Киснарос сквозь звон и лязг оружия сотни Серых Рыцарей, триста штурмовиков подняли хеллганы, а также множество инквизиторов были готовы среагировать в соответствии со своими собственными способностями.

Ни один из нас не повел и мускулом. Никто, кроме Гримнара. Великий Волк взмахнул секирой, забрызгав нас кровью нашего лорда.

--- Это за той корабль, --- сказал он. --- Тебе есть что еще пролепетать мне, или ты закончили?

--- Логан... лорд Гримнар, твоему кораблю скоро придет конец, а в твоем сердце целится сотня стволлов, --- Киснарос обошел истекающее кровью тело бывшего гросстейстера Восьмого братства. --- Все кончено. Ты же видишь, что кончено.

Гримнар сделал шаг назад.

--- Единственное, что я вижу, это нарушившего клятву шлюхиного сына.

который валяется на собственной палубе.
Я спрашиваю снова: тебе есть что сказать
или чем угрожать мне? Мы оба знаем,
что для твоего плана тебе нужен я.

--- Сдавайся, --- мягко произнес лорд-инквизитор.

--- Чтобы ты воспользовался мной как
знаменем покорности, размахивая им
перед Волками и полагая, будто это
заставит их опуститься на колени?
Скажи мне, что ты не настолько глуп,
чтобы рассчитывать, будто это
сработает.

Киснарос ухмыльнулся, прибавив
раздражение к своей гамме чувств.

--- Не заставляй меня убивать тебя.

--- Не заставляй меня смеяться.

Телепортационная вспышка ослепила
нескольких штурмовиков, которые стояли
ближе всего к ауре рассеивания, и
заставила палубу угрожать у нас под
ногами.

Но мы были готовы. Цорос приказал
нам оставаться бдительными, и момент
настал. Когда оборудование на борту
далекого «Скратасакса» принялось

тащить физическую форму ярла Гримнара и его людей, мы применили собственные силы, чтобы удержать их. Казалось, мы пытаемся удержать воду в растопыренной пятерне, и я понятия не имел, сработает ли это вообще.

Телепортационный туман рассеялся и исчез. Гримнар, Хриплая Глотка и двое других волчьих гвардейцев остались на месте. В этот момент я заметил реакцию ярла — как сжались его пальцы на рукояти секиры, как сузились глаза, пока он спешно что-то обдумывал. Словно загнанный в угол зверь, он был готов биться до последнего. Но под инстинктивной готовностью таился хитрый разум — Великий Волк был не просто воином, он был полководцем, просчитывающим, какой урон успеет нанести противникам, прежде чем падет под их клинками.

Я не сомневался, что он продолжит сражаться с нами, будучи даже изрубленным на куски. Он вынудит с десяток рыцарей, прежде чем испустит дух.

За время нерешительности мы могли успеть убить или пленить их. Мы уже двинулись вперед, накапливая силы, чтобы прижать Волков телекинетическим давлением, когда шторм-болтер ярла Гримнара рывкнул один-единственный раз. Трое волчьих гвардейцев выстрелили вместе с ним, но в разных направлениях.

Разрывные болты столкнулись с керамитом хором взрывом, за которым последовал миг страшной тишины. Четыре рыцаря рухнули на палубу с зияющими в шеях дырами.

--- Стоять! --- опять закричал Киснарос. --- Свяжите их!

Мы выпустили собранную силу, но даже я, крошечная часть единого целого, почувствовал слабость нашей хватки. Гримнар знал, как лучше всего навредить нам. Погибло четыре юстикара, их отделения ничего не могли поделать после такого психического обезоруживания. Командиры их отделений больше не направляли их силы в объединенную мощь. Хуже того, я почувствовал, как каждый рыцарь борется с приступом боли и гнева.

грозящим захлестнуть их.

В буре света ярл Гримнар и его Волки исчезли из реальности. На мгновение сквозь закрытые щитами ворота ангара я заметил, как поврежденный «Скратасакс» пришел в движение, пытаясь уйти от нас.

Киснарос посмотрел на четырех мертвых рыцарей, а затем на убитого Цороса.

--- Пусть уходят, --- тихо сказал он.

Глава двадцать третья

АРМАДА

3

На самом деле никто из нас не понимал Киснароса. Мотивы его действий и мысли оставались для нас полнейшей загадкой.

Со временем нам на загворках флота стало понятно, что лорд-инквизитор получил звание и титул благодаря серии карательных крестовых походов незначительных масштабов и городских зачисток. Без сомнений, дело, достойное уважения. Но он едва ли он подходил для операции по сдерживанию, особенно такой, что пошла наперекосяк с самого начала.

Эстинец Серых Рыцарей «Нагение клинка» продрейфовал к растущей армаде инквизитора и доложил, что цель уничтожить невозможно: один из армейских транспортных с Армагеддона пришвартовался у станции дозaprавки в

Кириуской протяженности. Блок-конструкцию патрулировал крейсер Костических Волков, пока гвардейский корабль готовился к отправке.

К этому времени сотня тысяч бойцов из Урувелских Всадников была распределена на семи транспортниках и отбыла в зоны боевых действий на других типах. Один корабль Серых Рыцарей попросту не мог перехватить их всех, не говоря уже об уничтожении, пока они не достигнут места назначения.

Подобные истории мы слышали уже десяток раз, каждый раз в них фигурировали другие корабли. И теперь, когда Волки превосходили нашу экспедицию по силе и численности, они недвусмысленно дали нам понять, что правила игры изменились. «Ксифос» и «Махарий», корабли одного типа с «Карабелой», на той же неделе приковыляли обратно к точке сбора армады и доложили, что корабли Костических Волков не просто открыли по ним огонь, но открыли первыми.

Мы утратили связь с «Каскарой».

«Спатой» и «Глефой Януса», последний прослужил почти десять тысячелетий флагоманом Первого братства. «Карабела» стала одним из кораблей, которому поручили разыскать его, что, к превеликому сожалению, нам удалось.

В ночь, когда мы нашли его, Кастор вышел из варна на границе Королусской системы, отслеживая то, что Малхадиил и я могли описать лишь, как «сердцебиение в варне». Даже когда я просто вслушивался в это настойчивое, пульсирующее давление в висках, у меня болела голова.

Я знал это чувство, ведь мне уже приходилось с ним сталкиваться.

— Словно на Армагеддоне, — сказал я Аннике. — Словно заря на Армагеддоне, когда битва была выиграна, а сотня моих братьев полегла в крови и пламени.

На то, чтобы обнаружить «Глефу», у нас ушло совсем немного времени. Безжизненный остов корабля вращался вокруг нетронутый станции слежения, принадлежащей Агентус Механикус, жрецы Машинного Бога теперь использовали корпус как богатый источник

металлов, если, конечно, ползающие по
нему расхитители не занимались чем-то
другим.

--- Убить, --- приказал я. --- Убить их
всех.

Малхадиил покачал головой.

--- Отставить, капитан Кастор. ---
Мой брат встал передо мной, заградив вид
на паразитов, занятых своим жутким
делом: --- Ты хочешь нести
ответственность за то, что усугубил
положение еще больше? Правда? Не
превращай войну Инквизиции в свою
личную.

Мы разгадали тайну сердцебиения в
варне. Мы шли на звук, пульсацию шестого
чувства, пока не узнали, что это было
угасшее сознание пятидесяти самых
могучих рыцарей нашего ордена,
поверженных одним-единственным ударом.

--- Вот почему, --- сказал Малхадиил, ---
это так похоже на Армагеддон. Это
было одно и то же.

Мы воссоединились с армадой через шестнадцать дней, обнаружив по прибытии, что флот Киснароса вырос еще больше.

+ Трон Императора, + пропульсировал Малхадиил, когда увидел в оккюле, что нас ждет.

--- Стоп машина! --- Кастор поднялся с трона и одернул парчовый китель: --- Я приказал «Полная остановка», будьте вы прокляты!

Экран заполнился изображением огромной боевой баржи, дрейфующей в беспешном патрулировании. На ее красном бронированном корпусе были нарисованы белые черепа со стилизованной черной «J» Инквизиции.

--- Назовите себя, --- протрещал вокс, --- или будете уничтожены.

--- Какая мелочная театральность... --- произнес Кастор, прежде чем взглянуть на нас.

--- Назовитесь сами, --- ответил я.

--- Боевой корабль Агентус Астартес «В сакральной истине», служащий священным ордосам Инквизиции Бога-

Императора. Повторяю, назовите себя.

Малхадиил бросил на меня взгляд.

--- Бог-Император?

Я вздохнул:

--- Фанатики. --- Органы, считавшие
Императора богом, встречались нечасто.
Такая вера была для введенных в
заблуждение масс, которые мы поклялись
защищать: --- Фрегат Серых Рыцарей
«Карабела», мы возвращается к армаде,
как было приказано.

Пауза. Возможно, запрос наших
попыток по кораблям в поисках
подтверждения. Как все изменилось. Мы
никогда раньше не докладывали о своих
действиях через сеть флота, поддерживая
нашу секретность. Рвение Киснарса
обрекало всех этих людей на очистку
разума просто за то, что они видели наши
корабли, не говоря уже о том, что
лицезрели нас во плоти. Мне стало
интересно, действительно ли он не
осознавал глубины своего лицемерия? С
инквизиторами никогда нельзя было
сказать наверняка --- никакое другое
человеческое существо не может

настолько исказить восприятие ради собственных устремлений.

--- Путь свободен, «Карабела».

--- Назовите своей орден, пожалуйста.

--- Мы Красные Охотники, и для нас большая честь служить нашим лордам вместе с Рыцарями Титана.

Я не ответил. Кастор выключил вокс-канал и вопросительно поднял аккуратно подстриженные брови.

--- У меня вопрос, который, как мне кажется, важен в данной ситуации.

--- Спрашивай.

--- В вашем Кодексе Астартес говорится, что орден Космического Десанта насчитывает тысячу воинов, не так ли?

--- Верно.

--- Ауспик указывает на то, что в артаде присоединилось около двадцати кораблей в цветах Красных Охотников. Судя по всему, здесь...

Я перевел взгляд на окклюдс. Малхадиил встал возле меня у поручней, когда «Карабела» миновала «В сакральной истине» и мы увидели скрытый за ее

корпусом флот. Внезапно я понял, почему инквизитор и его союзники облагали таким влиянием в Инквизиции.

--- Здесь весь орден. Киснарос призывал целый орден.

III

Мы прибыли за два дня до поступления приказа. Доложили об уничтожении и предполагаемом исчезновении еще пяти кораблей, и хотя в голосе Киснароса не слышно было большой охоты, он все же появился перед всеми офицерами и рыцарями флота в виде гололитического изображения.

Под конец восьмого месяца войны, когда по стандартному терранскому календарю M41.444 должен был смениться новым солярным 445-м годом, лорд-инквизитор Киснарос все же отменил преследование каждого судна, зараженного артагеддонским конфликтом.

Никто из нас не удивился тому, что

он признал поражение. После семи месяцев
истощающих силы перехватов,
уничтожения беззащитных аванпостов,
истребления гражданских транспортников
и коротких хладнокровных перестрелок с
Волками мы ожидали этой капитуляции.

Как же мы ошибались.

--- Фенрис! --- закутанный в мантию
гололит доброжелательно развел руками. ---
--- Мы немедленно отправляется к Фенрису,
родному миру предательских Волков. Там
мы предоставим им последний выбор: вновь
служить верой и правдой после покаянного
крестового похода подходящей
длительности... или войти в
секвестированные архивы грешниками, с
которых никогда более не будут говорить.

Фенрис. Крепость-монастырь ордена
Первого основания. Теперь проблема
переросла границы перестрелок и
спорадических пустотных сражений.
Малхадиил недоверчиво посмотрел на
меня.

+ Гражданская война, + отправил он с
другой стороны трона капитана Кастора.

Что я мог сказать по этому поводу?

Я кивнул, не желая, да и не в состоянии
лгать своему брату.

JV

Впервые за многие месяцы я пришел к
Аннике прежде, чем она ко мне.

Я не обращал внимания на
положенные церемонии и манеры --- даже не
постучал в дверь ее покоев. Переборка
откатилась в сторону под моим
психическим напором, и я шагнул внутрь.

За более чем год нашего общения
Анна стала мне ближе, чем любой
другой человек, которого могу
припомнить. Не считая моей прошлой
жизни, она была практически
единственной, с кем я общался на
разнообразные темы, за исключением
продолжительных дискуссий с капитаном
Кастором во время партий в ригициг.

Я соприкасался с ней разумеется
тысячи раз --- иногда в подходящее время, а
иногда и нет. Однажды я увидел, как она

нейтрело рисует нейзаж родного мира, после этого Анника не разговаривала со мной несколько дней, так как я отвлек ее в самый важный момент. Еще раз коснулся ее разума в тот момент, когда ее касался Кловон, и немедленно отшатнулся, когда мою кожу защищало. В другой раз я прервал ее кулачный бой с Дарфордом, и той голос в ее разуме отвлек Аннику настолько, что ей разбили нос.

Я тренировался вместе с ней, наблюдая во время спаррингов за игрой ее мышц, чувствуя запах ее пота по всей комнате. Даже такой пышущий здоровьем человек, как Анника, уставал намного быстрее, чем рыцарь. Мне было интересно смотреть, как различия между физиологией человека и Agentys Астартес подчеркиваются настолько ярко и однозначно. Считать себя божественным — это одно. Но видеть разницу в сравнении — совершенно иное.

Я также слушал ее размышления об ордосах и их политике. Я слышал ее рассказы о былых зачистках и операциях, которые пошли наперекосяк. От нее я

узнал фенрисиийские бранные слова и в ответ научил ее множеству способов блокировать удары посохом.

Не раз я мылся с ней и ее группой в общих душевых после тренировок, слепой и глухой к любому влечению, просто наблюдая, как она моет волосы, и слушая байки про ее службу в гущинах джунглей Воксиса, где она убивала еретиков, которые высыпались из приземлившегося корабля вольного торговца.

— Дичь какая, — заявила Кхатан, разглядывая меня, пока я мылся, добавив, что мое возвышение в рыцарство было «большим срамот». Несколько месяцев спустя Кастор объяснил мне значение ее слов, хотя я так и не понял всей солидности шутки.

Инквизитор Ярлсготтир охладела ко мне после Армагеддона, что лишь усиливалось ее природным упрямством. Она была фенрисиийкой, а мы стояли на грани войны с ее верховным королем. Кроме того, она являлась инквизитором. Она ни перед кем не отчитывалась.

Этой ночью я решил, что она

отчитается передо мной.

Но, несмотря на связывавшие нас узы, была одна вещь, которую я совершенно не ожидал увидеть внутри.

В ее покоях находился Малхадиул, как обычно в доспехах и при оружии. Рядом с ним стоял Аксиум вместе с парой техножрецов. Дарфорд, Кловон, Кхатан, Василла, Меррик и Вера окружили их полукругом — облаченные в эклектичную нестройную одежду и доспехов.

Разделенный на четыре окна монитор-оккультус изображал четыре лица: два женских, два мужских, принадлежавших инквизиторам, которых я видел на ангарной палубе, когда мы пытались захватить ярла Гримнара. В образе гололитов присутствовали также семеро — семеро — Серых Рыцарей, четверо из них были в звании юстикаров, из разных братств. Их мерцающие голоаватары проецировались из планшетного стола возле стены.

В центре собрания стояла Анника с переброшенным через спину кретаццианским болтером, висевшим на

потертом ремне. Ее темные волосы были заплетены в спиральную косу, на лице красовалась свеженанесенная охотничья раскраска. Я явно перебил ее посреди разговора.

--- Гиперион, --- сказала она.

Я просто стоял. Может, я моргнул. В любом случае уверен, что выглядел так же глупо, как себя чувствовал.

--- Тебе что-то нужно? --- спросила она.

Я по одному остотрел собравшихся людей.

--- Я собираюсь убить лорда-инквизитора Киснароса, --- заявил я.

Она ни на секунду не слутилась.

--- Тогда проходи. Твои соображения будут полезными.

--- Сколько все это уже длится?

--- Достаточно долго, --- ухмыльнулась Анника.

--- Прости меня, брат, --- тихо сказал Малхадиил. --- Мы боялись рассказать тебе.

--- Во имя Императора, Мал... почему?

Ответила Анника.

--- Мы думали, что ты можешь
отказаться.

Глава двадцать четвертая

ФЕНРИС

1

Говорят, Фенрис возвращает холодные души. Нужно посмотреть на этот мир с орбиты, чтобы понять почему.

Ни один другой мир не казался мне таким блеклым -- ни засушливые пустоши Талларна, ни тропический хаос Волаксиса. Фенрис был миром, который воевал сам с собой. Когда-то, в древние времена, что-то прогневило души планеты. Море сражалось с землей, раз в пару десятилетий поглощая без остатка целые континенты, чтобы затем породить новые материки -- грунт которых был отравлен морской водой -- в другой части планеты. Эти угрюмые земли боролись с небом, пронзая облака захватывающими дух горными грядами, которых не увидишь больше нигде в человеческой галактике.

Даже с орбиты становилось ясно, что

на Фенрисе никогда не будет цивилизованной жизни. Своевольные моря захлестнули бы города, а грунт тех немногих земель, которые казались стабильными, протерз от вечной зимы. На этом мире не существовало сельского хозяйства. Ни один фенрисиец не рождался земледельцем, и никто не становился им позже. Люди, которые называли эту планету своим домом, были грабителями, налетчиками, охотниками и моряками. Превосходный материал для мира, ставшего родиной Агентус Астармес.

Я читал, что фенриси́йцы винят в нестабильности своего мира великого кракена — существо из морских пучин, — который опутал щупальцами ядро планеты и постоянно сжимал его. Человеческое воображение не переставало удивлять меня. Несмотря ни на что, человек мог убедить себя в чем угодно.

Мы наблюдали, как под нашими ногами вращается мир, окутанный штормами над заиндевевшей землей и в своей медлительности не ведающий о погибели, которую могли принести ему

наши военные корабли.

--- Он кажется совсем другим, ---
заметила Анника, глядя на оккүлюс. ---
Острова, которые я видела всего пару лет
назад, уже затонули, вместо них поднялись
новые, за которые также идут войны и
совершаются набеги.

Казалось, будто она тоскует.

Фенрис, как любой другой родной мир
Agentys Астартес, обладал мощной
обороной. Семь орбитальных ракетных
платформ и оружийных спутников
окружала планету грозными клыками, а
крепость-монастырь Волков, известная и
как Этт, и как Клык, и еще под целым
рядом других названий, была высечена в
горной гряде и тянулась в небо так высоко,
что ее шпили соединялись с орбитальными
верфями. В Галактике, полной чудес,
Фенрис заставил меня затаить дыхание.
Сила природы во всей ее тектонической
дикости, охваченная бесконечной зимой.

Самым большим сдерживающим
фактором для всякой души, достаточно
храброй или глупой, чтобы осадить мир,
был линейный флот ордена. Наша

прежняя по швам пустотная кампания позаботилась об этой последней, самой прочной линии защиты куда лучше, чем любой из нас мог предположить. Армада Волков покинула свой мир — сначала чтобы высадить войска в мясорубку на Армагеддоне, а затем чтобы на протяжении многих месяцев защищать от нас армейские суда и отдельные пустотные станции во множестве секторов.

Волки были всего лишь одним орденот, который к тому же понес ощутимые потери. Чести у них хватало в избытке — но честь не строит корабли и не создает костических десантников. Честь не защищает мир без военных кораблей в небесах.

В стылых орбитальных доках стоял лишь один корабль. Одиноким ударным крейсер, пришвартованный к вершине Клыка, покрытый шрамами крестовых походов и явно нуждающийся в ремонте. Как правило, подобного класса корабль сопровождался целым эскортом из фрегатов и эстинцев, хотя нигде

поблизости их не было видно. Возможно, после Армагеддона они рискнули отправить даже их, веря в неодолимость защиты Этта.

Нам не требовалось осаждать саму крепость, когда мы могли разнести мир ног самим ее основанием.

Киснарос не делился своими планами. Он ходил среди нас в виде гололитической проекции --- призраком на мостиках кораблей, --- которая лишь наблюдала и на чем-то размышляла. Временами возле него появлялся капитан Красных Охотников, который докладывал о диспозиции флота или углах эффективной планетарной бомбардировки, прежде чем снова раствориться в воздухе.

Кроме того, он не раскрывал всей глубины своих связей с Красными Охотниками.

--- Я ничего не нашла, --- призналась Анника. --- Киснарос живет и служит вне ордосов. Власть и влияние получил в далеком прошлом, покрытом тайной, а также он не оставляет за собой бумажного следа, за которым можно было бы

проследить.

Армага рассредоточилась в фенрисиийских небесах, окружив шпиль Клыка и направив оружие в сторону планеты. Киснарос ждал, пока каждый корабль не встанет на положенное ему место согласно заранее заданным координатам, после чего возник перед нами.

Его изображение проецировал сервочереп. Мужской череп — без нижней челюсти, аугментированный антигравитационными суспензорами — парил на высоте человеческого роста. То есть на уровне моей груди. Дрон неспешно летал по мостику, щелкая и тикая красной правой глазницей, которая передавала изображение Киснароса.

Тальвин выглядел не особо довольным. Не думаю, что ему нравилось, когда за ним следили на его собственном мостике.

— Неужели на каждом корабле по одной его копии?

— Думаю, что да, — ответил Малхадиил.

Я протолчал и просто продолжал

наблюдать за Киснаросом. Сейчас на нем были анатомические силовые доспехи, которые напоминали мускулатуру гибкого и здорового мужчины. Необычайно воинственный вид довершала мантия из волчьего меха. Даже знать не хочу, где он ее раздобыл. Мысль о том, что он мог отнять ее у одного из наших пленников, вызывала отвращение, как и то, что он мог вообще снять ее с покойника.

Несмотря на новое царственное облачение, его гололитический аватар был соткан из ярких, тонких лучиков света, пока он ходил среди команд, собравшихся на каждой корабельной палубе.

Я не пылал к нему ненавистью. Я пытался, пускай и безуспешно, найти в себе более глубокие чувства. Никто из нас не ненавидел его, даже Анника. Ненависть питается дружкой и близостью и с трудом произрастает в менее щедрых сердцах. Киснарос не вызывал отвращения и неприязни, он не хохотал при упоминании геноцида. Он был просто едва знакомым человеком, который использовал наши таланты ради своих нездоровых идей. В

первую очередь ил дбизал прагматизм. В этом отношении он ничем не отличался от тысяч других инквизиторов. Он не казался хуже любого из сотни Серых Рыцарей. Многие из нашего ордена даже уважали его за сдерживающие действия после Армагеддона.

Оккүлюс открывал нам мрачную картину. Фенрис был настолько беззащитен, насколько это вообще возможно. Ударный крейсер на орбите казался скорее стражем, вероятно показавшимся здесь волей случая, а может, назначенным вечно следить за миром внизу. Намного позже я узнал, что пару недель назад он получил значительные повреждения, помогая местному патрулю Имперского флота в уничтожении пиратов. Но сейчас я видел только ожоги на изрытом воронками корпусе и спрашивал себя, действительно ли Волки оставили лишь один корабль, пока остальной их флот был задействован в другом месте.

И наши корабли были быстрее. Даже если бы нам пришлось состязаться, кто

первым доберется до Фенриса, Волки
отставали бы от нас на пару недель.
Интересно, хотя бы несколько
фенрисийских кораблей тчались сейчас по
Морю Душ на защиту родного мира?
Возможно. Даже вероятно. Но к тому
времени, как они выйдут из Варна, все так
или иначе уже закончится.

Я увидел, как включились двигатели
военного корабля, приводные отсеки
отошли в сторону, чтобы пропустить
более горячее, широкое и белое пламя.
Корабль, дрейфую, начал крениться и
вращаться, пока не встал на траверзе
«Надежды Корела».

— Почему вы не отвечаете на наше
приветствие? — раздался голос на
командной палубе.

— Откровенно говоря, — начал
Киснарос, — я искал подходящие слова. Я не
думал, что все закончится вот так. И я до
сих пор молюсь, чтобы мы покончили с
этим конфликтом без дальнейшего
кровопролития. Скажи мне, благородный
Волк Фенриса, ты знаешь, зачем мы
здесь? Знаешь, зачем я привел этот

могучий флот к вашему миру?

Капитан Кастор не обращал внимания на переговоры. Он целиком погрузился в изучение потоков информации, поступавшей об одиноком корабле.

--- Они готовят орудия, --- сказал он. --- И заряжают пустотные щиты, хотя, судя по повреждениям, им не продержаться и шести секунд против десятой части нашего флота.

--- Мы знаем, зачем вы здесь, --- в голосе было тепла меньше, чем в камне. --- Вы здесь, что заставить Фенрис истечь кровью, чтобы успокоить стыд твоего черного сердца. Убей каждого мужчину, женщину и ребенка, который знает о твоей трусости, и можешь притворяться храбрецом и дальше. Да, инквизитор. Я --- Таурангуан Тесак, и я знаю, зачем ты здесь.

Ответ Киснароса казался тяжелым от сожаления и был еще больше отталкивающим из-за болезненной искренности. Лорд-инквизитор всегда говорил так, словно на его плечах

покоилась тяжесть всех миров Империи.

— Неужели во всем вашем ордене нет
никого, кто пользовался бы
рассудительностью не хуже секиры?
Неужели каждая наша встреча должна
заканчиваться обвинениями?

— Чего ты хочешь от нас? Мы не
склонимся перед тобой. Мы не обнажим
зубы, чтобы окончить войну. Что, по-
твоему, мы должны сделать?

— Я только хочу положить этому
конец. Я хочу поговорить с тем, кто
может это закончить, пока все не
началось всерьез.

Для ответа Волку потребовалась
почти минута.

— Да, лорд. Среди нас есть такой.

Гололит Киснароса терзал, то и дело
теряя фокус из-за помех, генерируемых
таким количеством кораблей.

— Твой мир и орден стоят на грани
гибели, Таурангуан. Если среди вас есть
тот, кто может говорить за Волков,
тогда приведи его. Я молюсь лишь о том,
чтобы он подбирал слова более взвешенно,
чем ваш верховный лорд. Обе стороны

должны найти компромисс и не пытаться
геройствовать.

--- Дай нам четыре часа, --- ответил
Саурангуан.

--- Вы их получите, --- пообещал
Киснарос.

Его аватар медленно оглядел мостик
--- судя по всему, каждый мостик. Он
посмотрел прямо сквозь Малхадила,
Аннику, Кастора и еще полдюжины
офицеров.

--- Гиперион, --- вдруг произнес
гололит. Мерцающее изображение
смотрело прямо на меня.

--- Мой лорд?

--- Ты тот, кого фенриси́йцы зовут
Сломавший Клинок, да?

--- Один фенриси́ец назвал меня так,
лорд. Не могу ручаться за всех.

--- Но ты сломал клинок примарха.

--- Да, лорд.

Он кивнул, переведя взгляд куда-то
вдаль.

--- Могу я поговорить с тобой,
пожалуйста? На борту «Надежды Корела»?

Он стоял посреди оккүляриүта один, не считая многочисленные мониторы на стенах, установленные так плотно, что напминали мне чешую на шкүре рептилии. Каждый экран показывал командный мостик одного из кораблей флота, позволяя инквизитору наблюдать глазами своих сервачеренов.

Он улыбнулся, когда я вошел, и легким взмахом руки погасил экраны. Значит, псайкер. Сильный, это ясно. Настолько мощный, как я или Малхадиил? Вряд ли.

+ Не будь так уверен, + с улыбкой отправил мне он.

--- Вы звали меня, лорд?

Он покачал головой, и его улыбка исчезла.

--- Напротив. Я просил тебя прийти.

--- Конечно.

--- Я хотел поговорить с тобой наедине, Гиперион. Нам нужно закончить это, и закончить сейчас. Постой. Дай договорить. Я уже вижу несогласие в

твоих глазах, но выслушай меня. Были допущены ошибки. Я несу на себе бремя вины. Но время еще есть. Волки могут избежать гибели, и Унквизиция оставит их в покое. Нам просто нужно направить процесс в верное русло.

Я недоверчиво посмотрел на него.

--- Вы привели целый орден и линейный флот в небеса над их родным миром. Даже если вы просто развернетесь и уйдете, они не простят Унквизицию.

--- У каждой медали есть две стороны. Собрал ли я целый орден для поддержки флота? Да, но только чтобы показать Волкам: раз они принадлежат к драгоценным Агентус Астартес, то не должны говорить с позиции морального превосходства. Только не в случае, когда самити не согласен другой орден.

--- Серые Рыцари уже выступили против них.

Он покачал головой, встретившись со мной взглядом.

--- Только узлы верности, которые и так напряжены до предела. Куда больше твоих братьев могли --- и должны были ---

присоединиться к нам. Ты не находишь странным, что их до сих пор здесь нет?

--- Галактика огромна, лорд. Нас всего тысяча. Теперь уже чуть больше восьмисот, после Армагеддона и Месяцев Стыга.

--- Месяцы Стыга, --- Киснарос тихо хмыкнул. --- Как странно слышать название, по которому тебя запомнят в истории. Хотя, стоит признать, именно этого я и заслуживаю. Но ты прав. У Серых Рыцарей есть куда более важные проблемы, чем это фиаско. Вот почему я не призывал их. Я мог бы. Многие инквизиторы так бы и поступили. Но мне не хочется отвлекать их от обязанностей. Даже сделай я это, Серым Рыцарям пришлось бы открыть огонь, если был бы отдан приказ.

Он смотрел на меня пару ударов сердца.

--- И они бы стреляли?

--- Некоторые --- может быть.

--- Вот именно, --- ответил Киснарос, проведя руками по глинным волосам. --- Некоторые. Большинство --- нет. Это не

ваша роль, и вам здесь не место. Я виноват в том, что заставил вас превысить данные Императором полномочия и втянул в политику Империи. За это я прошу прощения.

— Меня... удивляет то, что вы говорите подобным образом, лорд.

— Уверен, так и есть. Красные Охотники — грубый инструмент по сравнению со скальпелем, коим являются Сыны Титана. Они будут стрелять, Гиперион. И почти это за большую честь. Но все равно я привел их, чтобы заявить о своем мнении их присутствием, а не оружием их кораблей. Волки должны отступить. Альтернатива слишком страшна. Схватки в пустоте — это одно. Ничего не произойдет, если немного пострадает гордость, а некоторые расстанутся с жизнью. В масштабах Империи это ничто. Опустошение родного мира ордена Первого Основания — уже нечто совершенно иное и куда более трагичное. Это выходит за грани разумного. Но Волки должны отступить. Они не могут ставить под сомнение Трон. Этого

нельзя допустить. Что я могу сделать?

Все развивалось не так, как я ожидал. Я был уверен, что прыгну сюда один, и когда выйду, он будет уже мертв. Я ничего не сказал. Просто смотрел на него.

Киснарос растеялся.

— Ну что же, убийство — храбрый шаг, но я понимаю, почему ты вынужден пойти на него. Если я до сих пор не смогу убедить тебя, то надеюсь, что сделаю это к тому времени, как ты уйдешь.

Я постарался спрятать свои мысли за стеной концентрации. Существуют некоторые ловки, простые упражнения, которые защищают мысли в случае, если одной силы воли недостаточно. Я сфокусировал часть внимания на отсчете ударов сердца, одновременно пытаюсь считать пульс инквизитора.

— Как хитро, — он снова улыбнулся. — Теперь я слышу лишь числа в твоем разуме. Детский прием, но эффективный. Я и сам им нередко пользуюсь.

— Почему вы не заставили Ярла Гритнара выполнить ваши приказы? Вы достаточно сильны, чтобы оставить в его

разуме психический отпечаток.

Он вздохнул, покачав головой.

--- Иногда злодеев попросту нет, Гиперион. Просто скопление душ, которые стараются найти ответы. Проклятие, помоги мне! Прекрати палиться на меня полным осуждения взглядом и помоги мне. Как мы можем это закончить? Подчинить Гримнара моей воле означало бы проклясть его в глазах своего ордена. Они объявят войну Агентус Терра, и сколько орденов присоединится к ним? Даже одного нам хватит за глаза. Я не желаю командовать еще одной Багабской войной, вновь прожить Правление Крови или второе Междоцарствие Новой Терры.

--- Что советовал вам лорд Ёрос?

--- Бедный Ёрос. Благородный до последнего вздоха, он брал на себя всю вину за мои приказы, --- Киснарос принялся тереть шагами комнату. --- Он советовал пригрозить им, показать свою силу, сравнивая нас с альфа-самцами в дикой природе. Это звучало правильно, Гиперион. Казалось правильным.

--- Волки --- не звери. Ни один зверь не

скован узлами чести и не пожертвует собой ради других вне стаи.

Киснарос помассировал уставшие глаза.

— Я отлично усвоил этот урок. Нигде-то ведь должен быть ответ. Цорос ничего хорошего не посоветовал и только пообещал, что его люди откроют огонь, когда придет последний приказ. Он предложил нам твердо стоять на своем мнении, и мы стояли. Он заверил меня, что угрозы возымеют действие, и мы угрожали. Он поклялся, что пленение Гритнара окончит войну, и мы поджигали его в засаде и предали во время перетирания. Вся вина лежит на мне и мне одном. Я не буду отрицать ее, и поэтому лично внес свидетельства своей виновности в архивы. Но мне прежде не приходилось сталкиваться с Агентус Астартес. Цорос был единственным советником и командиром перед лицом нетерпимой независимости Волков. Работать с ним было непросто, но что еще мне оставалось? Как я и сказал, мне не хотелось вызывать новые подкрепления из

флота Титана. Я не мог требовать еще одного лидера для немногих оставшихся Серых Рыцарей, когда у них еще не появился избранный надлежащим образом.

Мы не избирали большую часть своих командиров -- Ёрос был чемпионом братства, который возвысился после гибели предыдущего гростейстера в бою, -- но сейчас едва ли было подходящее время, чтобы спорить о деталях.

-- Мы стоим на пороге гражданской войны, лорд. Что требуется от меня?

-- ФенрисиЙцы ведь уважают тебя?

-- Один из них. Должен добавить, это было до того, как мы предали его и его верховного короля.

-- Нет, твоя история разнеслась дальше, чем ты можешь себе представить. Без сомнения, ты -- наилучший выбор. Тебе нужно сделать это ради меня, Гиперион. Волки пришлют своего посланника менее чем через два часа. Мне нужно, чтобы ты встретился с ним вместе со мной. Мы можем покончить с этим. Мы закончили это. Мы не можем позволить гордыне и глупости увести нас за точку, откуда нет

возврата.

Я еще мог убить его. Я мог убить его прямо сейчас и покончить со всем этим ценой единственной жизни. Все, что требуется, --- одно убийство. Отбросить на один миг всю честь, всю нравственность ради целесообразности и прагматизма. Один грех, чтобы сохранить тысячи жизней. Цорос гордился бы мной, если бы услышал эти мысли.

--- Гиперион, --- лорд-инквизитор пристально посмотрел на меня зелеными глазами. --- У меня вопрос.

--- Спрашивайте.

--- Ни один Серый Рыцарь до сих пор не предал. Ни один Серый Рыцарь не служил Извечному Врагу или не ощущал скверну Губительных Сил. Ни один Серый Рыцарь не поддавался мутации, порче, любой ереси мысли или действия. Не скажешь, почему?

Я внимательно изучил его лицо, чтобы понять, не издевается ли он. Более того, я заглянул ему в душу. И не был таянок. Это был настоящий обыск, насильственное вторжение. Барьер вокруг

моего разума рухнул, когда я врезался своим сознанием прямо ему в душу. Я ощутил тысячу страхов, чаяний, забот, радостей... но ни следа насмешки и горького привкуса обмана. Он ничего не направлял против меня.

Он слабо улыбнулся, не противясь моему болезненному вторжению.

— Я рад, что ты увидел мою искренность. Возможно, я смогу лучше объяснить свой вопрос.

— Пожалуйста, — сказал я, покинув его сознание, словно клинок, вынимаемый из раны. Он заворчал от очередного укола боли и вытер пошедшую из носа кровь.

— Ты стоишь здесь передо мной, желая убить меня. Такие деяния, такие эмоции притягивают к себе внимание Темных Богов. Ни один Серый Рыцарь пока не достался им. Вы вольны действовать безнаказанно, навеки защищенные генетической божественностью? Вы можете наслаждаться кровопролитием и грехом, зная, что вас невозможно совратить?

Он поднял палец, оборвав мой ответ.

--- Ули, --- продолжил он, --- это постоянная борьба за то, чтобы оставаться чистым в помыслах и деяниях, против безумия и злобы, которые пятнают души других людей?

Я не знал, что ответить.

--- Вы задали краеугольный вопрос, лежащий в основе нашего ордена. Мы и сами часто задаем его себе, с той секунды, как впервые облачились в серое и серебро, до мгновения, когда неизбежно погибнем в бою. Философы-солдаты в наших рядах тысячелетиями писали труды на эту тему.

Киснарос кивнул.

--- У у тебя есть ответ? Гиперион, что такое Дар Императора? Право сделать все что угодно, оберег от всякого зла, которое терзает наш род? Ули, священная забота, ответственность, которую нужно всеми силами оправдывать, ежесекундное сражение за то, чтобы оставаться чище того рода, который вы поклялись защищать?

--- Я не знаю. Никто из нас не знает.

Он все еще не сводил с меня глаз.

--- Но как думаешь ты?

Как думал я? Хотел ли я вообще делиться этим с посторонним? Анника и сама не раз у меня спрашивала. Но я всегда менял тему разговора или просто уходил.

--- Я думаю, что каждый из нас выбирает сам.

Лорд-инквизитор Киснарос шагнул ко мне и обеими руками поднял мою перчатку. Он нацелил мой штурм-болтер прямо себе в сердце. Мне стоило только толкнуть кулак, чтобы оружие выстрелило.

--- Тогда выбирай, --- произнес он.

Глава двадцать пятая

НАД ШТОРМОМ

Ј

--- Мы не можем ему доверять.

Когда Анника в чем-то была уверена, спорить с ней было бессмысленно. Галеос мог убедить ее разумными аргументами, подчеркивая их многозначительным молчанием, но она редко прислушивалась никому-то другому с такой же благосклонностью.

--- Мы не можем ему доверять, --- повторила она, едва выйдя из «Грозового Ворона», на котором Малхадиил доставил ее. Я рассказал ей все, после чего стал ждать ее ответа.

--- Мы не можем ему доверять. --- Она повернулась к стоящему возле меня Киснаросу: --- Мы не можем тебе доверять.

Анника никогда не стеснялась высказать все в лицо.

Шум в ангарном отсеке не позволял

нормально поговорить. Ей приходилось перекрикивать грохот истребителя «Молния», который с помощью крана ставили на место. При этом улыбка Киснароса казалась такой фальшивой, словно ее нарисовали на хмуром, смуглом лице.

— Я понимаю твои опасения, Анника. Она взглядом заставила его замолчать.

— Ты ничего не понимаешь. Ничего. Я знаю, почему ты стенил тему, Гестей. Ты знаешь, что на флоте есть те, кто готов выступить против тебя. Ты боишься их. Поэтому теперь пытаешься уползти от судьбы, которую заслуживаешь.

Киснарос не пытался отрицать, хотя не выдал ни единого признака согласия. Судя по тому, что я ощутил в его разуме, он не собирался никого обманывать, но спорить с Анникой было так же бесполезно, как требовать от солнца не всходить.

— Моя смерть уже ничего не изменит, — сказал он.

— Нет? — бледные глаза Анники превратились в щелки. — Здесь я тоже

тебе не верю.

--- Анника... --- предупреждающе произнес я. У нас не было времени для препираний, а если бы и было, то это не дало бы никакого результата. --- Волки призвали нас для встречи с их посланником. Пойдем с нами. Говори за оргосов. Мы еще можем покончить с этой чередой нелепых стычек, которые являются позором для всех нас. Воины гордятся своими войнами --- даже теми, которые вести не следовало.

Она посмотрела на меня так, словно я говорил на другом языке.

--- Ты ведь понятия не имеешь, кого отправили Волки, да?

Я инстинктивно потянулся в ее разум, но она хорошо спрятала ответ.

--- Нет, --- признался я. --- А вы?

--- Догадываюсь. И надеюсь, что я права.

Мы встретились над штормом. Вот как высоко мы стояли.

Волки согласились встретиться на посадочной платформе у вершины Клыка, так что мы находились ниже наивысшей атмосферной точки, но намного выше уровня облаков. Я смотрел на шторм сверху --- пелена угольного цвета, скрывающая целый мир ног наших ногати, --- чувствуя себя немого загипнотизированным прерывистыми сполохами молний. Каждая вспышка пронзала черные небеса копьём слепящего света.

Воздух был достаточно разреженным, чтобы у меня не возникало желания проверить это. Я дышал медленно, пробуя на вкус рециркулируемый кислород госпехов. Я не снимал их с самого Армагеддона, соединительные порты керамитовой брони натирали кожу в местах соединения, внутренние запасы воздуха пропахли потом.

Хотя силовые госпехи создавали для того, чтобы носить их целыми днями, неделями и даже месяцами, это не

значало, что спустя некоторое время носить их доставляло удовольствие. Уровень отходов минимизировался регулирующим поглощением, но настоящую проблему представляла сыпь на коже, которую нельзя было помыть и продезинфицировать без того, чтобы отключить и снять части доспехов, сегмент за сегментом.

Мы спустились на боевом корабле — Анника, Киснарос, я и Малхадиил в качестве пилота. Дарфорг без устали жаловался, что ты бросаешь его, другие же просто пожелали нам удачи.

На воздушной платформе царил холод. Я знал это по датчику температуры на ретинальном дисплее, хотя об этом и так можно было догадаться по завывающим ветрам и слою алмазной изморози на стенах башни. Малхадиил и я не чувствовали холода в своих доспехах, как и Киснарос в анатомической броне. Анника была в ребризере, но не надела больше ничего, кроме плаща поверх тонкой нательной брони. Когда я вопросительно посмотрел

на нее, она только закатила глаза.

— Я родилась здесь.

Это все объясняло.

Мы ждали на платформе, лицом к ветру, недалеко от «Грозового Ворона». Мне стоило огромных усилий не напрячься, когда с гулом гидравлики начали открываться переборки башни. Ярл Гримнар никак не мог добраться до Фенриса вовремя, но посланник, отправленный вместо него, наверняка не менее упрям. Война близится, обе стороны не найдут компромисс. Киснарос говорил за Инквизицию, которой требовался лебезящий союзник, беспрекословно исполняющий все ее желания, посланник Костиических Волков стал бы говорить с независимой силой, которая защищает жителей Империи, а не его законы.

Анна была права. Проще было бы убить Киснароса.

По крепости колотил град, ветер бил по крышу башни, а мы смотрели на открывающуюся переборку. Тусклый красный свет не осветил фигуру изнутри, но я понял, что это, когда она шагнула

вперед. Платформа согрознулась от ее поступи, и когда она встала под лунным светом, я безошибочно узнал клепанный, бронированный корпус.

Анника расплакалась. Я никогда раньше не видел ее такой — только что она была собранной и бросала суровые взгляды на Киснароса, а уже через секунду начала тихо всхлипывать, прижав руки к ребризеру, слезы затерзали серебристыми ручейками на ее щеках.

Я отвернулся от приближающейся машины войны и посмотрел на нее.

— Госпожа?

Все еще рыдая, она опустилась на колени, не сводя глаз с фигуры.

— Он настоящий, — прошептала она по воксу. — Ты не понимаешь? Не видишь? Он настоящий.

Дредноут подошел ближе и затер в десяти метрах от нас. Лунный свет резко очерчивал края его прочной брони. Древний, очень древний корпус покрывала племенная раскраска. Одна рука машины войны представляла собой тяжелую и угрожающую роторную пушку — нацеленную

на нас. Другая же конечность больше походила на человеческую, заканчиваясь изогнутыми, злобного вида металлическими когтями.

Я посмотрел на фронтальную часть саркофага бронированного шагохода, инкрустированную изображениями волков из кости и бронзы, фенриси́йские руны, а также готические письмена. Ветер трепал закрепленное на спине выцветшее знамя с изображенным на нем одиноким Волком в бледно-серых доспехах, его левая рука заканчивалась загнутыми когтями из белого огня. Воин стоял гордо, глядя на заходящее солнце, поставив ботинок на груды древних шлемов. Я узнал цвета Несущих Слово, Железных Воинов, Повелителей Ночи... самые древние враги из легионов Ока.

Анника плакала не переставая. Это был не просто плач, хотя тихие, приглушенные всхлипывания начинали уже раздражать. Это были слезы палотника, пролитые в храме в конце долгого пути.

--- Вы настоящий, --- прошептала она, возвышающейся над ней машине войны.

--- Конечно, я настоящий. --- Голос
гредноута раздался бионическим
грохотом: --- Вставай с колен, глупая
девчонка.

Киснарос переводил глаза с Анники на
машину войны, его лицо за ребризером
выдавало смятение. Ему отчаянно
хотелось начать переговоры, но внезапно
он понял, что не знает, как.

--- Я --- Гестей Киснарос, --- сказал он
гредноуту. --- Верховный лорд в
Циквизиции Его Святейшего Величества.

Я следил за разговором лишь краем
уха. Утя, написанное на саркофаге, не
могло быть настоящим. Если же так, это
значило...

Ох. Трон Терры.

--- Мой лорд, --- произнес я, опускаясь на
одно колено.

С тихим рычанием священной
механики гредноут чуть развернулся на
поясном шасси.

--- Довольно уже. Вставайте.

--- ...и должным образом назначенный
представитель Бога-Императора... ---
заканчивал Киснарос, все еще не зная, куда

ему смотреть.

--- Бога-Императора? --- Дредноут издал скрежет плавно провернувшихся шестеренок. Судя по грохочущему звуку, я предположил, что это стех. Или перезарядка внутренних оружейных систем: --- Из-за того, что его называли богом, и началась вся заварушка.

Киснарос опять сбился, уже третий раз за минуту.

--- Что вы... я не...

--- Ничего. Времена меняются, и в этом правда. --- Машина войны развернулась к нам: --- Итак. Что привело вас в ночное небо над Фенрисом, и почему бы мне просто не разорвать ваш крошечный флот на куски многочисленными орудиями затка?

При этих словах лорд-инквизитор выпрямился.

--- Пожалуйста, назовитесь, сэр, как это сделал я. Затем переговоры могут начаться.

--- Ты ослеп, маленький человечек? Оно написано на моем гробу.

Я не мог позволить этому

продолжаться. Слова инквизитора были не просто богохульством, они граничили с извращением.

+ Его зовут Бьорн, прозванный Разящая Рүка. Первый Великий Волк-ордена и второй верховный лорд Фенриса после ярла Рүсса, самого примарха. Они пробудили его, чтобы он говорил с нами. +

Киснарос не сводил глаз с бронированного корпуса и гроба из черного железа, установленного на фронтальной части.

--- Вы... вы ходили в Век Императора?

Бьорн опять издал скрежещущий хохот.

--- Ходил, бегал, точился и убивал. Все это. Я встречался с Всеотцом, знаешь ли. Не раз сражался рядом с ним. Кажется, я ему нравился.

Киснарос медленно, медленно опустился на колени.

--- Ох, ради... только не вы.

Дредноут повернулся ко мне, когда Киснарос рассказал ему историю Армагеддона.

— Это правда? — без лишних витиеватостей спросил он. — Ты сломал Черный Клинок?

Я посмотрел на саркофаг, закрепленный на фронтальной части и соединенный с корпусом адамантиевыми крепежами и трубками с жизнеобеспечивающими веществами.

— Это правда, яrl Бьорн.

— Просто Бьорн. Я больше не восседаю на тронах и ничем не правлю. Я видел Ангрона, как до Изменения, так и после. Сломать Черный Меч — не простое дело, рыцарь. Боюсь, этим подвигом ты заработал себе собственный ходячий гроб.

У меня кровь застыла в жилах.

— Я бы предпочел спать на Полях Мертвых рядом со своими братьями.

— Слова человека, полагающего, будто у него есть выбор. У героев его нет. Герои должны оставаться бессмертными, их нужно пробуждать каждые пару веков для очередной войны или чтобы

поделиться древними преданиями с новым поколением.

Словно чтобы подчеркнуть свои слова, он сделал громоподобный шаг вперед. Его когти могли с легкостью охватить каждого из нас, поэтому та нежность, с которой он коснулся Анники, была очень трогательной. Машина войны с лязгом и гребезжанием повернула запястные серводвигатели, вращая когтями. Затем плоской частью остро отточенного лезвия она наклонила ее голову на одну сторону, затем на другую, разглядывая ледяные слезы на ее бледных щеках.

--- Довольно слез, маленькая дева. Ты выглядишь, как морозорожденная. Какое племя, охотница?

--- Сломанный Клык, Великий Волк, --- пискнула она.

--- Полню их. Злобные ублюдки, все до единого. Благословение, если в бою они на твоей стороне, и проклятье, когда нет. Но совершенно отвратные мореходы. Такая вот печальная правда.

Дрепноут шагнул вперед, отпустив ее щеку.

— Нет лучшего зрелища на всех мирах, чем морозорожденная дева. Особенно такая черноволосая красавица. Редкое зрелище даже в те времена, когда у меня были глаза, и я уверен, что теперь такое увидишь еще реже.

Я уставился на гредноут, задаваясь вопросом, отличался ли процесс, по которому в прошлом выращивалось генетическое семя, от сегодняшних методов. Похоже, он мог определить, что Анника была привлекательной. Я не был уверен, что сам смог бы сделать это, и у меня была еще тысяча вопросов: о воинском искусстве в эпоху Ереси, о том, что он лично видел Императора, о типах кораблей, которые когда-то ходили среди звезд и теперь больше не использовались...

— Итак, — гредноут оборвал мои размышления. — Переходи к части, которая должна убедить меня не уничтожать твой маленький флот. Или я просто могу убить тебя и покончить с этим без лишних усилий.

Киснарос ощетинился, но сдержался.

— Придут другие, ярл Бьорн. Дес...

--- Я же сказал. Просто Бьорн.

--- Я... да. Но... десятки. Сотни. Я пришел не сжигать Фенрис, но попомнить твои слова, этот мир умрет, если Волки не пойдут на компромисс. Слишком много инквизиторов видят в этом шанс урезать автономию этих знаменитых и неудобных Агентус Астармес, а также заставить раз и навсегда умолкнуть этот беспокойный голос. Волков любит население Империи, которое знает об их существовании, но институты Империи гораздо менее благожелательны к Сынам Фенриса.

Дредноут словно обдумывал сказанное.

--- Маленькие люди с маленькими заботами. Переходи к сути, инквизитор.

--- Покаянный крестовый поход удовлетворит Инквизицию. Может, на век... или два.

--- Ты хочешь отправить целое поколение Волков к звездам, облаченными в позор, чтобы удовлетворить глупцов, которые не служат Империи и вполсилы так же старательно, как мы?

--- Это единственный компромисс, который позволит сторонам разойтись без конфликта.

--- Ты напоминаешь мне одного летописца, которого я когда-то знал.

--- Мне не известно, кто это такие, ярл Бьорн.

--- Летописцы --- это паразиты, которые платят за то, чтобы они увековечивали память о чем-то. У того был змеиный язык и сердце грызуна. Он пытался убедить окружающих, что его поэмы были гениальными, а все критики слишком глупыми, чтобы оценить его. Вот кого ты мне напоминаешь. Та же неприкрытость в суждениях. Поэтому попробуй еще раз.

Киснарос набрал воздуха в грудь, когда на моем ретинальном дисплее вспыхнула предупреждающая трехцветная ручка в виде серпа.

--- Постойте. Что-то не так.

Киснарос приложил руку к уху, перенастроив вокс-бүсинку.

--- Волки... они вернулись. Весь их флот только что вышел из варна.

--- Как такое возможно? --- спросил я.
Позади нас Малхадиил уже разогревал
двигатели «Грозового ворона».

--- Не знаю. Но они идут сюда и...

--- И видят вражеский флот, который
целится в Клык. Твой ход, инквизитор.

Глава двадцать шестая

СОВРАТЪЯ

1

Когда мы добрались до стратегиума «Надежды Корела», флот Волков был уже в пределах действия вокса. На мостике царил настоящий хаос по сравнению со степенной работой на «Карабеле», хотя я отчего-то был благодарен, что команда старалась лишний раз не раздражать меня. Слишком много людей, слишком много запахов, все слишком близко. Меня создавали не для того, чтобы красоваться перед людьми.

Даже одно мое появление перед ними в лучшем случае ставило их в очередь на выколачивание мозга, а в худшем — на казнь. Мою кожу пощипывало всякий раз, когда на меня падал чей-то взгляд. Четыреста сервов, сервиторов, офицеров и рабов — мою кожу пощипывало непрерывно. Шум их раздумов очень отвлекал, и не

Впервые меня посетил вопрос, испытывали ли люди более сильные чувства, чем мы. Неужели Дар Императора ослаблял нашу возможность чувствовать и ощущать, как обычные люди?

Но думать сейчас о подобном было настоящим безумием.

Киснарос сорвал с себя ребризер и схватился обеими руками за поручни центрального постоя.

--- Канал открыт?

--- Да, сир, --- отозвался ближайший офицер.

--- Говорит лорд-инквизитор Киснарос флоту Костиических Волков. Переговоры уже начались. Сверните с курса и не атакуйте нас.

Ответ прозвучал утробным, трачным грохотом.

--- Я --- ярл Гримнар из Волков, лорд сынов и дочерей этого мира, а также защитник Клыка. Хватит лжи, трус. Довольно уловок. Наши рунические жрецы отдали жизни, чтобы привести нас сюда и окрасить стены крепости вашей порченой кровью. Ты смеешь говорить мне не

приближаться к собственному миру
рождения? Ты настолько же слеп, как и
глуп, слабак? Это Волчий костос, а мы и
есть Волки. Проваливай отсюда, пока мы
не скортили океанам ваши кости.

Киснарос бросил взгляд на капитана
реквизированного линкора — дорогого
мужчину лет пятидесяти в безупречно
сидящей форме одного из многочисленных
дивизионов линейного флота Солар.

— Когда они достигнут радиуса
огневого поражения?

— Меньше чем через минуту, лорд.
Они идут на всех парах.

Идут на всех парах. Какое странное
назвение. Мне стало интересно, откуда
капитан родом.

— Почему ты такой спокойный? —
спросила Анника, встав рядом со мной.

— Точно не знаю. Думаю, я стирился с
тем фактом, что мы вряд ли выживем. Я
осознал это еще недели назад.

Несмотря ни на что, Киснарос
продолжал говорить дальше. Я видел, как
его постепенно охватывает паника,
секунда за секундой. Он нажал на Волков

слишком сильно, привел слишком много кораблей в их небеса и уничтожил всякий шанс на мирное разрешение конфликта. Я знал это. Мы знали это. Он просто не хотел признать очевидное.

--- Строй флот в защитную формацию. Пусть орудия и дальнострельные орудия нацеляются на Клык. Они должны понять, что мы откроем огонь.

--- Они понимают это, --- оборвал его. --- И их это уже не заботит. Инквизитор, рассейте армаду. Бегите. Все кончено.

--- Нет. Нет, время пока есть, --- он развернулся к свисающему с потолка на витом кабеле вокс-микрофону. --- У них нет шансов против нашей армады. Уж это-то они должны понимать.

Я взошел по ступеням, чувствуя, как рука сжимается в кулак, прилагая все чертовы усилия, чтобы не поднять ее и не расстрелять Киснареса.

--- Вы угрожали Клыку в присутствии Верховного лорда Фенриса. У нас был шанс договориться с Разящей Рукой, но теперь? Когда на нас нацелены все силы Волков? Инквизитор, вам не покинуть эту систему

живым. Остатки армады могут
вырваться, но потери будут
катастрофическими.

--- Гиперион, --- сказал он, как будто я
мог ему помочь, --- Гиперион...

--- Сдавайтесь, лорд. Сдавайтесь, пока
не пролита первая кровь.

--- Они должны понять! --- Киснарос
находился на пределе. Я видел белки его
глаз, когда он схватил вокс-микрофон. ---
Ярл Гримнар... Это не должно закончиться
войной...

--- Ты привел нас сюда, --- затрещал в
ответ голос. --- Ты посеял семена этого
урожая. Теперь пожинай его.

--- Покаянный крестовый поход
избавит вас от грехов, Логан. Мы можем
окончить это без кровопролития...

Единственным ответом был стех.
Стех, который превратился в вой.

жестокостью яростного пустотного сражения. Военные корабли столь часто перестреливались на огромных расстояниях, ведя битву точно рассчитанными орудийными залпами, что капитанам редко приходилось встречаться с судами, идущими на таран.

Только безумие командира или ненависть могли заставить корабли протаранить друг друга. Слишком многое могло пойти не так, когда не было места для маневра, не было пространства для разворота, не было надежды на спасение в непредвиденных обстоятельствах.

Непрерывно воя, Волки вошли в пределы дальности стрельбы. Они подходили ближе, ближе и ближе.

Лишь пару мгновений паника грозила захлестнуть лорда-инквизитора Киснаросу, пока не отхлынула от него. Настал час настоящего испытания, давая ему шанс проявить лучшие качества. Он передавал приказы с пульта на пульт абсолютно спокойно и говорил с предельной ясностью. Корабль за кораблем, армада получала приказы.

--- Пусть половина флота сосредоточится на ведении огня по крепости-монастырю. Использование ядерного и циклонного оружия запрещено, но обычная бомбардировка не должна прекращаться. Остальному флоту вести огонь по линейным кораблям.

--- Так точно, лорд, --- отозвалось несколько офицеров, побужавших передавать его указания.

--- Переключить щиты на переменный цикл, --- приказал он, уже направляясь от пульты пустотного щита к оружейной платформе. --- Водите корабли Костических Волков «Врата Гарма»? Полный вперед, курс на перехват. Приказать «Елане» и «Освятителю» пойти на сближение и использовать нас как прикрытие для маневра. Мы примем атаку «Гарма» на свои щиты правого борта. Как только мы минует его, открыть огонь из трети наших орудий правого борта по кормовой части «Гарма», по броне вокруг его основных двигателей. Затем совместно с «В сакральной истине» атаковать «Скратасакс». Пусть эскортная

эскадра «Аквиляния» ведет «Скрамасакс» так, чтобы ему пришлось пройти между боюми линкорами. Мы обездвжим его лазерными батареями.

Он безостановочно мерил шагами палубу, прерывая поток приказов лишь для того, чтобы выслушать очередное обновление статуса армады.

--- Прикажите «Фаруоллу» и «Кровавому ужасу» защищать «Редут», пока он снова не включит двигатели. Вы. Второй лейтенант. Прикажите «Нашему Богу» покинуть авангардную дугу и открыть огонь по Клыкү.

Анника словно потерялась в творящемся хаосе, ее взгляд надолго не задерживался ни на одном из офицеров или пульте управления.

--- Мы здесь в безопасности?

--- «Надежда Корела» самый крупный и хорошо защищенный корабль армады, --- ответил я. --- Но нет, мы не в безопасности.

--- Он стреляет по Клыкү.

--- Я знаю.

Киснарос шагнул обратно к поручням.

целкая пальцами, пока отсчитывал время.

--- Сейчас, --- тихо произнес он. Палуба содрогнулась, когда первое орудие выстрелило в пустоту.

Командная палуба утонула в крике. Я попытался отделить голоса друг от друга. Впрочем, один голос перекричал все остальные.

--- Абордажные капсулы!

--- Подробнее... --- потребовал Киснарос.

Тактический гололит, проецируемый из развернутой части горгульи, изваянной на потолке, наложился на окклюдус. Корабли обоих флотов, многие из которых находились в опасной близости друг к другу, высвечивались мерцающими рунами красных и белых цветов.

--- Абордажные торпеды выстрелили из всех фенрисийских кораблей.

--- Прикажете всем атакующим кораблям готовиться к отражению абордажа. Пусть Красные Охотники контратакуют каждый корабль Космических Волков, который отправил своих воинов. Они должны поочередно взять

их на абордаж и уничтожить изнутри. Прикажете магистру ордена Дэмару телепортировать элитных воинов для захвата «Кербера» и «Небесного молота».

Палуба снова содрогнулась, достаточно резко, чтобы несколько членов команды потеряли равновесие.

— По нам ведут шквальный огонь, — пробормотал сервитор со своего нового места на полу. Он перекачивался из стороны в сторону, получив слишком серьезные повреждения при падении, чтобы подняться.

В оккьюсе я увидел самое неприятное зрелище из всех, которые я когда-либо имел несчастье наблюдать. Мимо нас медленно, грациозно проплыли укрепления из серого железа «Скратасакса», бессчетные тигающие огоньки вдоль бортов и башен высвечивали злобные зевы отдельных турелей.

«Надежда Корела» негодующе заскрипела от близости другого корабля. Трон, мы были не просто достаточно близко, чтобы увидеть отдельные окна, мы были достаточно близко, чтобы коснуться

истерзанной брони военного корабля.

Позвоночник корабля озарился взрывами, когда наши лазерные батареи и меньшие турели снова обратили на него нежелательное внимание. От выстрелов лэнсов на носовой части корабля палуба опять согрознулась, почти так же сильно, как в первый раз. Впереди нас отображенный на панорамном оккьюсе и неизвестный мне корабль Космических Волков отлетел в сторону, разваливаясь на части. Наш последний лэнс-залп воспламенил его плазменное ядро, на краткий миг ослепив оккьюс ретинальным пятном болезненных расцветок.

Следующим видением стал потемневший от ожогов ударный крейсер Красных Охотников «Чистота Верности», который из всех сил пытался идти на утирающих двигателях. Я наблюдал за тем, как он дрожит и распадается на части, сгорая в атмосфере Фенриса. Из его корпуса обреченными семенами посыпались спасательные капсулы.

На оккьюсе возникло еще одно

изображение. Наш корабль, крейсер Серых Рыцарей «Торжественность», покидал артаду, выходя из формации. Атаковавшие его корабли убралась у него с пути, и в это время огонь открыли башенные орудия Клыка, когда «Торжественность» попала в пределы их досягаемости.

--- Щиты? --- услышал я крик Киснароса. --- Щиты?

Они упали. Я мог определить это потому, как мы содрогались под орудиями «Скратасакса». Снаряды мощных турельных батарей прорывались сквозь защиту и рвали нас на части.

Киснарос также это понял.

--- Щиты! Я хочу поднять их прежде...

Командная палуба озарилась второй слепящей вспышкой. Первая полыхнула снаружи, от нее мы просто отвернулись. Но на этот раз нам так не повезло. Она произошла достаточно близко, чтобы ее почувствовать, и это чувство было мне знакомо.

Никогда не видел воина, бегущего в
терминаторском облачении. Он несся
сквозь пламенный туман
телепортационной бури без единого
намека на неуклюжесть, которую я
испытывал на Армагеддоне. Каким бы
невозможным зрелищем это ни казалось,
клянусь, я слышал гроыхание его ботинок
и вопль протестующих сервосочленений
сквозь рев разваливающегося вокруг нас
корабля. Из-под каждого его
стремительного шага вырывались искры.

Я даже представить себе не могу
силу и гнев, необходимые для того, чтобы
заставить терминаторскую броню
действовать подобным образом. Я
выстрелил в него. Малхадиил выстрелил
в него. Наши штурм-болтеры взревели и
загрохотали, вырывая куски керамики без
всякого, казалось бы, видимого эффекта.

На полдороге серый воин выскочил на
пульт управления, сокрушив его
бронированным ботинком, и,
оттолкнувшись, запрыгнул на
центральный мостик. Несмотря на
скорость, в его движениях не было ни

грации, ни ловкости, только злость и неуправляемая сила, которые напрягали сочленения его доспехов до абсолютного предела прочности освященного керамика.

Малхадиул и я двигались в идеальном единстве тех, чьи разумные переплелись. За один удар сердца секира Волка повалила Мала на землю, отрубив ему ноги. Я крутанул посохом, чтобы парировать оружие, которого там уже не оказалось. Лезвие огромной секиры размытым пятном тчалося ко мне совершенно под другим углом и врезалось мне в шлем с такой силой, что я полетел с платформы. Я почувствовал, как треснула лицевая кость, после чего перевалился через поручень. Пролетев шесть метров, я рухнул на палубу занемевшей грудой.

Я посмотрел вверх, наполовину ослепленный кровью и дезориентированный настолько, что потерял чувство равновесия. Даже на то, чтобы просто подняться на ноги, мне не хватало сил, и я сомневался, что смогу победить. Мое лицо опять было разбито. Череп разрывался от боли.

Слабый лазерный огонь оставлял ожоги на доспехах старого воина, на что тот не обращал совершенно никакого внимания. Несколько лазерных лучей даже смогли угодить в цель, задев плоть под слоями брони, хотя воин уделил им не больше внимания, чем остальным.

Трое флотских силовиков, сжимающих лазерные винтовки, погибли один за другим. В грудь первому и второму угодили болтерные снаряды, в лицо третьему вонзился архаичный метательный топор, и силовик повалился на палубу, дергаясь, будто сломанный робот.

Анника оскалилась, перезаряжая болтер.

«Айя! За верховного ярла! За Этт!»

Киснарос встал перед старым воином, безоружный и облаченный лишь в церемониальные силовые доспехи. Он ничего не говорил. Ему даже не дали шанса прошептать прощальные слова.

Секира старого воина не замедлилась, проходя сквозь тело. Голова лорда-инквизитора Киснароса слетела с плеч и

покатилась по ступеням. Тело повалилось
секундой позже, рухнув обратно на
командный трон.

Стоящий посреди горящего мостика
Логан Гримнар одной рукой воздел секиру
Моркаи и взревел. Из всех членов команды,
которые потянулись к личному оружию,
два десятка офицеров бросили свои посты
и ринулись к спасательным капсулам.

+ Гиперион. Гиперион, помоги. +

+ Мал. +

Я поднялся на ноги и посмотрел на
ступени. Малхадиил, оставшись без
бионических ног, полз по палубе. Его
кератитовый нагрудник скреб по
решетчатому покрытию.

Ярл Гримнар подошел к нему.

+ Мал! +

Он перекатился, поднимая штурм-
болтер, но секира, став серебряным
пятном, отсекла ему руку. Конечность
заскользила по палубе, а с ней и болтер.

Я открыл огонь. Я палил из штурм-
болтера, пока не израсходовал все снаряды,
недоверчиво смотря, как они разрываются
на лезвии секиры-реликвии. Я потратил

семь болтов ради жалкой победы ---
чеканные позолоченные волки покрылись
черной гарью.

Ярл Гримнар занес секиру, прижав
ботинком грудь Малхадила. Я сорвался
на бег.

--- Так будет с каждым сыном
предательской змеи из вашего бесчестного
органа.

Нет. Нет. Я потерял Галео. Потерял
Дүменигона. Потерял Сотиса именно из-за
своей слабости. Энцелас лежал в коме и,
вероятно, никогда больше не очнется. Я не
потеряю еще и Мала. Он был последним,
моим единственным братом,
единственным шансом не нарушить
клятву, данную мной во имя нерушимого
братства. Энергетические батареи на
ранце затрещали и стали плевать
колдовскими молниями в ответ на мою
бессильную злость.

Анника выбежала передо мной. Я
отшвырнул ее в сторону волной
кинетической силы, приложив спиной о
горящую стену. Другие Волки --- воины,
которых я даже не заметил, когда они

телепортировались на борт — открыли по
мне огонь от стен зала, откуда они
расстреливали команду. При каждом
попадании я шатался, задыхаясь в дыму
путящих доспехов. Я закричал, когда
секира опустилась, издав бессловесный,
лихорадочный вопль постыдного
отрицания.

В ту же секунду я бросился в аг за
реальностью.

IV

Секира опустилась.

Мы стояли с ярлом Гримнаром
лицом к лицу, оскалившись друг на друга.
Его секира грозила, лезвие было крепко
заблокировано древком черного посоха. Я
чувствовал, как призрачное платя
наполняет глазницы, обесцвечивая и
выжигая все цвета. Даже сквозь блеклое
платя я заметил в мрачном взгляде
Великого Волка тревогу.

+ Нем. +

Скрипнув клякати, он заворчал. Если это ответ, то довольно неубедительный.

+ Нет. +

Старый воин напрягся, нагавил сильнее, и его лицо скривилось в хищном оскале. Мой посох -- трещетийские руны на его черном древне пылали раскаленным белым цветом -- угрожал, когда его стало пригибать к палубе. Я не мог выстоять против терминаторской брони. Я почувствовал, как огонь, полыхающий у меня в глазах, начал остывать.

+ Брат, + прозвучал угасающий голос Малхадила. + Прикончи его. +

+ Я... я не могу... +

+ Ты расколол проклятый клинок демона. Прикончи этого смертного ублюдка-полукровку. +

Я улыбнулся, снова оскалив зубы, едва не расстегнувшись. Мой голос походил на протяжный утробный рык.

-- Не говори мне о чести... -- Белое варп-пламя стало свиваться вокруг моих кулаков шипящими кольцами: -- Ты... так же виновен... как мы. Это Империя Человечества, Старый Волк, а не

сказочная империя блаженства и радости.
Мы — Дар Императора. Мы знаем, что
должно быть сделано. Мы никогда не
позволим упрямой гордыне и излишней
доброде ослепить нас перед настоящим
врагом.

Секира треснула. Широкая черная
трещина пролегла по древней реликвии,
отделив голову одного из чеканных волков
от плеч.

— Мы оба виновны в этой войне! — я
выплюнул слова в его сегобородое лицо.

+ Сзад! +

Я услышал предупреждение Мала в
том же тиз, как взгляд ярла Гримнара
переметнулся мне за плечо.

Я не мог обернуться и попробовал,
собрав все свои силы, оттолкнуть ярла, но
это было, все равно что пытаться
сдвинуть скалу.

Я знал, кто ко мне приближался. Я
почувствовал — это Бранг Хриплая
Глотка, охваченный злостью и диким
весельем, — ощутил, как он сжимает в
руках секиру.

В меня врезалась волна кинетической

силы, врезалась в нас всех, сбив с ног.

+ Просто беги, + беззвучный голос Малхадила был едва громче шепота. Я ощутил его сигнатуру в высвобожденной психической энергии. + Просто беги. +

Я встал над ним -- моим безногим, одноруким братом -- и призвал посох обратно с палубы. Раскрыв его, я повернулся к Хриплой Глотке и его бессмертному ярлу.

Только я столкнулся не с двутя Волками.

Я столкнулся с двадцатью.

Они надвинулись, как их тезки, единой стаей, не торгая, оскалившись за миг до того, как впиться в свою добычу.

+ Подходите ближе, + отправил я им всем одновременно. + Всех вас мне не убить, но кое-кто наверняка не вернется в тот стылый ад, который вы зовете домом. Ну, кто первый? +

В этот раз сполох света и стечение воздуха огласили о прибытии чего-то действительно огромного. Мы разом оглянулись, чтобы посмотреть, что могло присоединиться к бою на этом последнем

этане.

Волки упали на колени. Они склонялись среди изувеченных трупов, опуская голову перед возвышающейся над ними машиной войны. Огин я остался стоять, хотя, признаюсь, даже меня одолевало искушение упасть на колени.

--- Хватим, --- прогрохотал Бьорн Разящая Рука. --- Хватим этого безумца.

--- Первый ярл, --- сказал Гримнар, остановившись, только чтобы сплюнуть сгусток крови.

--- Хватим. Хватим. Клык объят пламенем, он горит ярче, чем от черной магии Магнуса Одноглазого. Три имперских корабля врезались в наши стены, обнажив логова фенрисийской зимы. Наши орбитальные доки в руинах. От флота почти ничего не осталось.

Логан Гримнар поднялся на ноги и указал на меня секирой.

--- Первый ярл...

--- Следи за языком, юнец.

Невзирая на флоты, рвущие друг друга за горящими стенами, невзирая на то, что наш корабль непрерывно

содрогался от ведаущегося по нему огня, несколько Волков растеялись, услышав, как ярла называли юнцом.

--- Все кончено. Гримнар, ты действовал с честью, но время обнажить наши глотки пришло. Гордость и праведность сведет нас в могилы. Я знаю это лучше всех вас. Отмени атаку. Прекрати вой войны.

Дредноут повернулся ко мне, зажужжав поясными осями.

--- Кто говорит за вас?

--- Я... не уверен, лорд.

--- Я говорю, -- Анника Ярлсготтир в повлажневшей от крови одежде встала рядом со мной. -- Я говорю за Священную Циквизицию.

--- Тогда запомни следующие слова, маленькая дева. Убедись, что каждая душа, обладающая печатью вашего ордена, услышит их. Если еще хоть раз корабль Циквизиции затлит небо Фенриса, мы сорвем его оттуда и будем пировать на его железных костях. Ты слышишь меня?

Она склонила голову.

--- Я слышу. Как услышат и другие.

Древний дредноут отвернулся от нас, от его громогласной поступи палуба дрожала не меньше, чем от выстрелов.

--- За все прошедшие годы я ни разу не ступал в телепорт. Неудивительно, почему Русс так его ненавидел. Будь у меня кожа, по ней бы тиграшки побежали.

Он снова обернулся, его когти и иштуртовая пушка нацелились на меня.

--- И последнее. Ты. Гиперион.

Я сглотнул при упоминании своего имени, присев, чтобы помочь Малхадиилу. После всего, что случилось, --- после долгих месяцев надежды на то, что кровопролитие закончится, --- мне стоило невероятных усилий не броситься снова на Гритнара.

То же самое я видел и в его лице. Эту ярость сдерживающегося зверя в его глазах. Мы оба знали, что он мог убить меня в мгновение ока. И когда здравомыслие руководило действиями, порожденными злостью и яростью?

Неохотно я первым отвел взгляд и посмотрел на дредноут.

--- Сир? --- произнес я.

--- Прежде чем тебе позволят
вернуться в свою обитель, я хочу, чтобы
ты навестил залы Клыка и поведал о
своем оргене. У Волков никогда не
отберут их память. Больше никаких
секретов, Серый Рыцарь. Теперь мы знаем
о вас. Начиная с этого дня Волки всегда
будут знать о вас.

Чтобы закончить войну, обоим
орденам придется нарушить свои законы.
Но оставался ли у нас выбор?

Я преклонил колено.

--- Да, яrl. Пусть будет так.

--- И вы оба говорите за Инквизицию?

У вас есть такие полномочия?

Анника пересеклась со мной взглядом.
В нем больше не осталось теплоты.

--- Мы можем быть убедительными, ---
ответила она.

Эпизод ОТГОЛОСКИ КАПИТУЛЯЦИИ

І

Я закончу это сказание правдивой историей, которую нечасто вспоминают. Вообще-то даже забыть.

Первая случилась через шесть часов после того, как столкнули орудия. Вторая произошла тремя неделями спустя, когда лишь «Карабела» осталась на орбите, вдали от дрейфующего кладбища военных кораблей.

ІІ

Мы стояли перед выжившими инквизиторами, которые высадились на обездвиженной «Надежде Корела», чтобы

услышать слова, сказанные в конце сражения.

Я молча ждал, пока Анника ходила перед собравшимися, передавая им слова воина, который когда-то сражался рядом с Императором. Командный пункт на борту разрушенного линкора озарялся редкими вспышками вышедших из строя гололитических проекторов, белое око фенриса мелькало в иллюминаторе всякий раз, стоило раненому, почти обесточенному дрейфующему кораблю сделать очередной оборот.

Аника затолчала, ее последние слова повисли в воздухе над агентами, вельможами и офицерами, которые не спешили ей отвечать. Я окинул взглядом толпу — бывшие арбитры, некогда поддерживавшие имперский закон, а теперь вознесенные в тайные оргосы, вельможи шпилей, облаченные в инквизиторские одеяния, ухоженные лорды, укутанные скорее в собственную важность, нежели в праведность, и простые, много чего повидавшие воины, которые предпочитали пафосным операциям более

тихую и едва заметную работу.

Все они инквизиторы. Ни у одной души не было ничего общего с собратьями, за исключением символов, перед которыми все они давали клятву.

— Нет, — наконец произнес один из них.

— Битва окончена, — при моих словах они понялись. Я покачал головой, сделав шаг вперед. — Битва закончилась, прежде чем она успела перерасти в войну.

Но инквизиторы обменялись взглядами, и я понял, что вскоре они станут обмениваться секретами.

— Мы ищем альтернативные пути против этого ордена, — покрытый шрамами мужчина с всклокоченными волосами произнес это через встроенный в гортань аудиентический вокалайзер, заменявший ему половину шеи.

Некоторые кивнули.

— Возможно, когда Фенрис в следующий раз окажется в осаде Врага, линейный флот Солар среагирует с опозданием. Какая неприятность.

Эти слова вызвали согласное

бортотание и даже стешок.

--- А что нам известно, --- спросил закутанный в мантию агент-биологис, --- о генетическом семени Космических Волков?

III

Есть некоторые моменты в жизни, о существовании которых вы всегда будете сожалеть. Безыскусные махинации Инквизиции после сражения были одним из них. Горечь Волков --- еще одним. Обе стороны имели полное право гневаться, и даже перепирие не сумело стереть разногласия.

Мы скрывались на орбите, орудия «Карабелы» на паре с Клыком уничтожали обломки, которые больше не могли послужить даже источником железа. Мертвые корабли отправлялись на поверхность Фенриса астероидами горящего металла. Мы стояли на мостике, капитан Кастор и я, наблюдая за

тем, как они падают в черные моря.

Когда Анника ушла, а Малхадила на «Правителе Черных Небес» отправили на Титан, Тальвин и я остались почти в одиночестве. Конечно, нам запретили спускаться на Фенрис. Я подчинился букве этого приказа, но нарушил его дух.

Как захватывающе дрейфовать из разума в разум в сумрачных стенах Клыка. Я провел почти два часа трэллом, затем провалившись кандидатом, физически улучшенным, но раздавленным своим поражением, которому сейчас передавали мертвых воинов, вместо оружия и успехов на починку.

Целый вечер я пробыл слугой, почти ослепшим в вечном сумраке, в котором жил, работая в тайных священных кузнях, никогда не видевших солнца. Смотрел, как обретают форму болтерные снаряды, как их благословляют и вырезают на них руны, как мускулистые мастера превращают железо и сталь в клинки. Только спустя пару часов понял, почему у меня были такие проблемы со слухом: я смотрел глазами женщины, почти оглохшей после

долгих лет, отданных тяжкой работе в кузнях.

Не буду лгать. Я коснулся разума более чем сотни фенрисииских сербов, ни разу не допустив, чтобы мое присутствие обнаружили, сквозь призму любопытства разделяя их рутину и радости. Я многое узнал, но меня это едва заботило. Было нечто особое, что я стремился увидеть.

Я нашел это через несколько недель после пустотного сражения.

С приподнятой решетчатой палубы, откуда открывался вид на зал стазисного хранения, я смотрел через красные тонированные линзы сильно увеличенного трэлла с нагвинутым на лицо капюшоном. Вместо рук из моих локтей вились кабели-щупальца. Я передвигался на широких и медленных танковых гусеницах, лязгающих о металлическую палубу.

Логан Гримнар, Великий Волк Фенриса, стоял перед широким круглым лифтом, сжатая в руках секиру. Рядом с ним в схожих позах стояли выжившие Волчьи гвардейцы. Я узнал Бранда

Хриплую Глотку, но устоял перед
искушением увидеть ритуал его глазами.
Я и так зашел слишком далеко.

Бронированный корпус ярла Бьорна
развернул руки-орудия, повел огромными
плечами, сместил громадный вес, в
последний раз проверив все двигательные
точки. Сотня кабелей и проводов уже были
присоединены к корпусу дрегноута, огни
вышли от техники, скрытой под лифтом,
другие тянулись к гудящим генераторам,
висающим с потолка.

Все готово.

— Спите, первый ярл, — произнес
Логан Гримнар. Волчья гвардия
приветственно подняла оружие. — Пока
Фенрис вновь не позовет.

Дрегноут застыл. Лифт медленно
стал опускаться в яму с подземными
генераторами. Морозный туман алмазной
крошкой оседал на сине-серой броне военной
машины.

— Фенрис. Всегда. Зовет.

— Всегда. Но пока отдыхайте.
Сохраните эту историю в сагах, ярл, —
голос Гримнара казался нитного более

взвешенным, чем резкие, протяжные слова
уставшего и засыпающего гредноута.

--- Помните. Унквизиция. Не. Оставит
нас. В покое.

Ярл Гримнар кивнул с
торжественностью, которой я прежде в
нем не видел.

--- Знаю.

--- Следите. За небесами. Братья, ---
гредноут исчез в тумане, и переборка в
полу начала закрываться. --- Зовите меня.
Когда. Они придут...

Глава X

ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ

Имперская гата:

М41.498

У

Я встретил его на посадочной платформе Ник-Сейта-V. «Громоподобный ястреб» направился на посадку, серебро в ночи, мерцающее в жидком метановом дожде. Он приземлился почти с неправдоподобным совершенством, изящный на всем протяжении времени — от высоты вектора сближения и до момента, когда его посадочные когти коснулись рокитовой платформы.

Когда ратна опустилась, я чуть шире расправил плечи, позволив сетке прицеливания затизать на бронированных пластинах корабля.

Я не знал, чего ожидать. Честно говоря, я приложил все усилия, чтобы избавиться от любых ожиданий. Пятьдесят пять лет — долгий срок даже для тех, кому суждено жить веками.

Он сошел по рампе, при каждом его шаге грожала пласталь. Его доспехи претерпели кардинальное изменение. Многочисленные слои плотно спрессованного кератита опоясывали его грудь и конечности. Из штурм-болтера на руке исходил тонкий лучик красного света, как и из прицельного когитатора размером с кулак, вмонтированного в боковую часть шлема. Вместо телепортационного ранца «Перехватчик» на его спине теперь был закреплен огромный плазменный генератор с четырьмя широкими многосуставными серворучками, которые сейчас находились в свернутом положении. Каждая из них заканчивалась сложенными когтями, которые, без сомнения, могли разворотить танковую броню или даже полностью оторвать машину от земли.

Он посмотрел на меня, слегка

наклонив шлем. Любопытство? Или удивление? Я не влезал в его разум, чтобы узнать ответ.

Я виделся ему не менее изменившимся, чем он мне. Исчезли те, ничем не украшенные, доспехи юного рыцаря. Я стоял в церемониальной броне, серебряном керамике, инкрустированном рубинами на треск и высоком готике — бессмысленными на обычном языке, но означающими магическое благословение, хранящее от тьмы за завесой. Капюшон из клепанного освященного золота, соединенный с доспехами прочными черными кабелями, скрывал затылок и боковые части моего шлема.

На поясе у меня висел психосиловой меч. За спиной магнитно закрепленный посох — оружие, которым я владел два коротких года службы в Кастуане. В дополнение к штурм-болтеру я все еще носил пистолет, хотя меня уже давно никто не называл Две Пушки.

У наших доспехов осталось всего два общих признака, и первым было лишь то, что по старой традиции Серых Рыцарей

они были не выкрашены. Вторым же была гравировка заключенного в цепи волка на левом наруче — знак выживших, оросивших кровью гиблые поля Армагеддона более полувека назад.

Когда мы приблизились друг к другу, я протянул руку. Он не обратил на нее внимания и заключил меня в объятия. Это продлилось всего миг, но я услышал стешок по воксу и ощутил тепло его разума.

— Гиперион, — сказал он. — Брат мой. Раг видетъ тебя.

— Добро пожаловать домой, Мал.

— Ты выглядишь... иначе.

Я улыбнулся. Как странно говорить с помощью языка и зубов. Я так привык к небрежной легкости и мгновенному пониманию беззвучной речи.

— Как и ты. Пошли, — я повел его внутрь. За нами закрылась переборка.

— Я не могу говорить о Марсе, — ни с того ни с сего начал он, — поэтому даже не спрашивай. Должен сказать, оказывается, можно устать от каждодневного созерцания все новых чудес. Долг звал, и я больше не мог игнорировать его зов, — он

указал на мои доспехи, самой отличительной деталью которых был психический капюшон, скрывающий заднюю часть моего шлема. -- Расскажи мне о нем, -- попросил он.

-- Есть вещи, о которых я также не вправе говорить, -- ответил я. -- В нашем монастыре погребено больше тайн, чем ты сможешь поверить, брат. За загадочными замками лежат тысячи нерассказанных секретов.

Он кивнул, ничуть не удивившись.

-- Я бы хотел сначала пойти на Поля Мертвых, прежде чем меня назначат на должность.

-- Конечно. -- Сотис. Он хотел навестить Сотиса и наших братьев, спящих под поверхностью Титана: -- Мы пойдем сейчас туда.

Сервы кланялись и расступались в стороны, пока мы шли через холодные, безмолвствующие залы монастыря. Я ощутил, как он собрался что-то спросить, но не знал, как это преподнести.

+ Просто спроси, + отправил я.

-- Это твое повышение, -- сказал он. --

Прогностикар Гиперион. Ты теперь служишь с Торкритом? Правда?

--- Торкрит уснул на Полях Мертвых девятнадцать лет назад. Но мы служили вместе какое-то время.

--- Как он умер?

Я пожал плечами.

--- Как и все. С болью.

--- И теперь твоя задача обучать других?

Я кивнул.

--- Как Торкрит обучал меня. К счастью, мне дается это легче, чем ему. Я был не самым понятливым учеником.

Малхадиил слабо улыбнулся.

--- Мне жаль слышать о твоей утрате, но я рад, что твои таланты оценили, брат. Значит, ты тот голос, который советует капитанам и гросстейстерам. Если не считать того, что ты остался один.

--- Мы оба остались одни, Мал.

--- Действительно, --- признал он. --- Мои глаза болят при взгляде на тебя, Гиперион. Твоя душа такая яркая. Но мне не хватает единства нашего отделения. А

тебе?

Не было смысла лгать ему.

--- До сих пор скучаю. Но лучше уж так.

Он понимал, о чем я говорю, и я не гордился своим возвышением над простыми воинами.

--- Я чувствую в твоих словах вину, Туперион.

--- Время лечит все раны, кроме самых болезненных. И дело не только в Сомисе, Мал. Мне всегда следовало оставаться одному. Думаю, нам обоим.

Он кивнул.

--- Что с остальными?

Он довольно скоро встретится с Галео и Думенидоном. Они спали под поверхностью Титана рядом с Сомисом. Но я знал, что речь шла не о них.

--- Инквизитор Ярлсготтир так и не составила доклад ордосам за семнадцать лет. Полагают, она погибла во время Возвышения Яегры от рук Извечного Врага.

Он посмотрел на меня.

--- Яегра?

--- Крупнейшая луна Кретации. Долгая история, брат.

--- Ты потом встречался с ней? В смысле, после Месяцев Стыга?

--- Да. Да, встречался, --- по моему тону он понял, что эту тему лучше не затрагивать.

--- Почему ты встретил меня? --- спросил он. --- Я рад этому, но, признаюсь, изрядно удивлен.

--- Потому что у нас осталось незаконченное дело.

Он посмотрел на меня, и я ощутил, как его интерес становится острее, перерастая в любопытство.

--- Да?

--- Мы займемся им после Полей Мертвых.

Малхадиил кивнул.

--- Как скажешь.

Когда мы добрались до конца лестницы, ведущей к Полям Мертвых, возле первой же могилы нас окликнули.

--- Только посмотрите на себя, --- раздался голос, слабый от возраста и страха. Худой, словно скелет, человек

проковылял к нам на гладкой серебристой
бионике.

--- Энцелас, --- поздоровался
Малхадиил. --- Еще жив, старик?

Его испещренное шрамами лицо
скривилось в старческой улыбке.

--- Уверен, пока поживу. Как Марс, мой
мальчик? И не прячься за секретатами. Я и
так ими сыт по горло от Гипериона.

II

Мы покинули Поля Мертвых спустя
три часа. Не буду делиться словами
сожаления и клятвami перед навшими
собратьями, которые мы там произнесли.
Подобному не место в иных архивах, кроме
человеческого сердца.

Восход планеты на Титане. Мы
поднялись на одно из бесчисленных
укреплений Титана и стояли в
бронированном облачении в клубах
ядовитого, морозного воздуха, когда над
гористым горизонтом стал подниматься

шар Сатурна.

Малхадиил не произнес ни слова. Он почти не говорил с тех пор, как мы оставили Поля Мертвых.

--- Брат, --- сказал я ему. --- Пойдем со мной.

Он оглянулся. Воющий ветер трепал его табарг и сорвал свиток с моего наплечника.

--- Куда?

--- На Терру.

--- Империион, это шутка?

+ Нет. Как я сказал, у нас незаконченное дело. Я кое-что еще должен тебе. +

III

Императорский Дворец --- государство в государстве, он покрывает значительную часть восточного континента Святой Терры. Тысячи минаретов, башен и шпилей выстроились до золотистого горизонта, пронзая истончающиеся облака.

Одна из этих башен черная. Одна и только одна, она стоит отдельно от своих золотых и трапезных сородичей. Ее называют Башней Героев.

На вершине этого громадного архитектурного пика расположена колокольня. Она размером с собор, и в ней находится колокол из невзрачных, обыкновенных металлов, который из-за разъедающего касания времени покрылся пятнами и патиной. Колокол этот размером с Титан, и за ним ухаживают сотни мужчин, женщин и сервиторов, чье существование посвящено поддержанию его работоспособности.

В него редко звонят. Но когда это происходит, всех слуг необходимо эвакуировать в звуконепроницаемые укрытия, чтобы избежать повреждения барабанных перепонок и последующей смерти из-за разрыва легких и закупорки кровеносных сосудов.

Его звон слышит половина Терры. Остальная часть планеты также его услышит, поскольку на это время вся связь отключается и вместо нее идет передача

звук.

Это Колокол Потерянных Душ. Среди множества легенд о нем есть одна, самая благочестивая -- когда раздается звон, Император, спящий на Золотом Троне, слышит его и роняет единственную слезу. Мы -- его генетические наследники и ценнейшие защитники человечества, поэтому в Колокол Потерянных Душ звонят всякий раз, когда в бою гибнет очередной Серый Рыцарь. Говорят, это наша награда за то признание, которого мы никогда не получили от человечества, не ведающего о нашем существовании. Галео однажды стоял у основания башни, будучи последним из братьев Кастуана, и тянул рычаги, приводившие в действие огромные загадочные механизмы. Пару минут спустя колокол прогремел девять раз -- по разу за каждого павшего брата. Каждый человек на Земле узнал, что пали великие, и Империя стала еще более мрачным местом.

Мне и самому приходилось здесь стоять, в этой самой священной комнате управления, в окружении почтительных

рабов и курящихся благовоний. Я прозвонил в колокол дважды: за Галео и за Думенигона.

Но не за Сотиса. Когда время пришло, я решил подождать еще немного. Несмотря на мое желание, был кто-то более достойный прозвонить в колокол и произнести имя Сотиса.

Рядом со мной теперь стоял Малхадиил, хотя никто из нас не находился там в физическом смысле. Вместо этого я сделал вид, что наше присутствие другим, более хитрым способом.

Облаченный в мантию раб поднял голову и, не слыша моего приказа, начал трудоемкий процесс автоматической изоляции, передавая обслуживающему персоналу по воксу сигнал отправляться в бункеры.

Еще один раб приступил к работе за панелью, пробуждая континентальные ретрансляторы.

Еще один раб, на этот раз наблюдатель, ввел сто три пароля, чтобы открыть предохранители, которые

позволят прислужникам войти во
внутренние системы.

Вот она, бюрократия Империи.
Поразительно сложная вещь.

Потребовалось почти восемь часов
легких, словно перышко, касаний почти
бездельности раздумов. Ни разу никто во
Дворце не получил прямого приказа
прозвонить в Колокол Потерянных Душ.

Когда все было готово, Малхадиил и
я разделили раздум слуги. Одна рука легла
на вычурный пульт управления, вторая ---
на рычаг, который активировал механику
в этом памятнике чести и скорби.

+ Сделай это, Мал. +

Серв взялся за рычаг, прошептал
единственное имя, и по его щекам
медленно скатились две слезы.

--- Сомис.

Последний плач по Сомису из
Кастуана прозрел над колыбелью
человечества, никем не
проигнорированный, всеми услышанный, --- и
Империя проводил в вечность еще одного
героя.

Благодарности

Хочу поблагодарить своего редактора Ника Кайма за терпение нордического святого, а также Рейчел Догерти, Эда Брауна, Грэма Лайона и Никки Лофтус за бесценные мнения. Большущее спасибо Лиз и Джону Френчам за использование в последнюю секунду, невзирая на дедлайн, их ноутбука и гостевой комнаты.

Искренняя благодарность Марвину Минскому за его «Общество Разума», «Интересно об астрономии» Корнүэльского университета, онлайн-ресурсам физика и астронома Уильяма Уитона, очень подробному веб-сайту НАСА, а также «Чүдесам Солнечной системы», «Чүдесам Вселенной» и «Горизонту» от BBC за информацию о космосе, температуре и вакуумной физике, эйдетической памяти и (разумеется) Титане.

Часть суммы от продаж этой книги будет перечислена в фонд исследований рака Великобритании и

благотворительной организации «SOS
Children's Villages charity» для сирот в
Бангладеш.